

АНТОЛОГИЯ

РУССКОЙ

СОВЕТСКОЙ

ПОЭЗИИ

1

АНТОЛОГИЯ

РУССКОЙ

СОВЕТСКОЙ

ПОЭЗИИ

1917-1957

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

В Д В У Х Т О М А Х

1917-1957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

Т О М П Е Р В Ы Й

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1957

Под общей редакцией:

В. А. ЛУГОВСКОГО | **В. О. ПЕРЦОВА, А. А. СУРКОВА,**
П. С. ТИХОНОВА

Составители:

Л. О. БЕЛОВ, Е. М. ВИНКУРОВ, Н. А. ЗАМОТИЦ,
А. А. КОВАЛЕНКОВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В двух томах Антологии собраны стихотворения и поэмы, написанные русскими советскими поэтами за сорокалетний период существования советского государства.

Созданная в годы, полные знаменательных исторических событий, преобразовавших нашу страну, русская советская поэзия отразила коренные изменения, происшедшие в жизни нашего общества и в сознании народа.

Творчество поэтов, начавших свою литературную деятельность до Октябрьской революции, представлено в Антологии произведениями только советского периода. Исключение составляют написанные в дореволюционное время стихи М. Горького, отрывок из поэмы «Возмездие» А. Блока и несколько стихотворений других поэтов.

Наряду с хорошо известными читателю поэтами в Антологии представлены и поэты, вошедшие в литературу за последние годы, но уже достаточно определившиеся, произведения которых являются наиболее показательными для творческих поисков нашей поэтической молодежи.

Составители стремились расположить стихи, соблюдая ту хронологическую последовательность, с которой поэты разных поколений начинали свою активную творческую работу в советской поэзии.

Этот процесс можно было отобразить только в общих чертах, поскольку творческие пути поэтов нередко шли параллельно в рамках сравнительно недолгого периода времени.

Если составителям удалось представить хотя бы главное в богатстве нашей поэзии, показать разнообразие поэтических голосов, творческих направлений, путей, по которым она шла и идет в настоящее время,—то они будут считать, что их труд оправдан.

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

Максим Горький

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно

огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега,— уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены,— все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!..— тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом,— у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется прозрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку...— прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю...— Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

«Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны вниз о камень...

«А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

«Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

«Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

«С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бес- сильном гневе о твердый камень...

«Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

«Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

« — Что, умираешь?

« — Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

« — Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

«Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

«И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...»

«Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

«Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

«И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

«— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

«А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»,

«И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и проживешь еще немного в твоей стихии».

«И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

«И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

«И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

«Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

«А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

«В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

«И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

«— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

«Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

«Рожденный ползать летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

« — Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земля не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земля творенье — землей живу я.

«И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

«Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

«В их лвином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

«Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

«Безумству храбрых поем мы песню!..»

...Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла! — машет на нее Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Все кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Сказка

I

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня.

— Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть?

Копточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:

— Отойди — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди.

Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
— Ну-те-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, — сразу удавите!
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царицы и вельможи, —
Предали девицу в руки Смерти.

II

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, —
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.

Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все пред неизбежной с нею встречей
Ощущают только страх нелепый,
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной,
— Делает она его умело,—
Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаной!

III

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая.
Смерть бормочет — жертву пожалела:
— Ишь ты ведь, какая молодая!
Что ты нагрубилa там царю?
Я тебя за это уморю!
— Не сердись,— ответила девица,—
Зá что на меня тебе сердиться?
Целовал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины,—
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь — на грех — бежит с войны.
Я и говорю ему, царю,
Отойди, мол, батюшка, отсюда!
Хорошо, как будто, говорю,
А — гляди-ко, вышло-то как худо!
Что ж?! От Смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка! Душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться!
Странны были Смерти речи эти,—
Смерть об этом никогда не просят!
Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»

И на вешнем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:
— Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
Ночь — твоя, а на заре — убью!
И на камень села,— ожидает,
А змея ей жалом косу лижет.
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: — Иди скорей, иди же!

IV

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и — уснула.
Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искарриотом,
Дряхленькие оба, лезут в гору,—
Точно две змеи ползут тихонько.
— Господи! — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
— Господи! — взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою в облаке румянном
Возлежит господь,— читает книгу;
Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее листочек!
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:
— Прочь идите! Вас господь не примет!
— Михаиле! — жалуется Каин,—
Знаю я — велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!
— Михаиле! — говорит Иуда,—
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!
И взывают оба они в голос:
— Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет —
Ведь прощенья мы уже не молим!
Тихо отвечает им архангел:
— Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:

— Знай,— доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти.

Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завывали, зарыдали
И, обнявшись, оба покатались
В смрадное болото под горою.
А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти
И плюют на Каина с Иудой
Синими болотными огнями.

V

Смерть проснулась около полудня,
Смотрит,— а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: — Ишь ты, блудня!
Видно, ночь-то коротка была!
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает; любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И, на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:
— Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего! —
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распеваает грустный хор:
«Со святыми упокой!»
Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!»

VI

Спела песню — начинает злиться,
Уж прошло гораздо больше суток,
А — не возвращается девица.
Это — плохо. Смерти — не до шуток.

Становясь все злее и жесточе,
Смерть обула лапти и онучи
И, едва дождавшись лунной ночи,
В путь идет, грозней осенней тучи.
Час прошла и видит: в перелеске,
Под росистой молодой орешней,
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный путь,
На тропу синеволосой ночи.
Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
— Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?
Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей девица смело:
— Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу.
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти недалеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди,
Вишь цветут, как огненные маки!
Смерть, стыдясь, тихонько засмеялась:
— Да, ты будто с солнцем целовалась,
Но — ведь у меня ты не одна —
Тысячи я убивать должна!

Я ведь честно времени служу,
Дела — много, а уж я — стара,
Каждою минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора!
 Девушка — свое:
— Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой,
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любит себя собой!
 Смерть молчит задумчиво и строго,
 Видит — не прервать ей этой песни!
Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

VI

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут,
 Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть — не мать, но — женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости, и гнева, и тоски.
 Тем, кого она поллюбит крепче,
 Кто ужален в душу злой тоскою,
 Как она любовно ночью шепчет
 О великой радости покоя!
— Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне —
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

Александр Блок

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!

И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Витя...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулася!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подола,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.

Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керёнки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода.
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусуй!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькой летит —
Электрический фонарик
На оглобелках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправится никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтьба!

8

Ох, ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоя...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметса шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюгá, ой, вьюгá,
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекеочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядишь-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах!

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,—
С раскосыми и жадными очами!

Для вас— века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал громá лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый гуни
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

ВОЗМЕЗДИЕ

ВТОРАЯ ГЛАВА

(Вступление)

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно,—
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...

Штык свѣтил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура» —
Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете»,—
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь головой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот —
(Сон или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг.
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...)
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

1910—1918

* * *

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами,—
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!

1—6 июня 1918

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом.

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей,—
Что сердце диктует, пиши:
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бесчисленных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами, — безвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета, —
Все счастье земли — за трудом!

18 сентября 1917

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Выполняя труд тяжелый,
Загнан, голоден и наг,
Он не знал дороги в школы,
Он был чужд вселенских благ;

Просвещения ключ целебный
Скрыв, бросали нам цари
Лишь хоругви, лишь молебны,
В пестрых красках алтари!

И когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек.

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж, в толпе, вседневный
Шум ее, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! в злые дни Батая,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингиз-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бесслесных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь!

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит — тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний,— мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1920

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях и ды марта,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим четырьмядцатым декабря?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день — брюмер.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный Октябрь,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнущим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

* * *

Я выросал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был не нужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

ЛЕНИН

Кто был он!— Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властной века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Л е н и н
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье— имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественные
«О»!
О звериная!
О детская!
О копеечная!
О великая!
Каким назваешь тебя еще звали?
Как обернешься еще, двулика?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщето возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушено тонок.

Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная!

1918

ЛЕВЫЙ МАРШ

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синемлузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.

Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами гóря
солнечный край непочатый,
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружают нáнтятой,
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

1918

**НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ,
БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ
ЛЕТОМ НА ДАЧЕ**

*(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 верст от Ярославской жел. дор.)*

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —

деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,

ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему,—
skonфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась,—
и степенность
забыв,
сiju, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:

«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорлим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма,
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

1920

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в политг,
кто в просвет,—
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.
Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?»

Хожу со времени она». —
«Товарищ Иван Ваньч ушли заседать —
Объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели прийти вам.
Заседают:
Покупка склянки чернил
Губкооперативом».

Через час
ни секретаря,
ни секретарши нет —
гóло!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваньч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорóгой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо успеть нам.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

1922

ПРО ЭТО

(Отрывок из поэмы)

Бера Пусть во что хотите жданья удлинятся —
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того,
что кажется —
вот только с этой рифмой развяжись,
и сбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.
Мне ли спрашивать —
да эта ли?
Да та ли?!
Вижу,
вижу ясно, до деталей.
Воздух в воздух,
будто камень в камень,
недоступная для тленов и крошений,
рассиявшись,
высится веками
мастерская человеческих воскрешений.
Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб.
Книга —
«Вся земля»,—
выискивает имя.
Век двадцатый.
Воскресить кого б?
— Маяковский вот...
Поищем ярче лица —
недостаточно поэт красив.—

Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
— Не листай страницы!
Воскреси!

Надежда Сердце мне вложи!
Кровищу —
до последних жил.

В череп мысль вдолби!
Я свое, земное, не дожёл,
на земле

свое не долюбил.
Был я сажень ростом.

А на что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.

Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,
вплющился очками в комнатный футляр.

Что хотите, буду делать даром —
чистить,

мыть,
стеречь,
мотаться,
мечь.

Я могу служить у вас
хотя б швейцаром.

Швейцары у вас есть?

Был я весел —

толк веселым есть ли,
если горе наше непролазно?

Нынче

обнажают зубы если,
только, чтоб хватить,

чтоб лязгнуть.

Мало ль что бывает —

тяжесть или горе...

Позовите!

Пригодится шутка дурья.

Я шарадами гипербол,

аллегорий

буду развлекать,

стихами балагурия.

Я любил...

Не стоит в старом рыться.

Больно?

Пусть...

Живешь и болью дорожась.

Я зверье еще люблю —
у вас
зверинцы

есть?

Пустите к зверю в сторожа.

Я люблю зверье.

Увидишь собачонку —

тут у булочной одна —

сплошная плешь,—

из себя

и то готов достать печенку.

Мне не жалко, дорогая,

ешь!

Любовь Может,

может быть,

когда-нибудь

дорожкой зоологических аллей

и она —

она зверей любила —

тоже ступит в сад,

улыбаясь,

вот такая,

как на карточке в столе.

Она красивая —

ее, наверно, воскресят.

Ваш

тридцатый век

обгонит стаи

сердце раздиравших мелочей.

Нынче недолюбленное

наверстаем

звездностью бесчисленных ночей.

Воскреси

хотя б за то,

что я

поэтом

ждал тебя,

откинул будничную чушь!

Воскреси меня

хотя б за это!

Воскреси —

свое дожить хочу!

Чтоб не было любви — служанки

замужеств,

похоти,

хлебов.

Постели прокляв,
 встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.
Чтоб день,
 который горем старящ,
не христарадничать, моля.
Чтоб вся
 на первый крик:
 — Товарищ! —
оборачивалась земля.
Чтоб жить
 не в жертву дома дырам.
Чтоб мог
 в родне
 отныне
 стать
отец
 по крайней мере миром,
землей по крайней мере — мать.
1923

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(Отрывки из поэмы)

Когда я
 итожу
 то, что прожил,
и роюсь в днях —
 ярчайший где,
я вспоминаю
 одно и то же —
двадцать пятое,
 первый день.
Штыками
 тычется
 чирканье молний,
матросы
 в бомбы
 играют, как в мячики.
От гуда
 дрожит
 взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
 внизу пулеметчики.

— Вас
 вызывает
 товарищ Сталин.
 Направо
 третья,
 он
 там.
 — Товарищи,
 не останавливаться!
 Чего стали?

В броневики
 и на почтайт!
 — Есть! —
 повернулся
 и скрылся скоро,
 и только
 на ленте
 у флотского
 под лампой
 блеснуло —
 «Аврора».

Кто мчит с приказом,
 кто в куче спорящих,
 кто щелкал
 затвором
 на левом колене.

Сюда
 с того конца коридорища
 бочком
 пошел
 незаметный Ленин.

Уже
 Ильичем
 поведенные в битвы,
 еще
 не зная
 его по портретам,
 толкались,
 орали,
 острее бритвы
 солдаты друг друга
 крыли при этом.

И в этой желанной
 железной буре
 Ильич,
 как будто
 даже заспанный,

шагал,
становился
и глаз, сощурия,
вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уоставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что все
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным. —
Власть Советам!

Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! —
Буржуи
 прочли
 — погодите,
 выловим,—
животики пята
 доводом веским,—
ужо им покажут
 Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
 Гучков с Керёнским.
Но фронт
 без боя
 слова эти взяли —
деревня
 и город
 декретами зáлит,
и даже
 безграмотным
 сердце прожог.
Мы знаем,
 не нам,
 а им показали,
какое такое бывает
 «ужо».
Переходило
 от близких к ближним,
от ближних
 дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
 война,
 война дворцам!»
Дрались
 в любом заводе и цехе,
горохом
 из городов вытряхали,
 а сзади
шаганье октябрьское
 метило вехи
пылающих
 дворянских усадеб.
Земля —
 подстилка под ихними порками,

и вдруг
ее,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжетщики,
злой похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.
С окопов
летело в немецкие уши:
— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползался
в улитке теплушек.
Такую ли
течь
загорбдите горстью?
Казалось —
наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористой,
сотрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили,
по-рыцарски,
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!

Ильич
петушившимся
крикнул:
— Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время. —
Чтоб не передóхнуть
нам
в передышку,
чтоб знал —
запомнят удары мои, —
себя
не муштровкой,
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.

.....

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозей.
Еще бы —
такое
не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас банды
Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
— Отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм! —

И как будто
 слезы́ стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
 видавший виды,
смерти
 в глаза
 смотревший не раз,
отвернулся от баб,
 но выдала
кулаком
 растертая грязь.
Были люди — кремень,
 и эти
прикусились,
 губу уродуя.
Стариками
 рассерьезничались дети,
и, как дети,
 плакали седобородые.
Ветер
 всей земле
 бессонницею выл,
и никак
 восставшей
 не додумать до конца,
что вот гроб
 в морозной
 комнатеночке Москвы
революции
 и сына и отца.
Конец,
 конец,
 конец.
 Кого
уверять!
 Стекло —
 и видите под...
Это
 его
 несут с Павелецкого
по городу,
 взятому им у господ.
Улица —
 будто рана сквозная,
так болит
 и стонет так.

Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.

Здесь
все,
что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.

Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.

Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердца́ ему
ветками елок стели.

Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий —
всего властелин.

Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.

Он земли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.

И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
шепчут:
— Любимый и милый!

Живи,
 и не надо
 судьбы прекрасней —
 сто раз сразимся
 и ляжем в могилы! —
 Сейчас
 прозвучали б
 слова чудотворца,
 чтоб нам умереть,
 и его разбудят,—
 плотина улиц
 враспашку растворится,
 и с песней
 на смерть
 ринутся люди.
 Но нету чудес,
 и мечтать о них нечего.
 Есть Ленин,
 гроб
 и согнутые плечи.
 Он был человек,
 до конца человеческого —
 неси
 и казись
 тоской человеческой.

Вовек
 такого
 бесценного груза
 еще
 не несли
 океаны наши,
 как гроб этот красный,
 к Дому Союзов
 плывущий
 на спинах рыданий и маршей.

Еще
 в караул
 вставала в почетный
 суровая гвардия
 ленинской выправки,
 а люди
 уже
 прожидают, впечатаны
 во всю длину
 и Тверской
 и Димитровки.

«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —
как будто
идешь
по проволоке провода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звенящего марша вода
относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,

флаги вычерпав
и вёками алая,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и наверх
смотрят с опаской
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,

почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамён в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.
Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш
чей-то голос:
«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже,—
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая
тело-тяжесть,
с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,
ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена

что ее
 без спутников
 и выпускать рискованно.
Я
 теперь
 свободен
 от любви
 и от плакатов.
Шкурой
 ревности медведь
 лежит когтист.
Можно
 убедиться,
 что земля поката,—
сядь
 на собственные ягодицы
 и катись!
Нет,
 не навязуюсь в меланхолишке черной,
да и разговаривать не хочется
 ни с кем.
Только
 жабры рифм
 топырит учащённо
у таких, как мы,
 на поэтическом песке.
Вред — мечта,
 и бесполезно грезить,
надо
 весть
 служебную нуду.
Но бывает —
 жизнь
 встает в другом разрезе,
и большое
 понимаешь
 через ерунду.
Нами
 лирика
 в штыки
 неоднократно атакована,
ищем речи
 точной
 и нагой.
Но поэзия —
 пресвoločнейшая штуковина:
существует —
 и ни в зуб ногой.

это,
Александр Сергеич,
много тяжелей.
Айда, Маяковский!
Маячь на юг!
Сердце
рифмами вымучь —
вот
и любви пришел каюк,
дорогой Владим Владимыч.
Нет,
не старость этому имя!
Тúшу
вперед стремя́,
я
с удовольствием
справлюсь с двоими,
а разозлить —
и с тремя.
Говорят —
я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
Entre nous...
чтоб цензор не нацикал.
Передам вам —
говорят —
видали
даже
двух
влюбленных членов ВЦИКа.
Вот —
пустили сплетню,
тешат душу ею.
Александр Сергеич,
да не слушайте ж вы их!
Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.
Мне
при жизни
с вами
сговориться б надо.
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.

Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз слушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...
ничего...
морковный кофе.
Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.
Но ведь надо
заработать сколько!
Маленькая,
но семья.
Были б живы —
стали бы
по Лефу соредактор.
Я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— вот так-то, мол,
и так-то...
Вы б смогли —
у вас
хороший слог.
Я дал бы вам
жиркость
и сукна,
в рекламу б
выдал
гумских дам.
(Я даже
ямбом подсюсюкнул,

чтоб только
 быть
 приятней вам.)
Вам теперь
 пришлось бы
 бросить ямб картавый.
Нынче
 наши перья —
 штык
 да зубья вил,—
битвы революций
 посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
 пограндиознее
 онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
 Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
 полезет
 с перержавленным.
— Тоже, мол,
 у лефов
 появился
 Пушкин.
Вот арап!
 А состязается —
 с Державиным...—
Я люблю вас,
 но живого,
 а не мумию.
Навели
 хрестоматийный глянец.
Вы,
 по-моему,
 при жизни
 — думаю —
тоже бушевали.
 Африканец!
Сукин сын Дантес!
 Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
 — А ваши кто родители?
Чем вы занимались
 до 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели.
Впрочем,
 что ж болтанье!
 Спиритизма вроде.

Так сказать,
невольник чести...
пулею сражен...

Их
и по сегодня
много ходит —
всяческих
охотников
до наших жен.

Хорошо у нас
в Стране Советов.

Можно жить,
работать можно дружно.

Только вот
поэтов,
к сожалению, нету,—
впрочем, может,
это и не нужно.

Ну, пора:
рассвет
лучища выкалил.

Как бы
милиционер
разыскивать не стал.

На Тверском бульваре
очень к вам привыкли.

Ну, давайте
подсажу
на пьедестал.

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.

Заложил бы
динамит
— а ну-ка
дрызнь!

Ненавижу
всяческую мертвечину!

Обожаю
всяческую жизнь!

Не трону,
 ладно,
пускай едут...»
Волны
 будоражить мастера:—
детство выплеснут;
 другому —
 голос милой.

Ну, а мне б
 опять
 знамена простирать.

Вон пошло,
 затахтело,
 загромило.

И снова
 вода
 присмирела сквозная,

и нет
 никаких сомнений ни в ком.

И вдруг
 откуда-то —
 черт его знает! —

встает
 из глубин
 воднячий Ревком.

И гвардия капель —
 воды партизаны —
взбираются

 ввысь
 с океанского рва,
до неба метнутся

 и падают заново,
порфиру пены в клочки изодрав.

И снова
 спаялись воды в одно,

волне
 повелев
 разбурлиться вождем,

и прет волнища
 с-под тучи
 на дно—

приказы
 и лозунги
 сыплет дождем.

И волны
 клянутся
 всеводному Цику

оружие бурь
до победы не класть.
И вот победили —
экватору в циркуль
Советов капель бескрайняя власть.
Последних волн небольшие митинги
шумят
о чем-то
в возвышенном стиле,
и вот
океан
улыбнулся умытенький
и замер
на время
в покое и в штиле.
Смотрю за перила.
Старайтесь, приятели!
Под трапом,
нависшим
ажурным мостком,
при океанском предприятии
потеет
над чем-то
волновий мостком.
И под водой
деловито и тихо
дворцом
растет
кораллов плетенка,
чтоб легче жилось
трудовай китихе
с рабочим китом
и дошкольным китенком.
Уже
и луну
положили дорожкой,
хоть прямо
на пузе,
как посуху, лазь.
Но враг не сунется —
в небо
сторожко
глядит,
не сморгнув,
Атлантический глаз.

То стынешь
 в блеске лунного лака,
то стонешь,
 облитый пеною ран.
Смотрю,
 смотрю —
 и всегда одинаков,
любим,
 близок мне океан.
Вовек
 твой грохот
 удержит ухо.
В глаза
 тебя
 опрокинуть рад.
По ширин,
 по делу,
 по крови,
 по духу —
моей революции
 старший брат.

1925

БЛЕК ЭНД УАЙТ¹

Если
 Гаванну
 окинуть мигом —
рай-страна,
 страна что надо.
Под пальмой
 на ножке
 стоят фламинго.
Цветет
 колларио²
 по всей Ведадо³.
В Гаванне
 все
 разграничено четко:
у белых доллары,
 у черных — нет.

¹ Б л е к э н д у а й т — черное и белое.

² К о л л а р и о — гаванские цветы.

³ В е д а д о — загородный квартал богачей.

Поэтому
 Вилли
 стоит со щеткой
 у «Энри Клей энд Бок, лимитейд».
 Много
 за жизнь
 повымел Вилли —
 одних пылинок
 целый лес,—
 поэтому
 волос у Вилли
 вылез,
 поэтому
 живот у Вилли
 влез.
 Мал его радостей тусклый спектр:
 шесть часов поспать на боку,
 да разве что
 вор,
 портовбй инспектор,
 кинет
 негру
 цент на бегу.
 От этой грязи скроешься разве?
 Разве что
 стали б
 ходить на голове.
 И то
 намели бы
 больше грязи:
 волосьев тыщи,
 а ног —
 две.
 Рядом шла
 нарядная Прадо ¹.
 То звякнет,
 то вспыхнет
 трехверстный джаз.
 Дурню покажется,
 что и взаправду
 бывший рай
 в Гаванне как раз.
 В мозгу у Вилли
 мало извилин,
 мало всходов,
 мало посева.

¹ П р а д о — главная улица Гаванны.

Одно
 единственное
 вызубрил Вилли
 тверже,
 чем камень
 памятника Масео:
 «Белый
 ест
 ананас спелый,
 черный —
 гнилью моченый.
 Белую работу
 делает белый,
 черную работу —
 черный».
 Мало вопросов Вилли сверлили.
 Но один был
 закорюка из закорюк.
 И когда
 вопрсс этот
 влезал в Вилли,
 щетка
 падала
 из Виллиных рук.
 И надо же случиться,
 чтоб как раз тогда
 к королю сигарному
 Энри Клей
 пришел,
 белей, чем облаков стада,
 величественнейший из сахарных королей.
 Негр
 подходит
 к туше дебелой:
 «Ай бэг ёр пàрдон ¹, мистер Брэгг!
 Почему и сахар,
 белый-белый,
 должен делать
 черный негр?
 Черная сигара
 не идет в усах вам,—
 она для негра
 с черными усами.
 А если вы
 любите
 кофий с сахаром,

¹ А й б э г ё р п à р д о н — прошу прощения.

то сахар
 извольте
 делать сами». Такой вопрос
 не проходит даром. Король
 из белого
 становится желт. Вывернулся
 король
 сообразно с ударом, выбросил обе перчатки
 и ушел. Цвели
 кругом
 чудеса ботаники. Бананы
 сплетали
 сплошной кров. Вытер
 негр
 о белые подштанники руку,
 с носа утершую кровь. Негр
 посопел подбитым носом,
 поднял щетку,
 держась за скулу. Откуда знать ему,
 что с таким вопросом
 надо обращаться
 в Коминтерн,
 в Москву?

1925, 5 июля — Гаванна

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ

Пароходу и человеку

Я недаром вздрогнул.
 Не заgrabный вздор. В порт,
 горящий,
 как расплавленное лето,

разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.

Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте,—
в бытность человеком
ты пивал чай
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз кося
в печати сургуча.
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...

Суньтеса —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.

За кормой лунища.
Ну и здброво!
Залегла,
просторы надвое порвав,
Будто навек
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.

В коммунизм из книжки
 верят средне.

«Мало ли
 что можно
 в книжке намолотить!»

А такое —
 оживит внезапно «бредни»
 и покажет
 коммунизма
 естество и плоть.

Мы живем,
 зажатые
 железной клятвой.

За нее —
 на крест,
 и пулюю чешите:

это —
 чтобы в мире
 без Россий,
 без Латвий

жить единым
 человечьем общежитьем.

В наших жилах —
 кровь, а не водица.

Мы идем
 сквозь револьверный лай,
 чтобы,
 умирая,
 воплотиться

в пароходы,
 в строчки
 и в другие долгие дела.

Мне бы жить и жить,
 сквозь годы мчась.

Но в конце хочу —
 других желаний нету —
 встретить я хочу
 мой смертный час

так,
 как встретил смерть
 товарищ Нетте.

1926, 15 июля — Ялта

ХОРОШО!

Октябрьская поэма

(Из поэмы)

6

Дул,
как всегда,
 октябрь
 ветрами,
как дуют
 при капитализме.
За Троицкий
 дули
 авто и трамы,
обычные
 рельсы
 вызмеив.
Под мостом
 Нева-река.
По Неве
 плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
 Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
 покрышки сбивши,
тихий,
 вроде
 упакованной трубы,
за Гатчину,
 забившись,
 улепетывал бывший.—
«В рог,
 в бараний!
 Взбунтовавшиеся рабы!..»
Видят
 редких звезд глаза,
окружая
 Зимний
 в кольца,
по Мильонной
 из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
 в думах
 о битве и войске,

Ильяч
 гримированный
 мечет шажки,
да перед картою
 Подвойский
втыкает
 в места атак
 флажки.
Лучше
 власть
 добром оставь,
никуда
 тебе
 не деться!
Ото всех
 идут
 застав
к Зимнему
 красногвардейцы.
Отряды рабочих,
 матросов,
 голи
дошли,
 штыком домерцав,
как будто
 руки
 сошлись на горле,
холёном
 горле
 дворца.
Две тени встало.
 Огромных и шатких.
Сдвинулись.
 Лоб о лоб.
И двор
 дворцовый
 руками решетки
стиснул
 торс
 толп.
Качались
 две
 огромных тени
от ветра
 и пуль скоростей,—

да пулеметы,
 будто
 хрустеные
 ломаемых костей.
 Серчают стоящие павловцы.
 «В политику...
 начали...
 бáловаться...

Куда
 против нас
 бочкаревским дурам?!
 Приказывали б
 на штурм».

Но тень
 боролась,
 спутав лапы,—
 и лап
 никто
 не разнимал и не рвал.
 Не выдержав
 молчания,
 сдавался слабый —
 уходил
 от испуга
 от нерва́.

Первым,
 боязнию одолен,
 снялся
 бабий батальон.
 Ушли с батарей
 к одиннадцати
 михайловцы или константиновцы...
 А Ке́ренский —
 спрятался,
 попробуй
 вымань его! —

Задумывалась
 казачья башка.

И
 редели
 защитники Зимнего,
 как зубья
 у гребешка.

И долго
 длилось
 это молчанье,
 молчанье надежд
 и молчанье отчаянья.

А в Зимнем,
в мягких мебельях
с бронзовыми вькрутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Керенский где-то? —
— Он?
За казаками.—
И снова молча.
И только
пóд вечер:
— Где Прокопович?
— Нет Прокоповича.—
А из-за Николаевского
чугунного мостá,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.
Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.

Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху —
город
как будто взорван —
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна,—
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворва́лись.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты пб́лня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня

А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время». —
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет... —
пели:
— и это есть
наш последний...—
До рассвета
осталось
не больше аршина,—
руки
лучей
с востока взмблены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкбв.
Умолкнул
пуль
звнящий улей.
Горели,
как звезды,
границы штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.

Вхожу
с бревном в обнимку.
Запотел,
вымок.
Важно
и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
ржа.
Режу.
Радуюсь.
В голове
жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
поет
в уши,—
это
тянется угар
из-под черных вьюшек.
Четверо сосулек
свернулись,
уснули.
Приходят
люди,
ходят,
будят.
Добудились еле —
с углей
угорели.
В окно —
сугроб.
Глядит горбат.
Не вымерзли покамест?
Морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами.
Небосвод,
наклонившийся
на комнату мою,
морем
заката
облёт.

По розовой
 глади
 моря,
 на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
 за розовую,
бросать якоря
туда,
 где березовые
дрова
 горят.
Я
 много
 в теплых странах плутал,
но только
 в этой зиме
понятной
 стала
 мне
 теплота
любовей,
 дружб
 и семей.
Лишь лежа
 в такую вот гололедь,
зубами
 вместе
 проляскав —
поймешь:
 нельзя
 на людей жалеть
ни одеяло,
 ни ласку.
Землю,
 где воздух,
 как сладкий морс,
бросишь
 и мчишь, колеся,—
но землю,
 с которою
 вместе мерз,
вовек
 разлюбить нельзя.

1927

думаем,
дышим,
боремся
и живем!»
Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
1929

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плёвое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским лёвою...

Глазами
 доброго дядю выев,
не переставая
 кланяться,
берут,
 как будто берут чаевые,
паспорт
 американца.
На польский —
 глядят,
 как в афишу коза.
На польский —
 выпяливают глаза
в тугой
 полицейской слоновости —
откуда, мол,
 и что это за
географические новости?
И, не повернув
 головы кочан
и чувств
 никаких
 не изведав,
берут,
 не моргнув,
 паспорта датчан
и разных
 прочих
 шведов.
И вдруг,
 как будто
 ожогом,
 рот
скривило
 господину.
Это
 господин чиновник
 берет
мою
 краснокожую паспортину.
Берет —
 как бомбу,
 берет —
 как ежа,
как бритву
 обоюдоострую,

берет,
 как гремучую
 в 20 жал
змею
 двухметроворостую.
Моргнул
 многозначще
 глаз носильщика,
хоть вещи
 снесет задаром вам.
Жандарм
 вопросительно
 смотрит на сыщика,
сыщик
 на жандарма.
С каким наслаждением
 жандармской кастой
я был бы
 исхлестан и распят
за то,
 что в руках у меня
 молоткастый,
серпастый
 советский паспорт.

Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.
К мандатам
 почтения нету.
К любым
 чертям с матерями
 катись
любая бумажка.
 Но эту...
я
 достаю
 из широких штанин
дубликатом
 бесценного груза.
Читайте,
 завидуйте,
 я —
 гражданин
Советского Союза.

1929

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадил садик мило
дочка,
дача,
вот
и гладь.
«Сама садик я садила,
сама буду поливать».
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот,—
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их, к черту, разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:

«Тара-тина, тара-тина,
 т-эн-н...»
 Неважная честь,
 чтоб из этаких роз
 мои изваяния высились
 по скверам,
 где харкает туберкулез,
 где б... с хулиганом
 да сифилис.
 И мне
 агитпроп
 в зубах навяз,
 и мне бы
 строчить
 романы на вас,—
 доходней оно
 и прелестней.
 Но я
 себя
 смирял,
 становясь
 на горло
 собственной песне.
 Слушайте,
 товарищи потомки,
 агитатора,
 горлана-главаря.
 Заглуша
 поэзии потоки,
 я шагну
 через лирические томики,
 как живой
 с живыми говоря.
 Я к вам приду
 в коммунистическое далекó
 не так,
 как песенно-есененный провитязь.
 Мой стих дойдет
 через хребты веков
 и через головы
 поэтов и правительств.
 Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так,—
 не как стрела
 в амурно-лировой охоте,
 не как доходит
 к нумизмату стершийся пятак
 и не как свет умерших звезд доходит.

Мой стих
 трудоМ
 громаду лет прорвет
 и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
 как в наши дни
 вошел водопровод,
 сработанный
 еще рабами Рима.
 В курганах книг,
 похоронивших стих,
 железки строк случайно обнаруживая,
 вы
 с уважением
 ощупывайте их,
 как старое,
 но грозное оружие.
 Я
 ухо
 словом
 не привык ласкать;
 ушку девическому
 в завиточках-волосках
 с полупохабщины
 не разалеться, тронуту.
 Парадом развернув
 моих страниц войска,
 я прохожу
 по строчечному фронту.
 Стихи стоят
 свинцово-тяжело,
 готовые и к смерти
 и к бессмертной славе.
 Поэмы замерли,
 к жерлу прижав жерло
 нацеленных
 зияющих заглавий.
 Оружия
 любимейшего род,
 готовая
 рвануться в гике,
 застыла
 кавалерия острот,
 поднявши рифм
 отточенные пики.

И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше,—
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безыменные
на штурмах мерли наши!

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою,—
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».

Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрее протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на́ дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.

Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

1930

Демьян Бедный

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

1917

МОЛОДНЯК

Годков тому, примерно, пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь.—
Молодняком помещик любовался.—
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острastку мужикам... на случай своеволья!»

«М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза.—
М-да... розги — первый сорт... Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли,— и молодняк подрост.

17 мая 1918

ПРОВОДЫ

(Красноармейская песня)

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Все пошло б на старый лад,
На недолю,
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой,
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

И иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку.

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Свияжск, 1918

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

(Поэма)

1917—7/XI—1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец крахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продумной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы, —
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они... Видите? Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общою болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье,—
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье —
Это — мое!!.

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг оцетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Приснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак.
Так их! Так!!.

- В мире подобного нет безобразия!
 — Темная масса!..
 — Татарщина!..
 — Азия!..

 — Хамы!..
 — Мерзавцы!..
 — Скоты!..
 — Подлецы!..
 — Вышла на Главную рожа суконная!
 — Высыпала им жандармерия конная!
 — Славно работали тоже донцы!
 — Видели лозунги?
 — Да, ядовитые!
 — Чернь отступала, заметьте, грозя.
 — Правда ль, что есть среди рабочих убитые?
 — Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!..
 — Впрок ли пойдут им уроки печальные?
 — Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
 Всюду кровавые смыты следы.
 Улица злого полна ликования,
 Залита светом вечерних огней.
 Чистая публика всякого звания
 Шаркает, чавкает снова на ней,
 Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
 Меряя срок своих чавканий вечностью,
 Веруя твердо, что с рабской судьбой
 Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
 Что не вернется разбитый, отброшенный,
 Глухо рокочущий где-то прибор!

Снова...
 Снова.
 Бьет роковая волна...
 Гнется гнилая основа...
 Падает грузно стена.
 — На!..
 — На!..
 — Раз-два,
 Сильно!..
 — Раз-два,
 Дружно!..
 — Раз-два,
 В ход!!
 Грянул семнадцатый год.

— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!..
— Еще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюда тронет?
Силы не сыщется той.

.

Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

Э П И Л О Г

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью лъстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами унынья?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1922

ТЯГА

Нагляделся я на большие собрания:
В глазах пестрит от электрического сияния,
Народу в зале — не счесть,
Давка — ни стать, ни сесть.
На эстраде — президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят «интересные моменты»,
Гремят аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— Да здравствует наш вождь Имя-Рек!

Мне с Имя-Реками не равняться,
Мне бы где-либо поклоняться:
У поросшего лопухом забора
Подслушать обрывок разговора,
Полюбоваться у остановки трамвайной
Перебранкой случайной,
Уловить на улице меткое словцо,

Заглядеться на иное лицо,
Обшарить любопытным взглядом
«Пивную с садом»,
Где сад — чахоточное деревцо
С выгребной ямой рядом,
Где аромат — первый сорт,
Хоть топор вешай.
«М-м-мань-ня... ч-чер-р-р-т!»
«Не цапайся, леш-шай!..»
У пивного дерева
Адам и Ева, —
Какой ни на есть, а рай!
Не разбирай.
Без обману.
Соответственно карману.
А карманы-то бывают разные:
Пролетарские и буржуазные.

Не пробуйте ухмыляться заранее:
Мол, у меня в башке туман —
Начал писать про собрание,
А свел на карман.
Сейчас вам будет показано,
Как одно с другим бывает связано.

Есть такой город — Евпатория,
У него есть своя история.
Но прошлое нас мало касается,
Когда настоящее кусается.
К Черному морю этот городок
Выпятил свой передок,
Приманчивый, кокетливый,
К нэпманам приветливый,
А спиной пролетарской,
Разоренною, мертвой, «татарской»,
Повернулся к равнине степной,
Где пылища и зной.
Здесь, за этой спиною,
Задыхаясь от зною,
Приютился вокзальчик невзрачный,
По ночам сиротливый, покинутый, мрачный,
На припеке на три изнурительных дня
Приютивший в вагоне меня.

Как мужик я изрядно известный,
То пролетариат весь местный,
Железнодорожный,
Прислал мне запрос неотложный:

Не угодно ли мне, так сказать,
Себя показать
И обменяться живыми словами?
— Интересуемся очень вами...

Без председательского звона,
Без заранее намеченного плана
Разместились на путях у вагона,
Вокруг водопроводного крана
Человек... ну, едва-едва
Десятка полтора или два.
Может быть, я ошибся в количестве:
Не заметил тех, кто лежал на животе.
Ведь собрание шло не при электричестве,
А в ночной темноте.
Тем не менее
Был оркестр, проявивший большое умение,
Оркестр — собранью под стать —
Какого в Москве не достать:
От чистого сердца, отнюдь не халтурно,
Кузнечики — вот кто! — звенели бравурно,
Без дирижера — и явного и тайного —
Показали пример искусства чрезвычайного,
Отгения старательно каждый нюанс.
Гениальный степной Персимфанс!.. ¹
Под эту игру бесконечную
Повели мы беседу сердечную.
Разливаться ли тут соловьем,
Иль противно ломаться под видом всезнайки?
Говорили душевно. И я без утайки
Говорил даже что-то о детстве своем.
Обо всем говорило собрание,
Под конец — про карман.
Обратил на это внимание
Рабочий, Д и м и т р е н к о Е м е л ь я н.
Спросите у Димитренка, бедняги,
Кто он — по чину — такой?
«Я, — скажет он, — служба тяги,
Я — на все и у всех под рукой».
Одна по штату, незаменимая,
Эта «тяга» неутомимая.
Начальник вокзала — всему голова,
У него заместителей два.
Телеграфист с телеграфистом чередуются.
Одна «тяга» бессменно «мордуется»,

¹ П е р с и м ф а н с — первый симфонический ансамбль.

Праздник, не праздник — Емэльян на пути.
«Емельян, подмети!»
Емельян подметает.
«Емельян, угля не хватает!»
Емельян кряхтит под кулем
С углем.
«Емельян, на уборку поездного состава!»
«Емельян, есть во всех ли вагонах вода?»
Емельян танцует и слева и справа,
Емельян тянет шлангу туда и сюда.
«Емельян, на промывку вагонов для соли!»
С Емельяна — пот ручьем, не росой,
На ногах ему соль разъедает мозоли,
Потому что — босой.
«Емельян,— кличет слесарь,— в депо на минутку!»
Емельян, в водопроводную будку,
Там у бака какой-то изъян!..
...Емельян!..

— Емельян!..

— Емельян!..

Емельян надрывается зиму и лето.
Ему отдыха нет: не гуляй, не болей!
Емельян Димитренко получает за это
В месяц... де в я т ь р у б л е й!
Димитренко — весь потный и черный,—
Он богач бесспорный.
Любому Ротшильду, Форду
Он плюнет презрительно в морду.
Его щедрость достойна удивления.
Подсчитайте его отчисления.
«Емельян, два процента в союз».—
«Даю-с!» —
«Емельян, отчисление в МОПР».—
«Отчисляю, я добр!» —
«Емельян, дай на Воздухофлот».—
«Вот!» —
«Емельян, Доброхим».—
«Ладим!» —
«На «Долой неграмотность» гони четвертак».—
«Так!» —
«В кассу взаимопомощи..» —
«Сколько?» —
«Процент!» —
«В момент!» —
«Емельян, в Ох... мат... млад...»¹—

¹ О х м а т м л а д — Охрана материнства и младенчества.

«Что такое?» —

«Ох... мат...» —

«Что ж, и я не лохмат!» —

«Емельян, на борьбу с этим... с этим...» —

«Говори сразу: сколько? Ответим!» —

«На газету «Гудок»... надо всем поголовно...» —

«Сколько нужно?» —

«Расход пустяков:

Шестьдесят пять копеечек ровно».

Результат получился таков:

На пятнадцать рабочих — пятнадцать «Гудков».

«Понимаю, — кричит Емельян, — значит нужно.

Горе: в грамоте слаб. И читать недосужно.

Дома ждут Емельяна жена и ребята.

Рубль за угол. На что этот угол похож!..

Дочка в школе, и в месяц по рублику тож.

Рубль. А где его взять? Вон как тает зарплата...

На руках остается от всех прибылей...

Пять рублей!

Ночь. Кузнечики шпарят симфонию ту же.

Димитренко кончает о быте своем.

«Да, живем все еще не просторненько, друже,

Но, иначе, живем.

Из деревни не кума дождешься, так свата.

Кум — не кум, сват — не сват без муки или круп.

Хоть деревня, сказать, и сама небогата...»

Кто-то сплюнул: «Ну да. Знаем ихнего брата.

Привезет на пятак, чаю схлещет на руп...»

«Чем еще, — я спросил, — есть у вас похвалиться?»

«Есть у нас Крымтепо, чтоб ему провалиться!

На картошку, товарищ, имейте в виду,

Деньги взяты еще в двадцать третьем году,

А картошки все нет. Деньги канули в воду». —

«В Евпатории ж цены — беда!

Летом сколько народу приезжает сюда!»

«Цены скачут, как блохи!

Все же летом бывали делишки неплохи.

Вещи нэпманам раньше носили. Доход.

За сезон кой-чего мы б себе накрахтели,

Да от нас отошло это в нынешний год.

Появились носильщики. Вроде артели». —

«Что носильщики скажут?» —

«Да нету их тут!» —

«Почему?» —

«Потому. Так они и придут.

Ведь они у нас летний кусок отобрали». —

«Братцы! Поздно. Идти по домам не пора ли?»

Рано утром я высунул нос из вагона,
Посмотрел. Димитренко-то — вона!
«Служба тяги» на рельсах.
«Здоров, Емельян!

Тянем?» —

«Тянем, товарищ Демьян!»
Пригляделся к нему. Тот же потный и черный,
Но — приветливый, бодрый, проворный,
Не вчерашний, какой-то другой.
Вправду ль он? Горемыка ли?
Говорит мне: «Простите уж нас, дорогой,
Что вчера мы пред вами маленько похныкали.
Это верно: бывает порой чижало,
Точно рыбе, попавшей на сушу.
А в беседе-то вот отведешь этак душу,
Глядь — совсем отлегло».
«Е-мель-я-я-ян!.. Будешь там толковать до обеда!»
Емельян встрепенулся: «Прощайте покеда!»
И, на лбу пот размазав рукою корявою,
Побежал к паровозу со шлангой дырявою.

Евпатория — Москва.

Вагон.

8—11 июня 1924

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Г о р о к,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утапывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске, —
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-щай, студентик горемычный!»

.

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... Л е н и н р о д и л с я!

22 апреля 1927

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ
(Древнегреческая легенда)

*Посвящается
«Международной организации
помощи борцам революции».*

Прощался сын с отцом, со старым, мудрым греком.

Прижавши юношу к груди,
Сказал ему отец: «Клеон, мой сын, иди
И возвратись ко мне — великим человеком!»

Прошли года. Вернулся сын к отцу
В наряде дорогом, весь — в золоте, в рубинах.
«Отец, я стал богат. Счастливому купцу —
Не будет равного мне богача в Афинах!»
«Мой сын, — сказал отец, — я вижу, ты богат.
Не говорит, кричит о том твое обличье.
Но, ежели б ты стал богаче во сто крат —
Не в этом истинно-бессмертное величье!»

Прошли года. И вновь вернулся сын к отцу.
«Отец, я знание всё постиг в его вершинах.
Мне, как первейшему на свете мудрецу,
Все мудрецы поклонятся в Афинах!»
И отвечал отец: «Ты знанием богат,
Прославлен будешь ты, быть может, целым светом.
Но ежели б ты стал ученым во сто крат,
Величье истинно-бессмертное не в этом!»

Прошли еще года. И в третий раз Клеон
Вернулся к дряхлому отцу, к родным пенатам.
Но не один вернулся он,
А с братом, вырванным из вражьих пыток братом.
«Отец, я услышал его тюремный стон,
И я ускорил час его освобожденья!»
«Мой сын! Благословен день твоего рожденья! —
Клеону радостно сказал отец-старик. —
Смой кровь с себя, смени истлевшие одежды.
Ты оправдал мои надежды:
Твой подвиг — истинно велик!»

18 марта 1927

Где объявился еж, змее уж там не место.
«Вот черт щетинистый! Вот проклятущий бес-то!
Ну, погоди ужо: долг красен платежом!»
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,
Хорьку:

«Приятель, погляди, что припасла к змие я:

Какого крупного ежа!

Вот закусить кем можно плотно!

Одначе, дружбою с тобою дорожа,

Я это лакомство дарю тебе охотно.

Попробуешь, хорек, ежиного мяса —

Ввек не захочешь есть иного!»

Хорьку заманчиво и ново

Ежа испробовать. Бьет у хорька слюнца:

«С какого взять его конца?» —

«Бери с любого!

Бери с любого! —

Советует змея.— С любого, голубок!

Зубами можешь ты ему вцепиться в бок

Иль распороть ему брюшину,

Лишь не зевай!»

Но еж свернулся уж в клубок.

Хорь, изогнувши нервно спину,

От хищной радости дрожа,

Прыжком метнулся на ежа

И напоролся... на щетину.

Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави!..

Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?»

А у хорька темно в глазах от боли

И морда вся в крови.

«Дави сама его! — сказал змее он злобно.—

И ешь сама... без дележа.

Что до меня, то блюдо из ежа,

Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно вонзили в нас клыки,

Когда б от хищников, грозящих нам войною,

Не ограждали нас щетиною стальнойю

Красноармейские штыки.

16 мая 1933

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1941

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга.
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга.

Пусть бретанцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны!
Гей, враги у ворот!
Коммунары,— вперед!
Не страшны нам лихие буруны.

Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться;
Всяк солдат — рядовой
Сын семьи трудовой, —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

1918

СЫН КОММУНАРА

Промчится вихрь с неслыханною силой.
Сиротка-мальчик спросит мать свою:
«Скажи, родная, где отец мой милый?»
И сыну мать, склонившись над могилсй,
Ответит гордо: «Пал в святом бою!
Он призван был в дни черной непогоды,
Когда враги душили край родной,
Грозя залить кровавою волной
Светильники у алтарей свободы.
На их удар ответил он ударом
И пал, от братьев отводя беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

Привет и ласку ото всех встречая,
Сын коммунара спросит мать свою:
«Не понимаю. Объясни, родная:
Я — мал и слаб; за что мне честь такая
В родном краю?»
И мать ответит маленькому сыну:
«К тебе горят любовью сердца
За крестный подвиг твоего отца,
Погибшего в тяжелую годину.
Стонала Русь под вражеским ударом,
Грозила смерть свободному труду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

«Но почему мы не в каморке тесной,
А во дворце живем с тобой?.. Взгляни —
Какой простор! Какой уют чудесный!
За что был отдан бедноте окрестной
Дворец царей? Родная, объясни!»
И мать ответит, мальчика лаская:
«Раскрыли перед вами дверь дворцов —
Заслуги ваших доблестных отцов,
Что пали, за свободу погибая.
Шел враг на Русь с мечами и пожаром,
Неся с собой смертельную беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом в о с е м н а д ц а т о м году!»

И смолкнет сын в раздумии глубоком
Взирая на могильный холм борца
И думая о доблестном далеком...
Гигантом пред его духовным оком
Восстанет тень почившего отца!
И даст он клятву: тою же тропею
Всю жизнь свою бестрепетно идти
И не сходить с отцовского пути
Неколебимо-гордою стопою.
«Клянусь быть честным, доблестным и ярым.
К насильникам всю жизнь питать вражду! —
Отец мой был солдатом-коммунаром
В великом в о с е м н а д ц а т о м году!»

1918

КРАСНЫЙ МАТРОС

Синяя куртка с грудью открытой,
Неколебимой — тот же утес! —
Вот он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку бурей сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Этот не выдаст в тяжкую пору,
Не затрепещет в час роковой:
Смерть, как и должно дерзкому взору,—
Дерзостью встретит: «Шутишь, без спору
Не совладаешь с вольной душой!»

Даже штыками к мачте прибитый,
Тяжко изранен стрелами гроз,
Будет бороться, кровью покрытый,
В шапке, к затылку пулями сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Синяя куртка с грудью открытой,
Неколебимой — тот же утес! —
Вон он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку пулями сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

Помните? ночью взвыли заводы:
«Ратуйте, близок гибели миг —
Псков затопили прусские воды!» —
Прямо с танцульки, дети свободы,
В Смольный примчали сердце и штык!

Первый в читальнях красного клуба,
Первый в лезгинке, первый в бою;
Жизнью играет дерзко и грубо:
«Шашка, так шашка; Люба, так Люба!
Вон он, я — ешьте душу мою!»

Бури встречает грудью открытой:
«Бей, измывайся — крепок утес!»
Вот он, бессмертья лавром повитый,
В шапке, к затылку молнией сбитой,
Гордость Коммуны — красный матрос.

1918

НОЧНОЙ НАБАТ

Сквозь красные — от факелов — глазницы
Моих бойниц, дымяся и горя,—
Неситесь в ночь, неумолчные птицы,
Набатные герольды звоня!
Вонзайте клюв в сплетения соломы,—
Вперед, вперед: минута дорога!
Да осветят пылающие дóмы
С ножом в зубах ползущего врага.

Товарищи! Нет выхода иного,
Как — снова в бой: на смертный подвиг снова,
Чтоб победить иль... поголовно пасть,
Но — не попасть
Душителям во власть!
Товарищи! Я вижу с вышки красной
Зловещий бег враждебных нам валов,
И в этот миг,
Тревожный и опасный,
Вновь льется крик,
Порывистый и страстный,
Истерзанных моих колоколов...

Лжи, огонь, обугленные балки...
Топор, сверкай, щиты бойниц кроша,—
Летите в ночь, пылающие галки,
Столичные предместья полоша!
Вонзайте клюв в сплетения соломы,—
Вперед, вперед: минута дорога!
Да осветят пылающие дóмы
С ножом в зубах ползущего врага...

1918

ЖЕНЩИНАМ КОММУНЫ

Вас не сломил кровавый бред
 Кошмарных лет,
 Голодных лет;
Как встарь, вы гордым сердцем юны.
«Привет вам, женщины Коммуны! —
Твердит с восторгом целый свет: —
Привет вам, женщины Коммуны,
 Привет!»

В дыму и пламени пожаров
Вы были стойки и тверды
И окрыляли коммунаров,
Вливая бодрость в их ряды.
О, сколько раз, когда, бывало,
Печаль, гнетуща и остра,
Нас, что сетями обвивала,—
Те сети в клочья порывала
На рати вольная сестра:
«Взгляни, как яростно зарницы
Рвут шелк тяжелой синевы!
Очнись: он близок, луч денницы...
Дерутся братья, словно львы...»
 Привет вам, гордые орлицы!
 Привет вам, женщины Невы!

Когда на митинге бесчисленном
Я озираю море глаз,
По взорам страстно-искрометным
Я узнаю, о сестры, вас,
Горит в вас сердце огневое,
Что щепень в пламени костра...
И пусть бушуют вихри, воя,—
Я становлюсь сильнее вдвое,
Когда со мной моя сестра.

«Не бойся вражеских ударов —
Не возродится мир оков...
Они проходят, дни кошмаров,
Редеет лагерь пауков...»
Привет вам, сестры коммунаров!
Привет вам, жены бедняков!

Вас не сломил кровавый бред
Кошмарных лет,
Голодных лет;
Как встарь, вы гордым сердцем юны.
«Привет вам, женщины Коммуны! —
Твердит с восторгом целый свет: —
Привет вам, женщины Коммуны,
Привет!»

1918

ИЛЬИЧ В ПЕТРОГРАДЕ

(Из воспоминаний)

Огромный зал. Стоим плечом к плечу
(Протискаться бесплодны все старанья!)
И, повернувши лица к Ильичу,
Немолчным криком сотрясаем зданье.

Он — на пороге. Не пройти вперед!
Немыслимо: народу слишком много...
Но вождь пошел, и перед ним — проход:
Широкая, свободная дорога!...

Идет, глядит: лаская, греет нас,
Самозабвенно не щадящих глотки,
Теплом веснушек, жизнью отчих глаз
И шаткостью взволнованной походки.

*

Шпалеры статуй — красных моряков.
Но вот Ильич: нежданно, из-за дому!
И, — словно ветром, тысячи голов, —
К нему, к отцу: любимому, родному!!

1924

НОЧЬ

Нас девятнадцать гвардейцев солдат,
Глух и безмолвен сырой каземат.
Полночь куранты печально поют,
Павловцев скоро на казнь поведут.

Нас девятнадцать мятежных солдат,
Невские волны сурово шумят,
Звезды погасли, не светит луна,
Ночь безысходна, темна и длинна!

Нас девятнадцать бывалых солдат,
Видевших солнце, Мазур и Карпат,
Черная смерть стерегла нас не раз,
Ждет она, ждет — стережет и сейчас!

Нас девятнадцать бесстрашных солдат,
Помним вчера догоравший закат,
Каждому хочется жить и любить,
Царского плена оковы разбить.

Нас девятнадцать! Родная семья...
Где избавленье? Спасут ли друзья?
Невские волны сурово шумят,
Глух и безмолвен сырой каземат.

1917

БРАТАНЬЕ

Пушки кончили рев, и шрапнель не багрила долину
В междугорном пространстве, в провале высоких Карпат.
Собирались солдаты без ружей вперед в середину,
Русский, немец, австриец сходились к солдату солдат.

День был радостно чист, перелески горели багряно,
Осень в рдяные краски одела простор.
Было все непривычно и жутко, и радостно-странно
Между кровью омытых, снарядами вскопанных гор.

Мы кричали камрадам: «На бой, на поход, на страданье
Не охотой идем жечь, колоть, убивать.
Вы такой же народ: батраки, беднота и крестьяне,
Так не время ли руки друг другу пожать!»

«Ружья в землю штыком! — отвечали камрады.—
Разве будет рабочий рабочему враг?..»
И сходились мы вместе, и были мы рады
Замиренью на поле кровавых атак.

В гости шли мы друг к другу. И радостно было братанье.
Встрепенулась гармоника, светлый сплетая узор.
А когда потонула долина в холодном тумане,—
Золотою грядой запылала костры между гор

Да недолго братались: приказы Керенского строги.
«Никаких замиреней! Войну продолжать до конца».
Снова грянули пушки, и снова бои и тревоги,
Снова мир захлебнулся в потоках литого свинца.

1917

ЛЮБОВЬ

Ой-ли, тропочка-протопочка моя,
Поверни-ка ты в родимые края,
Где шумливую весеннюю порой
Шел по жизни я, веселый, молодой.

В тихополье, на раздолье, вдалеке
Ходит девушка с колечком на руке.
Где я буду, не забуду эти дни,
Как дарил я, говорил: не оброни!

Знаю, знаю — не потеряно оно.
Знаю, знаю — и другому не дано:
В тихополье, на раздолье, вдалеке
Ходишь-носишь, не снимая, на руке...

Ах, зачем же мне покоя не дает
Эта скука да присуха-приворот,
Да мелькнувший, потонувший тихий свет,
От которого нигде покоя нет?

Ой, любовь моя, тебя не обману.
Как закончим распроклятую войну,
Возвращусь я в незабытые края...
Ой ты, тропочка-протопочка моя!..

1917

РЕВОЛЮЦИЯ

О революция! Мой мрамор и гранит.
Резцом владею я. Резец мой верный — слово.
Когда рабы труда рвут яростно оковы,
Громят врагов своих,— я с бурей сердцем слит.

Жить! Жадно жить хочу! — мне юность говорит.
Двадцатый грозный век, век битвы, век суровый,
Свет человечества,— в его величье новом,
Как факел средь ночи, душа моя горит.

Жить! Страстно жить хочу, чтоб видеть час расплаты
И счастье новых дней, что светит нам вдали,—
Тиранов, палачей, поверженных в пыли.
Гремите ж яростней, восстания раскаты!
Преступный черный мир бьет в колокол тревог.
О революция, труби в призывный рог!

Февраль 1917

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Березовая роща
Под инеем тиха.
Березовая роща
Укуталась в меха.
Серебряное поле —
Под серебром луны,
Снега на ясном поле,
Как звезды зажжены.
Мороз грызет орешки —
По роще звонкий щелк.

Из белой, тихой рощи
Выходит серый волк.
И смотрит зорко, зорко,
И ловит лай собак,
И крадется к деревне,
К хлевам, где теплый мрак.

1924

ТРИ РИСУНКА

Побывайте летом на Хамир Кумире,
Кажется, прекрасней нет и речки в мире.
Воды — ключ прозрачный, воды шумны, сини,
Кружева каскадов — на березах иней.
Ждет вас и другая на реке отрада:
Искры самоцветов с бурей водопада.
А потом пройдитеесь на Девичье плёсо.
Против, словно стража, — серые утесы.

Краски. Солнце. Краски. Я на нор Зайсане,
Горы в сизой дымке, будто все в тумане.
Небо углубилось. Небо сине, сине.
От вещей в рюкзаке пряный запах дыни.
На кустах пестреет листьев позолота,
Вечных изменений мудрая работа,
Озеро, посмотришь: чаша налитая,
Только дно бездонно, только синь густая.

Утро. Черны тени. Ароматны горы.
Пристань Красноярка: дыни, помидоры,
Огурцы, картошка, репа, лук и булки.
Три гудка, и горы стали тесны, гулки.
Пароход как будто в сером коридоре, —
Груды скал, и небо — свежее, как море
В памяти остались бронзовые лица,
Говорок базара, кофточки из ситца.

1946

ИЮЛЬ

Слепы улицы и молчаливы,
И тревожны, как сердце, штыки.
Лишь огней полночных переливы
Падают на зеркало реки.
Заперты железные ворота,
Мрак на тротуарах распростерт.
Мечется за темной рамой кто-то,
Во дворцах смятение растет.
Офицеры бродят ночью серой,
Страх угрюмый тишину прожег,
Ненависть, как черная пантера,
Делает решительный прыжок.
И недаром пулеметы с кровель
Мертвый взгляд направили вперед,
Чтобы ночи оросились кровью
Для последней радости господ.
Но гремит с Финляндского вокзала
Огненная речь с броневика.
На штыках плакаты поднимала
Твердая рука большевика.
Елизок час! От фабрик Ленин двинет
По мостам чугунным, через верфь,
На дворцы ревушею лавиной
Опаленный заревами гнев!
А пока на лицах офицеров
Тускло светит газовый рожок.
Ненависть, как черная пантера,
На предместья делает прыжок.

Июль 1917

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но, если надо, выстроим щетиной
Бывалые упрямые штыки.

Стоим на страже
Всегда, всегда!
Но если скажет
Страна труда:
— Прицелом точным
Врагу — в упор!
Дальневосточная,
Даешь отпор!

Полки придут и с севера и с юга,
С донецких шахт и забайкальских сел,
Свою винтовку — верную подругу —
Опять возьмет упрямый комсомол.

Дальневосточная,
Опора прочная,
Союз растет непобедим!
Что нашей кровью завоевано,
Врагу не отдадим!

Нам не забыть стальной и грозной силы,
Когда дышала гибелью земля,
Когда луганский слесарь Ворошилов
Водил полки по скошенным полям.

Дальневосточная,
Опора прочная,
Встречает яростью войну.
Она хранит рукой железною
Свою рабочую страну.

Нам не забыть победы и уроны,
Степной ковыль, свинцовую пургу,
Нам не забыть твоей братвы, Буденный, —
Лихой удар по злобному врагу.

Стоим на страже
Всегда, всегда!
Но если скажет
Страна труда:
— Гей, эскадроны,
В карьер! В упор!
Даешь, Буденный!
Даешь отпор!

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но, если надо, выстроим щетиной
Бывалые упрямые штыки.
Готова армия,
В часы ударные
Устав ее всегда один:
Что нашей кровью завоевано,
Врагу не отдадим!

1930

БРАТЯ

Мы с тобой родные братья,
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятя —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь.
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мезтью пышут,
Постоим за брата брат.

Мы с тобой родные братья —
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятя —
Смерть и гибель для владык.

1917

ШЕРШАВАЯ ЛАДОНЬ

Расту. Расту. Стальные нервы
Закалены среди машин.
Я не последний и не первый
Пришел от голубых равнин.

Пришел, пропахнувший лесами
И с песнями плакучих ив,
Смотрел я детскими глазами
На стянутый ремнями шкив.

Смотрел и думал молчаливо
Под пляску звонких молотков,
И пряталась в душе пугливо
Семья печальных васильков.

Так с каждым днем все реже, реже
Всплывало дальнее село.
И новый мир в душе забрезжил,
Запело сердце, зацвело...

Я полюбил душой глубоко
Заводский грохот и огонь.
Насыщена железным соком
Моя шершавая ладонь.

1923

СЕНОКОС

Дымится роса над лугами,
Над лесом полоска зари,
Целуется утро с цветами...
Косами звенят косари.

Вздыхает трава, умирая
Под острой певучей косой,
Раскинулись травы без края,
Бегут переливной волной.

И рыжее солнце, цепляясь,
Вползло на вершину горы.
К земле осторожно спускаясь,
Чадят, полыхая, костры.

И плещутся синие травы,
Гуляй на просторе, коса!
И прыгает ветер кудрявый,
И сушит косцам волоса.

1924

ДЕКРЕТЫ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты,
По-воробьиному щелкает звонко:
«Декреты! декреты! декреты!»

Вся власть советам — декрет номер первый,
Мир всему миру — декрет номер два...»
От крика у барынь — мигрени и нервы,
У генералов — кругом голова.

У генералов дрожат эполеты
От страха? от смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: «Совдепы! Комбеды!
Разнузданная солдатня!»

Девчонке нет дела, базарит газеты
Налево, направо... Смешная, стой!
Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец — на войне, задыхаясь от газа,
Мать — на табачной, чахоткой дыша,
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.

Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой...
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

1917

ГРАНИ ГРУДУЩЕГО

Америка, Индия, Афганистан,
Лондон и Токио, Мельбурн и Рим,
через Антанты распухший стан
руки протягиваем вам,
горбом и мозолями говорим:

— Кули, жнецы, гончары, кочегары,
каменщики, углекопы, ткачи,
соединяйтесь, товарищи!

На север!
На зарево звездных пожаров
идите!
Из пламени гнева восставших масс
пылающие головни
берите.
Они,
разгораясь,
и там и у вас
зажгут непроглядные заросли зла,
жажду наживы выжгут дотла...
В пепел —
нужды и насилия цепи!
Рынки рабов безработных —
в пепел!
Храмов и тюрем решетки —
в прах!
Крах
нефтяным королям и банкирам,
папам и пасторам — страшный суд!
Только трудящиеся живут,
только рабочий владеет миром!

Литейщик тогда для себя и для всех
выплавит легкий и звонкий смех;
с песней веселою каждый ткач
радости выткет яркий кумач;
каменщиков непрерывные смены
заложат фундамент
и стройные стены,
перекликаясь, взведут...

Товарищ! Войди в небывалый строй,
где солнцем горит над зеленой землей
свободный и радостный труд.

1918

ХОЛОДНЫЙ УГОЛЬ РАСКАЛЕН

Глотала шахта черным ртом
И в черную влекла утробу,
Но, скорчившись внизу, никто
Не отбивал ни гнев, ни злобу
Под черным угольным пластом...
Глотала шахта черным ртом.

С ослепшей лошадыю вдвоем
Мы молча подавали уголь,
И каждый думал о своем —
О травах росных, о подруге,—
Но оба мы в гробу живем
С ослепшей лошадыю вдвоем.

Проглоченный, никто из нас
Ни гневен, ни озлоблен не был...
Но знал ли кто-нибудь из вас,
Как тяжело без звезд и неба
Пробыть в утробе лишний час?
Об этом знал ли кто из вас?

А в штольнях были? А в забой
На смертную ползли работу?
По черному пласту киркой
Стучать до кровавого поту
И ждать — вот-вот над головой
Качнется гибелью забой!..

Но говорят — какая боль! —
Что мы — изменники, слепая...
Шахтовладельцы и король
О лишнем часе мало знают...
Шахтовладельцы и король
На нас с тобой не заодно ль?

Им лишний час пробыть легко
Под одеялом на кровати...
А камни острые торчком
В кровати если? А сгорбятся
Лежать под черным потолком,
Почти задавленным, легко?

И лишний час дышать углем,
Быть лишний час в золе зарытым...
А ну, ослепшая, тряхнем,—
Пусть брызнет гнев из-под копыта,

Пусть злоба каменным углем
Нависнет и над королем!

В забоях сердца рвется газ...
Слепая, слышишь рев и грохот?
Мы бросили в гробу работы,
И в шахты вновь на лишний час
Никто не спустится из нас,—
В забоях сердца рвется газ.

И черный уголь раскален...
В холодном угле — злое пламя.
Пускай забойщик окружен
Неумолимыми врагами
Со всех сторон, со всех сторон,—
Ведь черный уголь раскален?

Да! уголь в сердце раскален
До бури, до огня, до жизни.
Ударит час — и со знамен
Огонь неудержимый брызнет,—
И вспыхнет шахта красным ртом
Над черным угольным пластом.

ЗАМОРИНА СЛОБОДКА

Земля, где я под отчей кровлей
Увидел свет и выросал,
Где смотрит кротостью коровьей
Степной бревенчатый вокзал,

Где все проселки мне знакомы,
И сватья-церковь, и погост,
Крыльцо родительского дома,
Над речкой сгорбившийся мост...

У пристани сучает лодка,
Зовет в болото коростель...
О мать, Заморина слободка,
Отцов и дедов колыбель!

Весною, в поле, на ночлеге,
Под вечер тянет холодком,
А ты на дедовской телеге
Под сине-звездным потолком...

У шалаша, на огороде,
Орава сверстников ребят,
Стучит клюкой белобородый
Утешный сказочник Ипат.

И давней повести страницы
Поспешно память шевелит:
«Степная скачет кобылица,
Звенят тугие ковыли...»

И бредить сказками Ипата
Всю ночь, до третьих петухов...
Не потому ль всегда ребятам
Желанна радуга стихов?!

Воспоминанья детства звали
К родным местам, к родным полям,
И паровоз в степные дали
Бежал по гулким колеям!

И так приветливо встречает
Меня крутой степной народ,
И прост и так необычаен
Весенний гомон у ворот...

Расспросы зреют урожаем,
А где же дедушка Ипат,—
У шалаша ли утешает
Ораву озорных ребят?

Не омрачать бы мне вопросом
Воспоминанье детских лет...
Но каждый путник утром росным
В траве оставит свежий след.

И так на мой вопрос ложится
Мужицкий ровный разговор,
И новой повести страницы
Раскрыл соломенный простор:

«Ребята бредят многопольем,
Разделявают целину,
Своим задором комсомольим
Под корень рушат старину.

А в воскресенье на базаре
Сноха слыхала от снохи,
Что по ночам у них в разгаре
Собранья, песни и стихи.

И девки явно, без обмана,
Задорно признаются там —
Любили Бедного Демьяна,
Когда читали по складам...»

Ах, разве можно без волненья
Внимать бесхитростным речам,
Когда нащупано биенье
Животворящего ключа!

Заглянет ли в такую местность
Тупая дедовская грусть,
Когда улыбчивой невестой
Глядит разбуженная Русь!

Эх, не напрасно тяжкий молот
Вздымали сотни крепких рук
И орудийный гул по селам
Перекликался на ветру!

Страна ль бедняцкого сословья
Глядит в сыновние глаза,
Где прежней кротости коровьей
Стыдится старенький вокзал?!

И мать, Заморина слободка,
Села Серебряных Прудов,
Идет уверенной походкой
И четким шагом городов...

И только в длинных небылицах
Да на страницах старых книг —
Скакать косматой кобылице
Беспутьем ковылей тугих.

1918—1923

БЕДНОТА

Как ветви леса, тянутся их руки,
Над нами образуя грозный свод
Из кистей, пальцев желтых, точно иод,
Их устремленных лиц глаза, как люки.

В чаще глухой, чем дальше, тем огромней
При свете фосфорических их глаз,
Себя кляла ты и клялась не раз
На камне камня не оставить — вспомни.

Ты в землю зарывалась, в рудники,
И там твои подземные скитальцы
Искали золото — кольца лить на пальцы —
И камни, как созвездий огоньки,
На пальцы их, — когтистые крючки.

Ты — прообраз солнца,
И солнца не видишь,
Для тебя оно град невидимый Китеж,
Ты сила сил, а зовешь оборонца
И всегда на свою погибель.

Вечеров вблизи и вдали былъ,
Ночей искрометная маска, —
Огни синелунных шаров, словно звездный каскад,
Пылание тихое ламп, мерцанье каминов, лампад
Ты зажгла своими руками.
Да будет свет, огня полуночная пляска,
На радость и счастье в космическом храме,
Но пока в вертепе стыда, торгашей и убийц,
Перед кем века склонялись ниц.
Да будет свет, а сама во мраке живешь.

Ты за медный ломаный грош
Несчетностью согнутых спин,
Шевелишь миллионами рук, миллиардами пальцев.
Стольких нежных страдалиц, кротких страдальцев,
Где все, как одна, все, все как один.
Все единым взмахом, единым жестом,
За скудный хлеб, кочевые, обреченные переездам,
Обувают властительных, одевают они именитых,—
«Да будет красота!»
Но воск на рабочих ланитах,
Кандалы на ногах, на плечах одна тяжесть креста.

Рассвет и день, под палящим солнцем, до ночи,
Льешь пот на чужом лугу и на поле,
На фабрике душу дробить до безумной боли,
На заводе кромсаешь кости неумолимей, жесточе,
Погребаешь себя на дне шахт юга,—
Доколе, доколе, доколе!
«Да любите друг друга».

Ты прообраз солнца
И солнца не видишь.
Для тебя оно град невидимый Китеж,
Ты сила сил, а зовешь оборонца
И всегда на свой капут.

Твой творческий радостный труд,
Твой труд обязательный — жить поденно,
Твой труд непосильный, труд потогонный,
Твой труд кровавый,
Потрясающая твоя смерть,
Разложение растертого тела, смердь,—
Черни трепетная забава.
В Колизее Рима.

Кем ты хранима,
Чья ты забота,
Чья огнепламенная ты поэма.
Кроме меня,—
Немо, немо,
Я поэмы спою о тебе, моя мать,
О твоих красных витязях песни; былины,
Красных богатырей, как сражалася рать,
Как назад не вернулся из них ни единый.

Я былины сложу,
Я сказанья скажу,
Как борцов погребли у стремнины.

Как на бой поднялась ты за бедных сынов,
Искалеченных долей железной.
Я во тьме гробовой, в молниях слов
Звал на бой,
Поднималось солнце над бездной.

Снова миг наступил,
Снова пробил час
Собрать в исполинские армии тыл,

Ураганный порыв миллионных масс,
Против класса класс,
Силу против сил.

Ты, ты победишь и правда за нами,
И свобода, равенство, братства свет
В титанической беспримерной драме
Родятся на тысячи тысяч лет.

1918

ИЗ «ДЕВЯТОЙ СИМФОНИИ»

(К IX годовщине Октября)

Россия созидает штаты:
Гудит симфонией девятой
Лязг рычагов, раскат колес
И гимн гудков тяжеловатый.

В садах, где плоть плодов ала,
Между дерев режут в разгулье
Размеров грандиозных ульи
Из камня, стали и стекла.

То высятся за рядом ряд
Заводы, и Электрострой,
И фабрики: и там герои
Простые просто мир творят.

1926

Николай Полетаев

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте невероятной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжущий восторг —
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

1918

ПЕСНЯ О СОЛОВЬЯХ

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьется голубем ко мне в подвал;
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слышал.

Но только двор и синевы кусок,
И грязь цветет, и в золоте ручьи,—
По ним мальчишкой гнал я корабли,
Гнал на коленках, не жалея щек.

И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень, солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.

Послушно шли большие на тот вой,
А я — к ручьям на двор, на грязь в цветах...
Но это все опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях.

Это раз, но было со мной:
Синева разгорелась кругом,
И под этой под синевой
Только рожь — золотым ковром.

И потом, когда волосы мать
Рассыпала дождем по плечам,
Золотилась рожью кровать
И подвал обливался в лучах.

Вырос я и послушен гудку,
Только ночью жгут губы дня маету,
Да вверху по тому же кусту
Звезды горсткой сверлят темноту.

На дворе я? Нет, в темном пахучем саду,
Полон он соловьев и гремящего сна.
Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею пройду,
Не помойкой — розами душит весна.

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слышал.

1921

ВЕСЕННИЕ ЛУЖИ

Опять весна и воробьи,
Опять я солнцем вдруг разбужен,
Опять мальчишки корабли
По голубым гоняют лужам.

Иду, обнявшись с весной,
Разбрызгивая солнце в лужах,
Теперь, чтоб ни было со мной,
Уж никогда не будет хуже.

Угар и плесень позади.
Под солнечный прорвался душ я,
И сердце воробьем в груди,
Как после дымного удушья.

Угар и плесень позади;
Дорога вся в грязи и блеске,
И позади и впереди
Все лужи с солнцем в переплеске.

А тут к ручьям и к воробьям
В сияющем водовороте
Такие ж чахлые из ям
На солнце волокут лохмотья.

Эй, солнце, жги и выжигай
Тоску и плесень из подвалов.
Жизнь плещет, хлещет через край
Из ям, из луж и где попало.

1921

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

САД

Мой сад с каждым днем увядает:
Помят он, поломан и пуст.

А. Майков.

Бывает, хуже бывает,
Когда у вас — собственный сад,
А смотрите, как мой расцветает
И какая на нем роса.

Где мой сад? На всем белом свете,
Все, что дышит, цветет, поет,
Что нуждается в жарком привете,—
Все — любимое, все — мое.

Я не строю вокруг сада ограды,
Чтоб, тенистый, не пах тюрьмой,
Да и знаю: всякому надо
Отдохнуть в томительный зной.

Вы не бойтесь осени, гости,—
Как ни хмуры ее небеса,
От ее беспокойной злости
Ярче вспыхнет чудесный сад.

Пусть рыдают вьюги глухие,—
После них только небо ясней.
Пусть срывают ветки сухие,—
Расчищают пути весне.

Этот сад никогда не увянет
И не будет поломан и пуст.
Без ухода, без всяких стараний
Расцветает в нем каждый куст.

1924

ЗАЙЧИК

По сырому потолку
И по всей каморке тесной
Золотой такой, смешной,
Зайчик прыгает чудесный.

Ничего, что я большой,
Я готов за ним вприпрыжку
По столу, по пыльным книжкам,
По сырому потолку.

Вперекор календарю,
Безо всяких чисел разных,
Разрешу я сам себе
Ослепительнейший праздник.

И на грязном на дворе,
Ошарашенном капелью,
Побегу я к детворе,
Захлебнувшейся весельем.

Да, дожил вот до седин.
Горе, труд — все рядом к ряду,
А не в силах вот один
Выносить такую радость.

Побегу по мостовой,
Побегу по всем соседям —
Рассказать, что в край иной,
В теплый край мы жить поедем.

Что у них по потолку
И по всем каморкам тесным,
Золотой такой, смешной,
Зайчик прыгает чудесный.

1925

СИНИЕ ТЕТРАДИ

Ночь. Тихо. Лампа на столе,
Часы выстукивают верно...
А за окном, в морозной мгле,
Громадный город, мир безмерный,
Передо мной, застыв на миг
В туманном блеске электричеств,
Он даже ночью не утих
В бессменном грохоте строительств.
Он даже ночью не утих,
Он не уснул минуты краткой,
Он говорит со мной, как стих,
Вот в этих синеньких тетрадках...
Нечеткий почерк разбирая
В такой тетради, я порой
Вдруг слышу — молодость живая
Разговаривает со мной.
Я слышу шаг ваш мерный, твердый,
Вы — не согбенные рабы:
Я вижу, как взметнулся гордо
И рдеет красный стяг борьбы.
И бредите вы не о розах,
Поете не о соловьях,
Почили боевые грозы
На ваших молодых плечах.
«А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, брошенный в тени»,
Смотрю на ваш парад военный,
На ваши зоревые дни.

Жду: скоро вот рука окрепнет,
Омолодится старый стих.
И я, забыв подвалов бредни,
Спою не хуже молодых.
Пока же синие тетрадки
Я поправляю: так весной
Садовник оправляет грядки,
Чтоб рост усилить молодой.

1925

* * *

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих!
Время — опытный кормчий —
Правит к высотам горящим.

Рви, барабан, пространство,
Дробите, камни, ноги,—
В мире нет постоянства,
Нет повторной дороги.

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном;
Мы требуем полной платы
За столетья, убитые сном.

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь...
Наш меч и руки — из стали,
Земля — пепелящая печь.

Вымаливать стыдно пощаду.
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным.

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих!
Время — опытный кормчий —
Правит к высотам горящим.

1919

МЫ

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души,
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

Что горячее: солнце или кровь?
Оно и мы стоим на вечной страже,
Но срок придет — и мы друг другу скажем,
Что горячее: солнце или кровь...

Мы пьем вино из доменных печей,
У горнов страсти наши закаляем,
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

У наших девушек бездонные глаза,
В голубизну их сотни солнц вместятся,
Они ни тьмы, ни блеска не боятся...
У наших девушек бездонные глаза...

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души,
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

1921

Я

Я выпил сотни солнц. И все мне мало.
Все мало мне. Но сердце не грустит.
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня — даль, а завтра — плен и скорби,
Сегодня — тьма, а завтра — блеск и зной,
Но никогда своей спины не сгорбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега и пыль, и терпкий запах гари...
Звенят шаги. Я дерзок и упрям.
Я — всеобъемлющий, чье имя — Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.

1922

Верю я,— мы грядущее вынынчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов,
Скоро к черту слетят перекладыны
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденного ночью на нас?
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стонами,—
В каждом есть сокровенное масс,
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней...

Верю я,— мы грядущее вынынчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся, как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.
Я частенько закахивал к Вере,
И ко мне приходила она,—
Палец в рот, и станет у двери
Или сядет на стул у окна.
(Знала, знала, что я скучаю,—
Угадывала по лицу...)
— Вера, хочешь сладкого чаю?
И сквозь острые зубки:

— Хоцу...—

А когда я читал о Донбассе,
О финансах, о кровном враге,
Приходила и...

— Дядя Вася,

Покачай меня на ноге...

— Сколько лет тебе, Вера?

— Двести...

— Что сегодня?

— Сегодня — вчера...—

Сколько раз коротали мы вместе
Незаполненные вечера...

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся, как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь...

1924

Владимир Кириллов

* * *

Я подслушал эти песни близких радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необъятных городов.
Я подслушал эти песни золотых грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте
ремней.

Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал,—
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал:
Я узнал, что мудрость мира — вся вот в этом молотке,
В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеглазых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни — зов могучий к солнцу, жизни и борьбе,
Это — вызов непреклонный злобной, тягостной судьбе.

1917

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — Спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали — явится в звездных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых,
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик, —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы, —
Угнетенных маяк спасительный,
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

1918

МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность — морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на Невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи,—
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже Коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый Год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков.

1918

«ЖРЕЦАМ ИСКУССТВА»

Нужда и горе — наши ясли,
Подвальный сумрак — колыбель,
Где зори отрочества гасли
И пела вьюжная свирель.

Сирены зычные заводов
Нам рано указали путь
Под сень сурово-гулких сводов,
Где напряженно дышит грудь.

И в неразрывно-слитном хоре,
В размерном беге шестерен,
Мы разгадали чудо-зори —
Сиянье солнечных времен.

И день кровавого восстанья,
Грозу великих мятежей,
Как деву, в брачном одеянье,
Мы ждали в сумраке ночей.

И час настал. И вихрь громовый
Оковы рабские расторг.
И солнце блеск явило новый,
И души обуял восторг...

Раскрылись радужные дали,
Зарделся ало небосклон,
И наши песни прозвучали
В багряном шелесте знамен.

В покроях синетканной блузы,
В сиянье заревых гвоздик,
Суровый облик нашей музыки
Вам непонятен был и дик.

За то, что огненные струны
Смутили лепет слезных лир,—
Вы дали нам название — «гунны,
Пришедшие разрушить мир».

Да, нам противен звук ненужных
Жемчужно-бисерных стихов,
Узоры вымыслов недужных
И призраки могильных снов.

И нам ли, в бурях закаленным,
Рожденным для великих битв,
Внимать напевам легковонным,
Стихирам сладостных молитв.

Ночные филины, кукушки,
Не вы избранники богов,
Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов, и Кольцов...

Певцы труда, певцы машины,
И знаменосцы и бойцы,—
Семье трудящихся единой
Готовим звездные венцы.

Мы — миру весть освобожденья,
Мы — буйно-радостная новь,
И, славя смерть и разрушенье,
Поем Вселенскую любовь.

Рожденные бессмертной силой,
Мы не погибнем, не умрем.
И сквозь гроба и мрак могилы
К вратам грядущего придем.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты,—
Под дымным небом на заводе
Ковал железные цветы.

Их не ласкало солнце юга,
И не баюкал лунный свет,
Вагранок огненная выюга
Звонящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен, металла звон,
Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе —
В мозолях мощная ладонь,
Неугасимый на заводе
Горел под блузою огонь.

Вздывал я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты
И, опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

1917

ЖНИТВО

Когда цветением на нивах
Отпыхает жарко рожь
И досыта хлебнет налива,—
Мое ты сердце не тревожь.

Не жди напрасно, стрепет ясный,
Не прибегу к тебе туда,
Где клен скрывал в объятьях страстных
Мой тайный трепет у пруда.

Других — не думай — не ласкаю,
Тоскуя, не брани меня:
На нивах трудовых пылаю
В разливах пламенного дня.

Каленый серп под корень низко
Подрезывает сгоряча,
И сладко мне в объятьях близких,
Баюкая, снопы качать!

Они — как голенькие дети,
Пушисты нежные тельца...
Не жди же:
Все равно не встретишь
Меня у темного крыльца.

Налиты золотою новью,
Колосья косами висят.
Я плодородною любовью
На жнивьях растворилась вся.

Как в зыбки, в теплые телеги,
Сквозь розовеющую пыль,
Кладу я с материнской негой
Спеленатые снопы.

И, если будет очень горько
Тебе в разлуке и тоске,
Взгляни, мой друг,
Вечерней зорькой
На лунный серп в моей руке.

РАДИОБАШНЯ

В синеву на полтора метра,
Откуда видны далекие пашни,
До туч, гоняемых ветром,
Выросла радиобашня.

Сжималось кольцо блокады,
Когда наши рабочие плечи
Поднимали эту громаду
Над Замоскворечьем.

Не беда, что она немного
Эйфелевой башни ниже,
Все же тучи, воздушной дорогой
Пробегая, ей голову лижут...

Нашей работы упорной
Что может быть бесшабашней!
Когда нас душили за горло,
Мы строили радиобашни.

1923

* * *

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самодержавном народе.

12 апреля 1917

НОЧЬ ПЕРЕД СОВЕТАМИ

(Из поэмы)

Старуха снова пришла, но другая.
«Слухай, барыня, слухай,
Побалакай с старухой!
Бабуся моя,
Как молодкой была,
Дородной была.
И дородна и бела,
Чернобровая,
Что калач из печи! Что пирог!

Славная девка была.
Бела и здорова,
Другую такую сыщи!
И прослыла коровой.
Парни-хлыщи!
Да глаза голубые веселухи закаянной!
А певунья какая!
Лесной птицы
Глотка звонче ее.
Заведет, запоет и с ума всех сведет.
Утром ходит в лесу,
Свою чешет косу
И запоет!
Бредят борзые и гончие,
Барин коня своего остановит,
Рубль серебряный девке подарит.
Барин лихой, седые усы...
А барин наш был собачар,
Псарню большую имел.
И на псарне его
Были черные псы, да курчавые,
Были белые все,
Только чуточку ржавые.
Скачут, как бесы, лижут лицо,
Гнутя и выютя, как угри, в кольцо.
А сколько визга, а сколько лая!
Охота была удалая.
Барыня милая! Воют в рога,
Скачут и ищут зайца-врага.
Белый снежок.
Скачет комочек —
Заячьи сны,
Белый на белом,
Уши черны.
Вот и начался по полю скок!
Тонут в пыли
Черные кони и бобыли!
Тонут в сугробах и тонут,
Гончие воют и стонут!
Друг через друга
Псы перескакивают,
Кроет их вьюга,
Кого-то оплакивают,
Стонут и плачут.
А барин-то наш скачет... и скачет,
Сбруей серебряной блещет,
Черным арапником молотит и хлещет.
Зайчиха дрожит уже вдовушка.

Людам любя заячья кровушка!
Зайца к седлу приторочит,
Снежного зайца, нового хочет,
Или ревет, заливаётся в рог.
Лютые псы скачут у ног.
Скачут поодаль холопы любимые,
Поле белехонько, только кусточки,
Свищут да рыщут,
Свеженьких ищут собачие роточки.
С песней в зубах, в зенках огонь!
Заячий кончится гон,
Барин удалый к бабе приедет,
Даст ей щеночка:
«Эй, красота!
Вот тебе сын али дочка,
Будь ему matka родимая.
Барскому псу дай воспитание».
Барину псы дорогая утеха, а бабе они — испытание!
Бабонька плачет,
Слезками волосы русые вымоет,
Песик весь махонький — что голубок!
Барская милость — рубль на зубок.
«Холи и люби, корми молоком!
Будет тебе богоданным сынком».
Что же поделает бабонька бедная?
Встанет у притолки бледная
И закатит большие глаза — в них синева.
Отшатнется назад,
Схватит рукою за грудь
И заохает и заохает!
Вся дрожит. Слезка бежит,
Точно ножом овцу полоснули.
Ночь. Все уснули.
Плачет и кормит щеночка-сыночка
Всю ночь.
Барская хамка — песика мамка! —
Чужие ведь санки!
Барин был строгий, правдивой осанки,
С навесом суровым нависших бровей,
И княжеских, верно, кровей.
Был норовитый,
Резкий, сердитый,
Кудри носил серебристые —
Помещик был истый,
Длинные к шее спускались усы. —
Теперь давно на небеси
Батюшка-барин!
Будь земля ему пухом! —

Арапник шуршал: шу да шу! полз, ровно змей.
Как я заслышу,
Девчонка, застыну и не дышу,
Спрячуся в лен или под крышу.
Шепчет, как змей: «Не свищу, а шкуру снушу».
А барин арапником
Вдруг как шарахнет
Холопа по морде!
Помещик был истый да гордый.
И к бабке пришел: «На, воспитай!
Славный мальчик, крови хорошей,
А имя — Летай!
Щенка стерегись, не души!
Немилость узнаешь барской души!
Эй, гайдуки!
Дайте с руки!
Из полы в полу!»
И вот у бабуся щеночек веселый.
А от деда у ней остался мальчишка
Толстый да белый, ну, словно пышка, глаза голубые.
Взять бы и скушать!
Дед-то, вишь, помер, зачах,
Хоть жили оба на барских харчах!
Сидит на скамейке,
Ерошит спросонку
Свои волосенки.
Такой кучерявый, такой синеглазый,
Игры да смех, любит проказы!
Бабка заплакала. Вся побледнела.
И зашаталась,
Бросилась в ноги,
Серьгою звеня!
«Барин, а барин! Спасите меня!»
Ломит, ломает белые руки!
Кукиш! Матушка-барыня, кукиш!
«Арапником будет Спаситель,
Ты ему matka,
Кабыздох был родитель».
Вот и вся взятка!
Кукиш. Щеночек сыночком остался.
Хлопнулась о пол, забила в падучей,
Барин затопал,
Стукнул палкою.
Угрюмый ушел, не прощаясь, без ласки!
Брови, как тучи.

*

И истощала же бабка!
Как щепка.
Задумалась крепко!
Стала худеть!
Бела, как снежок,
Стала белей горностаюшки.
В чем осталась душа?
Да глазами молодка больно хороша!
Мамка Летая
Как зимою по воду пойдет да ведра возьмет —
Великомученица ровно ходит святая!
В черной шубе прозрачно стала, да темны глаза.
Свечкою тает и тает.
Лишь глаза ее светят, как звезды,
Если выйдет зимою на воздух.
Не жилец на белом свете —
Порешили суседи!
А Летай вырос хорош,
День ото дня хорошея!
Всегда беспокойный,
Статный, поджарый, высокий, стройный!
Скажут Летаю, прыгнет на шею
И целует тебя по-собачьи!
Быстрых зайцев давил, как мышей,
Лаял,
Барин в нем души не чаял!
«Орлик, цуцик! цуцик!»
И кормит цыплятами из барских ручек.
Всех наш Летай удивил.
А умный! Даром собачьих книг нет!
Вечно то скачет, то прыгнет!
Только папаня, в темный денек,
Раз подстерег
И на удавке и удавил,
И повесил
Перед барскими окнами.
У барина перед окнами
Отродье песье
Висит. Где его скок удалой, прыть!
«Чтобы с ним господа передохнули,
Пора им могилу рыть!»
Утром барин встает,
А на дворе вой!
Смотрит: пес любимый,
Удавленный папой,
Висит, как живой,

Кружится,
Машет лапой.
Как осерчал!
Да железной палкой в пол застучал:
«Гайдук!
Эй!
Плелей!»
Да плетьми, да плетьми!
Так и папаню
Засек до чахотки.
Кашель красный пошел. На скамейке лежит —
В гробу лежат краше!
А бабку деревня
Прозвала Собакевной.
Сохнуть она начала, задушевная!
Нет, не уйти ей от барского чиха!
Рябиною стала она вянуть и сохнуть!
Первая красавица, а теперь собачиха.
Встанет и охнет:
«Где вы, мои золотые
Дни и денечки?
Красные дни и годочки,
Желтые косы крутые?»
Худая, как жердь,
Смотрит, как смерть,
Все уплыло и прошло!
И вырвет седеющий клочок.
И стала тянуть стаканами водку,
Распухшее рыло.
Вот как оно, барыня, было!
Черта ли?
Женскую грудь собачонкою портили?
Бабам давали псов в сыновья,
Чтобы кумились с собаками.
Мы от господ не знали житья!
Правду скажу:
Когда были господские,
Были мы ровно не люди, а скотские!
Ровно корова!
Бают, неволю снова
Вернуть хотят господу?
Барыня, да?
Будет беда,
Гляди, будет большая беда!
Что говорить!
Больше не будем с барскими свиньями есть из корыт!..

* * *

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не за тем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались глумясь.

Не за тем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устрицы,
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Сергей Есенин

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиранный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

1917

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

1917

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

1921

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

1922

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж —
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож...

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златьящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгрэбет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

1924

* * *

Улеглась моя бывая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Нездаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движение стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю:
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише ванских струй.
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи,—
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь?
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

1924

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, невытытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля,
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —
Буржуя энтото... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну, что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.
Пуškai меня сегодня не поют,—
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки,
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.
Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1924

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись,
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку,
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

1925

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси,—
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

1925

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур.
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан
И ее золотистые косы
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

1925

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Ну, что ж, любимые, — ну, что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной, но дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

1925

АННА СНЕГИНА

(Из поэмы)

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.

У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И, чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот:
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики,
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»¹ — и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца!», «до победы!» —
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

.

*

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков,
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.

¹ «Л и п а» — подложный документ.
(Прим. автора.)

Объятия мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.
«Откуда? Надолго ли?» —
«На год». —
«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй,
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...
Четвертый
Тебя не видали мы год...»

.....
.....

Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар,
По-старому, с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки...
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были! —
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну, что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдатку-калеке
Пятак или гривенник в грязь.
.
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.
Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.

«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего же ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк!
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну да, говорю, он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!

— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно. Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо бы роман.

*

Ну вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!» —
«Э, охотник?!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,

Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, паш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Что такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

8

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар.
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.

.
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой.
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
Довольно!
Найдемте другой язык!

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.

Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отдельно четко и строго,
По чувству — цыганская грусть». —
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю». —
«Кому же знать?» —
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать». —
«Шутник вы...» —
«Вы тоже, Анна». —
«Кого-нибудь любите?» —
«Нет». —
«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»
Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.
.

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.
.

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей,
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище,
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз — и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер.
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер.
А брат мой в штаны помочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуны
Устрою в своем селе».

.

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в даях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.

.

*

И вот я опять в дороге.
Ночная июльская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко, ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.
Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!
Сергунь! Золотой! Послушай!

.

И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам». —
«Подарок?» —
«Нет...
Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальной
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...»

.

Письмо, как письмо.
Беспричинно
Я в жисть бы таких не писал.
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Петр Орешин

ДУЛЕЙКА¹

В камышах шишикает шишига:²
— Не купайся, сгинешь за копейку!—
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

На дулейке только заиграю,—
Все поля, вздохнув, заколосятся.
Потемнеет нива золотая,
Зашуршит, и сны ей тут приснятся.

Позабудут странники убоги
Долгий путь к угоднику Миколе.
Соберутся, сядут при дороге
Во широком златозвонном поле.

Я возьму чудесную дулейку,
Заиграю звонким переливом.
— Ой, ходила туча-лиходейка
По родным невыхоженным нивам.

Ой, гуляли буйные ватаги,
Русь ковали в тяжкие оковы.
Русь вязали пьяные от браги
По полям опричники царевы!

Ой, томились пойманные птицы
По родному радостному краю.
Отрубали голову на плахе
Всенародно парню-краснобаю!

¹ Дулейка — дудка, музыкальный инструмент.

² Шишига — бес, домовый. (Прим. автора.)

Ой, взгляните, люди, за покосы:
Не столбы ли виселицы видно?
Ой, не волк ли пил господни росы,
Не седой ли плакался ехидно?

Зашумело вызревшее просо,
Распахнула зорюшка шубейку.
Положивши голову на посох,
Хвалят слезно странники дулейку.

В камышах шишикает шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!—
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне за то —дулейку.

1917

ЖУРАВЛИНАЯ

Соломенная Русь, куда ты?
Какую песню затянуть?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.

Я так заслушался, внимая
Тоске сермяжных журавлей,
Что не поспел за светлой стаей
И многого не понял в ней.

Соломенная Русь, куда ты?
Погибель — солнечная высь!
Но избы в ранах и заплатах
Над миром звездно вознеслись.

И с каждой пяди мирозданья,
Со всех концов седой земли
Слышать, как в розовом тумане
Курлычут наши журавли.

Совсем устали от дозора
Мои зеленые глаза.
Я видел — в каменные горы
Огнем ударила гроза.

И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто себя не осенил.
Сама земля себя забыла
Под песню журавлиных крыл.

Ой, Русь соломенная, где ты?
Не видно старых наших сел.
Не подивлюсь, коль дед столетний
Себя запишет в комсомол.

Иные ветры с поля дуют,
Иное шепчут ковыли.
В страну далекую, родную
Шумят крылами журавли!

1923

РОДНИК

Во мне забился новый,
Совсем живой родник.
Я человеچه слово
По-новому постиг.

Оно звенит и плачет
И чувствует как грудь,
И горю и удаче
Предсказывает путь.

Оно полно томленья,
Отрады и усад,
Когда живут коренья
И листья говорят.

Оно полно тревоги,
Когда в бессонный час
Заговорят не боги,
А лишь один из нас.

Оно светло, как реки,
Как сонмы вешних рек,
Когда о человеке
Затужит человек.

И нет доверья слову,
И слово — пустоцвет,
Коль человечьим зовом
Не зазвучит поэт.

Что мне луна, и травка,
И сад прекрасных роз,
И лиственная давка
Черемух и берез!

Постиг иное слово
Я в буре наших дней:
Природа — очень ново,
Но человек новей!

1926

Сергей Клычков

* * *

Сегодня день морозно-синий
С румянцем был во все лицо,
И ели, убранные в иней,
Обстали к вечеру крыльцо.

Вздыхая грузно на полатах,
До света грежу я всю ночь,
Что эти девки в белых платьях
И между ними моя дочь...

Глаза у них круглы и сини
Под нежной тенью поволок,
И наверху, посередине,
Луны отбитый уголок...

Глаза их радостны и чисты,
А щеки мягче калачей...
...И звезды снизаны в мониста
На нити тонкие лучей!

И дух такой морозно-синий,
Что даже распирает грудь...
И я отряхиваю иней
С висков, но не могу стряхнуть!

1929

* * *

Когда ручьи обронят с горки вздохи
И побегут как бирючи,
Замечутся в любовной суматохе,
На ветлах лосные грачи...

Кружком засядут воробьи на липу,
Чирикают друг другу без ума,
И на реке крякун зайдет в хлипе,
И верша помрачит сома...

И мрачный коршун, незнакомый с пеньем,
Заклекает, усевшись на стожар,—
Тогда ударит по людским коленям
И по хвостам звериным жар!

И крови человеческого отродья,
Звериная и птичья кровь,
И рыба кровь сольются в половодье
Дабы отпраздновать любовь!

И мир как будто голову поднимет,
Столь лучезарен и высок,
И каждых уст с такой любовью примет
Самоничтожный голосок!

Облезут у зверей хребты и холки,
И глаз расширенных в зрачки
Полезут им бесчисленные шелки
И обомлелые торчки...

Один глухарь, как выродок пред тайной
Глухарки скучной и рябой,
Поет перед подругою случайной,
Ее не видя пред собой!..

Поет не слыша, ничего не видя,
И, не дослушав до конца,
Слетит она и в страхе и в обиде,
Учуяв запах свинца...

Пред ним стократ прекрасней и чудесней
Возник преображенный лик,
И он поет, пока за этой песней
Его не свалит дробовик!..

Звук поцелуя в песне этой птицы
И губ ответных полубред.
И с песней той, и с птицей лишь сравнится
Любовью раненый поэт.

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним.
Я на днях,
На днях у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним!

Все было хорошо,
Так хорошо —
И блузы синий цвет,
И запах тополей.
Он из города,
Ко мне пришел,
Я — с полей!

Он сказал:
«Вернулся я к покосу,
Будем травы
На лугах косить...»
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил!

Ой вы, ржи,
Зеленые вы ржи,
Мне бы с вами жить,
Озелениться мне бы!
Я люблю смотреть,
Как ваша ширь дрожит
Под солнечною гладью
Неба.

Жаворонок,
Выше,
Громче,
Громче,
Выше надо мной!
Сердце просит,
Сердце хочет
Захлебнуться
Майскою волной!

Знаю,
Скоро
На широкой ниве
Будут косы
В золоте звенеть.
На деревне
Нет меня красивей,
На деревне
Нет меня дельней!

Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним.
Я намедни,
Я намедни у овина
Целовалась
С миленьким нездешним!

1921

ДЕВУШКА-КУЗНЕЦ

В непогодь безбрежную
И средь ясна дня
Кузницы прилежные
Подкуют коня.

Раз дорогой торною,
Не вдали от хат,
С песнею задорною
Проезжал отряд.

От похода ратного
Портится и бронь.
У бойца у статного
Расковался конь.

Но бойцу ль конфузиться!
Шпорами звеня,
Он у самой кузницы
Осадил коня.

Перед ним с улыбкою —
Юности венец —
Стройная да гибкая
Девушка-кузнец.

Травы пахнут солодом,
Сердцу хорошо...
Радостно и молодо
К ней он подошел.

— Я не подурачиться
Завернул к огню!
Без подков не скачется
Моему коню!

— Быстро заворачивать
Ты привык, мой друг!
Но коня горячего
Подкуешь не вдруг!

— Без нужды, красавица,
Не войду я в грусть!
Коль тебе не справиться —
Сам за труд возьмусь!

— Выглядишь ты соколом,
Полно толковать!
Инструменты около —
Начинай ковать!

Все давно примерено
В мыслях у бойца,
Занял он уверенно
Место кузнеца.

Ярче мака алого
Под рукой огонь.
Без изъяна малого
Был подкован конь.

— Как же ты поверила,
Девушка, в меня?
Как же ты доверила
Подковать коня?

И бойцу ответила
Девушка-кузнец:
— Я в тебе заметила
Кузнеца, боец!

Полыхая гривой,
Далями влеком,
Скрылся конь за нивою
Вместе с седоком.

*

Лето голосистое
За зиму зашло.
Бело поле чистое
И в лесу бело.

Вышла как-то девица
Утром за водой,
Глянула: в метелице
Всадник молодой.

Всюду снег неистово
Засугробил путь.
У коня у быстрого
В изморози грудь.

Но дорогу лучшую
Всадник не искал,
К роднику гремучему
Ловко подскакал.

— Не ждала, красавица!
Позабыла, чай!
Нравится не нравится —
Гостя привечай!

— Я была, как вечером
Над рекой ветла...
Мне таиться нечего,
Я тебя ждала!

— Службу нес я в коннице
И в боях бывал,
Но вернуться, помнится,
Я не обещал!

И бойцу ответила
Девушка-кузнец:
— Я в тебе заметила
Кузнеца, боец!

1938

СЕВЕР

Свой отблеск бросивши в зенит,
Мерцают зимние закаты.
Их пламень желто-розоватый
В тумане сумерек сквозит,

Как исчезающая тайна
Неуловимой красоты.
О, сколько милой простоты
И прелести необычайной

Во всем: в глубоком рыхлом снеге,
В примолкших избах и дворах,
В далеком вскрике, в хрустком беге,
В тычинках, вёшках и кустах.

В пустых однообразных склонах,
В леске, темнеющем едва,
И в распушившихся воронах,
Нагнувших веток кружева.

1930

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Весна застряла в снеговых сугробах,
За непогодой не летят грачи.
Лишь стаи галок, черных, крутолобых,
Кружат в зените заревой парчи.

И рушатся на голые березы
Ватагой, говорливой без ума.
Еще гремят последние морозы,
Еще метет метелица-зима.

Но в каждый вечер золотистой зори,
И дальний лес заметно почернел.
Близка пора, как в полевом просторе
Подымет солнце алый самострел,

И рухнет наст, и струйки лужи талой
Разрыхлят снег, и желтая вода,
Забрав соломы и щепы немало,
Забулькает под корочкою льда.

1930

ВЕЧЕР В ПОЛЯХ

Ты, комбайнер Чикмасов, слышал стих
Мой в первый раз на поле трудовом.
Был вечер летний радостен и тих,
Склонялся солнца диск над золотым бугром.
Твоя бригада за обедом отдыхала
И плеском мощных рук слова мои встречала.
И понял я, поэт, величье наших дней:
Все благо родины теперь в труде едином,
В борьбе за общий мир, за счастье всех людей
Намечен путь прямой народом-исполином.
Куда ни гляну я, на сердце веселей,
В закатном золоте пригорки и долины.
Смолк голос трактора. А серп луны ясней,
Зарайской родины чудесные картины.

1955

Дмитрий Семеновский

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:
— Товарищ! —
Как песня, звучит нам оно.

То — песня во славу труда-миродержца,
То — мост, переброшенный к сердцу от сердца,
То — братьям от братьев привет.
— Товарищ! —
Прекрасней воззвания нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.
— Товарищ! —
То — новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.
— Товарищ,
Мы — сила, мы — воля одна.

1917

* * *

Юных глаз счастливое сиянье,
И волненья радостного дрожь,
Как заветное воспоминанье,
Ты всегда в душе моей найдешь..

Помнишь: увидала, подбежала,
Хорошая сердцем и лицом,
И сияла взором и дрожала
Молодым сквозистым деревцом?

И недаром в том правдивом взоре
Так душа играла и цвела:
На любовь, на радость и на горе
Нежную ты руку мне дала.

В дни сомнений, в дни разубверений
Вспоминал я, милая, не раз
Трепет твой безудержный весенний
И сиянье необманных глаз.

И когда на ложный путь разлада
Мы сбивались, счастья не храня,
Свет того девического взгляда
Возвращал тебе всего меня.

Дни летят. Весна сменилась летом,
В листьях плод тaitся золотой.
Ты лучишься новым ровным светом —
Материнства теплой красотой.

1930

ЛИЦО ЗЕМЛИ

Долго шли мы сечами, полями.
Ветерок трепал вихры овса.
Хмурыми широкими бровями
Синие вдали сошлись леса.

Как морщинка тихой долгой думы,
Пролегла лощинка по полям.
На холме под лиственные шумы
Прислонились избы к тополям.

В молодом порыве ты сказала:
— Милая земля! — И вдруг, припав
К холодку тропы, поцеловала
Шелковинки придорожных трав.

Красота родных раздолий с детства
Дорога нам, но и до сих пор
Мы не можем вдоволь наглядеться
На широкий северный простор.

Любим зиму, радуемся лету,
Росту злаков, ягод и грибов
И утратим только с жизнью эту
Теплую и верную любовь.

1941

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе,—
И отговаривается гром
И в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

1919

КАМЕНЩИК

В. Александровскому

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось — до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро — тоже взносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

1920

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушуйкай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол,
Вы, кудри русые, с доски.
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася, спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запыллил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушуйкай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

1920

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ?

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, внивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?

Он очень мил, мой дядюшка, портняжка,
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышущий так тяжко,
Что позавидует утюг.

Он шумный пьяница, но великолепен
Теплыню искренней его нелепый шум,—
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм.

И как чудесны дядюшкины руки,
Когда, жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.

И этих рук сердечное движенье
Ложится родинкой в моей груди.
Вдруг — солнце! Солнышко... Звени, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза,
И веселится солнце мая,
Красней бубнового туза,
Страстней гармоники играя,
Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам
Струится праздником румяным,
И я глотаю сочный зной...
Ах, дядюшка, скажи родной,—
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я — солнцем пьяным?

Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На следующее поколенья!
Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?

1921

ГАРМОНИСТ

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.

Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.

Высыпал народ на подоконники —
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.

Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

1922

* * *

Я нет-нет — и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим...
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

Только ты одна меня любила,
Ты — завода кровная родня,
Теплая, заботливая сила
От тебя теснилась на меня.

Жизнь гражданской тяжбой волновалась,
Не склонялась жизнь любовь беречь,—
Тяжких дней отрядами врывалась
В тихие часы любовных встреч.

Эх, бывало, услышав тревогу,
Ты срывала нежности порыв
И, оставив строгий след порогу,
На ходу винтовку зарядив,
Своему заводу на подмогу
Ты бежала в гневные ряды.

И, дыша пороховым дыханьем,
Путь марая кровью от следа,
Прибегала, вновь и вновь признаньем
Нежила, сердечна и тверда,—
И своим певучим дарованьем
Я вливался в гневный ряд труда.

Эх, и надо ж было так случиться,
Что явилась, чуждая, она...
Жаркая походка... грудь лучится...
Вся — дразнящей страсти целина.

Знай, что был я духом без ответа,
Что не мог я только побороть
Плоть свою, хмельную плоть поэта,
Падкую на сладостную плоть.

И за ней, за чуждой, за красивой,
От тебя я, милая, ушел,—
Были тщетны все твои призывы,
Даже клич борьбы, как сор, отшел,

Словно с ней, в угоду сладострастью,
Пестрый голос прочих чувств затмил...
Ах, силен телесной женской властью
Потерявший силу старый мир!

Что же проку, и смешно, быть может,
Если после, плотью откипев,
Я готов был против самого же
Обратить рядов рабочих гнев.

Полные великого дерзанья,
Улеглись гражданской тяжбы дни.
Кто под лаской твоего признанья
Твоему заводу стал сродни?

Я нет-нет — и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим...
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

1924

* * *

Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне любя
Не менее — и потому любя,
Что чую я обличий переклички,
Что чую: в маленьком обличье спички
Таится мира пестрая судьба.
Чирк! — и зарумянится
Скрытница огня,
Солнышка племянница,
Солнышка родня.
Деревянным запахом
Полыхнет лесам,
Улыбнется фабрикам,
Дальним корпусам.
Случается: бреду в ночном тумане.
Бреду в тумане плотно одинок.
И, как ребенок, вспомнивший о маме,
Я просяю и взлучусь лесами,
Лесами, корпусами, небесами,
А небеса и сами
Взлучатся дальними мирами, —
Когда нечаянно в кармане
Чуть гроыхнет неполный коробок.

1926

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

Автомобиль рванул — и за спиной,
С полусемейной флотской стариной,
Отбитый пылью, скрылся Севастополь...
И взор — нетерпеливою струной:
Скорей бы море вскинуло волной,
Чтоб осрамить пред пышною страной
Всея оглушительною вышиной
И кипарис и тополь!

Летим— и словно Крым зачах,
Летим — и, словно в обручах,
Мы в кряжах кружим ожиданье:
Да скоро ль прянет волн качанье?
Летим — и прямо на плечах
Громады скал... Коснись — и трах!
Летим, поддразнивая страх,
То под горами, то на горах,—
И хоть бы моря дальнее мерцанье!
Уже черствится Крыму порицанье...
Летим, летим... Резвится пыльный прах...
Летим, летим — и впопыхах
В пролет ворот и — ой! и — ах!
Ах! — и в распахнутых глазах
Пространств блистательный размах,
Пространств морское восклицанье!

1926

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд —
Вскипая в волненье глубоко,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем.
И взгляд мой затеплит слеза:
Со снимка засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец-покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И глаз пронизательный шуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1937

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Сквозь гул Москвы, кипенье городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоём характере простом
Взяла могила эту скромность, кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок? Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменьё
Гвоздем засело в существо мое:
Стою, твоё живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

1955

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(Глава из поэмы)

6

Рванулась в радости земля.
Все города её, поля
Взгляд устремили в Кремль:
Работник,
Хоть он и в древности Кремля,
До новизны большой охотник,

С народом труд всегда деля,
И Ленин вышел на субботник.

Страны главнейшее лицо,
Вождь пролетарской диктатуры,
Он вышел из дому, крыльцо,
Весь Кремль, его стены кольцо
Обдав свежей, чем деревцо,
Всею бодростью своей натуры.

Направился он, шагом скор,
В ту сторону, где разговор
И где от «Варшавянки» дико
Успенский съезжился собор —
Как все, кремлевцы с ранних пор
Шагали с песнями на сбор.
И все — от мала до велика —
В порядке. Лишь один припер,
Так праздник встретивший, что в хор
Не рвался — не вязал он лыка.

И Ленина из-за него
В досаде из-за одного,
Вдруг покорило всего.
Но грянули тут музыканты.
Под гром их труб, под торжество
Пошел он, скор и без того,
Живее марша самого
Туда, где строились курсанты.

И к ним спеша, наискосок
Почти весь двор он пересек.
Пред командиром, невысок,
Великий,
Взял под козырек:
— Товарищ командир!
К вам в роту,
К вам на субботник, на работу
В условленный я прибыл срок.
В строй разрешите встать.—
Но строг

Устав. И в сильное смущенье
Впал командир.
Как в подчиненье
Вождя поставить?
Высший ранг,
Да штатский.

Думал. И мгновенье
Ползло, тяжелое, как танк.
Но счастья вырвалось волнение:
— Товарищ Ленин!
В подкрепленье
Вы станьте к нам
На левый фланг.

— Что ж!
И при царском строе правым
Не числился я.—
И лукавым
Заискрившийся огоньком
В строй звездочек предсовнарком,
В строй гимнастеров, целиком
Поладив с воинским уставом,
Встал в кепке молодцом-бойцом,
Как врос, родной, рабочим, старым,
Своим гражданским пиджаком.

И только встал, как в девять ровно
Команда.
И туда, к местам,
Где шпалы с досками, где бревна
Уродовали Кремль, как шрам,
Строй с песней тронулся,
И сам,
Сам командир запел, но словно
Он скоро звонким голосам
Обрезал песню, вскрикнул там:
— Стой! Вольно! —
И, как с немцем в Ковно,

Пошел в Кремле с разрухой бой.
И Ленин, как мастеровой,
Смешавшись с массою людской,
Бревно вдруг ухватил рукой —
Той самой ленинской, какой
Писал декреты нам о мире
И о земле. И — ой! —
Все глянули, дивясь, и шире

Царь-колокол разинул рот:
Бревно,
Бревно берет,
Взял на плечо, взвалил он — тот,
Кто тяжестей-то нес уж гору,
Кто землю, двинув, как Аврору,

Повел в иной круговорот,
Кто вот уже не первый год
Груз государства, груз работ
И груз огромнейших забот
Нес на себе, сплотив в опору
Партию, народ.

Царь ссылкой проморил, кутузкой.
В побоищах с такой нагрузкой
И вовсе б не легко
Весть в коммунизм, так далеко,
Да закалил в них, как никто,
Ту стойкость, что в народ наш русский
Века вковали глубоко.

При сокрушительном разгроме
Врагов, при смертном их конце,
При братском чувстве к чукчам, к коми,
Всем гением, во всем объеме,
Россия в Ленине, в борце,
В учителе, в предсовнаркоме,
В характере его, в лице,
Горела на крутом подъеме,
Как вдохновение в творце.

Но, русский с головы до ног,
Он, Ленин, был, как мир, широк.
У Маркса взяв борьбы урок,
Он, как орел высокогорный,
Провидел то сквозь даль дорог,
Что даже и с трубой подзорной
Наш глаз увидеть бы не мог.

Как солнышка восход высотник
Скорее, чем другой работник,
Увидеть может, так с вершин
Марксистской мысли он один,
Лишь первый прогремел субботник,
Великий усмотрел почин.

Статью, где каждая страница,
Где каждая ее крупица
Бьет высшей мудрости ключом,
Еще, еще раз перечтем,—
И нет, нельзя не подивиться
Всей прозорливости провидца,
Кого, счастливы с ним сродниться,
Мы звали нашим Ильичем.

Ну не на диво ль до сих пор нам?
Предвидел, как к моторам, к горнам,
Как двинется народ в забой,
Как установленным всем нормам
Он даст такой
Воистину разгромный бой,
Что в век новатором бесспорным
Он вторгнется.
О век ты мой,
Как видел вождь!
Я ни бельмеса
Не смыслил, полон интереса:
Что на коптилку, злее беса
Мне чадом лезшую в нутро,
Смотрел он с фото так хитро?
Сквозь чад коптилок всех остро
Он видел зори ГОЭЛРО,
Он видел солнце Днепрогэса,
Кремля созвездье, блеск метро.

И сам он свет такого рода
Зажег в огромности народа,
Которым и теперь народ,
Как прежде, как живой, ведет
Он в коммунизм.
Где жизнь, свобода

В том совершенстве трудовом
И в том богатстве всенародном,
Что с ним, вождем,
В труде своем
Зачали тем субботним днем,
Тем незабвенным
Днем голодным.

1955

Сергей Городецкий

ПОЭТ

В ямах прошлого могильных
Кем ты был, поэт, всесильный
Над звенящей влагой слов?
Бунтарем ты был бескрылым,
Каторжанином унылым
Или худшим из рабов.

Ты орлом в темнице бился,
Буревестником носился
Или чайкою рыдал.
И в ответ лишь стон бессонный
Под землей закабаленной
Клокотал: — Когда? Когда?

Птице-песне крылья мяли,
Птице-песне горло рвали
И давили грудь пятой.
Слово чахло и ссыхалось,
Слово с мыслью расставалось,
Слово сделалось мечтой.

В горнах наших дней плавильных
Кем ты стал, поэт, бессильный
В старом мире мертвецов?
Созидателем строенья,
Дирижером вдохновенья
И товарищем творцов!

Пред тобой необозримый,
В первый раз людьми творимый
Мир свободы и добра.
И к тебе многомиллионный
Зов земли раскрепощенной
Обращен: — Пора! Пора!

Птицы-песни взлет свободен,
Птицы-песни голос годеи
И в бою и за трудом.
Слово чувством накалилось,
Слово мыслью утвердилось,
Слово стало рычагом.

1935

ГОРЮШКО

Без призора ходит Горе
От одной избы к другой,
И стучит в окно к Федоре,
Старой сватье дорогой:

— Отвори, Федорушка,
Отвори скорей!
Это я тут, Горюшко,
Плачу у дверей.

— Нет с Федорой разговора,
Ты мне, Горе, не родня!
Хлеба горы, денег ворох
Получила с трудодня.

Горе шаст в другую хату,
Где в окошках шум и свет,
И стучится в двери к свату,
Другу прежних, горьких лет:

— Приюти, Егорушка,
Сватыюшку свою!
Это я тут, Горюшко,
У дверей стою!

У Егора с Горем ссора:
— Уходи от хаты прочь!
За колхозного шофера
Выдаю я замуж дочь.

Горе плачет, пот струится
По костлявому лицу,
И в окно оно стучится
К многодетному отцу:

— Отвори, Сидорушка,
Пропусти в жилье!
Ты ведь помнишь Горюшко
Вечное свое!

— В Красной Армии три сына.
В школу отдал дочек трех.
Тут седьмые октябрины!
Не марай ты мой порог!

— Что с народом приключилось?
Не видало отродясь!..—
Горе лужицей расплылось,
Солнце высушило грязь.

1937

В ТУ НОЧЬ

Я помню кладбище железное большое:
За городом,
В широком тупике,
Рядами черными стояли паровозы,
Скованные сном.
А перед ними храмом опустелым
Уныло высилось кирпичное депо.
Оставив службу, горны потушив,
Ушли рабочие сражаться.
Ушли...
И длинные, пустые тянулись дни.
Не громыхало,
Не лязгало железо,
Не грохотали молотки.
И только дождь
Пронзительный и пестрый
Струился долго и упорно
На это кладбище большое,
На эту мертвую и сумрачную мощь.

И вот не знаю —
Видел ли во сне,
Иль это все случилось наяву:
Была осенняя глухая ночь,
Была на кладбище густая тишина.
Безмолвные стояли паровозы
И, темный пыл в себе тая,
Застывшим ужасом железным
В пустые пятались поля.
И вдруг гудок,
Над мертвыми гудок тревожный
Отчаянно заклокотал,
И всколыхнулись паровозы.

Тенями черными хватаясь
За вспугнутую темноту,
И громоздясь и громохая,
Вздохнули грузно.

Пульсируя цилиндрами,
Ударил в поршни мощный пар,
И регуляторы открылись...

И поступью чугунной
На рельсы налегая,
Стенаньями и гулом
И ревом разрывая мрак,—
Резервной армией в чудовищном порядке
Тронулись тревожно паровозы.
Земля вздрагивала,
Ширились, приподымались небеса,
И отступающая луна
Озаряла
Железное восстанье паровозов...

В ту ночь
Рабочие вступили в город.

1922

ПРОЩАНИЕ С КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПОЙ

Горяча заката киноварь.
Вот с нее начать бы мне
Сказ о лампе керосиновой,
Об уездной старине.

Пожилую, неприветную,
Закоптелую, в пыли,
Мне вчера подругу медную
Из чулана принесли.

За окном соборов зодчество
Без крестов и без огней.
Я затеплил в одиночестве
Лампу юности моей.

Сразу все былое вспомнилось:
Ночи, зори, петухи,
Золотое пламя «молнии»
На мои лилось стихи.

Покорясь мечтам и чаяньям,
Дерзок, прыток и упрям,
Я навек бросался в плаванья
По развернутым морям.

Я по странам неисхоженным
С караванами шагал.
Над стихами невозможными
И смеялся и рыдал.

Помнишь, лампа, время зимнее.
Ночь. Беспамятство снегов.
Девушке с глазами синими
Говорил я про любовь...

Ты всему была свидетелем.
Но однажды в час ночной
Догорела, не заметила,
Я покинул дом родной.

Тишину твою уездную,
Сад с оркестром в полумгле
И свою каморку тесную
С кипой книжек на столе,—

Все, что сердцу было дорого,
Все оставил, разлюбил,
И в огнях большого города
В Революцию вступил.

Годы шли крутые, быстрые,
Буреломные года.
По стране рассветной выстрелы
Грохотали. А когда,

Вслед за песнею победною,
Вспыхнул свет электроламп,
Керосиновую, медную
Отнесли тебя в чулан.

Под портретом государевым,
Возле сваленных икон,
Отсияло твое зарево,
Схоронился медный звон.

Отошла в былое бедная
Дней уездных тишина...
Керосиновая, медная,
Никому ты не нужна.

Нынче всюду электричество.
Край наш вятский знаменит.
Но тот пламень твой лирический
До сих пор во мне звенит.

Попрощаемся, ровесница,
Лампа юности моей.
Передам тебя я с песнею
В краеведческий музей.

Будешь ты под черным номером,
Мало места занимать,
Обо всем, что было-померло,
Будешь ты напоминать.

Может кто-нибудь, задумавшись,
Вспомнит ночи при огне
И мечты мужавших юношей
Там, в уездной тишине.

Горяча заката киноварь...
И со всею стариной
Город в славе керосиновой
Потухает предо мной.

1928

ПРИВЕТ ВОДЕ

Не в круговом ли бурь движении
До красочных долин Аму
Дошел песчаным наваждением
Сахары огненный самум?

Теченья рек, границы сломаны
И где зеркалился Узбой,
Все оказалось завоеванным
Песками, зноем и тоской.

Невыносимое видение:
Безводная сухая ширь!
Из ночи в ночь ты шла, Туркмения,
Вращая вековой чигирь.

Ты на песках была распластана.
Страна неволи и беды.
И солнце жгло, и ветер властвовал,
И люди гибли без воды.

За барханами, за колодцами
По беспамятным пескам
Ходит, бродит вместе с овцами
Одногорбая тоска.

Ни воды, ни корма малого,
А колодцы пусты.
Только ветры, ветры шальные
Да колючие кусты.

Ой, кочевье невеселое,
Суховейный черный год.
Горевал, повесив голову,
В Кара-Кумах скотовод...

И вдруг вода речная, полая,
Крутой широкой полосой,
Вода, как свет, в пустыню голую,
В Келифский хлынула узбой.

Привет воде! Цвети, Туркмения!
Идет вода, кипит волной,
И ей навстречу с упоением
Шуршат пески на водопой.

Там, где когда-то бесполезная,
Бесплодная была земля,—
Машина поступью железною
Открыла новые поля.

И ныне там встают оазисы,
И, славя первый водомет,
Ушылая пустыня Азии
Сама себя не узнает.

И ветром влажным, небывалым
Шумит песчаный океан...
Так здесь открытием канала
Был начат пятилетний план.

1930

В АРАВИЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

В пустыне законы жестоки,
И когда не под силу кладь,
И отказываются у верблюда ноги,
Отказываются шагать,

Его подбадривают ударами
Безжалостные проводники,
Пока не падает старое
Животное на пески.

И, увидев, что время верблюду
Умирать,
Со спины натруженной люди
Равнодушно снимают кладь.

Обнажаются кровоточащие, стертые
Верблюжки его горбы.
Но он голову держит гордо
Для последней в жизни борьбы.

И, не чувствуя боли незаживлённых,
Запекающихся под солнцем ран,
Глядит тоскливо и удивленно
На уплывающий караван.

Ему тяжело и душно.
Ослепительно льются пески.
И когда ни глаза, ни уши
Не улавливают удаляющейся тоски,

Покинутое животное
Вдруг начинает понимать,
Что не пить ему больше воду,
Не встать.

И внезапной объятое болью,
Чуя свой наступивший срок,
Гордую голову
Роняет на песок.

А пустыня колышется,
Вспыхивает, тускнеет,
И, курясь на барханах дымком,
Его вытянутую шею
Не спеша замечает песком.

И не слышит он, бездыханный,
Здесь могилу нашедший верблюд,
Как вдали бубенцы каравана
Без него не смолкая поют.

Александр Безыменский

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,—
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

О ШАПКЕ

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней.
Кто о чем,
А я — о шапке
Котиковой,
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глаза ведь под ней, а лучи!
Потому что ее
По ордеру
Получил.

.

В девятнадцатом в Киев на отдых
Я, усталый, приехать смог,
И, покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод-волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк...

Да, о шапке...
И вот, оттуда,
Я в Москву, на военный сбор,
И в Цека получил, как чудо,
Ордер
«На головной убор».

Ордер этот
В охапку.
В распределитель путь.
Получил я там — летом! —
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь...

.
И теперь вот, сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин,
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин.

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И, прочтя бюллетень о банкноте
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик:
С думой грозовой:

Пусть катается нэпман на форде,
Проживает в десятках квартир...
Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

1923

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают, — в руках чего-то нет...

— Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь? —
И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало.
Такой беды большой — еще никто не знал!
Вчера, вчера лишь я в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почувал.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН
О МАЛЕНЬКОМ ФЕЛЬЕТОНЕ

Издад редактор тяжкий стон:
— Мне нужен острый фельетон!

Такой, где нет обычной темы,
А есть вопросы и проблемы,

Такой, где каждая строка
Острей солдатского штыка!

...Я услышал тираду эту
И фельетон принес в газету.

Ах! Я дотоле не знавал
Таких восторженных похвал.

Мой фельетон ударил в точку!
Запомнят в нем любую строчку

И старики и молодежь!
Вот так он, стало быть, хорош...

Но с той поры (не меньше года)
Я слышу речь такого рода:

— Тут страсти слишком горячи...
Ты их немножечко смягчи!

— Смягчил? Посмотрим. Вяло! Вяло!
Вся острота почти пропала!

Мы кое-кем в штыки взяты
За недостаток остроты.

И это правильно: в идее
Мы все должны писать острее.

— Ты переделал вновь? Добро!
Но это слишком уж остро...

Я восхищаюсь мыслью смелой.
Но все же, братец, переделай...

— Ты переделал? Красота!
Но где же, братец, острота?

У фактов есть свое значение,
Но где же, братец, обобщенье?

— Ага! Ты всё, что надо, внес
В тобою поднятый вопрос?

Однако нас берет тревога:
Тут остроты немного много!

Все факты можешь ты назвать,
Но их не стоит обобщать...

Ты напиши умно и мило,
Чтоб это не было — и было,

Чтоб, не задевши, задевать
И, обобщив, не обобщать.

Чтоб в обличении порока
Все было узко и широко.

Чтоб для людей была строка
И беспощадна и мягка,

Чтоб гнев граничил с доброю,
Чтоб злость лучилась теплотою,

Чтоб ярость нежною была,
А нежность, — яростна и зла,

Чтоб устремленность боевая
Кричала, рта не раскрывая!
Чтоб в строчках бешеных тирад
Был яд, как мед, а мед, как яд.

Друзья! Мораль нужна едва ли.
Вы всё поймете без морали,
Услышав тяжкий, скорбный стон:
— Мне нужен острый фельетон!

1948

ПОВЕСТЬ
О НЕВЕРОЯТНОМ ПРОИСШЕСТВИИ,
СЛУЧИВШЕМСЯ РЯДОМ С НАМИ

1

Наверно, в юности своей
И вам нередко приходилось
Читать про нежных, добрых фей,
Чья чудодейственная милость
Вносила счастье в жизнь людей.

Мы утверждать отнюдь не будем,
Что феи в наши времена
Уж очень часто ходят к людям,
Как было в сказках. Но одна...
Одна из них глубокой ночью,
Когда шумливый город стих,
Была увидена воочью
Четой супругов Клешниных.

2

Семен Викентьевич Клешнин,
С женой встречая день воскресный,
В ту ночь топил большой камин
И услаждался тихой песней.
Был дом, где жили Клешнины,
Богат центральным отопленьем,
Но, как всегда, считаясь с мнением
Своей возлюбленной жены,
Клешнин построил два камина,
Чтоб жены всех его друзей,
По выраженью нежной Нины,

Утопли в зависти своей.
Расположась в домашнем мире,
Супруги — нынче, как вчера,—
Вели беседу о квартире,
Где жили года полтора.
Она, конечно, много лучше,
Чем та, которая была,—
Но полнота благополучья
Все время к лучшему звала.
Ведь весь народ, в стране живущий,
Предназначает ширь земли
Для их потребностей растущих!
А их потребности росли...
Давно квартира тесной стала.
Что ж? Комнат в ней — всего лишь пять,
И нет порядочного зала,
И мебель некуда девать.
Ну, словом, в длинном разговоре
Семейный порешил совет,
Что их жильё — сплошное горе,
Что их квартиры — хуже нет...
И вдруг,

дрожа и холодея,
Они замолкли. Пламя!.. Взрыв!
К ним из камина

вышла фея,

Их красотою ослепив.
— Не бойтесь!— вымолвила гостья.
Зовусь я — фея очага.
Вы о квартире думать бросьте.
Мне ваша участь дорога.
Я услышала ваши речи
И вам хочу во всем помочь.
На двух крылах

мечте навстречу

Я понесу вас в эту ночь,
Чтоб выбрать вы себе сумели
Квартиру, лучшую в стране,
И если вы добьётесь цели,
То счастье выпадет и мне.

Волшебной палочки движенье —
И очутились Клешнины
В большом квартирном помещенье
Большого города страны.

Себе найдя жилье такое,
 Все говорили бы одно:
 Благополучие земное
 В нем целиком воплощено.
 Блеск будуара, зал просторный,
 Ковры, блестящие полы,
 Колонны мраморной уборной —
 Всё было выше похвалы!
 Шесть комнат были так удобны,
 Столь хороши и велики,
 Что их описывать подробно
 Нам, безусловно, не с руки...
 Семен Клешнин без восхищенья
 Смотрел на эту благодать,
 Хоть можно было, без сомненья,
 Его к жилищу отношенье
 Благожелательным назвать.
 Зато усердствовала Нина.
 Она по комнатам прошла,
 Вникая в каждую картину,
 Тарелку, вышивку, перину
 Хозяйски зло, не торопясь.
 Она узнала, где кухарку
 Впускать удобно и куда,
 Горит ли свет в удобствах ярко,
 Легко ль спускается вода.
 Она проверила степенно
 Стекло, фарфор, литые бра,
 Узор любого гобелена,
 Добротность каждого ковра.
 За час хозяйского аврала
 Она закончила обход
 И, севши в кресло в центре зала,
 Железным голосом сказала:
 — Нет. Это нам не подойдет.

— Но почему?— спросила фея.
 — Что ж,— заявила Клешнина,—
 Я притворяться не умею.
 Всю правду выложу сполна.
 Я говорю сейчас за мужа,
 И говорю я потому,
 Что знаю лучше, а не хуже,
 Все то, что хочется ему.

Тут все подобрано умело
Под стиль «Барокко-советик».
А мой Клешнин, скажу вам смело,
К такому стилю не привык.
Не этот стиль в его натуре.
У Клешнина иной масштаб,
Хотя его номенклатуре
Квартира эта подошла б.
Есть легкомыслие в барокко.
Изящен? Да! Но через край.
В барокко мужу — мало прока:
Ему, летящему высоко,
Монументальное подай!
Душевным складом и рукою
Тяжеловесен мой Клешнин.
Кто воплотил в себе такое
Величье властное, земное?
Ампир! Единственный один!
Мой вывод: нам нужна квартира,
Где был бы наш, клешнинский, шик,
А это значит —
 стиль Ампира...
Конечно, тоже советик.

... Клешнин не вымолвил ни слова.
Все было сказано женой.
— Пойдем искать жилья другого, —
Решила фея. — Марш за мной!.. —
Волшебной палочки движенье —
И очутились Клешнины
В другом квартирном помещенье
Большого города страны.

4

Предупредить нам нужно сразу
Всех квартирантов всех квартир,
Что автор этого рассказа
Терпеть не может стиль Ампир.
Сей автор дьявольски упорен
В подобном мненье потому,
Что стиль ампирный, жизнь позоря,
Ему принес немало горя,
Да и не только лишь ему.
— Что? — говорят нам, — стиль искусства
Рождает горе? Явный бред!.. —

На эти мысли, эти чувства
Имеет автор свой ответ.
... Стоишь в ампирном кабинете —
И ты придавлен, жалок, мал,
Как будто ты в хоромы эти
По барской милости попал.
Тут мненья вашего не спросят,
Вершат единоличный суд,
Противоречья — не выносят,
На возражения — плюют.
Вас выпирают вещи грудью,
Во всем выказывая спесь,
И нагло вдалбливают людям,
Что человек, царящий здесь,
Имеет право в мире этом
Во славу мненья своего
Пренебрегать чужим советом,
Да и не спрашивать его;
Он так в поступках независим,
Что для него и смысла нет
Внимать укорам частных писем
И выступлениям газет;
Он так налаживает дело,
Что на собрании любом
К трибуне ловко и умело
Лишь тех пускают,

кто всецело

Готов служить ему во всем;
Любыми средствами, честь-честью,
Поддержит он чиновный клир
Людей, что с ним внедряют вместе
Во всех инстанциях — Амфир;
Он, все на свете сам решая,
Давя, карая, жить мешая,
Сел в кабинет Амфир пашой...
Порой вся статья его — чужая,
И личность это небольшая,
Но шум вокруг нее — большой.

... А вот вам зал для заседаний,
И в этом зале — стиль Амфир.
Твой мозг в тисках. При всем желанье
Ты над собой не командир.
Такой парад в помпезном зале,
Что ты сидишь угрюм и нем.
Того, что здесь тебе сказали,
Критиковать нельзя совсем.

Превознося, хваля, ликуя,
Ты вправе выдать на-гора
Одно лишь мнение: «аллилуйя!»,
Одну лишь мысль: «ура — ура!»
Предельно строг в ампирных залах
Иерархический ранжир...
Коль строят стиль на сих началах
В приемных скромных,
 в залах малых,
То это все же — стиль Амбир.

А в чем тут горе?
 В том... Простите!
Мы не ответим вам сейчас.
Клешнин торопит ход событий,
Пора продолжить наш рассказ.

5

Был стиль Амбир безукоризнен
В жилье, отысканном для них,
Двоих супругов Клешниных...
Здесь говорил о пышной жизни
Любой предмет и каждый штрих.
Все вещи были в старом стиле,
Но в них, у мира на виду,
Кой-где художники вlepили
Златые серп и молот или
Пятиконечную звезду.
— Квартира выглядит богато
И мило. Что ж! Оставайтесь в ней,
Хотя она великовата
Для не имеющих детей,—
Сказала фея.

 Тут супруги
В нее такой вперили взгляд,
Что фея вздрогнула в испуге
И подалась на шаг назад.

Пошли супруги по квартире...
Они довольны были всем:
Второй этаж, и все в Амбире,
И есть гараж, и комнат семь.
Но беспощаден червь сомненья.
Он в душах алчущих не спит...

Да! Это было то мгновенье,
Когда приходит аппетит.
На замечательном жилище
Ведь не сошелся клином свет?
А ну-ка, лучшего поищем!
Коль можно — почему бы нет?
И Нина тотчас же прервала
Не очень длительный обход
И, севши в кресло в центре зала,
Ленивым голосом сказала:
— Нет. Это нам не подойдет.

— Но почему? — спросила фея.
— Здесь мебель все-таки стара,
И нет шедевров корифеев,
И очень мало баккара.
Но есть вопрос еще серьезней,
И он решающий сейчас.
Да, тут Амфир — но слишком поздний,
Что не устраивает нас...

6

За часом час растил и множил
Число показанных квартир,
А Клешнина одно и то же
Твердила: — Здесь не тот Амфир...

Клешнин держался возле феи,
Боясь, что шелест этих слов
Стереотипностью своею
Ей надоест в конце концов.
Руководимый директивой
Предотвращать возможный спор,
Он с ней завел полушутливый,
Полусерьезный разговор.
Легко ли фее без лифтера
Подняться в рай, спуститься в ад?
Где у волшебницы контора?
Какой назначен ей оклад?

Она отшучиваться стала.
Смеялась чуть ли не до слез...
И вдруг, — подумавши, — сказала:
— Я вам в ответ... задам вопрос.
Конечно, надо жить красиво
И в учрежденьях и в домах.

Но где, Клешнин, приобрели вы
В таких делах такой размах?
Отличной мебелью неплохо
Украстить свой домашний быт,
Но стиль Амбир?.. Не та эпоха!
Ни суть. Ни дух. Ни реквизит.
Присущ советским поколениям
Другой, как будто бы, устав.
Вы — из крестьян происхождением,
А по замашкам — явный граф!

— Я вам отвечу очень просто,
Поскольку мы уже друзья.
Костюм — ты шьешь себе по росту,
А модус жизни, что ж? Нельзя?
Хоть я не граф, но я — фигура!
Свой стиль иметь она должна...
Мой пост... Моя номенклатура...
Мои привычки... Быт... Жена...
У нас вещичек — половина
Тех, что соседка завела...

На счастье,
 к ним вернулась Нина.
Квартира ей не подошла.

7

Стремясь потрафить поскорее
Мечте супружеской четы,
Квартиру выискала фея
Необычайной красоты.
В таком густом разнообразье
Был стиль Амбир представлен в ней,
Как будто в творческом экстазе
Над этим скопищем вещей
Трудились целые шеренги
Виньонов, Мартосов, Бове,
Жакобов, Энгров и Кваренги
С самим Давидом во главе.

Едва дыша,
 по гулким залам
Бродила Нина Клешнина.
Ни слов, ни мыслей не хватало.
Она была потрясена.

Зато безмерно равнодушный
К вещам, толпившимся вокруг,
Одной мечте своей послушный,
Застыл, как столп, ее супруг.
Великим замыслом объятый,
Он в этот миг напоминал
Одну из тех ампирных статуй,
Что заполняли главный зал.

Виток ползучий мысли жгучей
Сейчас подсказывал ему,
Что пропустить подобный случай
Нельзя. Преступно. Ни к чему.
Он подозвал свою супругу,
Набрался храбрости и сил
И, кулаки сжимая туго,
Сказал,— вернее, возгласил:

— Товарищ фея! Мне б хотелось
Вам все сказать. Начистоту.
Простите мне мою мечту,
Непозволительную смелость,
Но промолчать сейчас — увы!—
И не хочу и не могу я.
Скажите,

 можете ли вы
Найти квартиру мне такую,
Чтоб лучшей не было в стране
И даже больше — в целом мире;
Чтоб видеть можно было мне
И в кабинете и в квартире
Поток бесчисленных людей
И знать, что все они готовы
Считать мое любое слово
Всех слов услышанных ценней;
Чтоб обстановка в лучшем стиле
Была дана в квартире той;
Чтоб золотое изобилье
Квартир, что вы нам предложили,
Пред ней казалось ерундой;
И чтоб с любого края света
Для всех людей наперечет
Была видна квартира эта
И, значит, тот, кто в ней живет...

У Нины руки задрожали,
И сердце замерло в груди.
Прогонит фея! Мы пропали!

Что ждет Семена впереди?
Пришла беда! Ой, лихо, лихо!
Она согнет его в дугу!..

А фея вымолвила тихо
Простое, краткое:
— Могу.

Волшебной палочки движенье —
И очутились Клешнины
В квартирном тихом помещенье
Большого города страны.

8

Имело все в квартире этой
Характер свой, лицо свое.
Теплом сердец была согретой
Любая комната ее.
Глядишь на комнату с порога —
И просто глаз нельзя отвести...
Вещей и мебели — немного.
Но все, что нужно людям, — есть.
Мал гарнитур.

Но плотно спаян
С квартирой, комнатой, людьми.
Здесь вещь — не идол, не хозяин,
А друг,

соратник,
член семьи.

Душе и мыслям тут не тесно.
Размер квартиры невелик,
Но всюду в ней

простор чудесный,

И всюду книги: много книг.
Хоть в каждой комнате квартиры
Одно окно, — всего одно, —
Видны весь мир и люди мира
В такое светлое окно.
Вперед шагая осторожно,
По тихим комнатам скользя,
Все в пять минут увидеть можно,
А наглядеться — нет, нельзя.
Сердца квартира поражала
Душевной цельностью своей.
Она светила и дышала
В пространстве, выделенном ей,

Той благородной красотой,
Той величавой простотой,
В которой все — тебе родное,
В которой ты — всему родной...
Недвижно стоя возле феи,
Тайком грозя ей кулаком,
От черной злобы багровея,
Семен Клешнин глядел кругом,
Не увидав уюта, света,
Веселья комнат небольших...

Он пересчитывал предметы!
Он видел вещи — только их!
Окаменевший, страшный, лютый,
Он, как бухгалтерский Кашей,
Себе составил в полминуты
Реестр увиденных вещей:

«Четыре комнаты с прихожей,
Везде — некрашенный паркет.
Большой комод, на шкаф похожий.
Ковров и штор в квартире нет.
Две-три кушетки. Шкаф для платья.
Простой диван. Простой металл
Никелированных кроватей.
Простые ткани одеял.
Куб для воды. В шкафах посуда
Разнокалиберна, проста.
Еще и то в квартире худо,
Что сотни книг стоят повсюду,
Отбив у мебели места.
Рабочий столик в кабинете.
Обычный письменный прибор...
И это мне красоты эти?
Позор! Немыслимый позор!»...

Клешнин взъярился.
Не жалея
Обид, издевок и угроз,
Чиня разнос противной фее,
Он, задыхаясь, произнес:

— Довольно! Хватит! В вашей воле
Меня в подвал вселить с женой,
Но никому я не позволю
Так издеваться надо мной!

И это, значит, та квартира,
Которой лучше не найдешь
Во всех домах страны и мира?³
Брехня! Безнравственная ложь!
Да я бы, сколько там ни сетуй
На мой начальственный прижим,
Не предложил квартиры этой
Мельчайшим служащим своим.
Не будем спорить. Мы не дети.
Мы знаем толк в людской судьбе.
Да можно ль в этом кабинете
Внушить почтение к себе?
Да можно ль в комнатах подобных
Принять влиятельных людей,
Своим содействием способных
Тебя продвинуть побыстрей?
Да можно ль здесь, при всем желанье,
Уменье, выдумке любой,
Суметь наладить расстоянье
Между собою и толпой?
Квартиру вы займите сами.
В ней стиль — подходит вам вполне.
Но этот стиль

предложен вами

Кому?

Подумать только!

Мне!.. —

В ответ на шторм словесной бури
Он не услышал ничего.
Свои глаза слегка прищуря,
Смотрела фея на него
С тем любопытством и вниманьем,
С которым граждане глядят
На недоступный пониманью
Предельно стильный экспонат.
Когда ж

клевшинская отвага

Сполна проявлена была,
Она спокойным тихим шагом
К нему вплотную подошла —
И очень просто,

но сурово,

С презреньем, яростью, огнем,
Произнесла одно лишь слово,
Да так,

что в мире грянул гром,

И пронеслись его раскаты

По анфиладам тех квартир,
Где были люди, что объяты
Мечтой внедрить в свои палаты
И в жизнь отчизны
 стиль Амфир...

9

Чтоб стало ясным, в чем тут дело,
Я вас уведомить рискну
О всем,
 что фея не успела
Сказать Семену Клешнину.

Советским людям не жалея
Квартиры, лучшей на земле,
Ему показывала фея
Квартиру Ленина
 в Кремле.

1 мая 1956

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара — не подступи!
Конная Буденного
раскинулась в степи.

Все, что мелкой пташкой
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети!

Не сынки у маменек
в помещицьем дому —
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку,—
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем,
так растопчем всякую
гадину конем!

Никто пути пройденного
назад не отберет,
Конная Буденного
армия — вперед!

1923

РУССКАЯ СКАЗКА

1

Говорила моя забава,
моя лада, любовь и слава:
— Вся-то жизнь твоя — небылица,
вечно с былью людской ты в споре,
ходишь — ищешь иные лица,
ожидаешь другие зори.

2

Люди чинно живут на свете,
расселясь на века, на версты,
только ты, схватившись за ветер,
головою в бурю уперся,
только ты, ни на что не схоже,
называешь сукно — рогожей.

3

Отвечал я моей забаве,
моей ладе, любви и славе:
— Мне слова твои не по мерке
и не впору упрек твой льстивый,
еще зори мои не смеркли,
еще ими я жив, счастливый.

4

Мне ль повадку не знать людскую,
 обведешь меня словом ты ли?
 Люди больше меня тоскуют,
 видишь — ветер винтом схватили,
 видишь — в воздух уперлись пяткой,
 на машине качаясь шаткой.

5

Только тем и живут и дышат —
 довести до конца уменье:
 как такие вздумать снаряды,
 чтоб не падать вниз на камень,
 чтобы каждый — вольный и дошлый —
 наступал на облак подошвой.

6

И я знаю такую сказку,
 что начать, так дух захолонет.
 Мне ее под вагона тряску
 рассказали в том эшелоне,
 что, как пойманный в клетку, рыскал
 по отрезанной Уссурийской.

7

Есть у многих рваные раны,
 да своя болит на погоду,
 есть на свете разные страны,
 только к той, что узнал, — нет ходу.
 Если все их смешаю в кучу,
 то и то тебе не наскучу.

8

Оглянись на страну большую, —
 полоснет пестротой по глазу
 Люди в ней не живут — бушуют.
 Только шума не слышно сразу, —
 от ее глубокого вала
 и меня кипеть подмывало.

9

Вот расплакалась мать над сыном
 в том краю, что со мною рядом,
 в этом — пахнет пот керосином,
 рыбий жир в другом — виноградом;
 и сбежались к уральской круче
 горностаевым мехом тучи.

10

Вот идет верблюд, колыхаем
 барханами песен плачевных,
 и на нем, клонясь малахаем,
 выплывает дикий кочевник;
 среди зарев степных и марев
 он улиткою льнет к Самаре.

11

А из вятских лесов дремучих,
 из болот и ключей гремучих,
 из глухих углов Керемети,
 по деревьям путь переметив,
 верст за сотню, а то сот за пять,—
 пробирается легкий лапоть.

12

Вон из дымного Дагестана,
 избочась на коне потливом,
 вьется всадник осиным станом,
 синеватым щеки отливом.
 А другой, разомчась с предгорий,
 за спиной оставляет зори!

13

А еще в глухом отдаленье,
 где морская глыбь посинела,
 тупотят копыта олени
 под луною окоченелой:
 медный остров, выселок хмурый,
 шлет покрытых звериной шкурой.

14

Отовсюду летят и мчатся,
звонит повод, скрипит подпруга —
это стягиваются домочадцы,
что не знали в лицо друг друга.
Из становой и из урочищ
собирает их старший родич.

15

Он лежит под стеною Кремлевской,
не велик и не грозен с виду,
но к нему — всех слез переплески,
всех окраин людских обиды,
не заботясь времени тратой,
поспешают вдогон за правдой.

16

Он своею силой не хвастал,
не носил одежды парчовой,
но до льдов, до снежного наста
им вконец весь край раскорчеван.
В Бухаре и в Нижнем Тагиле
говорят о его могиле.

17

Что же ты грустишь, моя лада,
о моей непонятной песне?
Радо сердце или не радо
жить с такою судьбою вместе?!
Если рада слушать такое,
не проси от меня покоя.

18

Знать, недаром на свете живу я,
если слезы умею плавить,
если песню сторожевую
я умею вехой поставить.
Пусть других она будет глуше,—
ты ее, пригорюнясь, слушай!

1924

ДОМ

Дом стоял у города на въезде,
окнами в метелицу и мглу,
близостью созвездий
думалось и бредилось ему.
Зоревое пламя
било в стекла,
плыл рекой туман,
дом дышал густыми коноплями,
свежестью, сводящею с ума.
Он хотел крыльцом скрипучим дергать,
хлопать ставней, крышей грохотать,
дом хотел шататься от восторга,
что вокруг такая благодать;
что его, до стрех обстав, подсолнух
рыжей рожей застил от других,
точно плыл он на прохладных волнах
калачей и лопухов тугих.
Что с того, что был он деревянным,
что приштопан к камню, в землю врос, —
от него тянулись караваны
свежих рощ и вороненых гроз.
Он кружился с ними, плыл и таял
и живущим помыслы кружил.
До него от самого Китая
долетали синие стрижи.
Он кружился и гримасы корчил,
млел огнями, тьмою лиловел,
и его
ветров весенних кормчий
вел других ковчегов в голове.
А когда рябила осень лужи
и брало метелицей кусты,
дому становилось хуже:
он стоял примолкшим и пустым.
Только это с улицы казалось,
а внутри он полон был и жив.
Даже если вызывал он жалость,
сам себя, смеясь, ловил на лжи,
так как — зорь зарозовевший иней —
стекло заалмаженный узор
спыхивал и цвел, как хвост павлиний,
синей и зеленой бирюзой.
И, дымясь под первую порошей,
коренастый, тихий, небольшой,

он вставал опять такой хороший,
со своею дымчатой душой.
И тепло запечное не тратя
и забив оконные пазы,
по косым, линованным тетрадам
он твердил столетние азы.
И такой же тишью невредимы,
заморозком взятые в тиски,
по соседству подымались дымы —
буден безголосые свистки.
В доме — плыли тени
кошки, кружки, фикуса, луны,
детских откровений и смятений,
тишины и старины.
Сквозь пазы растрескавшихся кафель
плыл жарок и затоплял края,
где бесовый стариковский кашель
гул вливал в разошедший рояль.
В доме пели птицы —
сойки, коноплянки и хлесты.
И теперь еще мне птичий щебет снится,
зори, росы, травы и кусты.
И теперь — глаза бы не глядели,
уши бы не слушали — иной,
кроме той передрагсветной трели,
что будила детство за стеной.
И когда, тавровое мещанство,
я теперь смотрю тебе в глаза,
я не знаю, где я умещался,
кто мне это в уши насказал.
Может, в клетке, может, из-за прутьев,
горькой болью полный позарез,
в сны мои протискивался грудью
свежезаневоленный скворец?!
Потому не дни, не имена я, —
темный страх в подзорье затая,
лишь тебя по бревнам вспоминаю,
дом мой, сон мой, молодость моя!

1925

МАЛЬЧИК

Голос свистит щегловый:
мальчик большеголовый,
встань, протяни ручонки
в ситцевой рубашонке!

Встань здесь и подожди-ка:
утро сине и дико,
всех здесь миров граница
сходится и хранится.

Утро сине и тихо,
солнца мокра гвоздика,
небо полно погоды,
Сейма сияют воды.

Пар от лугов белесый
падает под березы;
желтый цветок покачивая,
пчелы гудят в акациях.

Мальчик большеголовый,
облак плывет лиловый,
мир еще занят тенью,
весь в пламенах рожденья.

Не уходи за это
море дождя и света,
чуй — кочаны капусты
шепчут тебе: забудься!

Голос поет щегловый:
мальчик большеголовый,
встань, протяни ручонки
в ситцевой рубашонке!

Огненными вихрами
сразу пять солнц играют,
счастье стоит сторицей,
сдунешь — не повторится!

Шелк это или ситец,
стой здесь, теплом насытись.
В синюю плавься россыпь,
искрами брызжут росы.

Не уходи за это
море дождя и света,
стой здесь, глазком окидывая
счастье свое ракиотовое!

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую —
все нежней и все тесней,
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням,
в те года, как выюга выючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя,

где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устал,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

1927

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

I

Сто довоенных внушительных лет
стоял императорский университет.
Стоял, заложив угла во главу
умов просвещение и точность наук.
Но точны ль пределы научных границ
в ветрах перелистываемых страниц?
Не только наука, не только зудеж,—
когда-то здесь буйствовала молодежь.
Седые ученые в белых кудрях
немало испытывали передряг.
Жандармские шпоры вонзали свой звон
в гражданские споры ученых персон.
Фельдъегерь, тех споров конца не дождав,
их в тряской телеге сопровождал.
И дальше, за шорох печористых рек,
конвойным их вел девятнадцатый век.

II

Но споров тех пылких обрывки, обмылки
летели, как эхо, обратно из ссылки.
И их диссертаций изорванных клочья,
когда еще ты не вставал, пролетарий,
над синими льдами, над царственной ночью,
над снами твоими, кружась, пролетали!
Казалось бы — что это? Парень-рубaha,
начитанник Гегеля и Фейербаха,
не ждя для себя ни наград, ни хваленья,
встал первым из равных на кряж поколенья!
Да кряж ли? Смотрите, ведь мертвые краше
того, кто цепями прикован у кряжа,
того, кто, пятой самолюбье расплющив
под серенькой русского дождика хлющей,
стоит, объармован позорной доскою,
стоит, нагружен хомутовой тоскою!
Дорога плохая, погода сырая,
вот так и стоит он, очки протирая,
воды этой тише, травы этой ниже,
к бревну издевательств плечо прислонивши.
Но, небо в свидетели призывая,
смотрите, как грозно сверкают зарницы,
следите, как туча растет грозовая:
терпенье народа имеет границы!

Сто довоенных томительных лет
стоял императорский университет.
На север сея, стоял, и на юг,
умов просвещение и точность наук.
Но точны ль пределы научных границ
в ветрах перелистываемых страниц?
С наукой власть пополам подела,
хранили его тишину педеля...
Студенты, чинной став чередой,
входили в вылощенный коридор.
По аудиториям шум голосов
взмывал, замирал и сникал полосой.
И хмурые своды смотрели сквозь сон
на новые моды ученых персон,
на длинные волосы, тайные речи,
на косовороток подпольные встречи,
на черные толпы глухим ноябрем,
на росчерк затворов,
на крики: «Умрем!»,
на взвитые к небу казацкие плети,
на разноголосые гулы столетья,
на выкрик, на высверк, на утренник тот,
чьим блеском и время и песня цветет.

1929

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

(Из повести в стихах «Маяковский начинается»)

Если б был я Вандомская колонна,
я б женился на «Place de la Concorde».

Маяковский «Город».

Нет, не она,
не площадь Согласия,
стала его настоящей женой,
и не в ее фонарей желтоглазие
сердце расплавлено и обожжено.
Другая,
глазу привычней и проще,
еще не обряженная в гранит,
еще в лесах строительных площадь
имя его несет и хранит.
Когда на троллейбусе
публика едущая
услышит надсадный
кондукторшин крик:
«Площадь Пушкина,

Маяковского — следующая!» —
поймешь,
как город к нему привык.
Как стал он вхож
в людские понятия!
Как близок строчкой,
прямо и правдив;
ведь ни по приказу,
ни на канате
к себе не притянешь,
сердца обратив...
Читая,
начнешь стихи его путать, —
сейчас же
сто голосов — на подсказ! —
как будто
не я,
а они как будто
встречались с ним
по тысяче раз.
Ведь это
не выдумка барда бахвальная:
вот этот асфальт
и эти огни,
и площадь —
не старая Триумфальная,
и — с Пушкиным рядом
встали они!

И все повседневней,
все повсеместней
становится — миром
его родня;
сюда он шагал
с Большой своей Пресни,
с шагов своих первых,
с мальчишьяго дня.
Сюда — по Садовым,
по Кудринским вышкам,
по куполам твердых
бульжных мозгов,
по снежным подушкам,
по жирным одышкам —
широких шагов
направлял он разгон.

Она
Маяковского площадью названа;

не очень еще ее пышен уют,
и много народа,
самого разного,
ее заполняют, толкуются, снуют.
Еще не обрушены плоские здания,
но уже тем она хороша,
что — въявь пределы ее
стародавние
раздвинула новых привычек душа.
Две буквы стоят
квадратные, строчные,
как сдвоенный вензель печати ММ,
как плечи широкие,
крепкие,
прочные
у входа, открытого всем, всем, всем.
Москвы в нутро
ведет метро,
один вагон, другой вагон,
а он на нем
не ездил;
не видел он стальных колонн,
подземных ламп — созвездий.
И — глянешь в пролет
обновляемых улиц:
не тень ли метнулась
широкой полы?
Не эти ли плечи
с угла повернулись,
не шляпой ли машет
он издали?
Он здесь,
он с нами остался навечно;
ему в людской густоте —
по себе.
Он — вон он, — шагает,
большой и беспечный,
к своей неустроенной
славной судьбе!

Как он шагал,
как проходил,
как пробивался Москвою
шагом широким,
шагом большим, —
крупной походкой мужскою.
Ботинки номер сорок шесть!

Другим — вдвоем бы можно влезть
и жить уютно в скинутом,
согнув дугою спину там.

А он — не умел сгибаться дугою,
он весь отличался
повадкой другою,
шагал, развернувши
тяжелые плечи,
высокой походкою
человечьей.

.

1938

СОЗДАТЕЛЮ

Взгляни: заря — на небеса,
на крышах — инеем роса,
мир новым светом засиял,
ты это, видел, не проспал!

Ты это видел, не проспал,
как мир иным повсюду стал,
как стали камни розоветь,
как засветились сталь и медь.

Как пробудились сталь и медь,
ты в жизни не забудешь впредь,
как — точно пену с молока —
сдул ветер с неба облака!

Да нет, не пену с молока,—
а точно стружки с верстака,
и нет вчерашних туч следа,
и светел небосвод труда.

И ты внезапно ощутил
себя в содружестве светил,
что ты не гаснешь, ты горишь,
живешь, работаешь, творишь!

1946

НА СТРАЖЕ МИРА

Как жизни яростна игра!
Рассветы, полдни, вечера
сменяют завтра на вчера.

То резкий холод, то жара,
и вот — зеленая, сыра —
грубеет дерева кора.

Глядишь — играет детвора
в колодце узкого двора,
а вот и в школу ей пора;

и юность мчится, как стрела,
ведь вот же — только что была,
а не поймешь, куда ушла.

То тень зеленого шатра,
то жар осеннего костра,
и вот уж молодость стара!

То детский смех, то быстрый бег,
то полный мужества — успех,
то прямо на голову снег.

Давай немедленно решать,
какой нам подвиг совершать,
чтоб вражьей злобе помешать?

Следи за далью громовой,
за шевелящейся травой,
крепи свой подвиг боевой
на страже мира, часовой!

1954

ЕЩЕ ЗА ДЕНЬГИ ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ

Еще за деньги люди держатся,
как старины держались люди
во времена глухого Керженца,
но скоро этого не будет.

Еще ко власти люди тянутся,
не зная меры и цены ей,
но долго это не останется:
настанут времена иные.

Еще гоняются за славою,—
охотников за ней несметно,—
пытаясь хоть бы тенью слабою
остаться на земле посмертно!

Мне кажется, что власть и почести —
вода соленая морская:
чем больше пьешь, тем жгучей хочется,
а жажда все не отпускает.

А личное твоё бессмертие
не в том, что — кто ты, как ты, где ты,
а всей земли людей соцветие,
содружество земной планеты,

чтоб все — и желтые, и черные,
и белые земного братства
вошли в открытые, просторные
края всеобщего богатства.

С тех пор, как шар земной наш кружится,
не уставая в безднах мчаться,—
людей великое содружество
впервые стало намечаться!

1956

Петр Незнамов

ГДЕ-ТО ПОД АЧИНСКОМ

Сосна да пихта.
Лес да лес,
да на опушке горсть домишек,
а поезд в гору
лез да лез,
разгромыхав лесные тиши.

А поезд мерно —
лязг да лязг —
все лез да лез, да резал кручи,
с тишайшим лесом поделаясь
железной песней
— самой лучшей.

Сосна да пихта.
Шесть утра.
В красноармейском эшелоне
еще горнист не шел играть —
будить бойцов и эти лона.
Был эшелон как эшелон:
семь сотен красной молодежи,
которой солнце бить челом
неслось небесным бездорожьем;
которой —
след горячих дней
был по ноге,
костюм — по росту
и также шел, суровый, к ней,
как горным высям чистый воздух;
которой —
путь сиял таков,
что мерять пафос брали версты...

Был эшелон семьсот штыков:
семьсот штыков —
одно упорство.

Сосна да пихта. Сонь да тишь,
да в этой тиши горсть домишек,
таких,
таких, что сразу не найти,
таких, что даже тиши тише.

И — вдруг горнист.

И — вдруг рожок.

И — вдруг, как пламя на пожаре,
басок дневального обжег:

— Вставай,

вставай,

вставай, товарищ!

Николай Тихонов

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

САМИ

(Поэма)

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.

Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну.
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,—
Гонг надменно сказал об этом,—
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?»—
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,—
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше».—

«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней.
Я — властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни ¹.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?» —
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый». —
«Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как иоги,

¹ Так индийцы произносят имя — Ленин.

Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрее зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком,—
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стэком.

1920

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

1921

* * *

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли
И рельсы груз проносят по привычке,
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке!

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

1921

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой —
Она умирает, говоришь?»

Без тебя винтовкой меньше одной —
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задышался, хрипел, бил.
И с флангов летел трезвон.
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою острее ножа —
Видели все егеря —
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Ровнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа.
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

1919—1922

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова ровняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно,— сказал он,— где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

1919—1922

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня — не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост, и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, — о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам».

1922

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих.
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан».
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай.
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово «Отдай!» —
Урагана сильнее оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбный глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

1922

ФИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потертой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено — ноги крепки.
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя, гнется, странно темна,
Гнется и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов — короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка ее платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука черных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят,
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетет и гнетет,
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь желтые зубы нить ведет.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах все один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну, ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И желтой пеной горит платок,
И синим огнем пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них, и сразу
В глазах косых — Алтай, снега,
Змеинные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит,—
Желтым огнем полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча темных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!

Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Черной чечеткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берет,
Угрюмо и жестко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

1932

ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною у пучины
Виноградарственных рек
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный,
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину,
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому что я прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы не похожий,
Не похожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседельй, как сказанье,
И, как песня, молодой.

1935

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ

Бирнамский лес шагнул на Донзинан,
А если б вся земля тогда шагнула,
Какой бы был в трагедии изъян,
И зритель не опомнился б от гула.

А вот при мне, с Бастилии начав,
Шагнул народ — Парижа лес веселый.
Шли деды и вели своих внучат,
Шли женщины с сестрою карманьолой.

Литейщики, пилоты, слесаря
Сливали свой товарищеский говор,
И песни их, что звонче хрустала,
Сменяла буря стали лозунговой.

Стихом простым я слово проведу
Не потому, что сложным не владею,
А потому, что рядовым в ряду
Простое слово стало чародеем.

С ним потеплела хладная земля,
И в братстве снова найденной поруки
От стен Парижа и до стен Кремля
В тот день тянулись возгласы и руки.

О, знай, Шекспир, леса таких знамен,
Перечеркнувших распри феодалов,
Какой бы тут схватил пергамент он,
Чтоб закрепить движенье улиц алых!

В один котел здесь пали времена,
И кто громил Бастилий норы лисьи,
Воскрес и шел, подняв на рамена
Советский век, колпак фригийский выся.

Мой век меня вниманьем не обидел,
Я многое могу порассказать,
Но в этот день Париж такой я видел,
Что можно лишь на меди вырезать.

1936

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взывают над собой —

На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет,—
И проще в мире флага нет,
В нем — нашей славы жаркий цвет,—
И жарче в мире флага нет,
В нем — нашей силы грозный свет,—
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет,—
Правдивей флага нет!

1937

* * *

Женщина в дверях стояла,
В закате с головы до ног,
И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Рука блеснет и снова ляжет,
Темнея у виска,
Мотала жизнь мою, как пряжу,
Горянки той рука.

И бык, с травой во рту шагая,
Шел снизу в этот дом,
Увидел красные рога я
Под черным челноком.

Заката уголь предпоследний,
Весь раскален, дрожал,
Между рогов аул соседний
Весь целиком лежал.

И сизый пар, всползая кручей,
Домов лизал бока,
И не было оправы лучше
Косых рогов быка.

Но дунет ветер, леденея,
И кончится челнок,
Мелькнет последний взмах, чернея,
Последний шерсти клочок...

Вот торжество неодолимых
Простых высот,
А песни — что? Их тонким дымом
В ущелье унесет.

1939

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

Виссариону Салнову

Мне снилась юность, снег.
Друзей далеких тени,
И нежность лиц во сне
Была, как снег и пенье.

Проснулся я впотьмах,
Вскочил одним движеньем,
Я вспомнил: я в горах
Пред новым восхожденьем.

Палатки узкий вход,
Закат алел громадой,
Порозовевший лед,
И грохот камнепада.

Все было наяву,
Все ощутимо грубо —
И то, что я живу,
И холод ледоруба.

И все было не так.
И все в другом порядке:
Вечерний бивуак
Под Выборгом в палатке.

И не закат горел,
А Выборга руины,
Не камнепад гремел,
А ряд орудий длинный.

Не ледоруба сталь,
Винтовки ствол морозный,—
Мне юности не жаль,
Мне изменяться поздно.

В своей стране родной
Я знал покой и счастье,
И вражий надо мной
Вал огневой не властен,

Ничто не страшно мне,
И я за все ответил,
Как эти сны во сне,
Как две палатки эти.

1940

КОСТЕР

Вечерняя Босна,
Костер над дорогой,
Немного морозно,
И грустно немного.

Мы едем холмами,
Жилья не встречая,
А легкое пламя
Струится, качаясь.

То кажется русым,
То синим — на миг...
Стоит сереброусый
Боснийский мужик.

Чарыки простые,
Тулупчик, мешок.
Какие костры он
Когда-то зажег!

Отсюда остры
И страшны потому,
Светили костры
В европейскую тьму.

Их кровью своей
Разжигал, не тужил
Боснийских полей
И лесов старожил.

И с ними в просторе
Стояли костры
Охриды, Приморья
И Черной Горы.

В те ночи бесправья,
В те черные дни
С высот Югославии
Светили огни

Востоку в ответ,
Где в потоках огня
Шел яростный свет
Сталинградского дня.

...Чуть грустная Босна,
И на сердце строго,
Немного морозно,
Костер над дорогой

То кажется русым,
То синим — от хмури.
Мужик среброусый
Там трубочку курит.

Он курит, довольный,
Что правды достиг,
Великий и вольный
Боснийский мужик.

1946

РУКИ СБОРЩИЦЫ ЧАЯ

Я видел их не на полях сражений,--
То был труда обычного пример —
В колхозе, что не знает поражений,
Который все зовут «миллионер».

Как будто бы играли руки эти
С зелеными листочками, скользя
По веточкам нежней всего на свете.
Лишь смуглоту я этих рук приметил,
Но быстроту их описать нельзя.

Быть может, так вот пальцы пианистки,
По клавишам летая наизусть,
Как ласточки, срезают низко-низко
Мелодии заученную грусть.

И падают и падают в корзину
Дождем зеленым все на тот же круг
Листочки с легких жилок паутиной,
Как ста ножами срезанные вдруг.

Как ласточки, над темным чайным морем
Летают руки в этой жаркой мгле
Кустов зеленых, спящих на просторе,
На раскаленной добела земле.

И руки те — в Москве ли величавой
Или в ферганской дальней чайхане,—
Я вижу их под солнцем нашей славы,
Их закалившим в трудовом огне.

1948

РУБАШКА

Сияли нам веселые подарки —
Платки и голубки,
По залу шел над зыбью флагов ярких
Свет голубой реки.

И день и ночь струился этот зыбкий
И теплый свет,
И в этом зале не было б ошибкой
Сказать, что ночи нет.

Встал человек,— ну, как сказать короче:
Пред нами встал таким,
Как будто он пришел из бездны ночи,
И ночь вошла за ним.

«Мой друг — сторонник мира в Парагвае
Его со мною нет,
Он шел сюда, дорогу пробивая...
Его убили! Вот его привет!»

И в зале все, кто как ни называйся,
Увидели, вскочив,
Кровавую рубашку парагвайца,
Висевшую, как в голубой ночи.

А друг держал кровавые лохмотья,
Стояли мы в молчании глухом
И видели, как обрастает плотью,
Что на словах борьбою мы зовем!

1951

ПАК ДЕН АЙ

Как описать неслышанно простое
И где сказать рассказу: начинай!
Сорвался зал со всех своих устоев,
Когда сошла с трибуны Пак Ден Ай.

Вскочили люди на столы и стулья,
А женщины восточных стран толпой
Бежали к ней в таком всеобщем гуле,
Как будто в зал обрушился прибой.

И первая из женщин, перед нею
Упав ничком, поцеловала пол,
Как землю той истерзанной Кореи,
Чей образ здесь по всем сердцам прошел.

И женщины плащи свои снимали,
На Пак Ден Ай накидывали их,
Как будто дар особый получали
Плащи, коснувшись Пак Ден Ай на миг.

И целовали в губы, в шею, в щеки,
Края ее одежды, рукава,
В глазах темнел такой восторг глубокий,
Что от него кружилась голова.

И под руки ее вели. Гвоздики
Ей дали в руки. Алые цветы
Таким густым огнем горели диким,
Как кровь на платье снежной чистоты.

Кругом кричали, плакали и пели;
Одной семьей, как будто все свои,
Ее несли, купая, как в купели,
В неистовстве невиданной любви.

Свой новый день Восток сегодня славил,
К ней Запад руки гордые простер,
Ее внесли в президиум, поставив,
Как светлый, в даль сияющий костер.

Спокойная, недвижимая, вся в белом,
Она стояла, замкнутая в круг,
И, вздрогнув всем легчайшим, гибким телом,
Народам в пояс поклонилась вдруг.

Казалось, что конца не будет гулу,
Что навсегда он с этим залом слит,
Глаза людей Корея повернула,
Чтоб видели, откуда враг грозит.

Грозит всему, что жизнью называем...
В огне, в крови далекий милый край,
Как статуя стояла здесь живая
Корея, воплотившись в Пак Ден Ай!

И в волны криков, песен, восклицаний
Она сошла спокойно и светло,
И медленно вошедшее молчанье,
Как облаком, ей плечи облегло.

И все вернулись, как из сновиденья,
Где их кружил живительный поток,
Таким опустошенные волненьем,
Что был, как тяжесть, воздуха глоток!

1951

ИНД

Я рад, что видел у Аттока
Могучий Инд в расцвете сил
И весь размах его потока,
Который землю веселил.

И я, смотря, как дышит долгий,
Пришедший с гор высокий вал,
От имени могучей Волги
Ему здоровья пожелал.

1951

СКАЗКА

Уходила мама коза
В лес по очень важному делу,
Целовала козляток в глаза,
Возвращалась, в окошко глядела.

Вот глаза в переулке блестят...
Ходит волк возле самого дома,
Притворяется, манит козлят,
Точит зубы и ждет, как знакомый.

Никому не откроем дверей,
Никакой нас волк не обманет...
Только ты возвращайся скорей!
Скоро ночь в переулке настанет...

Нет огня и стучит пулемет,
Каждый шаг словно ниточка тонок...
Где-то милую маму ждет
Самый маленький белый козленок.

1919

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Тревога!» —
Взывает труба.
В морозной ночи завыванием гулким
Несется призыв по глухим переулкам,
По улицам снежным,
По невским гранитам,
По плитам
Прибрежным...

«Тревога!
Тревога!
Враг близок!
Вставайте!
Враги у порога!
Враг впустит огонь в ваши темные дома...
Ваш город, он вспыхнет, как связка соломы.
К заставам!
К заставам!»

Но город рабочий
В голодной дремоте
Лежит оглушенный
Усталостью ночи,—
Ведь долго еще до рассвета:
Гудок не обманет,
К работе гудок позовет,
И к работе
Он встанет...
Ведь долго еще до рассвета.
А враг уже близок,
Враги у порога...
«Тревога!»
Как эхо,
Как цепь часовых придорожных,
Гудки
Загудели гуденьем тревожным:
«Не спите!
Вставайте!
Вставайте!
Не спите!
К работе!
К винтовке!
К защите!
Не спите!
Враг близок,
Не спите!
Враги у порога!
Вас много. Вас много. Вас много. Вас много.
Вставайте! Не спите! Вас много! Вас ждут!
Вы рано заснули,
Не кончился труд.
Идите! Идите! Идите!»

— Идут.

Наверх из подвалов!
На двор, чердаки!
По лестницам черным
Стучат башмаки.

По лестницам узким
Винтовкой стуча,
Оправить ремень
На ходу у плеча.

«К заставам! К заставам!»

И в хмурые лица зарницами бьет
Над Пулковым грозно пылающий свод.

1920

* * *

Не странно ли, что мы забудем все:
Застывшее ведро с водой ледяной,
И скользкую панель, и взгляд
Украдкою на хлеб чужой и черствый.

Так женщина, целуя круглый лобик
Ребенка, плоть свою, не скажет, не припомнит,
Как надрывалась в напряженье страшном,
В мучительных усилиях рожденья.

Но грустно мне, что мы утратим цену
Друзьям смиренным, преданным, безгласным:
Березовым поленьям, горсти соли,
Кувшину с молоком и небогатым
Плодам земли, убогой и суровой.

И посмеется внучка над старухой,
И головой лукаво покачает,
Заметив, как заботливо и важно
Рука сухая прячет корку хлеба.

1924

БЕЛОМОРСК

(Апрель)

Бушует Выг, стремяся к морю,
Идет апрель, не тает лед..
Девчоночку послали в город,
Она бежит себе, поет.

Мимо семафора,
Через полотно...
Затемненный город,
Не блеснет окно...
Мимо часового
На большом мосту.
Чистый детский голос
Льется в темноту.

Не потому поет она,
Что весел день вчерашний,
А потому, что ночь, война
И ей немного страшно.

1943

МОРСКОЙ МЯТЕЖ

(Из поэмы «Девятьсот пятый год»)

Придается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят,
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет.

Ты на куче сетей.
Ты курлычешь,
Как ключ, балагурия.
И, как прядь за ушком,
Чуть щекочет струя за кормой.
Ты в гостях у детей.
Но какую неслыханной бурей
Отзываешься ты,
Когда даль тебя кличет домой!

Допотопный простор
Свирепеет от пены и сипнет.
Расторопный прибой
Сатанеет
От прорвы работ.
Все расходится врозь
И по-своему воет и гибнет,
И, свинея от тины,
По сваям по-своему бьет.

Пресноту парусов
Оттесняет назад
Одинакость
Помешавшихся красок,
И близится ливня стена.
И все ниже спускается небо
И падает накось,
И летит кувырком,
И касается чайками дна.

Гальванической мглой
Взбаламученных туч
Неуклюже,
Вперевалку, ползком,
Пробираются в гавань суда.
Синеногие молнии
Лягушками прыгают в лужу.
Голенастые снасти
Швыряет
Туда и сюда.

Все собиралось всхрапнуть.
И карабкались крабы,
И к центру
Тяжелевшего солнца
Клонились головки репья.
И мурлыкало море,
В версте с половиной от Тендра,
Серый кряж броненосца
Оранжевым крапом
Рябя.

Солнце село.
И вдруг
Электричеством вспыхнул «Потемкин».
Со спардека на камбуз
Нахлынуло полчище мух.
Мясо было с душком...
И на море упали потемки.
Свет брюзжал до зари,
И забрезжившим утром потух.

Глыбы
Утренней зыби
Скользнули,
Как ртутные бритвы,
По подножью громады,
И, глядя на них с высоты,

Стал дышать броненосец
И ожил.
Пропели молитву.
Стали скатывать палубу.
Вынесли в море щиты.

За обедом к котлу не садились,
И кушали молча
Хлеб да воду,
Как вдруг раздалось:
— Все на ют!
По местам!
На две вахты! —
И в кителе некто,
Чернея от желчи,
Гаркнул:
— Смирно!—
С буксирного кнехта
Грозя семистам.

— Недовольство?!
Кто кушать,— к котлу.
Кто не хочет,— на рею.
Выходи!—
Вахты замерли, ахнув.
И вдруг, сообщая,
Устремились в смятенье
От кнехта
Бегом к батарее.
— Стой!
Довольно!—
Вскричал
Озверевший апостол борща.

Часть бегущих отстала.
Он стал поперек.
— Снова шашни?! —
Он командовал:
— Боцман,
Брезент!
Караул, оцепить!—
Остальные,
Забившись толпой в батарейную башню,
Ждали в ужасе казни,
Имевшей вот-вот наступить.

Шибко бились сердца.
И одно,

Не стерпевшее боли,
Взвыло:
— Братцы!
Да что ж это!—
И, волоса шевеля,
— Бей их, братцы, мерзавцев!
За ружья!
Да здравствует воля!—
Лязгом стали и ног
Откатилось
К ластам корабля.

И восстанье взвилось,
Шелестя,
До высот за бизанью.
И раздулось,
И там
Кистенем
Описало дугу.
— Что нам взпуски бегать!
Да стой же, мерзавец!
Достану!—
Трах-тах-тах...
Вынос кисти по цели
И залп на бегу.

Трах-тах-тах...
И запрыгали пули по палубам,
С палуб,
Трах-тах-тах...
По воде,
По пловцам,
— Он еще на борту?! —
Залпы в воду и в воздух.
— Ага!
Ты звереешь от жалоб?! —
Залпы, залпы,
И за ноги за борт
И марш в Порт-Артур.

А в машинном возились,
Не зная еще хорошенько,
Как на шканцах дела,
Когда, тенью проплыв по котлам,
По машинной решетке
Гигантом
Прошел
Матюшенко,

И, нагнувшись над адом,
Вскричал:
— Степа!
Наша взяла!

Машинист поднялся.
Обнялись.
— Попытаем без нянек.
Будь покоен!
Под стражей.
А прочим по пуле и вплавь.
Я зачем к тебе, Степа,—
Каков у нас младший механик?
— Есть один.
— Ну и ладно.
Ты мне его наверх отправь.

День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу.
Крикнул в рупор матросам матрос:
— Выбирай якоря!—
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжу
Оранжевым крапом
Горя.

1925—1926

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

(Из поэмы)

Октябрь. Кольцо забастовок.
О ветер! О ада исчадь!
И моря, и грузов, и клади
Летающие пряди.
О буря брошюр и листовок!
О слякоть! О темень! О зовы
Сирен, и замки и засовы
В начале шестого!

От тюрем — к брошюрам и бурям.
О ночи! О вольные речи!
И залпам навстречу — увечья
Отвесные свечи!

О кладбище в день погребенья!
И в лад лейтенантовой клятве
Заплаканных взглядов и платьев
Кивки и объятия!
О лестницы в крепе! О пенье!
И хором, в ответ незнакомцу,
Стотысячной бронзой о бронзу:
Клянитесь! Клянемся!

О вихрь, обрывающий фразы,
Как клены и вязы! О ветер,
Щадящий из связей на свете
Одни междометья!
Ты носишь бушующей гладью:
«Потомства и памяти ради
Ни пяди обратно! Клянитесь!»—
«Клянемся. Ни пяди!»

.

Вырываясь с моря из-за почты,
Ветер прет наощупь, как слепой,
К повороту, несмотря на то, что
Тотчас же сшибается толпой.
Он приперт к стене ацетиленом,
Втопан в грязь, и, несмотря на то,
Трын-трава и — море по колено:
Дует дальше с той же прямотой.
Вот он бьется, обваривши харю,
За косою рамой фонаря
И уходит, вынырнув на паре
Торопливых крыл нетопыря.

У матросов, несмотря на пору
И порывы ветра с пустыря,
На дворе казармы — шум и споры
Этой темной ночью ноября.
Их галдит за тысячу, и каждым,
Точно в бурю вешний буерак,
Разворочен, взрыт и взбудоражен
И буграми поднят этот мрак.
Пахнет волей, мокрою картошкой,
Пахнет почвой, норками кротов,
Пахнет штормом, несмотря на то что
Это шторм в открытом море ртов.
Тары-бары, шутики балагура,
Слухи, толки, шарканье подошв
Так и ходят вокруг одной фигуры,
Как распространившийся падёж.

Ходит слух, что он у депутатов,
Ходит слух, что едет в комитет,
Ходит слух, — и вот как раз тогда-то
Нарастает что-то в темноте
И, глуша раскатами догадки,
И, сметая со всего двора
Караулки, будки и рогатки,
Катится и катится «ура».

С первого же сказанного слова
Радость покидает берега.
Он дает улечься ей, и снова
Удесятеряет ураган.
Долго с бурей борется оратор.
Обожанье рвется на простор.
Не словами,— полной их утратой
Хочет жить и дышит их восторг.
Это объяснение исполинов.
Он и двор обходятся без слов.
Если с ними флаг, то он малинов.
Если мрак за них, то он лилов.
Все же раз доносится: эскадра.
Это с тем, чтоб братья, да с умом.
И потом другое слово: завтра.
Это, верно, о себе самом...

.

В зимней призрачной красе
Дремлет рейд в рассветной мгле,
Сонно кутаясь в туман
Путаницей мачт,
И, купаясь, как в росе,
Оторопью рей
В серебре и перламутре
Полумертвых фонарей.
Еле-еле лебезит
Угренняя зыбь.
Каждый еле слышный шелест,
Чем он мельче и дряблей,
Отдается дрожью в теле
Кораблей.

Он спит, притворно занедужась,
Могильным сном, вогнав почти
Трехверстную округу в ужас.
Он спит, наружно вызвав штиль.
Он скрылся, как от колотушек,

В молочно-белой мгле. Он спит
За пленую малодушья.
Но чем он с панталыку сбит?

С утра на суше — муравейник.
В тумане тащатся войска.
Всего заметней их роенье
Толпе у Павлова мыска.
Пехотный полк из Павлограда
С тринадцатою полевой
Артиллерийскою бригадой
И — проба потной мостовой.

Колеса, кони, пулеметы,
Зарядных ящиков разбег,
И — грохот, грохот до ломоты
Во весь Нахимовский проспект.
На Историческом бульваре,
Куда на этих днях свезен
Военный лом былых аварий, —
Донцы и Крымский дивизьон.

И любопытство, любопытство:
Трехверстный берег под тупой,
Пришедшей пить или топиться,
Тридцатитысячной толпой.
Она покрыла крыши барок
Кишащей кашей черепах,
И ковш Приморского бульвара
И спуска каменный черпак.
Он ею доверху унизан,
Как копать несметных птиц.
Копящих силы по карнизам,
Чтоб вихрем гари в ночь нестись.

Когда сбежали испаренья
И солнце, колыхнувши флот,
Всплыло на водяной арене,
Как обалдевший кашалот,
В очистившейся панораме
Обрисовался в двух шагах
От шара — крейсер под парами,
Как кочегар у очага.

Вдруг как снег на голову, гул
Толпы, как залп, стегнул
Трехверстовой гранит
И откатился с плит.

«Ура» — ударом в борт, в штурвал,
В бушприт!
«Ура» навеки, наповал,
Навзрыд!
Над крейсером взвился сигнал:
«К о м а н д у ю ф л о т о м Ш м и д т».
.

1926

ПАМЯТИ РЕЙСЕР

Лариса, вот когда посожалеею,
Что я не смерть и ноль в сравнение с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
Живая повесть на обрывках дней.

Как я присматривался к матерьялам!
Валились зимы кучей, шли дожди,
Запахивались вьюги одеялом
С грудными городами на груди.

Мелькали пешеходы в непогоду,
Ползли возы за первый поворот,
Года по горло погружались в воду.
Потоки новых запружали брод.

А в перегонном кубе все упрямей
Варилась жизнь и шла постройка гнезд.
Работы оцепляли фонарями
При свете слова, разума и звезд.

Осмотришься, какой из нас не сваян
Из хлопьев и из недомолвок мглы?
Нас воспитала красота развалин.
Лишь ты превыше всякой похвалы.

Лишь ты, на славу сбитая боями,
Вся сжатым залпом прелести рвалась.
Не ведай, жизнь, что значит обаянье,
Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз.

Ты точно бурей грации дымилась.
Чуть побывав в ее живом огне,
Посредственность впадала вмиг в немилость,
Несовершенство навлекало гнев.

Бреди же в глубь преданья, героиня.
Нет, этот путь не утомит ступни.
Ширий, как высь, над мыслями моими:
Им хорошо в твоей большой тени.

1926

ЛЮБКА

Недавно этой просекой лесной
Прошелся дождь, как землемер и метчик.
Лист ландыша отяжелен блесной.
Вода забила в уши царских свечек.

Взлелеяны холодным сосняком,
Они росой оттягивают мочки,
Не любят дни, растут особняком
И даже запах льют поодиночке.

Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздымает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в Иван-да-Марье,

Тогда ночной фиалкой пахнет все:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.

1927

БАЛЛАДА

На даче спят. В саду, до пят
Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трехъярусном полете
Деревьев паруса кипят.
Лопатами, как в листопад,
Гребут березы и осины.
На даче спят, укрывши спину,
Как только в раннем детстве спят.

Ревет фагот, гудит набат.
На даче спят под шум без плоти,
Под ровный шум на ровной ноте,
Под ветра яростный надсад.

Льет дождь, он хлынул с час назад.
Кипит деревьев парусина.
Льет дождь. На даче спят два сына,
Как только в раннем детстве спят.

Я просыпаюсь. Я объят
Открывшимся. Я на учете.
Я на земле, где вы живете,
И ваши тополя кипят.
Льет дождь. Да будет так же свят,
Как их невишняя лавина...
Но я уж сплю наполовину,
Как только в раннем детстве спят.

Льет дождь. Я вижу сон: я взят
Обратно в ад, где все в комплоте,
И женщин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь. Мне снится: из ребят
Я взят в науку к исполину,
И сплю под шум, месящий глину,
Как только в раннем детстве спят.

Светаёт. Мглистый банный чад.
Балкон плывет, как на плашкоте.
Как на плотях,— кустов щепоти
И в каплях потный тес оград.
(Я видел вас пять раз подряд.)

Спи, будь. Спи жизни ночью длинной.
Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят.

1930

* * *

Любимая, молвы слащавой
Как угля, вездесуща гарь.
А ты — подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

А слава — почвенная тяга.
О, если б я прямиё возник!
Но пусть и так,— не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердье,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.

1931

* * *

Вечерело. Повсюду ретиво
Рос орешник. Мы вышли на скат.
Нам открылась картина на диво.
Отдышась, мы взглянули назад.

По краям пропастей курался,
Там, как прежде, при нас, напролом
Совершало подъем мелкоколесье,
Попирая гнилой бурелом.

Там, как прежде, в фарфоровых гнездах
Колченого хромал телеграф,
И дышал, и карабкался воздух,
Грабов головы кверху задрал.

Под прорешливой сенью орехов
Там, как прежде, в петлистой красе
По заре вечеревшей проехав,
Колесило и рдело шоссе.

Каждый спуск и подъем что-то чуял,
Каждый столб вспоминал про разбой,
И, все тулово вытянув, буйвол
Голым дьяволом плыл под арбой.

А вдали, где, как змеи на яйцах,
Тучи в кольца свивались,— грозней,
Чем былые набеги ногайцев,
Стлались цепи китайских теней.

То был ряд усыпальниц, в завесе
Заметенных снегами путей
За кулисы того поднебесья,
Где томился и мерк Прометей.

Как усопших представшие души,
Были все ледники налицо.
Солнце тут же японскою тушью
Переписывало мертвецов.

И тогда, вчетвером на отвесе,
Как один, заглянули мы вниз.
Мельтеша, точно чернь на эфесе,
В глубине шевелился Тифлис.

Он так полно осмеивал сферу
Глазомера и все естество,
Что возник и остался химерой,
Точно град не от мира сего.

Точно там, откупаяся данью,
Длился век, когда жизнь замерла
И горячие серные бани
Из-за гор воевал Тамерлан.

Будто вечер, как встарь, его вывел
На равнину под персов обстрел,
Он малиною кровель червивел
И, как древнее войско, пестрел.

1931

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

НА РАВНИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною тьмю
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

1941

ЗАБИМКИ

Открыли дверь, и в кухню паром
Вкатился воздух со двора,
И все мгновенно стало старым,
Как в детстве в те же вечера.

Сухая, тихая погода.
На улице, шагах в пяти,
Стоит, стыдясь, зима у входа
И не решается войти.

Зима, и все опять впервые.
В седые дали ноября
Уходят ветлы, как слепые,
Без палки и поводья.

Во льду река и мерзлый тальник,
А поперек, на голый лед,
Как зеркало на подзеркальник,
Поставлен черный небосвод.

Пред ним стоит на перекрестке,
Который полужанесло,
Береза со звездой в прическе
И смотрится в его стекло.

Она подозревает втайне,
Что чудесами в решетке
Полна зима на даче крайней,
Как у нее на высоте.

1941

ЗАРЕВО

1

Нас время балует победами,
И вещи каждую минуту
Все сказочнее и неведомей
В зеленом зареве салюта.

Все смотрят, как ракета, падая,
Ударится о мостовую,
За холостою канонадою
Припоминая боевую.

На улице светло, как в хра́мине,
И вид ее неузнаваем.
Мы от толпы в ракетном пламени
Горящих глаз не отрываем.

2

В пути из армии нечаянно
На это зарево наехав,
Встречает кто-нибудь окраину
В блистании своих успехов.

Он сходит у опушки рощицы,
Где в черном кружеве, узорясь,
Ночное зарево полощется
Сквозь веток реденькую прорезь.

И он сухой листвою шествует
На пункт поверочно-контрольный
Узнать, какую новость чествуют
Зарницами первопрестольной.

Там называют операцию,
Которой он и сам участник,
И он столбом иллюминации
Пленяется, как третьеклассник.

И вдруг его машина портится,
 Опять с педалями нет сладу.
 Ругаясь, как казак на Хортице,
 Он ходит, чтоб унять досаду..

И он отходит к ветлам, стелющим
 Вдоль по лугу холсты тумана,
 И остается перед зрелищем,
 Прикованный красой неожиданной.

Невылазной болотной гущею
 Чернеют заросли заречья,
 И город, яркий, как грядущее,
 Вздывается из тьмы павстречу.

Он думает: «Я в нем изведаю,
 Что и не снилось мне доселе,
 Что я купил в крови победу
 И видел в смотровые щели.

Мы на словах не остановимся,
 Но, словно в сновиденье вещем,
 Еще привольнее отстроимся
 И лучше прежнего заблещем».

Пока мечтами горделивыми
 Он залетает в край бессонный,
 Его протяжно, с перерывами,
 Зовет с дороги рев клаксона.

1943

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
 Живее воробьев шумиха.
 Я даже выразить не пробую,
 Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
 И громкою октавой в хоре
 Земной могучий голос слышится
 Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии,
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
Боярской золоченой горницы
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвeсть столетье.

* * *

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
 А что теперь?

1921

* * *

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

* * *

Здесь Пушкина изгнание началось,
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,

В тот предвечерний и жестокий час,
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

1927, Кисловодск

ВОРОНЕЖ

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталикам я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли.
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли...
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильней,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

1936

* * *

Годовщину веселую праздную —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной, —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под желтых конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталиках...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня за плечом.
И, внезапным согретый лучом,
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

* * *

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит задорен, нежен.
На радость вам и мне.

1940

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до сих пор,
То, что разрушал ты,— разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Сумеречной жизнью недоволен,
С нетерпеньем торопя судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже растущий гул прилива
Слышался, когда ты нам читал:
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,

Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать как боевой сигнал.

1940

**ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ**

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.

На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть
Высоких свежих облаков
И возжеление лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух.
И не хотел смятенный слух
Поверить, по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

1941

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Ленинград, июль 1941

* * *

*Памяти моего соседа, ленинградского
мальчика Вали Смирнова*

I

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

II

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне веточку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль, 1942

* * *

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счеты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

I

А вокруг старый город Питер
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил),
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.

Но летит, улыбаясь мнимо,
Осиянна, непостижима
Над Мариинской сценой прима
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра как с того света, —
Не предчувствием ли рассвета

По рядам пробежал озноб?
Сучья в иссиня-белом снеге;
Коридор Петровских коллегий
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо проходит там).
Тем, кто нынче проходит там).
До смешного близка развязка;
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...
Все уже на местах — кто надо;
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет...

Звонко поет моряк.
...Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближается не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

II

Так под кровлей Фонтанного дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей,
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей;
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете

Смотрит в комнату старый клен,
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
А земля под ногой горела,
И такая звезда глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там у Тобрука,
Это где-то здесь за углом.
Ты не первый и не последний,
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины...
Это — вечной разлуки весть.
Положи мне руку на темя,
Пусть оно остановится, время,
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах.
А не ставший моей могилой,
Ты — гранитный, крошечный, милый —
Поблелел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо —
Я с тобою неразлучима —
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в эрмитажных залах,
И на гулких сводах мостов,
И на старом Волковом поле,
Где могу я плакать на воле
В чаще новых твоих крестов.

1942

О САМОЛЕТА

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На родину, глядела,
Я знала: это все мое,—
Душа моя и тело.

1944

Самолет Ташкент — Москва

* * *

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли...

1944

* * *

А вы, друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена,
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь все равно вы с нами...
Все на колени, все!
Багровый хлынул свет!..
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами,
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет!

1944

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево красна,
Вдовою у могилы безыменной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

ГОВОРЯТ ДЕТИ
(В ИЮньСКИЕ ДНИ)

Защищать детей сегодня —
значит защищать мир.

(Из газет.)

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад и вольно дышит город
Приморским ветром свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени —
Пришелиц милых на сухом асфальте —
Как свежая улыбка...

Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора голоса — из хора сирот, —
И звуков нет возвышенной и чище,
Не громкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос,
Пронзительный, как флейта.

Он несется

Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.

И он доходчив,

Как жаворонка утренняя песня,
Он — всем родной и до конца понятный...
О, это тот сегодня говорит,
Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,
Как две звезды, —

и это тот,

Кто спрашивал:

«Когда отца убили?»

Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить...
Вот он, светлоголовый, синеглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.

Клянемся,

Его мы сохраним для счастья мира!

1 июня 1950

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре,— была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

*

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье,
и каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясный, под огромным небом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели и бабочки порхают,
и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале любят себя собой...

И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря,
десятки быстрокрылых, легких яхт
на воле тешатся...

Издалика
восторженные клики с стадиона
доносятся...

Да, это парк Победы.

БАРАБАН

По богемским городам —
Что бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан...

Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серую золою.
Дум — дум — дум...

Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам —
Или то не барабан?
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских

Гне-ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан.
— Вран! Вран! — Вран!
Завелся в Градчанском замке!

В ледяном окне — как в рамке —
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

Париж, 30 марта 1939

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали...

(См. мажтовские сказы 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли, и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее, чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной!

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна — вооружена!

Париж, 9 мая 1939

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе
офицер с 20 солдатами, оставив солдат
в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять
в подходивших немцев. Конец его неиз-
вестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День, как немцы входили к чехам?

Лес — красноват,
День — сине-сер,
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолсбый, круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом!

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,—
П я д и не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьи́м ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желёз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат.
Один — офицер.

По лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплёск!
В е с ь — рукоплёск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листво́й,
Всею сплошной
Чаще́й лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Все же — б ы л а!

— Край мой, виват!
— Выкуси, Герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

*Париж.
Начато в первые дни октября,
кончено 16—17 апреля 1939*

* * *

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть
В Бедламе нелюдей,
Отказываюсь — жить
С волками площадей.

Отказываюсь — выть
С акулами равнин,
Отказываюсь плыть —
Вниз — по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

*Париж, 11 мая 1939
Начато 15 марта 1939*

САРЫНЬ НА КИЧКУ

(Из поэмы «Степан Разин»)

На струг вышел Степан,
Сердцем яростным пьян.
Волга — синь-океан.
Заорал атаман:
«Сарынь на кичку!»
Ядреный лапоть
Пошел шататься по берегам.
Сарынь на кичку!
В Казань! В Саратов!
В дружину дружную на перекличку,
На лихо лишное врагам!
Сарынь на кичку!
Бочонок с брагой
Мы разопьем у трех костров,
И на приволье волжском вагой
Зарядим пир у островов.
Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть,
Чеши затылок у подлеца.
Зачнем с низовья
Хватать, царапать
И шкуру драть — парчу с купца!
Сарынь на кичку!
Кистень за пояс,
В башке зудит разгул до дна.
Свисти! Глуши!
Зевай! Раздайся!
Слепая стерва, не попадайся!
Н-на!

Сарынь на кичку! —
Прогрели горы,
Волга, стала шибче течь.
Звоном отзвенели
Осторожные затворы,
Сыпалась горохом
По воде картечь.

1918

ПЕСНЯ О КАМЕ

Эй, чайки снежнокрылые,
На лодках рыбаки,
Друзья, матросы милые
Раздольницы-реки.
 Гулять, кататься велено,
 Кто молодостью сыт.
 Кругом под небом зелено
 От солнечной красы.
Мать, Кама синеокая,
Как вороная сталь,
Блестит, зовет широкая
На пароходы вдаль.
 И я, послушный сын реки,
 Призывностью горя,
 Изведал с легкой той руки
 Все суши и моря.
И вот вернулся снова я,
Скитаньями обвит,
А Кама та же новая—
Дороженька любви.
 Те же чайки снежные,
 Та же в волнах взмыль.
 Лишь моя мятежная
 Затихла в бурях быль.
Но не затихли песни ярости,
Рожденные на Каме,
Не будет, знаю, старости
На лодках с рыбаками.
 Костер, как меч,
 Огнист, остер,
 Костром я жизнь простер,
 И мой огонь, и мой шатер,
 Мой мир и мой простор.

А у шатра сетей набор —
Рыбацкое шитье.
Топор.
 Собака.
 И ружье —
Охотничье житье.
 Эх, Кама, Кама, Камушка,
 Крутые берега,
 Спасибо тебе, мамушка,
 Сердечная река.

1933

КАМАРИНСКИЕ МУЖИКИ

(Из поэмы «Иван Болотников»)

Ух да ух!
 Пестреют кушаки.
Ух да ух!
 Гуляют камаринские
 Бабы, мужики.
Поляна-то лесная —
 слаще пирога.
Волость-то честная —
 буйны берега.
Ух да ух!
 Ухают,
 болтают —
 не трогай нашего.
Гуляют,
 поджидают —
 кого? Не спрашивай.
Пируют,
 не пируют,—
 поляна весела.
Праздник
 дразнит,—
 сошлись три села.
Девки
 нарядились,—
 все в цветах пестры.
Целый день
 дымились
 сосновые костры.
Нажарили,
 напарили,—
 не складешь в мешок.

Свадьба —
 не свадьба —
 тут каждый женишок.
Позвать бы
 на свадьбу,
 да некого звать:
С помещицей
 усадьбы
 сбежал последний сват.

1934

НАВОДНЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

I

С усыпальниц соборных выходец мертвый,
Оттуда, где призраки прошлого спят,
Год наводнения двадцать четвертый
Юбилеем столетним явился вспять.

Все футов сверх ординара им мало,
Цепями идут беляки на штурм,
И буря — решеток чугуна изломала,
И море — на площади вынесло шторм.

И волны гуляют по Летнему саду
Разгульной ватагою вдоль аллеи,
И статуи валят, и нет с ними сладу,
Рвут липы с корнями, бурлят все наглей.

На Марсовом поле твоём, Революция,
Трибуны могильные с боя беря,
Их черные толпы все льются и льются,
Приветствуя ночь своего октября.

В соборе молящиеся, вы заперты!
Вам не поможет земной поклон,
Волны убийцы вас ждут на паперти,
Повалят, удавят в корнях колонн.

В театрах, с партера в фойе в бельэтаже,
По лестницам шлейфов холодный душ
Волоча, уселись в креслах и даже
В ложах на красный бархат и плюш.

Галдят: мы сполна заплатили цену,
Все театры сданы под спектакль один.
В прожекторах молний пустим на сцену
Из пены сотканных балерин!

А на площади, там, где волны, глодая,
У Медного Всадника лижут гранит,
Мертвец, от острова Голодая
Принесенный, на мраморном звере сидит.

Сумасшедший в плаще, кого он дурачит?
Утопленник бледный, как он знаком!
Иссохшие пальцы клешнею рачьей
Сжимая, кому он грозит кулаком?

Давно оглохший в чугунном шуме,
Теперь бесстрашно сквозь грохот и вой,
Гиганту кричит со злорадством безумец:
«Здесь город Ленина, а не твой!»

II

Сигнальная пушка, довольно бухать.
Нева взбеленившаяся, усилий не трать:
Здесь правят рабочие — обуховцы.
Здесь город Ленина, а не Петра!

Налетчицы-волны, довольно насиловать!
Отхлыньте, уймьтесь! Пора! Пора!
Здесь правят рабочие — путиловцы,
Здесь город Ленина, а не Петра!

1924

МОРОШКА

Мороз... Мороз...
Морозило сто лет... сто лет...
Мир рос... Мир рос...
Сто лет... сто лет...
Но не в футляре пистолет
Разряженный, а на столе
На блюде ягоды морошки.
Губами бы их в рот вобрать,
Не окисляя серебра
Чуть потемневшей чайной ложки.

Хотя б одну из них попробуй.
Как терпнет рот. Они горчат.
В них свежесть снежная сугроба
И выстрела похмельный чад.
Не по морозцу, по морошку...
 Дождь моросит
 Из частых сит
И мочит, мочит, как нарочно...
Вот на болоте торфяном
Раскинулся цветной морошник:
Ступила тихо лапотком.
Морошка, спелая морошка!
Рвет ягоды, кладет в лукошко,
Те самые, что через сто
Лет будет жить. Постой! Постой!
Скажи, как звать тебя? Ты чья?
Деревня барина какого?
Потупилась... «Своя, ничья»,
Морошка мокнет у ручья,
И мокнет новая панева.
— Не знаешь, что ли, для кого
Ты ягоды собирала, краля?
— Чай, не из леса твоего,
У лешего я их украдал!
 Лукаво карий глаз косит,
 Дождь моросит
 Из частых сит...
— Что привязался, скоморошник! —
И шасть в кусты через морошник.
Куда ты, глупая? Стой! Стой!
Пропала в заросли густой,
И только след от лапотка
Ноги девичьей у болотца
Водой серебряной нальется
И застоится на века...
Не в мочь. О ночь таких мучений!
Чего-то хочется с утра.
Чего? Морошки бы моченой.
С ней будет легче умирать.
— Хочу, чтоб ты сама, мой друг,
Меня морошкой накормила. —
Упала на колени вдруг
И кормит с ложки: «Кушай, милый»...
В ее глазах испуг и горе.
Всех поцелуев горячей,
Томительнее всех ночей,
С ней проведенных, эта горечь,
Три ягодки... морошки сок!

Как потолок вдруг стал высок.
По книжным полкам выше, выше...
Кончается... Уже не слышит...
Мороз, и обморок, и морок...
Мороз и сумерки... он умер...

Без выстрела сигнальной пушки
До глубины своих трясин
Гранитный город потрясен,
Как в наводнение; умер Пушкин!
Царь заплатил долги, но все ж
Не полон был его платеж.
Долг этой девке крепостной
В веках остался неоплачен.
Морошки кустик жестяной
Запорошен метельным плачем.

Народный счет неотразим,
Долг безыменный неоплачен,
И только мы чрез сотню зим
Теперь те ягоды оплатим.

1937

НАЙДЕНЫШ

Пришел солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Чрез край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жены!

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголек.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся: девочка лет трех.

— Ты что сидишь тут? Вылезай.—
Молчит, глядит во все глаза
Пугливее зверенышка.
Светлей кудели волоса,
На васильках — роса —
слеза.

— Как звать тебя?
— Аленушка.

— А дочь ты чья? —

Молчит...— Ничья.

Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белую березонькой.
— А мамка где? — Укрылась в рожь.
Боится, что ты нас убьешь...—
Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжел.
Молчит солдат, в окно глядит,
Туда, где тропка вьется вдаль.
Найденыш рядом с ним сидит,
Над сердцем теребит медаль.
Как быть?

В тумане голова.

Проходит час, а может, два.
Солдат глядит в окно и ждет:
Придет жена иль не придет?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешевым блеклым ситчиком...

Взглянул:

у притолки жена
Стоит, потупившись, бледна...
— Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны.
Былое порастет быльем,
Как дальняя сторонушка.
По-новому мы заживем,
Вот наша дочь — Аленушка!

Вера Инбер

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

1924

СЫНУ, КОТОРОГО НЕТ

(Колыбельная песня)

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь.

Отгону я сны плохие,
Чтобы спать могли
Мальчики мои родные,
Пальчики мои.

За окошком ветер млечный,
Лунная руда,
За окном пятиконечна
Синяя звезда.

Сын окрепнет, осмелеет,
Скажет: «Ухожу».
Красный галстучек на шею
Сыну повяжу.

Шибче барабанной дроби
Побегут года;
Приминая пыль дороги,
Лягут холода.

И прилаженную долю
Вскинет, как мешок,
Сероглазый комсомолец,
На губе пушок.

А пока, еще ни разу
Не ступив ногой,
Спи, мой мальчик сероглазый,
Зайчик дорогой...

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Сын мне снимки и подарки
Шлет издалека.

Заглянул в родную гавань
И уплыл опять.
Мальчик создан, чтобы плавать,
Мама — чтобы ждать.

Вновь пройдет годов немало...
Голова в снегу.
Сердце скажет: «Я устало,
Больше не могу».

Успокоится навеки,
И уже тогда
Весть помчится через реки,
Через города.

И, бледнея, как бумага,
Смутный, как печать,
Мальчик будет горько плакать,
Мама — будет спать.

А пока на самом деле
Все наоборот:
Мальчик спит в своей постели,
Мама же — поет.

И фланелевые брючки,
Первые свои,
Держат мальчишкины ручки,
Пальчики мои.

1927

МОСКВА В НОРВЕГИИ

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.
Мох лежит под сосной,
Как у нас под Москвой.
Все, как дома,
И очень знакомо.
Только воздух не тот,
Атмосфера не та,
И от этого люди другие.
Только люди не те, что у нас,
И на вас
Не похожи, мои дорогие.
Дорогие друзья, я писала не раз,
Что разлука — большая обуза,
Что разлука — змея.
И действительно, я
Не должна уезжать из Союза.
За границей легко только первые дни,
В магазине прилавок наряжен.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Эти перья и эти тетради!)
А какие здесь есть города! Например,
Старый Берген, который не даром

(Это скажет вам каждый порядочный гид)
Знаменит
Своим рыбным базаром.
Голубая макрель, золотая треска
На холодном рассвете багровом.
Я взглянула на рыбу — и в сердце тоска
Вдруг впилась мне крючком рыболовным.
Я припомнила ясно: в корзине, в ведре ль,
Распластав плавников острия,
Та же белая в синих полосках макрель,
Только звали ее «скумбрия».
И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролегла
Между этой и той скумбрией!
И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».
Только вижу: у рыбного ряда стоит,
Упершись рукавицей в бедро,
В сапогах и брезенте, назад козырек,
Ну, точь-в-точь паренек
Из метро.
Я невольно воскликнула: — Ах ты,
Из какой это вылез он шахты? —
Он ко мне по-норвежски (а я ни гу-гу),
По-иному он, вижу, не слишком.
Неужели же, думаю, я не смогу
Побеседовать с этим парнишкой?
И, доставши блркнот, так, чтоб он увидел,
На прилавке под рыбным навесом
Я рисую родимого моря овал
Я пишу по-латински «Odessa».
И тогда паренек на чужом берегу
Улыбается мне, как рыбак рыбаку.
Паренек улыбается мне от души.
Он берет у меня карандаш.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Если держит их кто-нибудь наш!)
Он выводит знакомое слово «Moskwa»,
И от этого слова — лучи.
(До чего хорошо, что иные слова
Даже в дальних краях горячи!)
Он приветствует в эту минуту Союз,
Он глядит хорошо и всерьез.

И, содрав рукавицу и сбросив картуз,
Он трясет мою руку до слез.
Хорошо, что на грусть мы теряем права
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Москва»
Не бывает нигде одинок.

1934

**МЫ ЕДЕМ В БАГДАДИ,
НА РОДИНУ МАЯКОВСКОГО**

(Глава из поэмы «Путевой дневник»)

1

Бывает так: музей велик, богат,
Работниками труд большой проделан,
Обдуман, взвешен каждый экспонат,
А вот душа предметов улетела.
И уважаешь этот честный труд,
И холодно тебе порою тут.

2

Но пусть это домашний пересказ
Событий: трубка, одеяло, койка,
То ли в квартире Пушкина на Мойке,
У Гете в Веймаре, или у нас
В Хамовниках в Москве, у Льва Толстого,—
И видишь человека как живого.

3

Хозяина не стало. Праха горсткой
Он стал. Но не забуду никогда,
Как лермонтовский домик в Пятигорске
Был полон теплой жизни и труда.
И за стеклом, в шкафу, казался дик
Надгробных лент мучительный цветник.

4

Пускай нам будет ясен и разборчив
Рисунок прожитого. Пусть фонтан
Бахчисарайский будет не испорчен,
Не иссякает. Пусть, назло годам,
Таков, как есть, не искажен, не скомкан,
Багдадский домик перейдет к потомкам.

5

Из дерева. Каштановый. Он мал.
 Жилье лесничего, он далеко не
 Роскошен. Входим. Нас никто не ждал.
 Шафран на нитке сохнет на балконе,
 И на гвозде у двери вязка перца
 Краснеет, точно кровь у входа в сердце.

6

Здесь родился ребенок. Первый крик
 Его раздался в этой комнатушке.
 Здесь он лежал. В гробу он был велик,
 А тут весь умещался на подушке.
 И на пушок младенческого рта
 Глядел рассвет с Гурийского хребта.

7

Ребенок, мальчик, ростом был высок.
 Смешливый, умный и сердитый — здесь он
 Тянулся вверх. И становился тесен
 Ему родных созвездий гороскоп.
 Его теснили горные верхи.
 Он рос. И он писал уже стихи.

8

Он голос развивал. И не затем ли
 Он залезал в сосуд из-под вина,
 Кувшин такой. Их зарывают в землю
 Почти по горло, только часть видна,
 А вся амфора врыта. Это надо,
 Чтобы в вине всегда была прохлада.

9

И путник, даже если и спешил,
 Задержится и слушает, бывало,
 Как отроческим голосом кувшин
 Не то поет, как звонкий запевала,
 Не то гудит. И пористая глина
 Рождает эхо в тишине долины.

10

Теперь не то. Молчат леса и горы,
От эхо не осталось и следа,
Уже иная, смертная амфора
Вобрала этот голос навсегда.
Но нас доводит до галлюцинаций
Неповторимость этих интонаций.

11

Знакомый голос в землю не зарыт.
Еще в Политехническом музее,
Как на арене в римском Колизее,
Живет воспоминаний львиный рык.
Еще звучит грохочущее эхо:
Аплодисментов гул и взрывы смеха.

12

Владимир Маяковский, голос твой
(Такие голоса не умирают)
Не похоронен в урне гробовой.
Твои слова и школьник повторяет
И вождь. И Маяковского строка
По-пушкински переживет века...

13

Мы возвращаемся. Умолкли речи.
Дорога и пустынна и темна.
Ночные фары мечут столб огня,
Да изредка из темноты, навстречу,
Метнется дерево или жильё.
И ринется во мрак. И нет его.

1938

ТОВАРИЩ ВИНОГРАД

У апельсина кожа
Красней гусиных лап:
На родине была жара,
А нынче он озяб.
Такой тут ветер ледяной,
Что стынут даже сосны.

А он, подумайте, в одной
Обертке папиросной.
Впервые снежных звездочек
Он увидал полет,
Промерз до самых косточек
И превратился в лед.
Покрыт пупырышками весь
Бедняга апельсин.
Он люто замерзает здесь,
Да и не он один.
Вот персик. Он тепло одет.
На нем пушистый ворс,
На нем фланелевый жилет,—
И все же он замерз.
А золотистый виноград,
Приехав ночью в Ленинград,
Увидел утром Летний сад —
И кинулся к нему.
Он видел — статуи стоят.
И думал: «Я — в Крыму.
Пройдет еще немного дней —
Загар покроет их».
Раздетых мраморных людей
Он принял за живых.
Но скоро бедный южный гость
Лежал в опилках, весь дрожа.
А холод резал без ножа,
Терзал за гроздью гроздь.
Но в эту же погоду,
На этом же лотке,
Антоновские яблоки
Лежали налегке.
Их обнаженной коже
Морозец не мешал,
И было непохоже,
Чтоб кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало апельсинам
И винограду: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От наших снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пуховиков.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ Виноград,
На свете жил ученый,
И у него был сад,

Там изучал замашки он
Фисташки и айвы,
Там, главное, заботился
Он о таких, как вы:
Чтоб вы росли и зрели
Под ветром ледяным,
Чтоб суровый север
Казался вам родным,
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мичуриным,
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мои друзья.
И там он держит яблоко
Такое же, как я...»
И в эту же минуту,
Услышав эту речь,
У апельсинов будто
Упала тяжесть с плеч,
И сразу востепенулся
И, видимо, был рад
И сладко улыбнулся
Товарищ Виноград.

1940

ГОД

(Глава из поэмы «Пулковский меридиан»)

1

На Ленинград, обхватом с трех сторон,
Шел Гитлер силой сорока дивизий.
Бомбил. Он артиллерию приблизил,
Но не поколебал ни на микрон,
Не приостановил ни на мгновенье
Он сердца ленинградского биенье.

2

И, видя это, разъяренный враг,
Предполагавший город взять с разбега,
Казалось бы, испытанных стратегов
Призвал на помощь он: Мороз и Мрак.
И те пришли, готовые к победам,
А третий, Голод, шел за ними следом.

3

Он шептуном шнырял из дома в дом,
 Ныл нытиком у продуктовой кассы.
 А в это время рос ледовой трассы
 За метром метр. Велась борьба со льдом.
 С опасностью, со смертью пополам
 Был доставляем хлеба каждый грамм.

4

И Ладога, как птица-пеликан,
 Самопожертвования эмблема,
 Кормящая птенцов самозабвенно,
 Великий город, город-великан,
 Питала с материнскою любовью
 И перья снега смешивала с кровью.

5

Не зря старушка в булочной одной
 Поправила беседовавших с нею:
 — Хлеб, милые, не черный. Он ржаной,
 Он ладожский, он белого белее.
 Святой он.— И молитвенно старушка
 Поцеловала черную горбушку.

6

Да, хлеб... Бывало, хоть не подходи,
 Дотронуться — и то бывало жутко.
 Начнешь его — и съешь без промежутка
 Весь целиком. А день-то впереди!..
 И все же днем ли, вечером, в ночи ли
 Работали, учились и учили.

7

Студент... Огонь он только что раздул.
 Старательно распиленный на чурки,
 Бросает он в него последний стул.
 А сам перед игрушечной печуркой,
 На корточках (пусть пламя припечет)
 Готовит он очередной зачет.

8

Старик профессор... В клетчатом платке
 Поверх академической ермолки,
 Насквозь промерзший, с муфтой на шнурке,
 С кастрюльками в клеенчатой кошелке.
 Ему бомбежка путь пересечет,
 Но примет у студента он зачет...

9

Тяжелый пласт осенней темноты
 Так угнетал порой невыносимо,
 Что были двадцать граммов керосина
 Желанней, чем в степи глоток воды.
 О, только бы коптилка не погасла!..
 Едва горит соляровое масло.

10

И все же не погас он у меня,
 Сосущий масло марлевый канатик,
 Мерцающее семечко огня.
 Так светит иногда светляк-фанатик.
 И чувствует, что он по мере сил
 Листок событий все же озарил.

11

Я знаю, что в грозовой этой чаще
 Другим удастся осветить крупней
 Весь этот год, вплоть до его корней.
 Но и светляк был точкою светящей,
 И он в бореньях тьмы не изнемог.
 Он бодрствовал. Он сделал все, что мог.

12

И Муза, на сияние лампадки
 Притянутая нитью лучевой,
 Являлась ночью, под сирены вой,
 В исхлестанной ветрами плащ-палатке,
 С блистанием волос под капюшоном,
 С карандашом в руке неустрашенной.

13

Она шептала пишушим: «Дружок,
 Не бойся, я с тобой перезимую».
 Чтобы согреть симфонию Седьмую,
 Дыханьем раздувала очажок.
 И головешка с нежностью веселой,
 Как флейточка, высвистывала соло.

14

Любитель музыки! Пожалуй, в ней ты
 Увидел бы, в игре ее тонов,
 И впрямь порханье светлых клапанов
 По угольному туловищу флейты,
 И то, как, вмиг ее воспламеня,
 По ней перебегает трель огня.

15

С электролампой, в световом овале,
 Входила Муза в номерной завод
 Под сумрачный, оледенелый свод,—
 Там Стойкостью ее именовали...
 И цех, где было пусто, как в соборе,
 Вновь оживал. Все снова были в сборе.

16

Все нити и лучи сходились к ней,
 От одиночных маленьких сияньиц
 До величавых заводских огней,
 Бросавших блики на снарядов глянec.
 И каждый отблеск радовал сердца,
 И производственника и бойца.

17

Бывало, Муза днем, в мороз седой,
 Противовесом черной силе вражьей,
 Орудовкой, в берете со звездой,
 Стояла у Канавки у Лебяжьей
 И мановеньем варежки пунцовой
 Порядок утверждала образцовый.

В апреле Муза скалывала лед.
 Ей было трудно. Из-под зимней шапки
 Росинками блестит, бывало, пот.
 Ей в руки бы подснежников охапки...
 Но даже в старом ватнике — она
 Была все та же юная Весна.

Стремительна, прекрасна и строга.
 Крылатая!.. И рядом с Музой каждый
 И чувствовал и думал не однажды:
 «Чтобы вернее сокрушить врага,
 Я все отдам и даже бытие,
 О Ленинград, сокровище мое!»

Всегда, везде, в облиции любом,
 К любому причисляема отряду,
 Она была любовью к Ленинграду
 И верою в победу над врагом,
 Надеждою... Всего не перечесть:
 Такой она была. Была и есть!

1943

ПЕРСИК

Корзину персиков в Москву
 В подарок шлет колхоз.
 Их погрузили в синеву,
 Их самолет унес.

Узбечка, девушка-краса,
 В одежде из шелков,
 Разделена ее коса
 На двадцать ручейков.

Махнула летчику рукой,
 Чтоб был полет хорош:
 — Друг, не забудь, куда, какой,
 Кому ты груз везешь!

И получает адресат
Чудесные плоды.
Взрастил их персиковый сад,
Цветущий сын воды.

Они извлечены на свет
И в вазе голубой
Дипломатический обед
Украсили собой.

И зарубежный дипломат,
Галантный, как всегда,
Отметил вкус и аромат
Советского плода.

И дипломат, подняв бокал,
На персик поглядел:
Плод был наполовину ал,
Наполовину бел.

Оратор молвил: — Шар земной
Напоминает он,
Который надвое одной
Чертою разделен.

Но дипломат был близорук,
Он несколько косил,
Благодаря чему не вдруг
Он персик раскусил.

Лишь поднеся его ко рту,
Он понял, наконец,
Что заповедную черту
Перешагнул багрец,

Что пурпур, обтекая шар,
Повсюду проступал.
И гость, утратив речи дар,
Не допил свой бокал.

И был смущен, как никогда,
Тот мистер или лорд.
Хозяин улыбнулся: — Да.
Такой уж это сорт...

Воскликнем же и мы вослед:
— Такой уж это сорт!
С лица планеты алый цвет
Вовек не будет стерт,

Чтобы алеющий Восток
Все далее стремил
Всепобеждающий поток
Животворящих сил!

1951

РАЗЛИВ

Нева течет расплавленным металлом,
У Зимнего дворца фасад в огне.
Закатный пламень полукружьем алым
Мерцает у «Авроры» на броне.

Июльский день семнадцатого года...
На многолюдной площади — вокзал.
В густой толпе один из пешеходов
Ничье внимание не привлекал.

Рабочий. Сестрорецкий оружейник.
По пропуску — Иванов Константин.
По внешности — отнюдь не исполин,
Рост невысокий. Хваткие движенья.

Мотаает, видно, все себе на ус,
Хотя усы он сбрил, да и бородку.
На нем потертое пальто, картуз,
На белых пуговках косоворотка.

Гудок. Зажегся семафора свет,
Ушел по расписанию поезд дачный.
И, сыщиков не наведя на след,
Иванов едет: все сошло удачно.

Полным-полно. Вагон разноголос.
Здесь как бы вся страна в ее разрезе:
Сидит матрос, в скамью как будто врос,
Чиновник (очевидно, скоро слезет).

Солдат, надолго выбывший из строя.
В вагон на костылях с трудом вошел.
Какой-то гражданин, в проходе стоя,
Читает Блока (времечко нашел!).

Больной ребенок мается, не спит он;
Мать дремлет, ночью, видно, не спалось.
Отец погиб на фронте от иприта,
А дома ждут — вернется он авось.

Старик крестьянин малоговорливый,
А рядом — седовласый краснобай:
«Константинополь... Нам нужны проливы...»
— Ты не водицу нам,— землю дай.

Но седовласый все журчит водой,
Слова текут, как из худого крана.
Рабочий достает немолодой
Листок газеты «Правда» из кармана.

Все разные. На каждом пассажире
Лежит своя особая печать.
В вагоне разговор идет о мире.
Солдат сказал: — Войну пора кончать.

— Пора! — вздохнула вдовая солдатка.
— Пора! — сказал рабочий, сжав кулак.
Крестьянин молвил: — Людям, ох, не сладко.
Царь обезврежен. А война — никак.

— Вести войну,— воскликнул седовласый,—
Должны мы до победного конца.
Должны, не разделенные на классы,
Спасти Россию русские сердца...

Иванов так был спором увлечен,
Что чуть было не принял в нем участия.
Однако тут же спохватился, к счастью,
И лишь досадливо повел плечом.

А в это время разговор в вагоне
Особо жгучий приобрел накал.
Кой-кто шипел, что Ленин на балконе
Н е д а р о м у Кшесинской выступал.

Что, захватив роскошное палаццо,
Н е д а р о м он кричал: «Долой войну!»
— Ты что это про Ленина? А ну! —
Сказал матрос и стал приподыматься.

— П...позвольте, ведь доказано, да-да,
Что связан с немцами Ульянов-Ленин.
Он их агент. Он уличен в измене.
И явится на суд он, господа.

Для большевистского для главаря
Исход, конечно, будет очень грустен. —
Рабочий глянул, будто говоря:
«Не явится. Не ждите. Не допустим».

Был вражий голос, как пила, визглив...
Иванов слез на станции Разлив.

Удостоверясь в том, что это можно,
Он снял картуз, а заодно — парик.
И воздух дуновеньем осторожным
Ко лбу его высокому приник.

Здесь ночи не такие, как на юге.
Здесь сумерки, прохладой бодря,
Почти до половины сентября
Напоминают о Полярном круге.

Как будто наше солнце дорогое,
Светя балтийским водам и лесам,
Не рвется в полушарие другое,
К чужим, американским небесам.

Вот и сейчас, на диво хороша,
Никак не гасла северная ночка.
Потрескивал костер у шалаша,
В воде двоилась рдеющая точка.

Лежало озеро в зеркальном блеске,
И, словно кто сюда его позвал,
Вдруг поздний соловей в густом подлеске
Запел, как и весною не певал.

Он сыпал трели, шелканье и свист,
Так пел, что сердцу становилось тесно.
Ильич вздохнул: «Не до тебя, солист,
Хотя ты и поешь архичудесно».

Не до него! Он сыпал серебром,
Пылжил жемчужно-капельным дождем,
Но Ленин был уже не им захвачен.
Сейчас не до него.

Перед вождем
Стояли исполинские задачи:
Стоял июль,
чреватый Октябрем.

МУХА-ЦОКОТУХА

Муха, Муха, Цокотуха,
Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Пошла Муха на базар
И купила самовар:

«Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!»

Тараканы прибежали,
Все стаканы выпивали,
А букашки —
По три чашки
С молоком
И крендельком:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

Приходили к Мухе блошки,
Приносили ей сапожки,
А сапожки не простые —
В них застёжки золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка-пчела,
Мухе-Цокотухе
Меду принесла...

«Бабочка-красавица,
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощенье?»

Вдруг какой-то старичок
Паучок
Нашу Муху в уголок
Поволок —
Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!

«Дорогие гости, помогите!
Паука-злодея зарубите!
И кормила я вас,
И поила я вас,
Не покиньте меня
В мой последний час!»

Но жуки-червяки
Испугались,
По углам, по щелям
Разбежались:
Тараканы
Под диваны,
А козявочки
Под лавочки,
А букашки под кровать —
Не желают воевать!

И никто даже с места
Не сдвинется:
Пропадай-погибай,
Именинница!

А кузнечик, а кузнечик,
Ну совсем как человек,
Скок, скок, скок, скок
За кусток,
Под мосток
И молчок!

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе веревками крутит,
Зубы острые в самое сердце вонзает
И кровь у нее выпивает.

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

Вдруг откуда-то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

«Где убийца? Где злодей?
Не боюсь его когтей!»

Подлетает к Пауку,
Саблю вынимает
И ему на всем скаку
Голову срубает!

Муху за руку берет
И к окошечку ведет:
«Я злодея зарубил,
Я тебя освободил
И теперь, душа-девица,
На тебе хочу жениться!»

Тут букашки и козявки
Выползают из-под лавки:
«Слава, слава Комару,
Победителю!»

Прибегали светляки,
Зажигали огоньки —
То-то стало весело,
То-то хорошо!

«Эй, сороконожки,
Бегите по дорожке,
Зовите музыкантов,
Будем танцевать!»

Музыканты прибежали,
В барабаны застучали.
Бом! бом! бом! бом!
Пляшет Муха с Комаром,
А за нею клоп, клоп
Сапогами топ-топ.
Козявочки с червяками,
Букашечки с мотыльками.

А жуки рогатые,
Мужики богатые,
Шапочками машут,
С бабочками пляшут.

Та-ра-ра! Та-ра-ра!
Заплясала мошкара.

Веселится народ —
Муха замуж идет
За лихого, удалого,
Молодого Комара!

Муравей, муравей
Не жалеет лаптей —
С муравьиhoю попрыгивает
И букашечкам подмигивает:

«Вы букашечки,
Вы милашечки,
Тара-тара-тара-таракашечки!»
Сапоги скрипят,
Каблуки стучат,—
Будет, будет мошкара
Веселиться до утра:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

МОЙ ДОДЫР

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку —
Свечка в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.

Что такое?
Что случилось?
Отчего же.

Все кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?

Утюги
за
сапогами,
Сапоги
за
пирогами,
Пирог
за
утюгами,
Кочерга
за
кушаком —

Все вертится,
И кружится,
И несется кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросенок!
Ты чернее трубочиста.
Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром, на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утята,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался
И грязнулею остался.
И сбежали от грязнули
И чулки и башмаки.

Я — Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир.
Если топну я ногою,
Позову моих солдат —
В эту комнату толпою
Умывальники влетят
И залают, и завоюют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-бараз!»

И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волосы,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной,
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
«Уходи-ка ты домой,
Говорит,
Да лицо свое умой,
Говорит,
А не то как налечу,
Говорит,
Растопчу и проглочу!» —
Говорит».

Как пустился я по улице бежать.
Прибежал я к умывальнику опять.
Мылом, мылом,
Мылом, мылом
Умывался без конца,
Смыл и ваку, —
И чернила
С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:
Подбежал — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилась тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я:
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умыться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да, нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться, плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,
И в ванне, и в бане,—
Всегда и везде
Вечная слава воде!

Июль 1921

ГАРМОНЬ

(Поэма)

И. Уткину

В поздни ноченьки, припевками
На полях пугая сонь,
Баловались парни с девками
И влюблялись под гармонь.

Н. Кузнецов

ВСТУПЛЕНИЕ

Гармонь, гармонь!
Гуляют песни звонко
За каждый покачнувшийся плетень...
Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия российских деревень!

Рассыпчатые, трельные лады!
Какому парню
Ваша речь не снилась?
Нет радости такой и нет такой беды,
Которая бы в вас не уместилась.

Гармонь, гармонь!
Протяжные меха...
Жестяных планок потускневший глянecь.
Ах, у какой дивчины на щеках
Твой первый всхлип
Не вызывал румянец?..

Счастливые, гульбливые деньки,
Шумливые солдатские наборы
Под перебой веселья и тоски
Вплелись
В твои хмельные переборы.

Твой шустрый шум,
Цветисто-пестрый гам,
Певунья перестроенных околиц,
Теперь сумел прибрать к своим рукам
Курчавый развеселый комсомолец.

И с той же задушевною игрой
В простор полей в премудрых переборах
Врастает новых, зычных песен строй
О тракторе,
О смычке,
О селькорах!..

Полночица, буди и радуй хаты!
Взрывай в полях спокойствие и сонь,
Волнующий, понятный агитатор —
Разгульная кудесница-гармонь!

Играй и пой
Затейливо и звонко!
Развеселяй разбуженный плетень!
Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия советских деревень!

I

Который день печалится Тимошка:
Принес тоску с зазнобою разлад.
А все она, разлучница-гармошка...
А больше — кто ж? Никто не виноват.

Марусенька,—
Найду ль другую лучше?..
В глазах другой
Блеснет ли тот огонь?..
Марусенька!
Не знал я, что разлучит
С тобою нас проклятая гармонь.

Любовь — она, конечно, не картошка,
Ее не вырешь в один прием.
Но все ж решил
Комсомолист Тимошка
На этот раз поставить на своем.

Решил он поддержать свою осанку:
Ведь все же — секретарь и вообще...
Решил:
Не выйдет больше на гулянку
С тяжелою гармонью на плече.

— Девушки-голубушки,
Писанные любушки.
Вам хиханьки да хаханьки,
Скачете, что махоньки.

Целы ночи на гумне
Пляшете «метелицу».
Не пристало, девки, мне
С вами канителиться!

Девицы-красавицы,
Мне не полагается,
Из-под ног глотая пыль,
Вам наяривать кадрили.

Вы спросите, девицы:
Куда Тимошка денется?
Он не будет петь-плясать,
А будет тезисы писать.

Ну, а вы, что махоньки:
Все — хиханьки да хаханьки.

Но мне ль теперь, подумайте, к лицу
Резвиться с вами в песнях перепетых?
Да мне ль теперь звенеть, как бубенцу,
Секретарю
И члену сельсовета?..

Продам гармонь,
Как старый тарантас,
Пускай она в других руках застонет.
Ах, девушки,
Придумать бы для вас
Что-либо поумней гармонии!

Вот погодите: это все не вдруг —
Я доберусь проведать город дальний.
Я научусь там проводить досуг
Под звуки радио
В избе-читальне!

Мы всколыхнем тогда наш темный край
По-новому — цветисто и речисто.
Ну, а теперь пока — прости-прощай:
Связал гармонь,
Убрал ее в сарай.
Нет на селе Тимошки-гармониста...

Не ходить мне под окошко,
Не будить ее гармошкой.

Потерял, видать, Марусю.
На нее я не сержуся.

От Маруси пойду к Тоне:
— Полюби, мол, без гармонии!

Хочешь — любишь, хочешь — нет.
Вот тебе один ответ.

Любовь — она, конечно, не картошка,
Ее не выроешь в один прием.
Но все ж решил
Комсомолист Тимошка
На это раз
Поставить на своем.

II

Каждый день к избе своей,
Не селом — оврагами,
Ходит важный Тимофей
С важными бумагами.

Будто ветер полевой,
Мчит. А ноги — пулями.
За овинами его
Девки караулили...

— Что ж вы мимо тянете,
Тимофей Васильевич?
К нам-то не заглянете,
Тимофей Васильевич?

— Навоз продал? Забурел,
Тимофей Васильевич.
Видно, много разных дел,
Тимофей Васильевич?

— Вам теперь, чай, не до нас,
Тимофей Васильевич?
Оторвались от масс,
Тимофей Васильевич?..

— День не спали, ночь не ели.
— Все сидели — мучились.
Мы об вас, Тимоша-свет,
Скукою соскучились!

— Все гляделки проглядели
Через щели и пазы:
Не видать ли вашей шалой,
Разудалой гармозы?

— Застоялись голоса,
Отекают ноженьки.
Ах, ужели вам до нас
Не найти дороженьки?

III

Отвечает Тимофей
Коротко и ясно:
— Это очень хорошо,
Хорошо-прекрасно.

Было время — поплясали,
А теперь уж — дудки.
Что для нас теперь гармонь?
Просто... предрассудки...

Есть в волкоме мой проект
И в уотнарабе:
Чтоб гулянки отменить
В волостном масштабе!

А замест гулянок тех
Обучать вас надо —
На собраньях посещать
Лекции, доклады.

Там займемся мы всерьез
Мозговым ремонтом.
Каждой девке надо быть
Девкой... с горизонтом!

Это будет хорошо,
Хорошо-отлично,
Заявляю вам конкретно
И категорично!..

Среди девок кутерьма:
— Тимофей сошел с ума!..

Припустились бежать,
Только пыль клубится.
— Бабку, что ль, к нему позвать?
Иль везти в больницу?

— Донести в Совет — резон.
Он ведь там — начальник...
— Намекнул... про «горезонт»...
Этакий охальник!

IV

Гармонь, гармонь!
Гуляют песни звонко
За каждый покачнувшийся плетень...
Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия российских деревень!

— На столе стоит
Чарка с водочкой,
Под гармонь пройдуся
За молодочкой.

В хоровод зайду:
Что там деется?
Подходи ко мне,
Красна девица!

Выбирай меня
Своим суженым!
Получай платок
С белым кружевом...

Захлебнулась гармонь
Заунывным хрипом...
У Антипа сапоги —
Сапоги со скрипом.

У Антипа сапоги
С медною подковкой,
У Антипа на плечах —
Новая поддевка.

У Антипа сапоги
Огнем пламенелися...

— Эх, не белы снеги
Да в чистом поле забелелися...

— Ну, дивчина, выходи!
Что ж ты, в рот те дышло?! —
В круг Маруся от подруг
Неторопко вышла.

— Не шути, веселый гость,
Шутками с похмелья.
Может, нам не по нутру
Эдако веселье?

Знать, в гармошке у тебя
Много старой плесени?
Может, нам не по душе
Эдакие песни?

Песни девушкам сладки,
Словно чай в прикуску.
Любят девушки гармонь
За другую музыку!

А платочек — ни к чему —
Прошивное кружево,—
За любовь — не за платки —
Выбираем суженых!

Отодвинь сапоги:
Вижу, что не лапоть!
Отчепись, гражданин,
Погоди-ка лапоть!

— Эй, Марфутка, ну-тка, ну-тка,
Грянем шутку-прибаутку.

— Черт с тобой, что ты, пижон,
Красиво одеваешься!..
За девочкой гоняешься...
Чего ж ты добиваешься?

— Гармонь нóва.
Крышка стерта.
Гармонист
Похож на черта!..

Тыра-мана, тыра-мана,
Тыра-мана-на!..
Эх, старая заквасочка
В гармонике видна...

V

Который день печалится Тимошка:
Пришел проект из волости назад.
И надпись на проекте:
«Не гармошка,
А ты, Тимошка, виноват...»

И дальше резолюция гласила:
«Пойми,— не зря сидишь в секретарях, —
Что на селе гармонь — большая сила,
Когда гармонь
В своих руках!»

«Какой конфуз!..
Попал я пальцем в небо.
В глазах — обида. На щеках — огонь.
Какой конфуз!..
Так, значит, что же — треба
Идти в сарай, откапывать гармонь?
Пошел в сарай. А сердце било дрожью.
По лестнице залез на сеновал...
Марусенька, касаточка, за что же,
За что тогда
Тебя я потерял?..

— Тимофей Васильич, здрасте!
Тимофей Васильич, слазьте!
Вы же все-таки у власти:
Заступитесь за меня!

Наехали субчики,
Купчики-голубчики,
Пристают да лапают,
Чертова родня!

Этакие бабники,
Бабники-похабники!
Гармонист — такой жиган...
Прихватите-ка наган!

Грубиян да забияка,
К нашим парням лезет в драку.

Тимофей, что лошадь — в мыле:
— Ах, Маруся, это вы ли?
Неужели не забыли?..

Мы сейчас покажем пьяным
Кулаковским хулиганам,—
Только вовсе не наганом,
А совсем наоборот:

Прихвачу я для порядку
Голосистую трехрядку...
Отчепися, обормот,
Не вяжися в хоровод!

VI

— Звонкой песней изольюся,—
Говорит ему Маруся.

Эх, ты ли меня, я ли тебя
Иссушила?
Ты ли меня, я ли тебя
Извела?

Ты ли меня, я ли тебя
Из кувшина,
Ты ли меня, я ли тебя
Из ведра?..

Ты ли меня, я ли тебя,
Я ли тебя, ты ли меня...
Ты ли меня...
Тыра-мана, тыра-мана,
На-а!..

Кабы не было беды,
Я бы сердце вынула —
За серебряны лады,
За меха малиновы.

Хрусталики-хрустали,
Песни перламутровы.
Прогуляем до зари,
Песней встретим утро мы.

Колокольцами трезвонь:
Дин-дон-лада...
Разлюбезная гармонь —
Девичья отрада...

Я наведалась намедни
К заутрене и к обедне.
А теперь гармонь — беда,
Не пускает никуда.

Сыпь, Тимоша, поновей!
Не перечу!
Лей, гармошка, песню, лей
Девушкам навстречу!

Будем сами сочинять,
Коли песен мало.
«Как родная меня мать
Прово-жа-а-ла...»

Захлебнулася гармонь,
Разыгралась хлестко.
У Тимоши-гармониста
На пробор прическа.

В куртке — красенький билетик.
Что-то в том билетике?
У Тимоши-то калоши,
Со шнурком штиблетики...

— Сыпь, Тимоша, в хоровод!
Собирай вокруг народ.
Только знак подай народу:
Под гармонь —
В огонь и воду!

А хороший гармонист —
Это не утеха ли?
— Антип, садись,
— Антип, заткнись!..
Слезай!
Приехали!..

Не давит прежней тяжестью гармошка.
 Не режет плеч исстеганный ремень.
 На митинг
 Молодежь ведет Тимошка
 В Международный юношеский день.

Далекий путь — лесами, сжатой рожью —
 В цветистом шуме показался мал...
 Звенит гармонь.
 И вместе с молодежью
 Леса поют «Интернационал»...

И даже ветер подпевает тонко,
 Лаская свежестью шумящий день...
 Гармонь, гармонь!
 Родимая сторонка!
 Поэзия
 Советских
 Деревень!..

1926

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
 Широкое Черное море.
 Последний матрос Севастополь покинул,
 Уходит он, с волнами споря...

И грозный соленый бушующий вал
 О шлюпку волну за волной разбивал...
 В туманной дали
 Не видно земли.
 Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
 Кипела вода штормовая...
 Он камень сжимал посиневшей рукою
 И тихо сказал, умирая:

«Когда покидал я родимый утес,
 С собою кусочек гранита унес —
 Затем, чтоб вдали
 От крымской земли
 О ней мы забыть не могли:

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.

Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,—
Он русскою кровью омыт».

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.

Взошел на утес черноморский матрос,
Кто родине новую славу принес.

И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943—1945

СТРАНА СОВЕТОВ

По темным улицам
Брожу один.
Они глядят на меня
Из витрин
И не видят меня всего.
И я вспоминаю:
У них был дом
С железной оградой,
С высоким окном,
А теперь у них — ничего.

Они нам платят
За дом, где живут,
За то, что едят,
За то, что пьют,
И даже за гвоздь
В башмаках.
И я начинаю смеяться вдруг,
Но тихо,
Чтоб не умножить испуг,
Который
У них в глазах.

В Стране Советов открыт базар,
Они продают на нем свой товар,
Барышей отдавая часть.
Много у нас
Для них сторожей,
Много у нас
В городах фонарей —
Для тех,
Кто хочет украсть.
Они глядят на Кремль, что во тьму
Уперся,

А звезды ближе к нему,
Чем к самым высоким домам,
Но им запрещен
Вход во дворец,
Двери его
Стережет свинец,
Спрятанный по стволам.

По темным улицам
Брожу один.
Они глядят на меня из витрин,
Я в ответ гляжу
И смеюсь:
У них в саду был высокий дом,
А теперь он оброс
Травой и мхом,
А теперь он,
Как сердце их, пуст.

За чужим столом они пьют вино...
Глупые!
Разве может оно
Спасти от смертельных ран?
Мир огромен — в нем ветер и тьма.
Раздувая обиды,
Врываясь в дома,
Он опрокинет стакан.
Совсем поздно и совсем темно,
Я уже не гляжу в окно,
Где за столом враги.
Мир огромен,
А в нем страна
Такая, как наша,
Только одна.
И я ускоряю шаги...

1924

РОМАНТИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Не сплю я ночь.
Проходит день.
И вижу я опять:
Война свою большую тень
Бросает
На кровать.
Моя кровать .
Из трех досок,

Соломенный тюфяк.
Стакан.
Недопитый глоток,
Нетронутый табак.

Комод,
В углу моя шинель,
Я в комнате один:
Жена
За тридевять земель
И с ней
Мальчишка-сын.

Ночь по-осеннему шумит.
Скрипит моя кровать.
Иль, может, то
Снаряд свистит
Или шрапнель
Опять?

Мечта отходит от дверей,
Вот стала
В головах.
Крыло раздроблено у ней,
Винтовка
На плечах.

«Вставай!
В тревоге десять стран.
Уж вызов
Брошең нам.
Взгляни:
Мой верный барабан
Расколот пополам.

К Светлову
Я уже зашла,
Давно забыл он сон.
Я у Багрицкого была —
Винчестер
Чистит он.

Вставай!
Асеева зови,
Он бродит у ворот.
Твою поэму о любви
Не кончим
В этот год».

Ночь по-осеннему шумит.
Скрипит моя кровать.
А может, то
Снаряд свистит
Или шрапнель
Опять?

У зеркала я, наконец...
С меня не сводит глаз:
Светлова —
Раненый боец,
Багрицкого —
Опанас.

«Ты Украину не любил,
В тебе —
Вода, не кровь,
Ты Украину позабыл,
Все пишешь про любовь.

Не верим мы,
Коль это так,
Тогда ложись и спи.
Тебе соломенный тюфяк
Милей твоей степи!

Знай, близок он,
Военный гул,
И мать твоя не спит.
Хоть глаз один ее уснул,
Другой —
В Москву глядит».

Ночь по-осеннему шумит.
Скрипит моя кровать,
Иль, может, то
Снаряд свистит,
Или шрапнель
Опять?

В моем окне
Чуть брезжит день...
Но, видно, мне не спать.
Война свою большую тень
Бросает
На кровать.

1927

ЕЛЕНА КЛЕЙН¹

Он разгадал тебя, начальник сотни волчьей.
Ночь. Стук в окно. Елена Клейн, вставай!
Что я могу — стоять и стынуть молча?
Ночь. Звон стекла. Елена Клейн, прощай!..

Я видел все: тебя вели штабные;
Над городом стояла тишина.
Бульвары темные и улицы пустые,
Над пустырем — нелепая луна.

О чем ты думала? О чем они шумели?
Ты знала ли, что кончена игра?
Высокая, в распахнутой шинели,
В моей кубанке, сброшенной вчера...

Да, мы тебя ценили слишком мало:
Тебя сломить в застенке не могли.
Команда. Залп. Ты у стены упала.
Рассвет вставал. За годом годы шли.

Я вижу девушек и радостных и стойких,
Мне рядом с ними жить и побеждать.
Так отчего ж и в громе нашей стройки,
Елена Клейн, ты снишься мне опять?..

1929

ПАРТИВАН ГРАЧ И ЕГО АДЪЮТАНТ

Фройман снова у Грача:
«В лошадях у нас нехватка,
План мой в боевом порядке,
Слушай-ка, не горячься:

В тридцати верстах завод
У помещика, у гада.
Кони там стоят что надо.
Заберу я пулемет
И немного — треть отряда.

¹ Комсомолка, расстрелянная
белыми в 1919 году.

Не прибуду к сроку — гроб!
Тридцать суток. Пуля в лоб!»
«Ладно,— отвечает Грач. —
Сутки сроку — и не плачь».

Сутки — нету адъютанта,
Двое — нету адъютанта,
Трое — нету адъютанта...
А отряд без провианта,
Под Одессою Антанта,
Сбоку напирает банда.

«Ладно,— размышляет Грач,—
Бей их, Яша, и не плачь!»
Ночью слышен стук копыт,
Пыль столбом, далекий топот,
То табун коней храпит,
Адъютант их гонит скопом.

«Здравствуйте, товарищ Грач!
Здравствуйте, товарищ нач!
Забирайте, кони ваши.
Подавайте мне калач
И четыре миски каши!
Пулемет с отрядом цел,
Но с неделю я не ел...»

«Ладно,— отвечает Грач,—
Тридцать суток — и не плачь!»

1932

**БАЛЛАДА
О ДЕЗЕРТИРЕ ОСОКЕ КУДЕЛЬ
И КОМАНДИРЕ ТЕРНИКЕ**

Николаю Островскому

Смушковая шапка,
Серая шинель.
По полю гуляет
Снежная метель.

А в тепле за чаем
Два дружка сидят.
Рыж один, как пламя,
А другой шербат.

Говорит шербатый:
«Мне начхать на мир.
Я Кудель Осока,
Вольный дезертир.

У меня в деревне
Мельница и дом.
Брат мой при хозяйстве,
Хорошо живем.

Ну, а ты, товарищ?
Кто ты есть такой?
Почему качаешь
Рыжею башкой?..»

Отвечает рыжий:
«Не чихай на мир.
Я товарищ Терник,
Красный командир.

У тебя в деревне
Мой отряд стоит.
За рекой у белых
Брат в петле висит.

Не растопишь бани,
Не поспишь с женой,
Скоро в снег уткнешься
Мертвой головой.

Ну, вставай, Осока,
Выходи во двор!
Кровью я отмою
Черный твой позор...»

По полю гуляет
Снежная метель.
Смушковая шапка,
Серая шинель...

1932

СУДЬЯ ГОРБА

На Диевке — Сухачевке
Наш отряд.
А Махно зажег тюрьму
И мост взорвал.
На Озерку не пройти
От баррикад.
Заседает день и ночь
Ревтрибунал.

Стол накрыт сукном судейским,
Над сукном
Сам Горба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры гада-женщину
Ведут.

— Ты гражданка Ларионова?
Садись!

Ты решила, что конина
Хуже крыс.
Ты крысятину варила нам
С борщом!
Ты нам кашу подавала
Со стеклом!
Пули-выстрела не стоит
Твой обед.
Сорок бочек арестантов!
Десять лет!
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры начугрозыска
Ведут.

— Ну-ка, бывший начугрозыска
Матяш,
Расскажи нам, сколько скрыл ты
С Беней краж?
Ты меня вводил, Чека вводил
В обман,
На Игрени брал ты взятки
У крестьян!
Сколько волка ни учи —
Он в лес опять...
К высшей мере без кассаций —
Расстрелять!

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора
Ведут.
— Сорок бочек арестантов!
Виноват...
Если я не ошибаюсь,
Вы — мой брат?
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб...
Вместе спали, вместе ели,
Вышли — врозь.
Перед смертью, значит,
Свидется пришлось.
Воля партии — закон,
А я — солдат.
В штаб к Духонину! Прямой
Держитесь, брат!

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»
Поют.

Вдоль по улице Казанской
Тишина.
Он домой идет, Горба.
Его спина
Чуть сутулится. А дома
Ждет жена,
Кашу с воблой
Приготовила она.

Он стучит наганом в дверь:
— Бери детей.
Жги бумаги, две винтовки
Захвати!
Сорок бочек арестантов!..
Поживей!
На Диевку — Сухачевку
Нет пути!

Суд идет революционный,
Правый суд.
В смертный бой мои товарищи
Идут.

ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

«Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?» —
«Мы сыны батрацкие,
Мы — за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но не даром пролита
Кровь его была.
За кордон отбросили
Лютотога врага.
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».

Тишина у берега,
Смолкли голоса.
Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт
Знамя Щорса красное
На ветру шумит.

1935

ПЕСНЯ ЧАПАЕВЦА

Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцу крылом, —
Не накличешь сердцу горя,
Все равно свое возьмем.

В ночи темные, чужие
Все мне снятся Жигули.
Ой, не спите, часовые,—
Как бы нас не обошли!

Громкий выстрел, скачут кони,
За околицею свет.
Кто уходит от погони,
Почему Чапая нет?

Закипает бой в станице,
Бьет тревогу барабан.
Бродят по небу зарницы,
За рекой ползет туман.

Знать, обдумывали дело,
Обошел продажный сброд.
Кто же там в рубахе белой
По реке Урал плывет?

Будь ты проклят, черный ворон,
В чисто поле улетай!
У меня на сердце горе:
Тонет, тонет наш Чапай...

1935

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНИК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеванный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

— Ребята,— сказал,
Повернувшись к отряду,
Матрос партизан Железняк,—

Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!

Сказали ребята:
— Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!—
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Веселая юность цветет.
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

1936

ДОРОГА НА ЗАПОРОЖЬЕ

А. Суркову

Ведет дорога к Запорожью,
Уходит степь на Днепрогэс,
Когда-то здесь по бездорожью
Ходил я в Монастырский лес.

Из-за холмов прохладой тянет,
И туча в небе за Днепром,
Как рыба в синем океане,
Бесшумно двигает хвостом.

Качает и трясет машина,
На всем пути по сторонам
Деревья, пригибаясь чинно,
Спешат поклон отвесить нам.

Стоит вдали гора, лысея,
С огромным глазом, как циклоп.
«Как из блужданий Одиссея», —
Подсказывает агитпроп.

Я отвечаю: «Да, похоже».
Курган от старости облез...
Ведет дорога к Запорожью,
Уходит степь на Днепрогэс.

А встречный ветер в уши свищет,
Я узнаю знакомый вид:
Все те же вербы на кладбище,
Где мой товарищ мирно спит.

С землю он простился рано,
Но всюду был самим собой
И четверть века неустанно
Бросал сухие цифры в бой.

И цифры раздвигали горы,
Мосты вставали по местам.
Туннели, реки и озера
Неслись навстречу поездам.

А он, не думая об этом,
За труд не требовал наград.
Играл зеленоватым светом
Упрямый человеческий взгляд.

И снова я припомнил с дрожью,
Что я живу, а он исчез...
Ведет дорога к Запорожью,
Уходит степь на Днепрогэс.

Здесь пулемет решал победу,
Пыль веером взлетала вверх,
Махновцы здесь плясали в среду
И горько плакали в четверг.

Волы мычали. Скрип телеги
Мешался с грохотом пальбы.
И конь взбесившийся с разбега
Валил дорожные столбы.

Зовут назад былого тени...
Я, отбиваясь, морщу лоб.
О хлебе, о дождях, о сене
Рассказывает агитпроп.

Белеет дом с вишневым садом,
На огороде детский гам.
И, камнем выложенный, рядом
Читают лозунг: «Смерть врагам!»

Над самым склоном у подножья
Он к нам летит наперерез.
Ведет дорога к Запорожью,
Уходит степь на Днепрогэс.

Не видно ей конца и края,
Ей не под силу духота,
И туча, скорость набирая,
Свинцовым ливнем налита.

Все чаще молнии кривые
То небо чиркают пером,
То, как рекламы огневые,
Вещают: принимайте гром!

Острее пряный запах тмина,
И пыль столбом встает в пути...
Деревья, пригибаясь чинно,
Не разгибаются почти.

Далек ли, близок ли поселок —
Не видно. Ветер крутит прах.
Стекла разбитого осколок
Сверкает, словно луч впотьмах.

И первый гром, простор тревожа,
Трещит и рвет края небес.
Ведет дорога к Запорожью,
Уходит степь на Днепрогэс.

ПИСЬМО

...**Я** тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеши!
Рассказал, что ты был под Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк.
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,
 Милый!..
 Молю!..

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого
Я люблю!..

1923

**ПОВЕСТЬ О РЫЖЕМ МОТЭЛЕ,
ГОСПОДИНЕ ИНСПЕКТОРЕ,
РАВВИНЕ ИСАИЕ И КОМИССАРЕ БЛОХ**

Глава первая
ДО БЕЗ ЦАРЯ И НЕМНОГО ПОСЛЕ

И дед и отец работали.
А чем он лучше других?
И маленький рыжий Мотэле
Работал
За двоих.

Чего хотел, не дали.
(Но мечты его с ним!)
Думал учиться в хедере ¹,
А сделали —
Портным.
«Так что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет!»
И он ставил десять заплаток
На один жилет.

И ...
(Это, правда, давнее,
Но и о давнем
Не умолчишь.)
По пятницам
Мотэле давнэл ²,
А по субботам
Ел фиш ³.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом — своя родина,
Свой океан.

И под каждой слабенькой крышей,
Как она ни слаба, —
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...

¹ Х е д е р — школа.

² МолилсЯ.

³ Ф и ш — рыба.

И редко,
Очень редко —
Две мыши
На одну щель!

Вот: Мотэле чинит жилетки,
А инспектор
Носит портфель.

И знает каждый по городу
Портняжью нужду одну.
А инспектор имеет
Хорошую бороду
И хорошую
Жену.

По-разному счастье курится,
По-разному
У разных мест:
Мотэле мечтает о курице,
А инспектор
Курицу ест.

Счастье — оно игриво.
Жди и лови.
Вот: Мотэле любит Риву,
Но... у Ривы
Отец — раввин.

А раввин говорит часто
И всегда об одном:
«Ей надо
Большое счастье
И большой
Дом».

Так мало, что сердце воет,
Воет, как паровоз.
Если у Мотэле все, что большое,
Так это только
Нос.

«Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет!»
И он ставил заплату
И на брюки
И на жилет.

.

Да, под каждой слабенкой крышей,
Как она ни слаба,—
Свое счастье, свои мышцы,
Своя
Судьба.

И сколько жизнь ни упряма,
Меньше, чем мало — не дать.
И у Мотэле
Была мама,
Еврейская старая мать.

Как у всех, конечно, любима.
(Э-э-э... об этом не говорят!)
Она хорошо
Варила цимес
И хорошо
Рожала ребят.
И помнит он годового
И полугодовых...

Но Мотэле жил в Кишиневе,
Где много городских,
Где много молебнов спето
По царской родовой,
Где жил... господин... инспектор
С красивой бородой...

Трудно сказать про омут,
А омут стоит
У рта:
Всего...
Два...
Погрома...
И Мотэле стал
Сирота.

«Так что же?
Прикажете плакать?!
Нет так нет!»
И он ставил заплату
Вместо брюк
На жилет.

.
А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговики звезд

И лунная
Ермолка.
И в сонной, скупой тиши
Мыши пугали скрипом.
И кто-то
Шил
Кому-то
Тахрихим ¹.

«ПРИ ЧЕМ» и «НИ ПРИ ЧЕМ»

Этот день был таким новым.
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели не про царя!

Таких дней немного,
А как тот — один.
Тогда не пришел в синагогу
Господин
Раввин.

Брюки,
Жилетки,
Смейтесь!
Радуйтесь дню моему:
Гос-по-дин по-лиц-мейстер
Сел
В тюрьму!
Ведь это же очень и очень,
Боже ты мой!

Но почему не хохочет
Господин
Городовой?
Редкое, мудрое слово
Сказал сапожник Илья:
«Мотэле, тут ни при чем Егова,
А при чем — ты
И я».

.....
И дни затараторили,
Как торговка Мэд.
И евреи спорили:
«Да» или «нет»?

¹ Т а х р и х и м — саван.

Так открыли многое
Мудрые слова.
Стала синагогою
Любая голова.
Прошлым мало в нынешнем:
Только вой да ной.

.

«Нет»,—
Инспектор вырешил.
«Да»,—
Сказал портной.

.

А дни кто-то вез и вез.
И в небе
Без толку
Висели пуговки звезд
И лунная ермолка.

И в сонной, скупой тиши
Пес кроворотый лалял.
И кто-то
Крепко
Сшил
Тахрихим
Николаю!

Этот день был
Таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели
Не про царя!

1924—1925

БАЛЛАДА О МБЧАХ И ХЛЕБЕ

За синим морем — корабли,
За синим морем — много неба.
И есть земля
И нет земли,
И есть хлеба
И нету хлеба.
В тяжелых лапах короля
Зажаты небо и земля.

За синим морем — день свежей.
Но холод жгут,
Но тушат жары
Вершины светлых этажей,
Долины солнечных бульваров.
Да горе в том, что там и тут
Одни богатые живут.

У нас — особая земля.
И все у нас — особо как-то!
Мы раз под осень короля
Спустили любоваться шахтой.
И к черту!
Вместе с королем
Спустили весь наследный дом.

За синим морем — короли.
Туман еще за синим морем.
И к нам приходят корабли
Учиться справляться с горем.
Привет!
Мы рады научить
Для нужных битв мечи точить!

1926

КУРГАН

Ты не мучь напрасно взора,
Не придет он.
Так же
 вот,
Как на зимние озера
Летний лебедь не придет.

Не придет к тебе он больше,
Нежной молодостью пьян, —
У границ шляхетской Польши
Поднял грудь седой курган...

Ничего ему не снится,
И ничем он не томим:
Сыплют хвойные ресницы
Сосны желтые над ним.

Но, идя
Вторым походом,
Обещаю, слышишь, мать,

Самым нежным,
Красным восходом
Холм заброшенный убрать!

А пока...
Не мучай взора,
Не придет он.
Так же
 вот,
Как на зимние озера
Летний лебедь не придет.

1926

ГИТАРА

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают-на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра!
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони,
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Летучие года!
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым,—
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века —
От конского копыта,
От шашки казака.

Но, если вновь, бушуя,
Придет пора зари,—
Любимая,
Прощу я —
Гитару подари!

1926

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомолыцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.
Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели,
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

ТРОЙКА

Тройка мчится,
Тройка скачет...

П. Вяземский

Мчится тройка, скачет тройка,
Колокольчик под дугой
Разговаривает бойко.
Светит месяц молодой.

В кошеве широкой тесно;
Как на свадьбе, топоча,
Размахнулась, ходит песня
От плеча и до плеча!

Гармонист и запевала
Держит песню на ремне.
Эта песня побывала
И в станице и в Кремле.

Ветер по снегу елозит:
Закружит — и следу нет,
Но глубокие полозья
Оставляют в сердце след.

Как он близок, как понятен,
Как народ к нему привык,
Звонких песен, ярких пятен
Выразительный язык!

Мчится тройка, смех игривый
По обочинам меча.
Пламенеет в конских гривах
Яркий праздник кумача.

Кто навстречу: волк ли, камень,
Что косится, как дурной,
Половецкими белками
Чистокровный коренной?

Нет, не время нынче волку!
И, не тронув свежий наст,
Волк уходит втихомолку,
Русской песни сторонясь.

А она летит, лихая,
В белоснежные края,
Замирая, затихая,
Будто молодость моя...

1939

РОДИНА

Что любится, чем дышится,
Чем ваше сердце полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споем о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!

Тяжелое — забудется,
Хорошее — останется,
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

С ее лугами, нивами,
С ее лесами-чащами
Была б она счастливою,—
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено,
Усталыми не скажемся
И песню спеть о родине
С друзьями не откажемся!

1942

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ...

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

1942

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, —
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1943

ДВОЕ

Они улеглись у костра своего,
Бессильно раскинув тела,
И пуля, пройдя сквозь висок одного,
В затылок другому вошла.

Их руки, обнявшие пулемет,
Который они стерегли,
Ни вьюга, ни снег, превратившийся в лед,
Никак оторвать не могли.

Тогда к мертвецам подошел офицер
И грубо их за руки взял,
Он, взглядом своим проверяя прицел,
Отдать пулемет приказал.

Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них...
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

1924

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают святое дело —
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета)—
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала. Под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет,
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

1925

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях,
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая—
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопча
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
— Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом —
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя?»

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да! В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.

Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

* * *

Я в жизни ни разу не был в таверне,
Я не пил с матросами крепкого виски,
Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Мне робкой рукой не натягивать парус,
Веслом не взмахнуть, не кружить в урагане,—
Атлантика любит соленого парня
С обветренной грудью, с кривыми ногами...

Стеной за бортами льдины сожмутся,
Мы будем блуждать по огромному полю,—
Так будет, когда мне позволит Амундсен
Увидеть хоть издали Северный полюс.

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить.

В черниговском поле, над сонною рощей
Подобные ночи еще не спускались,
Чтоб по небу звезды бродили наощупь
И в темноте на луну натыкались...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпой,
И все мне казалось — за поворотом
Усатые тигры прошли к водоюю.

1926

СТАРУШКА

Время нынче такое: человек не на месте,
И земля уж, как видно, не та под ногами.
Люди с богом когда-то работали вместе,
А потом отказались, — мол, справимся сами.

Дорогая старушка! Побеседовать не с кем вам.
Как поэт, вы от массы прохожих оторваны.
Это очень опасно — в полдень по Невскому
Путешествие с правой на левую сторону.

В старости люди бывают скупее.
Вас трамвай бы за мелочь доvez без труда:
Он везет на Васильевский за семь копеек,
А за десять копеек — черт знает куда!

Я стихи свои нынче передельвал запово,
Мне в редакции дали за них мелочишку.
Вот вам деньги. Возьмите, Марья Ивановна!
Семь копеек — проезд, про запасец — излишки.

Товарищ! Певец наступлений и пушек,
Ваятель красных человеческих статуй,
Простите меня! — я жалею старушек,
Но это — единственный мой недостаток.

1927

ПЕРЕД БОЕМ

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал — проснулись
Военные ветры.
Я слышал — с рассветом
Девятая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

За тонкой стеною
Соседи храпели,
Они не слышали,
Как ветры скрипели.

Рассвет подымался
Тяжелый и серый,
Стояли усталые
Милиционеры.

Пятнистые кошки
По каменным зданьям
К хвостатым любовникам
Шли на свиданье.

Над улицей тихой,
Большой и безлюдной,
Вздымался рассвет
Государственных будней,
И, радуясь мирной
Такой обстановке,
На теплых постелях
Проснулись торговки.

Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.
Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь,
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь.

Крепчает обида, молчит.
И внезапно
Походные трубы
Затрубят на Запад.
Крепчает обида.
Товарищ, пора бы,
Чтоб песня взлетела
От штаба до штаба!

Советские пули
Дождутся полета...
Товарищ начальник,
Откройте ворота!
Туда, где бригада
Поставит пикеты,—
Пустите поэта
И песню поэта!

Знакомые тучи!
Как вы живете?
Кому вы намерены
Нынче грозить?
Сегодня на мой
Пиджачок из шевьота
Упали две капли
Военной грозы.

В РАЗВЕДКЕ

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-за дымных облаков.

Наши кони шли понуро,
Слабо чуя повода.
Я сказал ему: — Меркурий
Называется звезда.

Перед боем больно тускло
Свет свой синий звезды льют...
И спросил он:
— А по-русски
Как Меркурия зовут?

Он сурово ждал ответа,
И ушла за облака
Иностранная планета,
Испугавшись мужика.

Тихо, тихо...
Редко, редко
Донесется скрип телег.
Мы с утра ушли в разведку,
Степь и травы — наш ночлег.

Тихо, тихо...
Мелко, мелко
Полночь брызнула свинцом —
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем.

Я сказал ему чуть слышно:
— Нам не выдержать огня.
Поворачивай-ка дышло,
Поворачивай коня.

Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому.

Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
— Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать.

Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,
Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Полночь пулями стучала,
Смерть в полуночи брела,
Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.

Ночь звенела стременами,
Волочились поводья,
И Меркурий плыл над нами —
Иностранная звезда.

1927

ПИРУШКА

Пробивается в тучах
Зимы седина,
Опрокинутся скоро
На землю снега,—
Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусьвать
Мирным куском пирога.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая,—
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Льется полночь в окно,
Льется песня с вином,
И, десятую рюмку
Беря на прицел,
О веселой теплушке,
О пути боевом
Заместитель заведующего
Запел.

Он чуть-чуть захмелел —
Командир в пиджаке:
Потолком, подоконником
Тучи плывут,
Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке,
Пулемет застучал —
Боевой «ундervуд»...

Не уздечка звенит
По бокам мундштука,
Не осколки снарядов
По стеклам стучат,—
Это пьют,
Ударяя бокал о бокал,
За здоровье комдива
Комбриг и комбат...

Сумасшедшие годы
Знамена несли,
Десять красных безумий
Горят позади,
Десять лет — десять бомб
Разорвались вдали,
Десять грузных осколков
Застраили в груди...

Расскажи мне, пожалуйста,
Мой дорогой,
Мой застенчивый друг,
Расскажи мне о том,
Как пылала Полтава,
Как трясся Джанкой,
Как Саратов крестился
Последним крестом.

Ты прошел сквозь огонь —
Полководец огня,
Дождь тушил
Воспаленные щеки твои...
Расскажи мне, как падали
Тучи, звеня
О штыки,
О колеса,
О шпоры твои...

Если снова
Тифозные ночи придут,
Ты помчишься,
Жестокие шпоры вонзив,—
Ты, кто руки свои
Положил на Бахмут,
Эти темные шахты благословив...

Ну, а ты мне расскажешь,
Товарищ комбриг,
Как гремела «Аврора»
По царским дверям,
И ночной Петроград,
Как пылающий бриг,
Проносился с Колумбом
По русским степям.

Как мосты и заставы
Окутывал дым
Полыхающих
Красногвардейских костров,
Как без хлеба сидел,
Как страдал без воды
Разоруженный
Полк юнкеров...

Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней...
Выпьем, что ли, друзья,
За семнадцатый год,
За оружие наше,
За наших коней!..

1927

ПЕСНЯ

Н. Асееву

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах,
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он еще вздохнет, застонет еле,
Повернется на бок и умрет,
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдет.

Юношу стального поколения
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог.
Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе...

Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле.

1931

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца.
Ни резьбы, ни узора, ни глянца.
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной,
Сразу сократились расстоянья,
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук.

Будто кто его водой живою
Окропил на фронтовом пути,
Чтоб жене его не быть вдовою,
Сиротою сыну не расти.

Я — противник горя и разлуки,
Любящий товарищей своих.—
Протянул ему на помощь руки:
— Оставайся, дорогой, в живых!

И теперь сидит он между нами,
Каждому наука и пример,
Трижды награжденный орденами,
Без вести пропавший офицер.

Он сидит спокойно и серьезно,
Не скрывая счастья своего,
Тихо и почти религиозно
Родственники смотрят на него.

Дело было просто: в чистом поле
Он лежит один. Темным-темно.
От потери крови и от боли
Он сознание теряет, но

С музыкой солдаты смерть встречают.
И когда им надо умирать,
Ангелов успешно обучают
На губных гармониках играть.

(Мы, признаться, хитрые немного,—
Умудряемся в последний час,
Абсолютно отрицая бога,
Ангелов оставить про запас.)

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколению
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Чтобы самой трудною порою
Кладь казалась легче на плечах...
Но вернемся к нашему герою —
Мы сегодня у него в гостях.

Он платил за все ценою крови,
Он пришел к родным, он спит с женой,
И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной...

АРТИСТ

Иосифу Уткину

Четырем лошадям
На фронте Большого театра—
Он задаст им овса,
Он им крикнет веселое: — «Тпру!»
Мы догнали ту женщину!
Как тебя звать? Клеопатра?
Приходи, дорогая,
Я калитку тебе отопру.

Покажу я тебе и колодец
И яшень любимый,
Познакомлю с друзьями,
К родителям в гости сведу.
Посмотри на меня —
Никакого на мне псевдонима,
Весь я тут —
У своих земляков на виду.

В самом дальнем краю
Никогда я их не позабуду,
Пусть в моих сновиденьях
Оно повторится стократ —
Это мирное поле,
Где трудятся близкие люди
И журавль лениво бредет,
Как скучающий аристократ.

Я тебе расскажу
Все свои сокровенные чувства,
Что люблю, что читаю,
Что мечтаю в дороге найти.
Я хочу подышать
Возле теплого тела искусства,
Я в квартиру таланта
Хочу, как хозяин, войти.

Мне б запеть под оркестр
Только что сочиненную песню,
Удивительно скромную девушку
Вдруг полюбить,
Погибать, как бессмертный солдат
В героической пьесе,
И мучительно думать в трагедии:
«Быть или не быть?»

Быть красивому дому
И дворику на пепелище!
Быть ребенку счастливым
И матери радостной быть!
На измученной нашей планете,
От роду нищей,
Никому оскорбленным
И униженным больше не быть!

И не бог поручил,
И не сам я надумал такое,
Это старого старше,
Это так повелось искони,
Чтобы прошлое наше
Не оставалось в покое,
Чтоб артист и художник
Вторгались в грядущие дни.

Я, как поле ржаное,
Которое вот-вот поспеет,
Я, как скорая помощь,
Которая вот-вот успеет,—
Беспокойство большое
Одолевает меня,
Тянет к людям Коммуны
И к людям вчерашнего дня.

По кавказским долинам
Идет голодающий Горький,
Пушкин ранен смертельно,
Ломоносову нужно помочь!..

Вот зачем я тебя
Догоняю на славной четверке,
Что мерещится мне
В деревенскую долгую ночь!

1948

САНКЮЛОТ

Мать моя — колдунья или шлюха,
А отец — какой-то старый граф.
До его сиятельного слуха
Не дошло, как, юбку разодрав
На пеленки, две осенних ночи
Выла мать, родив меня во рву.
Даже дождь был мало озабочен
И плевал на то, что я живу.

Мать мою плетьюми полосовали.
Рвал ей ногти бешеный монах.
Судьи в красных мантиях зевали,
Колокол звонил, чадили свечи.
И застыл в душе моей овечьей
Сон о тех далеких временах.

И пришел я в городок торговый.
И сломал мне кости акробат.
Стал я зол и с двух сторон горбат.
Тут начало действия другого.
Жизнь ли это, или детский сон,
Как несло меня пять лет и гнуло,
Как мне холодом ломило скулы,
Как ходил я в цирках колесом,
А потом одной чертовке старой
В табакерки рассыпал табак,
Пел фальцетом хриплым под гитару,
Продавал афиши темным ложам
И колбасникам багроворожим
Поставлял удушенных собак.

Был в Париже голод. По-над глутью
Узких улиц мчался пережат
Ярости. Гремела канонада.
Стекла били. Жуть была — что надо!
О свободе в якобинском клубе
Распинался бледный адвокат.

Я пришел к нему, сказал:

«Довольно,
Сударь! Равенство полно красоты.
Только по какой линейке школьной
Нам равнять горбы или носы?
Так пускай торчат хоть в беспорядке
Головы на пиках!

А еще —

Не читайте, сударь, по тетрадке.
Куй, пока железо горячо!»

Адвокат, стрельнув орлиным глазом,
Отвечает:

«Гражданин горбун!
Знай, что наша добродетель — разум.
Наше мужество — орать с трибун.
Наши лавры — зеленью каштанов
Нас венчают равенство кокард.
Наше право — право голоштаных.
А Версаль — колода сальных карт».
И гремел он до зари о том, как
Гидра тирании душит всех.
Не хлебнув глотка и не присев,
Пел о благодарности потомков.

Между тем у всех у нас в костях
Ныла злость и бушевала горечь.
Перед ревом человечьих сборищ
Смерть была как песня. Жизнь — пустяк.

Злость и горечь. Как давно я знал их!
Как скреплял я росчерком счета,
Те, что предьявляла нищета,
Как скрипели перья в трибуналах!
Красен платежами был расчет!
Разъезжали фуриями фуры.
Мяла смерть седые куафюры
И сдувала пудру с желтых щек.
И трясла их в розовых каретах,
На подушках, взбитых, словно крем,
Лихорадка, сжатая в декретах,
Как в нагих посылках теорем.

Ветер. Зори барабанов. Трубы.
Стук прикладов по земле ногой.
Жизнь моя — обугленный обрубок,
Прущий с перешибленной ногой
На волне припева, в бурной пене
Рванных шапок, ружей и знамен,
Где любой по праву упоеня
Может быть соседом заменен.

Я упал. Поплыли пред глазами
Жерла пушек, зубы конских морд.
Гул толпы в ушах еще не замер.
Дождь не перестал. А я был мертв.

«Дотащиться бы, успеть к утру хоть!» —
Это говорил не я, а вихрь.
И срывал дымящуюся рухлядь
Старый город с плеч своих.

И сейчас я говорю с поэтом,
Знающим всю правду обо мне.
Говорю о времени, об этом
Рвущемся к нему огне.

Разве знала юность, что истлеть ей?
Разве в этой ночи нет меня?
Разве день мой старше на столетье
Вашего молодого дня?
И опять:

«Дождаться, доползти хоть!»
Это говорю не я, а ты.
И опять задремывает тихо
Море вечной немоты.

И опять с лихим припевом вровень,
Чтобы даже мертвым не спалось,
По камням, по лужам дымной крови
Стук сапог, копыт, колес.

1926

РАБОТА

Он сейчас не сорви-голова, не бретер,
Как могло нам казаться по чьим-то запискам,
И в ответах не столь уже быстр и остер,
И не юн на таком расстоянии близком.

Это сильный, привыкший к труду человек,
Как арабский скакун уходившийся, в пене.
Глубока синева его выпуклых век.
Обожгло его горькие губы терпенье.

Да, терпенье. Свеча наплывает. Шандал
Неудобен и погнут. За окнами вьюга.
С малых лет он такой тишины поджидал
В дортуарах лица, под звездами юга,

На Кавказе, в Тавриде, в Молдавии — там,
Где цыганом бродил или бредил о Ризнич.
Но не кинется старая грусть по следам
Заметным. Ей нечего делать на тризне.

Все стихии легли, как овчарки, у ног.
Эта ночь хороша для больших начинаний.
Кончен пир. Наконец человек одинок.
Ни друзей, ни любовниц. Одна только няня.

Тишина. Тишина. На две тысячи верст
Ледяной каземат, ледяная империя.
Он в Михайловском. Хлеб его черен и черств.
Голубеют в стакане гусиные перья.

Нянька бедная, может быть, вправду права,
Что полжизни ухожено, за тридцать скоро.
В старой печке стреляют сухие дрова.
Стонет вьюга в трубе, как из дикого хора
Заклинающий голос:

«Вернись, оглянись!
Меня по снегу мчат, в Петропавловке морят.
Я — как Терек, по кручам свергаемый вниз.
Я — как вольная прозелень Черного моря».

Что поймешь в этих звуках? Иль это в груди
Словно птица колотится в клетке? Иль снова
Ничего еще не было, все — впереди?
Только б вырвать единственно нужное слово!

Только б вырвать!
Из няниной сказки, из книг,
Из пурги этой, из глубины рavelина,
Где бессонный Рылеев к решетке приник, —
Только б выхватить слово!

И, будто бы глина,
Рухнут мокрыми комьями на черновик
Ликованье и горе, сменяя друг друга.
Он рассудит их спор. Он измлада привык
Мять, ломать и давить у гончарного круга.

И такая наступит тогда тишина,
Что за тысячи верст и в течение века
Дальше пушек и дальше набата слышна
Еле слышная, тайная мысль человека.

1937

СЫН

(Из поэмы)

*Памяти младшего лейтенанта
Владимира Павловича Антокольского,
павшего смертью храбрых 6 июня
1942 года.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Вова! Я не опоздал? Ты слышишь?
Мы сегодня рядом встанем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь,
Ни отцу, ни матери с сестрой?

Вова! Ты рукой не в силах двинуть,
Слез не в силах с личика смахнуть,
Голову не в силах запрокинуть,
Глубже всеми легкими вздохнуть.

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?
Или сквозь обугленные веки
Не пробьется никакой рассвет?

Видишь, — вот сквозь вьющуюся зелень
Светлый дом в прохладе и в тени.
Вот мосты над кручами расселин.
Ты мечтал их строить. Вот они.

Чувствуешь ли ты, что в это утро
Будешь рядом с ней, плечо к плечу,
С самой лучшей, с самой златокудрой,
С той, кого назвать я не хочу?

Слышишь, слышишь, слышишь канонаду?
Это наши к западу пошли.
Значит, наступленье. Значит, надо
Подыматься, встать с сырой земли.

И тогда из дали неоглядной,
Из далекой дали фронтовой,
Отвечает сын мой ненаглядный
С мертвою горящей головой:

«Не зови меня, отец, не трогай,
Не зови меня — о, не зови!
Мы идем нехоженой дорогой,
Мы летим в пожарах и в крови.

Мы летим и бьем крылами в тучи,
Боевые павшие друзья.
Так сплотился наш отряд летучий,
Что назад вернуться нам нельзя.

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы — песчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек.
Пусть этим прощаньем окончится повесть
О самой глухой из глухих одиночек.

Ты в ней остаешься. Один. Отрешенный
От света и воздуха. В муке последней,
Никем не рассказанный. Невоскрешенный.
На веки веков восемнадцатилетний.

О, как далеки между нами дороги,
Идущие через столетья и через
Прибрежные те травяные отроги,
Где сломанный череп пылится, ощерясь.

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.
На этом кончается повесть о сыне.

1943

ЭТО ФРОНТ

В горловине ущелья, как рыжая рысь,
Сто столетий скакала река.
Красовалась над ней неприступная высь.
Плыли перистые облака.

И река и гора, словно двое ребят,
Подружились на тысячи лет:
Вот на круче висит ледяной водопад.
Вот на льду отпечатался след
Великана, который, как круча, горбат
И, как время далекое, сед.
Вот лавина ударила смаху в набат,
И заахал сосед.

Но когда ж это было?—
Попробуй, сочти
По слоистому скату пород.
По зазубринам на великаньей кости
Разгляди вековой оборот.
Подержи эту желтую землю в горсти.
И она не соврет.

Это было всегда
С той поры,
Когда вылезли в трещинах магмы и льда
Вековые изломы горы,
И росли города, и сползли города,
И обрушились в тартарары.
Вот когда началось, чтобы жить навсегда
С той поры!

Археолог, читающий клинопись недр,
Разгадал полустертый глагол.
Он подумал, что мир для историка щедр,
А для нас непригляден и гол,
Что одной только крови втоптали на метр
В эту землю араб и монгол.

Но пришел человек, дальнорюкий смельчак,
Возвратившийся с Эльбы сапер.
Он забыл про семью, про домашний очаг,
Помнил только одно в непогодных нощах —
Довоенный неконченный спор.
Поглядел он на кручи в рассветных лучах,
Как бывало, в упор.
Поглядел на изломы базальтовых скал:
Все осталось, как было вчера.
Там скакала в осколках разбитых зеркал
Ледяная струя серебра.
И вернулся он с ворохом карт и лекал
И решил, что пора!

В горловину ущелья он сваи забил,
Сделал стол для своих чертежей.
Свежий ветер о чем-то своем протрубил.
Стало к ночи заметно свежей.

И раскрыл на столе он большие тома,
Книги Ленина, книги мечты.
И сказал он реке:
«Ты увидишь сама!
Ты поймешь — не сойди только, слышишь, с ума,
Не сорви только наши мосты.
Я скручу тебе руки. Запру в закрома
Водоем голубой красоты.
И нелегкою будет сначала тюрьма,
В узких трубах очутишься ты.
Но по воле моей будешь петь и плясать
Вопреки всем минувшим векам.
Не торгуйся. Не злись. На минуту присядь.
И — ударим, река, по рукам!

Потому что я ставлю цемент и бетон
Против нрава дикарки шальной.
И когда, закусивши отчаянный стон,
Ты ощеришься пенной волной, —
Отведу я дикарку в озерный затон,
Буду нянчиться, словно с больной,
Подарю ей корону в три тысячи тонн
И весь мир остальной!»

И они сговорились.
И в пенье глубин,
В беглом лепете маленьких волн
Уже слышался голос могучих турбин.
И казалось — он радости полн.

Будто это трансмиссии с визгом снуют
И поют в высоте провода.
Будто это наш завтрашний светлый приют,
Наши завтрашние города.
И полночный над каждым грохочет салют,
И всю ночь веселится трудящийся люд.
...Но когда это будет, когда?
По каким еле видимым чертам узнают
Недалекие эти года?

Я их видел в глазах у небритых людей,
У веселых строителей ГЭС.
А река стервенела все злей и лютей
И неслась, как серебряный бес.

Я их видел, грузинских парней-работяг,
Рукавом вытирающих пот.
Они взвили над стройкой воинственный стяг
Пятилетнего плана работ.

Это спор человека с природой!
Стволы
Грубых шахт без конца и числа.
Аммоналом пробитое темя скалы,
Чтобы сдвинулась с места скала.
Автогенная сварка на линии мглы,
Чтобы мглу раскалить добела.
Генераторных крохотных точек узлы,
Чтоб в неоновых трубках текла
Золотистая лента и были светлы
Городских площадей зеркала...

Это фронт.
Рукопашная Света и Мглы.
Всем идущим на приступ — хвала!

1947

ГОГОЛЬ

Сто лет тому назад Москва дремала
В сугробах, как в перинах пуховых.
Выравнивал снежок мало-помалу
Колдобины на улицах кривых.

Так крепко спал семивековый город,
Так мирно он посапывал дремля,
Так распахнул он домотканый ворот
От Земляного вала до Кремля,

Как будто этот сон столетья длится,
А троечный бубенчик под дугой
Умчался вдаль, звенит в другой столице,
В другой России, в юности другой...

Но до зари во флигеле господском
Не знали сна. И толстая свеча,
Оплывшая тяжелым желтым воском,
В одном из окон теплилась, треща.

И, если бы увидел этот флигель
С Никитского бульвара кто-нибудь,
Не знал бы он, что в дом стучится гибель,
Что вышел Гоголь в свой последний путь.

Меж тем актеры, барыни, монахи
Стучали робко в темный кабинет,
И многие отшатывались в страхе,
Узнав, что улучшения нет как нет.

А Гоголь умирал. Он был взъерошен,
Был остронос, как ворон, и небрит.
Воображал он, что, друзьями брошен,
Живой — в геенне огненной горит.

Но он был жив! И юношеской силой,
Поющей в сердце, бьющей из-под век,
Его, как половодьем, уносило
Из времени — вперед на целый век.

И то был Днепр. И волны чуть плескались
В дощатую обшивку челнока.
Над темным яром встал колдун, оскалась.
Но шла, как жизнь, великая река.

И то был Петербург! И шедший рядом
В шинелишке худой совсем промерз,
Но шел вперед с остекленевшим взглядом
И видел все на много сотен верст.

И то был гром оваций в «Ревизоре»,
И смех, и ужас ветреной толпы.
Но, дрянь изобличая и позоря,
Таких лучей ударили снопы,

Что стало жутко обществу пустому...
И умиравший преклонился ниц
И вспомнил все, вплоть до второго тома,
Вплоть до обугленных страниц.

Что было в этом томе для России?
Какая даль каких иных веков
Ему приоткрывалась в дымке синей,
Под звон церковей и ругань кабаков?

И не в жару, не в огненной геенне
Сгорело все, что было в нем мертво,
Но вышел в путь, встал на работу гений.
Так началось бессмертье для него!

С ним поколения новые дружили,
Его читали дети в сотнях школ,
Ему актеры весело служили.
И годы шли. И целый век прошел.

И Хлестаков прошел по многим сценам,
Так неприметен, так вертляв и мал,
А все ж казался деятелем ценным,
Пока его угрозыск не поймал.

И Чичиков скупал на черном рынке
Любую ветошь, все, что продадут,
И, гласности чуждаясь по старинке,
Копил деньгу, но погорел и тут.

И даже черт, — как водится, хвостатый, —
Ловил чины, совался в мастера
То с песенкой, то с громкою цитатой —
И тоже был разоблачен вчера.

Так продолжался Гоголь в наши годы.
И там, где Пошлость правила пиры,
Он не давал поблажки ей и льготы.
Он только слово дал ей до поры.

Вот он, из камня высечен на диво,
Встал, не боится ливней и ветров,
Простой, веселый, дерзкий и правдивый,
Он очень молод и вполне здоров!

За ним, пред ним — открыто и воздушно
Синеет даль, знакомый вьется путь,
И колокольчик залился поддужный...
Да разве ж он замрет когда-нибудь!

Нет, судя по степным и снежным верстам,
Последняя стоянка далека,
Последний лист не набран и не сверстан,
Последняя не вписана строка.

Там, в Черноморье, за Лиманом, волны,
Там, на Карпатах, ветер верховой.
Там, у Диканьки, умиленья полный,
Он встанет с непокрытой головой,

Старушку мать обнимет у порога
И приласкает маленьких сестер.
И снова пыль пылит, бежит дорога.
И ветер бьет в лицо, и глаз остер.

Писатель, добрый труженик, который
Еще не все сказал, не все узнал,
Исколесил он русские просторы
И вот спешит на Киевский вокзал,

На Северный, Казанский, Белорусский,—
Наш старший друг, наш младший ученик.
Легчайшей ношей, а не перегрузкой
Пред ним возникли планы новых книг.

Кончается повествование наше!
А между тем ждет отпеванья знать,
Спешит на вынос воинство монашье...
Куда их деть, зачем их вспоминать?

А катафалк? А дамы в черном крепе?
А вбитый в землю намертво гранит,
Который из всего великолепья
Ни черных лент, ни лавров не хранит?

А смерть? Зачем безноса на тризне
Присутствует, не слыша, не дыша?
Что знает смерть о бесконечной жизни,
О гоголевской — мертвая душа?

О ненависти, о негодованье,
О жалости, о жажде жить, о том,
Чему он сам подыскивал название,
Когда писал незавершенный том?

Старуха не готовилась к ответу,
Молчит она. Молчит, мертвым-мертвеа,
И разве что литературоведу
Подсказывает мертвые слова.

1952

В ПЕРЕУЛКЕ ЗА АРБАТОМ

(Из поэмы)

Тебе, Москва, пережитое
За полстолетья отдаю.
Перед тобой без шапки стоя,
Слагаю летопись мою.
Я знаю счастье и несчастье,
Дни праздников и годы гроз.
Я был их незаметной частью
И только этим жил и рос.
Войди хозяйкой в эти строки
И услышать мне помоги
На дальней жизненной дороге
Самой истории шаги.
Скажи, что явственно, что смутно,
Что жизнью дышит, что мертво.
Будь мне и песнею попутной
И правдой века моего.
Вчера и завтра ты сдружила.
Но дружба — это тоже спор:
Тут глубоко змеится жила,
Там широко открыт простор.
Ушел в глубинный грунт геолог.
Взошел строитель на леса.
И дальше, дальше в путь. Он долог.
Сейчас он только начался.

Москва! Ты помнишь рев орудий,
Нацеленных на юнкеров,
Шаг патрулей в ночном безлюдье,
Огонь малиновых костров.
Так выйдем вместе за ворота,
Пускай посмотрит нам в глаза
Октябрьского переворота
Животворящая гроза!
Пускай метет осенний ветер
Листву на улице пустой,
Пускай никто нам не ответил
И даже не окликнул: «Стой!»
Всмотрись, Москва! Вон тот с вокзала
Бредет куда глаза глядят.
Что ж ты пришьельца не узнала?
Он твой строитель и солдат.
Так слушай! Где-то рос парнишка
У бедной матери в избе.
Лишь трехкопеечная книжка
Ему сказала о тебе.

В той книжке мало было толку,
Царь-колокол да буки-аз...
Но детство не дремало долго,
Оно и не смыкало глаз.
Оно старалось вдаль взглядеться
И разглядеть Москву во сне,—
То смуглое, босое детство,
Вдруг повзрослевшее к весне.
Но мать-солдатка не смогла бы
Зеленый выходить росток.
И не расцвел бы цветок слабый:
В ту пору климат был жесток.
И земский врач не дал бы хины
И процедил бы, морща нос:
«Кончины детские стихийны,
Да-с, тут бороться мудрено-с!»
И сельский поп, на отпеванье
Смирненно господу моля,
Провозгласил бы, что для Вани
Легка, как пух, сыра-земля...

Так быть могло. Но по-другому
Сложилась детская весна!
Уже тыщеголосый гомон
Будил губернию от сна.
Уже дороги запылили
От сотен яловых сапог.
Уже и пушки запалили
На перепутье двух эпох.
Уже в осеннем лютом ветре
Во весь разгон, во весь размах
На каждом новом километре,
В сырых лощинах, на холмах
Сияли буквы красным цветом,
Написанные от руки,
Призывный клич:
«Вся власть Советам!»
Был ясен с первой же строки.
Вся власть Советам! —
Это значит:
В большой избе, где был трактир,
Гость-фронтовик переиначит
И переделает весь мир.

И мальчуган о том услышал,
И все решил проверить сам,
И в тот же день из дома вышел
Навстречу вольным голосам.

Вошел в Совет, сказал солдату:
«Хочу в Москву». Тот посмотрел,
Наверно, вспомнил, что когда-то
Был сам таким же. «Ишь пострел!
Зачем в Москву?» — «Учиться». — «Важно!
Дойдешь?» — «Дойду». — «Один?» — «Ага».
— «Видать, ты паренек отважный,
Хоть и не выше сапога.
А есть родня в Москве?» — «Откуда?!
Родных нигде нет у меня». —
«Вот это, брат, конечно, худо!
Мы, впрочем, все теперь родня».

И, дела даром не мусоля,
Солдат отправил паренька,
Дал сухарей, щепотку соли
И молвил, кашлянув слегка:
«В Москве ребята есть дурные.
Ты с этих не бери пример.
Они — наследье тирании.
А ты ре-во-лю-ци-о-нер!»

Он отчekanил с выраженьем
Все шесть слогов на шесть борозд
И, как штабист перед сраженьем,
Встал у стола во весь свой рост.

А мальчуган десятилетний,
Суров, отважен, одинок,
Не первый путник, не последний,
Дал ходу, не жалеет ног.
«Где, тетя, станция?» — «Эй милый!
Верст, почитай что, двадцать пять».
Хозяйка щами накормила,
На сеновал пустила спать.
А утром двинулись навстречу
Поля, дышавшие весной.
Встречались люди с бойкой речью,
Не деревенской, разбитной.
На станции — народу пекло,
Черно и грязно, как в хлеву.
«Шесть сорок пять, — прочел он бегло, —
Прямой почтовый на Москву».
Что ж, до рассвета ждать недолго.
И где-то на вторых путях
Он влез в вагон на третью полку.
А все дальнейшее — пустяк.

Сухарик каменный ломая,
Смотрел в окно, считал ворон.
Двадцатый год. Начало мая.
Выходит мальчик на перрон.

Москва, Москва! Как ты заметишь
Его в вокзальной толкотне,
Каким пайком его ты встретишь
И поручишь какой родне?
Все удивительно ребенку:
Столбы, заборы и дома.
За ним бросаются вдогонку.
А в трубах — дым. А в окнах тьма.
Вот дом, как пасть, раскрыл ворота.
В том лают шавки. В третьем — звон.
Четвертый встал вполоборота:
«Катись, мол, попрошайка, вон!»
И всюду камень, камень, камень.
И все в пыли. И все в дыму.
Но тянется из грязных ямин
Травинка чахлая к нему.
Да что дружить с травинкой чахлой!
Затоптана, исчезла с глаз.
Но где-то вдруг ржаным запахло —
Вот это хуже во сто раз.
Смеркается. Безлюдно, звездно.
Зажглись окошки. Кончен день.
Всмотрись, Москва, пока не поздно,
Окликни маленькую тень!
Бежит парнишка, еле дышит.
Закрапал дождик. Гуще мгла.

И вдруг смолою жарко дышит
Из проржавевшего котла.
В котле, как черти черномазы,
Семь мальчиков сидят кружком,
Друг другу страшные рассказы
Рассказывают шепотком.
«Лезь ночевать! За вход не спросим.
Живем без крыши, да семья.
Семь плюс один выходит восемь.
Картошка — наша, соль — твоя».
Семь тощих ручек протянулись.
Семь пар настороженных глаз
Затеплились и улыбнулись.
И сразу дружба началась.
Он влез в котел и, как волчонок,
Глядел на сверстников своих,

На грязных, смелых и ученых,
И с робкой завистью притих.
И слушал страшную их повесть
Насчет базаров и облав,
С картошкой справился на совесть
И в крепкий сон упал стремглав.

Простился утром деловито.
Гость о себе не говорил,
Махнул рукою и для вида
Бычка свирепо закурил,
Откашлялся, расправил плечи,
Суров, отважен, одинок.
«Где, дядя, Кремль?» — «А недалече,
Сыпь, не сворачивай, сынок!»

Играет солнышко, расплавясь,
Скользит по струйкам водяным.
И за рекою Кремль-красавец
Внезапно вырос перед ним,
Совсем, как в сказке. Но не страшен,
Не древен видом, не тяжел.
И, поглядев на зубы башен,
Он храбро к стенам подошел.
Вот он, вихрастый и глазастый,
В рубашке рваной мальчуган.
И кажется ему, что «здравствуй»
Сказала башня-великан.

А ветер флагами полощет.
Играют трубы впереди.
И вот выходит он на площадь
И очутился посреди
Бойцов и граждан. Шага за три,
Лишь поглядел из-за плеча,
Вздувает ветер на театре
Полотнища из кумача.
Вокруг — бушлаты, гимнастерки.
И все шумней, тесней, плотней...
А наверху летит четверка
Чугунных взмыленных коней!
Что за четверка, что за кони!
Не прозевай, гляди, лихач!
Сейчас рвануться — и в погоню
По крышам по московским вскачь!
Посторонитесь вправо, башни,
Левей шарахайся, пустырь!
Кто ж ими правит так бесстрашно,
Какой могучий богатырь?

И все, о чем мечтал он с детства,
Сбылось внезапно наяву.
Никак не мог он наглядеться
На ненаглядную Москву.
И под громадной круглой аркой
Застыл, как будто в камень врос.

Но тут его ладонью жаркой
Погладил бережно матрос.
«Где мамка?» — «Нету». — «Батька?» — «Нету.
Писали, без вести пропал».
«Видать прошел насквозь планету,
Шел, не считал шагов и шпал!
Чай, утомился?» — «А несколько!»
«Гостить приехал?» — «На всю жизнь!»
«Как звать тебя? Алешкой? Колькой?»
«Иваном». — «Ну, Иван, держись!»

И, приподняв парнишку, с маху
Усаживает на плечо.
«Садись в седло, гляди без страха!»
А тот не разобрал еще:
Что там волнуется, что блещет,
Что за сердце его берет,
Кому вся площадь рукоплещет...
Тогда матрос шагнул вперед.

Волнение пробежало искрой
В глазах, блеснуло на штыках.
Вот человек поднялся быстро,
Снял кепку, мнет ее в руках,
Слова горячие бросает
И каждым словом горячей
Сближает, держит, потрясает
Всех слушающих москвичей.

И взмах руки его, и слово,
Толпе врученное сполна,
И камни площади Свердлова
(Так будет площадь названа) —
Все это в сердце сохранится,
Невытравимое навек.
И через годы ту страницу
Отыщет взрослый человек.
И, от страницы поднимая
Глаза, увидит наяву:
Двадцатый год. Начало мая.
Впервые он пришел в Москву
И видел Ленина впервые.

И, память светлую храня,
Он скажет: годы мировые
Прошли недаром для меня!

«Сиди, не ерзай, слушай смирно!
А что не понял, не беда!»

Вдруг рядом грянуло: «...В семирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право...»
И широко разросся хор.
Тогда матрос рукой корявой
Смахнул со лба лихой вихор
И подхватил припев. И снова
Гимн прокатился по Тверской.
До Моссовета, до Страстного
Росло: «Воспрянет род людской...»

Они до Брестского вокзала
Прошли рука в руке вдвоем.
Ненадолго же их связала
Москва на митинге своем.
Коротким было расставанье,
Как полагается в пути:
«Не поминай нас лихом, Ваня!
Нам — воевать, тебе — расти».
И сунул мальчику краюху:
«Ломай. Когда-нибудь отдашь».
Тот сразу начал есть и глухо
Пробормотал: «А мне куда ж?»
«Все расскажу. Вот адрес точный.
Читай. Найдешь — входи смелей.
Там примут и накормят срочно.
Прощай, Ванюшка! Слез не лей!»

Заголосил гудок протяжно.
Прошли теплушки мимо глаз.
И в вышине вечерней влажной
Слезинка звездная зажглась.
И сразу тихо стало, скучно.
Он долго всматривался в тьму.
Какой-то малый равнодушно
Дал подзатыльника ему.
Он засопел, жалея очень,
Что слаб для драки. Но потом
Утерся и, сосредоточен,
Пошел с набитым хлебом ртом.

Достал матросскую записку,
Спросил у встречных, где Арбат,
Услышал, что не очень близко,
Но даже этому был рад.
И, проблуждав по переулку,
Нашел ворота номер семь.

И сердце вдруг забилося гулко:
«Кто был ничем, тот станет всем!»

1954

Илья Сельвинский

ПУШТОРГ

(Из романа в стихах)

ПРОЛОГ

У-у-у-у... У-у-у... Метелица... Дым...
Белая медведь. Серое море.
Как осьминоги, как медузы, по клыкàм скàл
Полярные льды переливают лунами.
Белая медведь под пургу вылазит,
Белая медведь суо ньèми пурга,
У ней мех обледенел сосцами на брюхе
И такой голубой, как в сиянии небо.
Белая медведь кой-дèн голодует,
Только продух тюлений не чернеет во льдах,
Только нету-у белухи, и песец упрятался,
А на отмелях пена да морская капу-уста.
Белая медведь на большоой льдиине.
Ничего не пахнет, хотя нос мокрый.
Паай паай льдина.
Кэди саари вурунга.
Белая медведь. Серое море.

А во том во море
Купался бобёр,
Купался-купàлся да
Не выкупался.
Нé выкупался да
Весь вымарался,
Он взошел на берег
Отряхивался.
Отряхивался да
Отфыркивался,
Нà обе бeбряны
Охорашивался.

Охорашивался,
Оглядывался:
Не свищет ли кто?
Не ищет ли что?

О-хот-нич-ки рыщут
Черна-бобра ищут
Хочут устрелити
Маше шубу шить.
Маш шуб шить,
Бобром обложить —
Не лучше ли мне, ась?
Жи-во-му пожить.
Живóму пожити
Молоденькому,
Молоденькому да
Золотенькому.

Как стрельнул зырян,
Как пальнул зырян,
Под низок ребра
Кувырнул бобра!
Ковырнул бобра —
Нету серебра,
Не седой, не спелый,
Не купеческий.

Ругался зырян:
Загубил заряд
За хвостяк за плёвый
Десятирублевый.
Сдумал пособить,
Погодил бить —
Он угнал от воды
Молоденького.

Бобринька—бобруня,
Бобрушечика
Уж бежал, бежал,
Уж дрожмя-дрожал.
Вставала заря да
Заря алая,
Она, алая,
Опускалася,
А бежал зверок,
А гонял зверян
По клочкам, по кочкам,

Перекатишам.
А как ночь — бобёр
Падал с под-колень
На обе бёбрыны
Зализывал раны,
А как ночь — зырян
Лягал под-корень
И видал увечьи
Глаза человечьи,
Глаза человечьи
Горемычные,
Да щенячья вдоха
Изо мха — из моха.

А завтра снова
Закружилися
Друг за дружкой, словно
Подружилися.
Только очень вскоря
От беды да с горя
Сединой попёр
Молодой бобёр.
Засивел, стомился,
Морозцем пробился,
Северною солью
Пух осеребрился:
Хоть молод бобёр
Да, как луна, седой —
В весеннюю рань
Поседел от ран.

Увидал зырян
Обрадовался,
Что по ости холодь,
Хоть бобёр и холост,
Хоть молод бобёр,
Да седатым стал,
Пушиною стар —
Хороший товар.

Доставал разбойник
Зверобойный нож —
Был бобёр храбёр,
Кусался бобёр,
Кусался бобёр'ы,
Пораненанный,
Тосковали очи,
Как зыряна дочи.

Был зырян добёр,
Да богат бобёр...
Врезал дыль и лапы,
Капли не закапал,
А рванул с хвоста —
Брызнула звезда,
Кровавый да голый
Заскулил на голос,
Сделал два шага,
Обливаючись,
Подрывая вьюгу,
Зачернел по кругу.
Нигде не закапал
Шубку дымную,
Даст купец Рублёв
Теперь сто рублёв.

Ого-го-гой огой жаски ранда пала...
Море. Море. Серое море.
Как великую стаю через тундру птиц
Понесли ветра́ его красные запахи.
Белая медведь пососала носом,
Белая медведь суо ньёми пурга.
И вот в намёт побежала медведь
И раз и раз-два и два-три и пять палец!

Зырян уходил — гоняла медведь.
Зырян на сосницу. А медведь ожидает.
Заря умирала. Вставала заря.
Ожидает медведь. А медведь ожидает.
Был молод зырян — стал как луна.
Северной солью башка серебрится.
Сосницу качало. Седеет зырян.
Ожидает медведь. А медведь-то ожидает.
Белая медведь вырастала на дыбы!
Зырян был храбёр: он дрался, кусался,
Но зверь обжег его косматою лапой,
Здравши шкуру от затылка до глаз.

Зырян сделал шаг, другой — и пал.
Синее море золотом дуло.
И только две кочки седеют рядком —
Бобровья одна, человечья другая.

А медведь ковыляет
Клюкву-ягоду искать,
Клюкву-ягоду искать,
Человечиной икать.

А на мишке-то шубёха
Вся медве-жа-я,
Вся медвежая шубёха,
Белоснежая:
По хребту седая ость,
Под хребтом большая кость,
Сивы в выси рёбера,
С пуза высереберян.
А хорош он, карнаухий,
Не охаишь ничего,
Только бедному мишухе
Делать не-че-го:
На раздольях он, уклюжий,
Со снежком балуется,
Доваландается к луже,
На себя любится.

1927

БЕЛЫЙ ПЕСЕЦ

Мы начинаем с тобою стареть,
Спутница дорогая моя...
В зеркало вглядываешься острей,
Боль от самой себя затая.

Ты еще ходишь-плывешь по земле
В облаке женственного тепла,
Но уж в улыбке, что света милей,
Лишняя черточка залегла.

Но ведь и эти морщинки твои
Очень тебе, дорогая, к лицу.
Нет, не расплющить нашей любви
Даже и времени колесу!

Меж задушевных имен и лиц
Ты как червонец в куче пезетт,
Как среди меха цветных лисиц
Свежий, как снег, белый песец.

Если захочешь меня проклясть,
Буду униженной всех людей,
Если ослепнет влюбленный глаз,
Вспоминаньями буду глядеть...

Сколько отмучено мук с тобой,
Сколько иссмеяно смеха вдвоем!
Как мы, невзысканные судьбой,
В чистые дали друг друга зовем.

Радуйся ж каждому новому дню!
Пусть оплетает лукавая сеть —
В берлоге души тебя сохраняю,
Мой драгоценный, мой Белый Песец.

1932

ПЕСНЯ БАБКА

(Из трагедии «Орла на плече носящий»)

Ты не пой по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь!
Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,
Чтоб слышалась песнь моя!

Угнетатели ночью спят.
Угнетателей не проймешь.
Угнетенные копят яд...
Угнетенные точат нож...
Так бывало из века в век:
Угнетенный велик человек!
То, что было множество раз,
Повториться может сейчас.

Если я найду свой конец,
Не успевши знамя поднять, —
Ты забудь меня, мой отец,
Ты забудь меня, моя мать...
Даже ты забудь, о жена:
Ты другому будешь нужна.
Но, свершив погребальный обряд,
Не забудет меня мой брат.

Он уйдет в ущелье, рыча,
Он покинет и мать и жен.
Он сверкнет голизной меча,
С дымом вырвав его из ножен.

Он зажжет на горе костер —
И откликнется наш простор!
И джигиты в его дыму
За свободой пойдут к нему.

Так не плачьте, друзья, во мгле!
Подымайся, кто молод и зол:
Есть тень орла на земле,
Значит, где-то есть и орел! —
Верь в него, не видя его!
Больше я не скажу ничего:
Золотая узда — короткá,
А златая песня — кратка.

1940

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.
Вот тут дорога. А там вон — взгорье.
Меж ними
вот этак —

ров.
Из этого рва поднимается горе.
Горе без берегов.

Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.

Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопоухий Колька —
Ему одиннадцать лет.

Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов.
Ближние станции, ближние села —
Все как заложники брошены в ров.

Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвецке заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,

И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Он совсем налегке.
Грудь распахнута из протеста.
Одна нога в худом сапоге,
Другая сияет лаком протеза.
Легкий снежок валит и валит...
Грудь распахнул молодой инвалид.
Он, видимо, крикнул: «Стреляйте, черти!»
Поперхнулся. Упал. Застыл.
Но часовым над лежбищем смерти
Торчит воткнутый в землю костыль.
И ярость мертвого не застыла:
Она фронтовых окликает из тыла,
Она водрузила костыль, как древко,
И вежа ее видна далеко.

Бабка. Эта погибла стоя,
Встала меж трупьев и так умерла.
Лицо ее, славное и простое,
Черная судорога свела.
Ветер колышет ее отрепье...
В левой орбите застыл сургуч,
Но правое око глубоко в небе
Между разрывами туч.
И в этом упреке Деве Пречистой
Рушенье веры дремучих лет:
«Коли на свете живут фашисты,
Стало быть, бога нет».

Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребенок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне.
И он послушался... Ах, ты, милый.
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:
Не властны теперь над ними враги —
И рыжая струйка
из детского уха

Стекает
в горсть
материнской
руки.

Как страшно об этом писать. Как жутко.

Но надо. Надо! Пиши!

Фашизму теперь не отделаться шуткой:
Ты вымерил низость фашистской души,
Ты осознал во всей ее фальши
«Сентиментальность» пруссацких грез,
Так пусть же

сквозь их
голубые
вальсы

Горит материнская эта горсть.

Иди ж! Заклейми! Ты стоишь перед бойней,

Ты за руку их поймал — уличи!

Ты видишь, как пулею бронебойной

Дробили нас палачи,

Так загреми же, как Дант, как Овидий,

Пусть зарыдает природа сама,

Если

все это

сам ты

видел

И не сошел с ума.

Но молча стою я над страшной могилой.

Что слова? Истлели слова.

Было время — писал я о милой,

О щелканье соловья.

Казалось бы, что в этой теме такого?

Правда? А между тем

Попробуй найти настоящее слово

Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы, как луки,

Но строчки... глуше вареных вязиг.

Нет, товарищи: этой муки

Не выразит язык.

Он слишком привычен, поэтому бледен,

Слишком изящен, поэтому скуп,

К неумолимой грамматике сведен

Каждый крик, слетающий с губ.

Здесь нужно бы... Нужно создать бы вече
Из всех племен от дrevка до дrevка
И взять от каждого все человечье,
Все прорвавшееся сквозь века —
Вопли, хрипы, вздохи и стоны,
Эхо нашествий, погромов, резни...
Не это ль

наречье

мúки бездонной

Словам искомым сродни?

Но есть у нас и такая речь,
Которая всяких слов горячее:
Проклятьем — врага осыпает картечь,
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
От вашей кровавой могилы.

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травую взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.

Евреи... Славяне...

Да! Об этом нельзя словами:
Огнем! Только огнем!

Керчь, 1942

ТАМАНЬ

Когда в кавказском кавполку я вижу казака
На белоногом скакуне гнедого косяка,
В черкеске с красною душой и в каске набекрень,
Который хату до сих пор еще зовет «курень», —
Меня не надо просвещать, его окликну я:
— Здорово, конный человек, таманская земля!

От Крымской от станицы до Чушки до косы
Я обошел твои, Тамань, усаые овсы,
Я знаю плавней боевых кровавое гнильцо,
Я хату каждую твою могу узнать в лицо.
Бывало, с фронта привезешь от казака письмо —
Усадят гостя на топчан под саблю с тесьмой,

И небольшой крестьянский зал в обоях из газет
Портретами станишников пачнет на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову вскружат,
Покуда мать не закричит и, взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной старины.
Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
Твой гортанные ручьи и гордый говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
Хоть и бомбежкой пахать, пехотой боронить.
Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,
Но знает враг:

никогда

не сдашься ты ему.

Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской издалека домой,
С какою тянутся к тебе через огонь и сны
Твои казацкие полки, кубанские сыны.

Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
Стояла грудью боевой у русского древка;
За то, что, где бы ни дралось, развеяв чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество твое;
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За этот парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.

1943

СЕВАСТОПОЛЬ

К. Зелинскому

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мой каземат — четыре на три. Все же
Мне сквозь решетку было слышно море
И я был весел.

Ежедневно в полдень

Над городом салютовала пушка.
Я с самого утра, едва проснувшись,
Уже готовился к ее удару
И так был рад, как будто мне дарили
Басовые часы.

Когда начальник,

Одна такая шла ко мне навстречу...
То есть не то, чтобы ко мне. Но шла.

Как бьется сердце... Вот она подходит.
Нет, этого нельзя и допустить,
Чтобы она исчезла...

— Виноват!

Она остановилась: — Да?

Глядит.

Скорей бы что-нибудь придумать.

Ждет.

Ах, черт возьми! Но что же ей сказать!
— Я... Видите ли... Я... Вы извините...
И вдруг она взглянула на меня
С каким-то очень теплым выраженьем
И, сунув руку в розовый кармашек
На белом поле (это было модно),
Протягивает мне «керенку». Вот как?!
Она меня за нищего... Хорош!
Я побежал за ней:

— Остановитесь!

Ей-богу, я не это... Как вы смели?
Возьмите, умоляю вас — возьмите!
Вы просто мне понравились, и я...

И вдруг я зарыдал. Я сразу вспомнил,
Что все мое тюремное веселье
Пыталось удержать мой ужас. Ах!
Зачем я это делал? Много легче
Отдаться чувству. Пушечный салют...
И эта книга... книга телефонов.
А девушка берет меня за локоть
И, наступая на зевак, уводит
Куда-то в подворотню. Две руки
Легли на мои плечи.

— Что вы, милый!

Я не хотела вас обидеть, милый.
Ну, перестаньте, милый, перестаньте...

Она шептала и дышала часто,
Должно быть, опьяняясь полумраком,
И самым шепотом, и самым словом,
Таким обворожительным, волшебным,
Чарующим, которое, быть может,
Ей говорить еще не приходилось,
Сладчайшим соловьиным словом: «милый».

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мне было девятнадцать.

А сегодня,
Меж черных трупов я шагаю снова
Дорогой Балаклава — Севастополь,
Где наша кавдивизия прошла.

На этом пустыре была тюрьма.
Так. От нее направо. Я иду
К нагорной улочке, как будто кто-то
Приказывает мне идти. Зачем?
Развалины... Воронки... Пепелища...
И вдруг среди пожарища седого —
Какие-то железные ворота,
Ведущие в пустоты синевы.
Я сразу их узнал... Да, да! Они!

И тут я почему-то оглянулся,
Как это иногда бывает с нами,
Когда мы ощущаем чей-то взгляд:
Через дорогу, в комнатке, проросшей
Сиренью, лопухами и пыреем,
В оконной раме, выброшенной взрывом,
Все тот же домовитый, головастый
Плечистый ворон с синими глазами.
Я четверть века не видал его.

Ах, что такое лирика! Для мира
Непобедимый город Севастополь —
Живой музей. История сраженья.
Энциклопедия имен и дат,
Но для меня... Для сердца моего...
Для всей моей души...

Нет, я не мог бы
Спокойно жить, когда бы этот город
Остался у врага.

Нигде на свете
Я не увижу улочки вот этой,
С ее уклоном от небес к воде,
От голубого к синему — кривой,
Подвыпившей, какой-то, колченогой,
Где я рыдал когда-то, упиваясь
Неудержимым шепотом любви,
Еще не обращенной ни к кому...
Вот этой улочки!

И тут я понял,
Что лирика и родина — одно,
Что родина ведь это тоже книга,

Которую мы пишем для себя
Заветным перышком воспоминаний,
Вычеркивая прозу и длинноты
И оставляя солнце и любовь.

Ты помнишь, ворон, девушку мою?
Как я сейчас хотел бы разрыдаться!
Но это больше невозможно. Стар.

1944

ПЕЙЗАЖ

Белая-белая хата,
Синий, как море, день.
Из каски клюют цыплята
Какую-то дребедень.

Вполне знакомая каска:
Свастика и рога...
Хозяин кричит: «Параска,
Старая ты карга!»

Параске четыре года.
Она к цыплятам спешит.
Хозяин
 сел
 на колоду,
На каску хозяин глядит.

«Видали? Досталась курам!»
Он был еще молод, но сед.
«Закурим, что ли?»
 «Закурим».
Спички. Янтарь. Кисет.

И вот задумались двое
В голубоватом дыму.
Он воевал под Москвою,
Я воевал в Крыму.

1945

О РОДИНЕ

За что я родину люблю?
За то ли, что шумят дубы?
Иль потому, что в ней ловлю
Черты и собственной судьбы?

Иль попросту, что родился
По эту сторону реки —
И в этой правде тайна вся,
Всем рассужденьям вопреки.

И значит только оттого
Забывать навеки не смогу
Летучий снег под рождество
И стаю галок на снегу?

Но, если был бы я рожден
Не у реки, а за рекой —
Ужель душою пригвожден
Я был бы к родине другой?

Ну, нет! Родись я даже там,
Где пальмы дальние растут,
Не по судьбе, так по мечтам
Я жил бы здесь! Я был бы тут!

Не потому, что здесь поля
Пшеницей кланяются мне,
Не потому, что конопля
Вкруг дуба ходит в полусне,

А потому, что только здесь
Для всех племен, народов, рас,
Для всех измученных сердец
Большая правда родилась.

И что бы в мире ни стряслось,
Я знаю: вот она, страна,
Которую сквозь дымку слез
Искала в песнях старина.

Твой путь, республика, тяжел.
Но я гляжу в твои глаза...
Какое счастье, что нашел
Тебя я там, где родился!

1947

РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь
Всплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна,
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В мсей груди не твой ли ветер?

Гордясь тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним,
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры,
И в кедраче над Усури
Шаманскую личину тигра.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полсбить.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской хваткой,
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычную неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясиину,
И ныне воспрять Россию,—
Не человечество ль принять?

Какне ж трусы и врази
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

1942.—Действующая армия

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,—
Из бузинового прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый,—
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий,
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,—
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним — зеленый снизу,
Голубой и синий сверху —
Мир встает огромной птицей,
Свищет, шелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься,
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топочет, как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель.
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду,—
Мне жизни веселой теперь не сберечь,—
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...

В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка,—
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

ДУМА ПРО ОПАНАСА

Посіяли гайдамаки
В Україні жито.
Та не вони його жали.
Що мусим робити?
(Т. Шевченко, «Гайдамаки».)

1

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом —
На дебелие хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядишь толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?

— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота,—
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человече?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече —
От края до края!..—
У Махна по самы плечи
Волосня густая...

.

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне,—
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

2

Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса,—
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого равнина
Под Гомелем снята.
Шуба — платье меховое —
Распахнута — жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркой.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребьячье мыло;
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита,—
Хлеборобом хочешь в поле,
А идешь — бандитом!
Полетишь дорогой чистой,
Залетишь в ворота,
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
И Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,
Под знаменем черным.
Стоном стонет Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса...

Хлеба собрано немного —
 Не скрипеть подводам.
 В хате ужинает Коган
 Житняком и медом.
 В хате ужинает Коган,
 Молоко хлебаёт,
 Большевицким разговором
 Мужиков смущает:
 — Я прошу ответить честно,
 Прямо, без уклона:
 Сколько в волости окрестной
 Варят самогона?
 Чтò посевы? Как налоги?
 Падают ли овцы? —
 В это время по дороге
 Топают махновцы...
 По дороге пляшут кони,
 В землю бьют копыта.
 Опанас из-под ладони
 Озирает жито.
 Полночь сизая, степная
 Встала пред бойцами,
 Издалека темь ночная
 Тлеет каганцами.
 Брешут псы сторожевые,
 Запевают певни.
 Холодком передовые
 Въехали в деревню.
 За церковною оградой
 Лязгнуло железо:
 — Не разыщешь продотряда:
 В доску перерезан! —
 Хуторские псы, пляшите
 На гремучей стали:
 Словно пёрепела в жите,
 Когана поймали.
 Повели его дорогой
 Сизою, степною, —
 Встретился Иосиф Коган
 С Нестором Махною!
 Поглядел Махно сурово,
 Покачал башкою,
 Не сказал Махно ни слова,
 А махнул рукою!
 Ой, дожил Иосиф Коган
 До смертного часа,

Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
— Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться!

4

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..
На твоём степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекасти-поле
Да ворона кричит...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...
Растеклось на белом теле
Солнце молодое.
— НÁ, Панько. Когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,
Пригодятся дома,—
Все же бывший продармеец,
Хороший знакомый!..
Всходит солнце боевое,
Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воеет
Опанасу в уши:
— За волами шел когда-то,
Воевал солдатом...
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом?—
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
— Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга! —
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:

— С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело!—
И равнина волком воет,
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травой:
— Катюга! Катюга!.. —
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость.
Повернулся:
Три патрона
В обойме осталось...
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну...
— Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не сваю тебя ударом,
Разгуливай с богом!..—
Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..

Тишина в степном раздолье,—
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться на бок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры —
Холодно и пусто...
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

Где широкая дорога,
 Вольный плес днестровский,—
 Кличет у Попова лога
 Командир Котовский.
 Он долину озирает
 Командирским взглядом,
 Жеребец под ним сверкает
 Белым рафинадом.
 Жеребец подымет ногу,
 Опустит другую,
 Будто пробует дорогу,
 Дорогу степную.
 А по каменному склону
 Из Попова лога
 Вылетают эскадроны
 Прямо на дорогу...
 От приварка рожи гладки,
 Поступь удалая,
 Амуниция в порядке,
 Как при Николае.
 Головами крутят кони,
 Хвост по ветру стелют:
 За Махной идет погоня
 Акурат неделю.

.

Не шумит над берегами
 Молодое жито,—
 За чумацкими возами
 Прячутся бандиты.
 Там, за жбаном самогона,
 В палатке дерюжной,
 С атаманом забубенным
 Толкует бунчужный:
 — Надобно с большевиками
 Нам принять сраженье,—
 Покрутись перед полками,
 Дай распоряженье!.. —
 Как батько с размаху двинул
 По столу рукою,
 Как батько с размаху грянул
 По земле ногою:
 — Ну-ка, выдай перед боем
 Пожирнее пищу,
 Ну-ка, выбей перед боем
 Ты из бочек днища!

Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!..

.

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим —
Смутно изголовье,
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью.
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами,
За крылом вороньим, —
Омываясь горькой тенью,
Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое...

6

Ну, и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливную силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...

Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пульей или пикой
Добудем комбрига!.. —
Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

.

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву скovyрнулся...
Глаз под левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

7

Балта — городок приличный,
Городок — что надо:
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонкий день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,

Что поедешь через Балту
Трактом малохольным;
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом;
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..
Коридоры в коридоры,
В коридорах — двери.
И по коридорной пыли,
По глухому дому,
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу
Старую привычку —
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку:
— Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною?
Отвечайте без обмана,
Не испуга ради,—
Сколько сабель и тачанок
У него в отряде?
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость,—
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит?..
— Что я знал: коня, подругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога!..
...Одного не позабуду,
Как скончался Коган...
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,

Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самую рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито!..

Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

8

Опанас, шагай смелее,
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли,
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что ты видишь? Что ты слышишь?
Что знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.
Тлеет лампочка под крышей,—
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа
И щеки из воска...
Улыбается сурово:
— Приятель, здорово!
Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою!..
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога...

э п и л о г

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...

Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте...
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской,
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский...
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горячими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут,
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется, и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
— Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб, как надо!..
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

.

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

1926

ВЕСНА

В аллеях столбов,
 По дорогам перронов —
Лягушечья прозелень
 Дачных вагонов;
Уже, окунувшийся
 В масло по локоть,

Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колеса...
Приклеены к стеклам
Влюбленные пары,—
Звенит палисандр
Дачной гитары:
— Ах! Вам не хочется ль
Под ручку пройтись?..
— Мой милый! Конечно.
Хотится! Хотится! —
А там, над травой,
Над речными узлами,
Весна развернула
Зеленое знамя,—
И вот из коряг,
Из камней, из расщелин
Пошла в наступленье
Свирепая зелень...
На голом прутье,
Над водой невеселой
Гортань продувают
Ветвей новоселы...
Первым дроздом
Закликают леса,
Первою щукой
Стреляют плеса;
И звезды
Над первобытную тишь
Распороты первой
Летучей мышью...
Мне любы традиции
Жадной игры:
Гнездовья, берлоги,
Метанье икры...
Но я — человек,
Я — не зверь и не птица;
Мне тоже хочется
Под ручку пройтись;
С площадки нырнуть,
Раздирая пальто,
В набитое звездами
Решето...
Чтоб, волком трубя
У бараньего трупа,

Далекую течку
Ноздрями ощупать;
Иль в черной бочаге,
Где корни вокруг,
Обрызгать молóками
Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
И бросаться в угон,—
Чтоб на сто процентов
Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
Во славу природы
Раскиданы звери,
Распахнуты воды,—
И поезд, крутящийся
В мокрой траве,—
Чудовищный вьюн
С фонарем в голове!
И поезд от похоти
Воеет и злится:
— Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!..

1927

ТАК БУДЕТ¹

Черт знает где,
На станции ночной,
Читатель мой,
Ты встретишься со мной.
Сутуловат,
Обветрен,
Запылен,—
А мне казалось,
Что моложе он...
И скажет он,
Стряхая пыль травы:
— А мне казалось,
Что моложе вы! —
Так, вытерев ладони о штаны,
Встречаются работники страны.

¹ Из цикла «Стихи о себе».

У коновязи
Конь его храпит,
За сотни верст
Мой самовар кипит,—
И этот вечер,
Встреченный в пути,
Нам с глазу на глаз
Трудно провести.
Рассядемся,
Начнем табак курить.
Как невозможно
Нам заговорить.
Но вот по взгляду,
По движенью рук
Я в нем охотника
Признаю вдруг —
И так скажу:
— Уже на реках лед,
Как запоздал
Утиный перелет.—
И скажет он,
Не подымая глаз:
— Нет времени
Охотиться сейчас!—
И замолчит.
И только смутный взор
Глухонемой продолжит разговор.
Пока за дверью
Не затрубит конь,
Пока из лампы
Не уйдет огонь,
Пока часы
Не скажут, как всегда:
— Довольно бреда,
Время для труда!

1929

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозою освеженный,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухобортный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата
Крашенная дверь.

Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек.

Говорить не можешь —
Губы горячи.
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженных волос.
Баля, Валентина,
Что с тобой стряслось?
Воздух воспаленный,
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?

Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

— Валенька, Валюша!
Тягостно в избе.
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.

На щеке помятой
Длинная слеза...
А в больничных окнах
Двигается гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.

Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Двигается отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сиянье
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голов.

Рухнула плотина,—
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу склоненная
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать,
Духотой спаленных
Губ не освежить.
Валентине больше
Не придется жить.

— Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро?
Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла:
Чтоб было приданое,
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.

Пусть звучат постылые,
Скудные слова —
Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом, —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь: на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Воскликает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается,
Призрачно-легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.
И, припав к постели,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

1932

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят, —
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты,
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать чесна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры, —
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный, в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.

Эй, партизан!
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снегу волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка,
А я девчонка
да шарлатанка».

Стой!
Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

БОЛЬШЕВИКАМ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ

В Госторге, у горящего костра,
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов.
А ночь была до синевы светла,
И ныли ноги от казачьего седла.
Для нас апрель просторы распростер,
Мигала лампа,
И пылал костер.

Член посевкома зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука,
Усталый техник, лежа на боку,
Выписывал последнюю строку.
И по округе, на плуги насеv,
Водил верблюдов
Большеvистский сев.

Шакалы воем оглашали высь.
На краткий отдых люди собрались.
Пустыня била ветром в берега.
Она далеко чуяла врага,
Она далеко слышала врагов —
Удары заступа
И шарканье плугов.

Три раза в час в ворота бился гам:
Стучал дежурный с пачкой телеграмм,
И цифры, выговоры, слов напор
В поспешном чтенье наполняли двор.
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большеvистский сев.

Ворвался ветер, топот лошадей,
И звон стремян, и голоса людей.
Свет фонаря пронесся по траве,
И на веранду входит человек,
За ним другой, отставший на скаку.
Идет пустыня, ветер,
Кара-Кум!

Ремни крест-накрест на рубахах из холстин.
Да здравствуют работники пустынь!
Ложатся люди, кобурой стуча,
Летают шутки, и крепчает чай.
На свете все одолевать привык
Пустыню обуздавший большевик.
Я песни пел, я и сейчас пою
Для вас, ребята из Ширам-Кую.
Вам до зари осталось отдохнуть,
А завтра — старый караванный путь
На те далекие колодцы и посты.
Да здравствуют
Работники пустынь!

Потом приходит юный агроном,
Ему хотелось подкрепиться сном,

Но лучше сесть, чем на постели лечь,
И лучше храпа — дружеская речь.
В его мозгу гектары и плуги,
В его глазах зеленые круги.
Берись за чайник, пиалу налей.
Да здравствуют
Работники полей!

И после всех, избавясь от беды,
Стучат в Госторг работники воды.
Они в грязи, и ноги их мокры,
Они устало сели на ковры,
Сбежались брови, на черту черта.
— Арык спасли.
Ну ладно, ни черта!
Хороший чай — награда за труды.—
Да здравствуют
Работники воды!

Но злоба конскими копытами стучит,
И от границы мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты,
На землю, воду и песок пустынь.
Дом, где сидим мы, — это байский дом.
Колхоз вспахал его поля кругом.

Но, чтобы убивать и чтобы взять,
Бай и пустыня возвращаются опять.
Тот топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист.
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!..

Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много — отдыха не жди.
Работники песков, воды, земли,
Какую тяжесть вы поднять могли!
Какую силу вам дает одна —
Единственная на земле страна!

1930

Как снежное темя Гиссара,
 совесть его бела,
И ни одна комсомолка
 зарезана им не была.
Сто раз он решал сдаваться,
 но случай к нему не пришел.
Людей убивал в сраженьях,
 а это — нехорошо.
И как путник,
 поющий о жажде,
 хочет к воде припасть,
Так сердце его сухое
 ищет советскую власть.
Милость советской власти
 для храбрых — богатый пир.
Иган-Берды — знаменитый
 начальник и богатырь.
— Непреклонные мои пули
 падали гуще дождей,
От головы и до паха
 я разрубал людей.
Сокровища кооперативов
 я людям своим раздавал,
Повешенный мною учитель
 бога не признавал,
Тяжелой военной славой
 жилы мои горды.
Примите же, командиры,
 руку Иган-Берды!—
Но старший из командиров
 выпрямился во весь рост.
По усталым губам переводчика
 медленно плыл допрос.
И женщина за стеною
 сыпала в миску
 рис.
Прижавшись к штыку щекою,
 жмурился тракторист.
Солнца,
 сна
 и дыма
 он должен не замечать.
Он должен смотреть в затылок
 льстивого басмача.
Кланяется затылок
 и поднимается вновь,
Под выдубленной кожей
 глухо толчется кровь.

И тракторист усмехается
 твердым, сухим смешком:
Он видит не человека,
 а ненависти ком.
За сорванную посевную
 и сломанные его труды
Совсем небольшая расплата —
 затылок
 Иган-Берды.

1932

МЕДВЕДЬ

Девочке медведя подарили.
Он уселся, плюшевый, большой,
Чуть покрытый магазинной пылью,
Важный зверь
 с полночною душой.

Девочка с медведем говорила,
Отвела для гостя новый стул,
В десять
 спать с собою уложила,
А в одиннадцать
 весь дом заснул.

Но в двенадцать,
 видя свет фонарный,
Зверь пошел по лезвию луча,
Очень тихий, очень благодарный,
Ножками тупыми топоча.

Сосны зверю поклонились сами,
Все ущелье начало гудеть,
Поводя стеклянными глазами,
В горы шел коричневый медведь.

И тогда ему промолвил слово
Облетевший многодумный бук:
— Доброй полночи, медведь! Здорово!
Ты куда идешь-шагаешь, друг?

— Я шагаю ночью на веселье,
Что идет у медведей в горах,
Новый год справляет новоселье.
Чатырдаг в снегу и облаках.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидала?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четвертку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь, —
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет —
 девятнадцатый год.

1940

СНЕГУРОЧКА

Снегурочка сидела под окном
В каракулевой шапке с плоским дном.
Снежок вечерний чуть касался щек,
И вдаль летел, и людям лица жег.

Природу заковала в лед зима.
Одна синичья песенка слышна.
Легучий снег, серебряная тишь...
Так что же ты, снегурочка, молчишь?

— Здесь, — молвила она, — мой старый дом,
Здесь я сижу в раздумье под окном.
Я вижу, как снежинок легкий рой
Беспечной, быстрой занялся игрой.

Я знаю шорох сосен и берез
И скрип снегов, когда идет мороз,
Полет ветров, метельный, лунный свет,
Мир непонятных звуков и примет.

Когда домой со службы прихожу,
Я обязательно вот здесь сижу, —
И тополя в поземке круговой
Загадочно шумят над головой.

Вот песня замирает вдалеке,
И лыжи свищут на Москве-реке.
Природы русской чистая душа
Встает в снегах, светла и хороша.

Я не растаю раннею весной.
Десятки весен расцветут со мной,
Но замела я снегом все пути,
И вам теперь, любимый, не уйти.

1951

БАЛЛАДА О ПУСТЫНЕ

Н. С. Тихонову.

Давно это было...
Разъезд пограничный в далеком Шираме —
Бойцов было трое, врагов было двадцать —
Погнался в пустыню за басмачами.
Он сгинул в песках и не мог отозваться.

Преследовать — было их долгом и честью.
На смерть от безводья шли смелые трое.
Два дня мы от них не имели известий,
И вышел отряд на спасенье героев.

И вот день за днем покатались барханы,
Как волны немые застывшего моря,
Осталось на свете жары колыханье
На желтом и синем стеклянном просторе.

А солнце все выше и выше вставало,
И зной подступал огнедышащим валом,
В ушах раздавался томительный гул.

Глаза расширялись, морщились лица.
Хоть лишнюю каплю,
хоть горсткой напиток!
И корчился в муках сухой саксаул.

Безмолвье, безводье, безвестье, безлюдье.
Ни ветра, ни шороха, ни дуновенья.
Кустарник согбенный, и кости верблюжьи,
Да сердца и пульса глухое биенье.

А солнце все выше и выше вставало,
И наша разведка в песках погибала.
Ни звука, ни выстрела. Смерть. Тишина.

Бархан за барханом, один, как другие.
И медленно седла скрипели тугие.
Росла беспредельного неба стена.

Шатаются кони, винтовки как угли,
Жара нависает, слабеют колени,
Слова замирают, и губы распухли.
Ни зверя, ни птицы, ни звука, ни тени.

А солнце все выше и выше вставало,
И воздуха было до ужаса мало,
Змея проползла, не оставив следа.

Копыта ступают, ступают копыта.
Земля исполинскою бурей разрыта,
Земля поднялась и легла навсегда.

Неужто когда-нибудь мощь человека
Восстанет, безлюдье песков побеждая,
Иль будет катиться от века до века
Барханное море, пустыня седая?

Так от загса до колхоза,
 с песней радостной,
 вразлет,
 Молодая молодому
 потихоньку руку жмет.
 Тихо спать ложится солнце,
 лиловеет дальний лес.
 И сначала нужно свадьбе
 докатить до МТС.
 Вот она, горит огнями
 в снеговой вечерней мгле.
 Муж — механик.
 Молодая —
 звеньевая на селе.
 А за ними, тихо глядя
 на червонный край небес,
 Скромно едет на «победе»
 сам директор МТС.
 Славной жизни вам и счастья,
 пролетевшие друзья!
 Я задумался глубоко,
 растревожен сердцем я.
 Где вы, годы молодые,
 замирающий простор,
 Исполнение всех желаний —
 смелый юношеский взор?!
 Все я в жизни понимаю,
 но поймать уж не могу
 Маленькую птицу счастья
 на заветном берегу...
 Легким инеем осыпан,
 на дороге я стою.
 И опять несутся сани,
 снова девушки поют.
 Сани, сани, сани, сани,
 в пестрых лентах и цветах.
 Это свадьба пролетает —
 пышный свадебный размах.
 Как чудесны при долине
 на цветном платке зари
 Эти песни Украины —
 светлых дней поводыри!
 А на взгорке светят хаты
 сотнями волшебных глаз
 Снежно-белые, как детство,
 в этот милый, звонкий час.

И опять мне слышны песни,
музыка,
веселый гам.
Это мчится третья свадьба
за другими по следам.
На полуторках колхозных
гордо стоя в полный рост,
Молодежь встречает грудью
крепкий ветер и мороз.
Свадьбы, свадьбы!
Время свадеб.
Боевой для загса день.
Вечерок под воскресенье,
снег пахучий, как сирень.
А столы в домах накрыты,
стопки полны до краев.
Все заботы позабыты —
поднимай и будь здоров!
Вот сливянка, вот вишневка,
черно-алая, как кровь,
Что ж — за труд, ну что ж — за радость
и за верную любовь.
Счастье, счастье,
птица счастья
прижимается ко мне.
Ты живешь вот в этом доме,
ты поешь вот в том окне.
Золотая Украина...
Свадьбы, свадьбы, лунный час...
— Будьте ласковы, товарищ,
приглашаем в гости вас!

1954

В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Не горит электричество.
Только одна
Печка
красные блики
бросает на стены.
Да еще
в незакрытые окна
луна
Льет квадраты
и тянет
лиловые тени.

Вы, портреты
 в кудрях,
 в бородах,
 и в усах,
Силы
 новой России,
 как деды,
 размерьте.
На сто верст
 за стеной
 вековые леса,
И на стенах
 застыли
 ребят голоса.
Здесь
 оплот государства
 и наше бессмертье.
Ты чему их научишь,
 родная моя,
Присмирелости,
 гордости,
 правде
 иль кривде?
Кто из них
 будет книгою бытия,
Кто слепой запятой
 в неразборчивом шрифте?
Мы
 великие цели
 поставили им,
Все богатства
 земные
 оставили им.
Мы
 о многом
 в пустые литавры
 стучали,
Мы о многом
 так трудно
 и долго
 молчали.
Но по нашим следам,
 по кострам
 и золе
Поколение юных
 идет
 на земле.

Завтра утром
мы в месяц весны
перейдем
По звонку
и по солнцу,
без опоздания.
А на рыжих поленьях,
объятых огнем,
Всё бегут человечки
и рушатся зданья.
В школе мы говорим
перед древним
огнем.
Много видно
отсюда
и ночью
и днем.

1956

ЗВЕЗДА

Звезда, звезда, холодная звезда,
К сосновым иглам ты все ниже никнешь.
Ты на заре исчезнешь без следа
И на заре из пустоты возникнешь.

Твой дальний мир — крылатый вихрь огня,
Где ядра атомов сплавляются от жара.
Что ж ты глядишь так льдисто на меня,—
Песчинку на коре земного шара.

Быть может, ты погибла в этот миг,
Иль, может быть, тебя давно уж нету,
И дряхлый свет твой, как слепой старик,
На ощупь нашу узнает планету.

Иль в дивной мощи длится жизнь твоя?
Я тень песчинки пред твоей судьбою,
Но тем, что вижу я, но тем, что знаю я,
Но тем, что мыслю я — я властен над тобою!

1956

ИЗ «ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ»

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорит народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
Что серебрится вдалеке,—
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,
Порой одно он скажет слово,
И это слово — «Благодать!»

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Все цветет по дороге. Весна
Настоящим сменяется летом.
Протянула мне лапу сосна
С красноватым чешуйчатым цветом.

Цвет сосновый, смолою дыша,
Был не слишком приманчив для взгляда,
Но сказал я сосне: — Хороша!—
И была она, кажется, рада.

СЛОВАРЬ

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать. Век заживать чужой»...
В словах звучат укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

* * *

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесь.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет Петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою...
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

* * *

Текла, извивалась, блестела
Река меж зеленых лугов,
А стала недвижимой и белой,
Чуть-чуть голубее снегов.

Она покорилась оковам.
Не знаешь, идет ли вода
Под белым волнистым покровом
И верстами крепкого льда.

Чернеют прибрежные ивы,
Из снега торчат тростники,
Едва намечая извивы
Пропавшей под снегом реки.

Лишь где-нибудь в проруби зыбко
Играет и дышит вода,
И в ней красноперая рыбка
Блеснет чешуей иногда.

АБХАЗСКИЕ РОЗЫ

О ней поют поэты всех веков.
Нет в мире ничего нежней и краше,
Чем этот сверток алых лепестков,
Раскрывшийся благоуханной чашей.

Как он прекрасен, холоден и чист, —
Глубокий кубок, полный аромата.
Как дружен с ним простой и скромный лист,
Темно-зеленый, по краям зубчатый.

За лепесток заходит лепесток,
И все они своей пурпурной тканью
Струят неиссякающий поток
Душистого и свежего дыханья.

Я это чудо видел на окне
Одной абхазской деревенской школы.
И тридцать рук в дорогу дали мне
По красной розе, влажной и тяжелой.

Охапку роз на Север я увез,
Цветы Кавказа — в Ленинград далекий.
И пусть опали тридцать красных роз, —
На память мне остались эти строки.

ПО ДОРОГЕ В МОСКВУ

Скрипели возы по дорогам,
Едва шелестела листва.
А в скошенном поле за стогом
Сверкала огнями Москва.

Мерцала огней вереница,
А в поле была тишина,
И тенью бесшумная птица
Над полем кружилась одна.

Простора открылось так много
С тех пор, как скосили траву.
И странно в пути из-за стога
Увидеть ночную Москву.

Пронизан и высушен зноем,
Вдали от гудящих дорог,
Дремотой, довольством, покоем
Дышал этот сумрачный стог.

И только огней вереница —
Граница небес и земли —
Давала мне знать, что столица
Не спит за полями вдали.

* * *

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

Вокруг белеющих прудов
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

* * *

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

* * *

И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим.

* * *

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

Весь этот мир — как на ладони,
Но мне обратно не идти,
Еще я с вами, но в вагоне,
Еще я дома, но в пути.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ НА СЕВЕРЕ

На неизвестном полустанке,
От побережья невдали,
К нам в поезд финские цыганки
Июньским вечером вошли.

Хоть волосы их были русы,
Цыганок выдавала речь,
Да в три ряда цветные бусы
И шали, спущенные с плеч.

Блестя цепочками, серьгами
И споря пестротой рубах,
За ними следом шли цыгане
С кривыми трубками в зубах.

С цыганской свадьбы иль с гулянки
Пришла их вольная семья.
Шуршали юбками цыганки,
Дымили трубками мужья.

Водил смычком по скрипке старой
Цыган поджарый и седой,
И вторила ему гитара
В руках цыганки молодой.

А было это ночью белой,
Когда земля не знает сна.
В одном окне заря алела,
В другом окне плыла луна.

И в этот вечер полнолунья,
В цыганский вечер забрели
В вагон гадалки и плясуньи
Из древней сказочной земли.

Полынью пахло, пахло мятой,
Влетал к нам ветер с двух сторон,
И полевого аромата
Был полон дачный наш вагон.

* * *

Не знает вечность ни родства, ни племени.
Чужда ей боль рождений и смертей.
А у меньшей сестры ее — у времени —
Бесчисленное множество детей.

Столетия разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пускай оно работает для нас!

Пусть мерит нам стихи стопою четкою,
Работу, пляску, плаванье, полет.
И — долгое оно или короткое —
Пусть вместе с нами что-то создает.

Бегущая минута незаметная
Рождает миру подвиг или стих.
Глядишь — и вечность, старая, бездетная,
Усыновит племянников своих!

ИЗ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЧТА

Борису Житкову

1

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
 Это он,
 Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку,—

Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Всё разнес по адресам.

2

— Заказное из Ростова
Для товарища Житкова.
— Заказное для Житкова?
Извините, нет такого.
В Лондон вылетел вчера
В семь четырнадцать утра!

3

Житков за границу
По воздуху мчится —
Земля зеленеет внизу.
А вслед за Житковым
В вагоне почтовом
Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
Разложены с толком,
В дороге разборка идет,
И два почтальона
На лавках вагона
Качаются ночь напролет.

Открытка —
В Дубровку,
Посылка —
В Покровку,
Газета —
В Ростов-на-Дону.
Письмо —
В Бологое.
А вот заказное
Поедет в чужую страну.

4

Письмо
Само
Никуда не пойдет,
Но в ящик его опустит —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.
На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьет и не ест
И только одно
Говорит:
— Срочное.
Англия.
Лондон.
Вест,
14, Бобкин-стрит.

5

Бежит, подбрасывая груз,
За автобусом автобус.
Качаются на крыше
Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:
— Конец маршрута! Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,
Стучит висячим молотком
И говорит сурово:
— Для мистера Житкова!

Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: — Борис Житков
Отправился в Бразилию!

6

Пароход
Отойдет
Через две минуты.
Чемоданами народ
Занял все каюты.

Но в одну
Из кают
Чемоданов не несут.
Там поедет вот что:
Почтальон и почта.

7

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлен,
Бредет седой Базилио,
Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке иностранное
Почтовое клеймо

И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

8

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?

Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон!

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
— Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

9

Мой сосед вскочил с постели:
— Вот так чудо, в самом деле!
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной.

Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли...

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.
Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным,

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.

Стал натягивать гамаши —
Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?

Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

— Это что за остановка —
Бологое или Поповка? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

— Что за станция такая —
Дибуньки или Ямская? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

(Разговор в подъезде)

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений.
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд большого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока все быстрей
Бежали по панели,

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как потемнели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки,—
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошел старик, очки протер,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса.

— Вы, верно, жители Москвы?
— Да, здешние — с Арбата.
— Ну так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Который дом?
— А тот, где надпись «Гастроном»
И на стене газета.

— Ничей,— ответил пионер.
Другой сказал: — СССР.
А третий: — Моссовета.

Старик подумал, покурил
И, не спеша, заговорил:
— Была владелицей его
До вашего рожденья
Адель Петровна Хитрово.

Спросили мальчишки: — Чего?
Что это значит — Хитрово?
Какое учреждение?

— Не учреждение, а лицо! —
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма.

— Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но, озорные дети,
С домовладелицей не раз
Катались мы в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади — на запятках.
Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

— Что значит, дедушка, «лакей»? —
Спросил один из малышей.

— А что такое «камергер»? —
Спросил постарше пионер.

— Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей.
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С Владимиром на шее.

— Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее?.. —
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

— Не понимаешь? Вот чудак!
«Владимир» был отличья знак.
«Андрей», «Владимир», «Анна» —
Так назывались ордена
В России в эти времена. —
Сказали дети: — Странно!

— А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?
— Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.

Мой дед привез меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумачи давали!..

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.
— Ну и гремит! — сказал маляр.
Другой сказал:— Природа!..

Казалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее.
И дождь сильнее захлестал,
Прохожих не жалея.

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

— Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имения и средства.

— Но неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме,
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в «Гастрономе»?..

— Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,
А свой семиэтажный дом
Сдавать изволила в наем.

Этаж сенатор занимал,
Этаж — путейский генерал.
Два этажа — княгиня.

Еще повыше — мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой —
Фотограф в мезонине.

Для нас, людей, был черный ход,
А ход парадный — для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли...

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в «Гастрономе» торговал
Тит Титыч Разуваев.

Он приезжал на рысаке
К семи часам — не позже
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке,
Но сам за кассою считал
Потертые копейки.

— А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным! —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!

— Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял парод,
Его баржи тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых ведрах вдоль бортов,
На каждой их семерке,
Была фамилия «Багров»,—
По букве на ведерке.

— Тут что-то, дедушка, не так.
Нет буквы для седьмого!
— А вы забыли твердый знак! —
Сказал старик сурово.

— Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твердый.
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква «ять».
Но это — только к слову...
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы.
А дети продали завод,
Затон и пароходы.

— Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки.

— Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно!

Всё продавали господа —
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда,—
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии!

Не знали мы, рабочие люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нем розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии...

Сад охраняли сторожа,
И редко, только летом,
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный, маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее не в пример,
Растет не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.

— А может, выйдет генерал,
Коль учится примерно! —
Один из маляров сказал.
Другой сказал: — Наверно!

— А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?
— В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской
И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошел —
И кончил забастовкой.
И уж последнюю из школ
Прошел я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За сорок зим и сорок лет.
Мы прожили не даром.
Хоть нелегко бывало нам,
Идем мы к новым временам
И не вернемся к старым!

Я не учен. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
«Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоем поедем в Химки...»
Вот он, суворовец — мой внук —
С товарищем на снимке!

Прошибла старика слеза,
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струей горячей света.

УРОК РОДНОГО ЯЗЫКА

В классе уютном, просторном
Утром стоит тишина.
Заняты школьники делом:
Пишут по белому черным,
Пишут по черному белым,
Перьями пишут и мелом:
— Нам не нужна
Война!

Стройка идет в Сталинграде,
Строится наша Москва.
А на доске и в тетради
Школьники строят слова.

Четкая в утреннем свете
Каждая буква видна.
Пишут советские дети:
— Мир всем народам на свете,
Нам не нужна
Война!

Мир всем народам на свете.
Всем есть простор на планете,—
Свет и богат и велик.

Наши советские дети
Так изучают язык.

ЛИ ЯН УПРЯМ

Где Желтая река Китаем течет,
Где каждая травинка взята на учет,
Где скупы отмерены грядки земли,
Стоит лачуга семейства Ли.
Отец — Ли Ван.
Мать — Ли Вэнь,
Дядя — Ли Чжан,
Тетя — Ли Цзянь,
Племянш — Ли Пао,
Внук — Ли Сяо,
Сестры — Ли Гунь, Ли Цинь, Ли Сян,
И единственный сын Ли Вана — Ли Ян.
Большое семейство у этих Ли,
И на всех полторы десятины земли.
Сеет семья,
Ждет урожая.
 Земля не своя,
 Земля чужая.
Гнет желтую спину
Тяжелый труд.
 Хозяину — половину
 Того, что соберут.
Глядя на них, учитель У Чан
Головы своей качал кочан
И твердил: — За лад и труды
Вас небо избавит от всякой беды.

В Китае недолго ждать беды,—
С голого неба нет воды.
Трава мертва, земля пропеклась.
Солнце — засухи горячий глаз.
Взглянет на пшено —
Пшено сожжено.
На редьку взглянет —

Редька вянет.
Глянет на рис —
Рис свис.
Плакали Ли,
Молили Ли,
До солнца с земли
Мольбы не дошли.

В землю вонзая
Жаркое жало,
Пол-урожая
Солнце сожрало.
Вылезли кости,
Гложет нужда,—
Это в гости
Пришла беда.

Учитель У Чан
Головой покачал:
— Есть хлеб, нет хлеба,—
Все это воля неба.

Беда никогда не приходит одна.
Рухнула с туч водяная стена,
Реки — в каналы.
Каналы — в поля.
Морем стала
Кругом земля.
Двери — плот.
Грабли — весло.
И хлеб и скот
Водой понесло,
Мычали коровы,
В воде тonya.
Ветер суровый
Лачуги ронял.

На полях, на жилищах
Ил налип.
Ходят нищими,
Кто не погиб.
Живых — половина,
Горе велико,—
Смыла лавина
Урожай целиком.
Размыт шалаш,
Добра ни следа,
Так над Ли прошла
Вторая беда.
Учитель У Чан
Мудр и учен,

Тянет на манер пения:
— Несчастье — закалка терпения.

Нет Гу Дяо богаче,
Он хозяин земли.
К нему плача
Спешит Ли:
— Я не мошенник.
Виноваты дожди.
Не требуй денег,
Год пережди.

Ли еле жив.
Гу Дяо грохочет,
Отложить платежи
И слушать на хочет.
— Деньги скорей!
Врешь, что нету.
Продавай дочерей,
Гони монету.
Прочь с земли!
Других найду!

Так узнал Ли
Третью беду.
У У Чана глаза-червячки
Заползли за очки:
— Смири,— говорит,— свой нрав,
По закону Гу Дяо прав.

Увязали скарб,
Взвалили на горб.
Горсть пшена на доньшке торб.
Идет семья
Дорогой пустой.
Вдруг
Крик:

— Стой! —
Слова сердиты,
Блестят одностволки,
Это — бандиты,
Двуногие волки.
Расправа коротка
С бедным Ли.
Кого не убили —
В плен увели.
Но в суматохе
Из-под ножа
Один Ли Ян
Сумел убежать.

По дорогам Китая
Ноги несут
Упрямого Ли Яна
За помощью в суд.
У Чан лукаво
Ведет речь:
— Силе кулака
Не противоречь.

Жу Линь одет в шелк,
А прочие в холст.
У других в брюхе — шелк,—
А Жу Линь толст.
Жу Линь судья,
Живот — бадья,
Ногти с вершок,
Деньги в мешок.

Купил Жу Линь судейский пост,
Кормит Жу Линь родичей хвост.
Перечислю вкратце:
Замзавы — братцы,
Племянники — столоничальники,
Дяди-поганцы попали в начканцы,
Каждый потомок,
Каждый предок
Либо в помах,
Либо в предах.
Приемыш сырый
Пропал в кассиры.
Тесть — завхоз,
Зять — помбух,
И сотня стражи —
В руках бамбук.

Ли Ян вступил
К Жу Линю в палаты.
Жу Линь завопил:
— Как насчет платы?
Хорош ты иль плох,
Вноси залог.
Прав ли не прав,
Плати штраф.
А судье за терпенье
Три пени.

Ли Ян заартачился.
— Взять буяна!
Страже Жу Линь кивнул на Ли Яна.
Бамбук тяжелый,
Палач не шалит, —

Битый и голый
Вышел Ли.
Так на спине его навсегда
Шрамом отпечаталась пятая беда.
У Чан улыбается,
Очками блестя:
— Должен каждый китаец
Подчиняться властям.

Генерал Фу Фы весь в орденах,
Хвост лошадиный на шапке генерала,
Красные лампасы на его штанах,
Но генералу этого мало.
У генерала губерний пять,—
Есть с кого хлеб и деньги драть.
За спиной генерала иностранный банк,
Оттуда генералу ружье и танк,
Оттуда шепот: «Воюй, воюй,
Набивай богатством мошну свою».

Ли Яна генерал,
Увидя, заорал:
— Эй ты, балда, там!
У тебя хватит силищи!
Моим солдатам
Нужен носильщик.
Генеральский приказ,
Что штык у виска,
Так Ли Ян попал в войска.
Вместе со всем генеральским сбродом
Ли по Китаю ходил походом,
Носил, возил и рыл траншеи,
Холодал, голодал, получал по шее.
А пока Ли Ян работал, как верблюд,
Генерал ел обед из сотни блюд:
Акулий плавник...
Бамбучий вершок...
Утиные почки...
Петуший гребешок...
И клал желудку в ящик
На блюде девяностом
Засахаренный хрящик
И ласточкины гнезда.

Но конец пришел
Генеральской лафы,—
Маршала Ши Шоу
Разбил Фу Фы.
Войска разбежались, кто куда,—
Кончилась Ли Яна шестая беда.

Головой мотая,
У Чан пищит:
— Генерал для Китая
Одна защита.

Шанхай третий
В мире порт.
Суда на рейде
К борту борт.
Фабрик горенье,
К трубе труба.
Китайская деревня —
Шанхая раба.
Шанхай лукав.
Люди — зверье.
Реки рукав
Сосет сырье.
Белый хозяин судов и труб
С белыми вежлив, с желтыми груб.
А людей, а товар,
А груз, а тюк
Возит в Шанхае двуногий битюг.
Ли Ян! Ли Ян! За гривенник в день
Шею в хомут иностранный вдень!
И пока с Ли Яна пот течет,
Пухнет хозяйский текущий счет.
На заводе, в упряжке грызет нужда.
Иностранец Ли Яну —
Седьмая беда.
У Чан смеется,
Потирая живот:
— С иностранцем?
Бороться?
Нам?
Идиот!

Ли Ян грузил.
Ли Ян носил.
В жаре, в грязи,
Не стало сил.
Одна нужда, одна колея.
Наконец умереть решил Ли Ян.
Мысли Ли Яна очень горьки.
Пришел Ли Ян на берег реки.
Только напрягся сделать прыжок,
Вдруг видит — студент,—
В руке флажок.
На флаге надпись очень простая:
«Наших грабителей вон из Китая!»

Жалобный стон
Зажмите в зубах.
Гоните вон
Иностранных собак!»
Довольно ждать.
За все семь бед,
Ли Ян, Ли Ян, давай ответ!
Сверкнули очи.
От бунта пьян,
В патруле рабочем
Шагает Ли Ян.
Учитель У Чан
Клюкой застучал,
Завыл, закричал, пальцем грозя,
Но за шумом расслышать было нельзя.

На все семь бед
Один ответ.
Гремит ответ
На целый свет.
Строятся толпы без зова горнистов,
Тысячам кули лозунг дан:
«Вступайте в партию коммунистов...»

.....
Прошел по Китаю
Гнев великий.
В деревнях подымаются
«Красные пики».
Крестьян и кули
Услышав стон,
Штыки и пули
Несет Кантон.
Китаю не надо
Помещика-гада
Бандита-зверюги,
Чиновника-хапуги,
Генерала с танками,
Иностранца с банками.
А солнце-сухотку
И ливень-буян
Ухватит за глотку
Свободный Ли Ян.

.....
Тут учитель У Чан
Сперва замычал,
Потом засопел, как ветер,
И ничего не ответил.

1926

ИМИРОВИЗАЦИЯ

Все это в жизни бывает просто:
Встретится взгляд —
Не возьмешь правей, —
Девочка, так
Небольшого роста,
Взглянет на мальчика
Из-под бровей.

Мальчика тронет
И взгляд и локон,
С этого вечера
Сам не свой,
Будет стоять он
У милых окон
На тротуаре,
На мостовой.

Девочке тоже
Не будет спаться.
Взгляд ее станет
Еще смелей —
Все оттого,
Что ему семнадцать,
И оттого,
Что пятнадцать ей.

1925

РЫБАКИ

Рукава засучены,
Шапки набекрень,
И звенят уключины
«Трень, трень, трень...»

Вдруг темнее олова
Хлынули валы,
Наклонили головы,
Словно волны.

Небо рукойником
Брызнуло не впрок.
Соловьем-разбойником
Свистнул ветерок.

На рога подхвачена
Лодочка. Беда!
Пьянствуют в складчину
Ветер и вода.

— Вертимся, кружимся...
Дело табак!—
Заметался в ужасе
Молодой рыбак.

Поглядел на лодочку:
— Братцы, не могу!
У меня молодочка
Есть на берегу.

Шустрая, бодрая,
Жаркая — ух!
Баба крутобедрая —
Новгородский дух.

Волны лодку вздыбили
Встали горой.
— Не уйти от гибели,—
Простонал второй.

Тяжела, неверная
Доля рыбака.
Дома ждут наверное,
Старика!

Пьют чаек с вареньицем...
Не до чая тут!
Лодочка накренится
И капут!

Третий — пристанища
Не имел нигде.
Он сказал: — Товарищи,
Хорошо в воде.

Буря не визжала бы
У подводных скал...—
Тут четвертый жалобы
Эти услышал.

И рука четвертого
Властно поднялась:
— Кто скулит? За борт его!
Слазь!

Вздумали в беспутицу
Петь за упокой.
Голова закрутится
От песни такой.

Что ж, что волны пенятся,
Трутся о бока.
Не в любви с вареньцем
Счастье рыбака.

Парни вы рослые,
Черт побери!
Ну-тка, двинем веслами...
Раз! Два! Три!

Вишь, в дали сиреновой
Вспыхнул бережок.
Легче, не накренивай
Лодочку, дружок...

Ветерок, что водочка.
Пей, да не пьяней,
Ой, как мчится лодочка.
Четверо в ней.

1928

ДЕВУШКА В БЕЛОМ

Девушка в белом платье
С задумчивыми глазами
Цвета морских туманов
Встретилась мне в переулке.
Прошла, не взглянув на меня.
И все это: камни, грохот,
Ругань у подворотни,
Так не шло этой девушке,
Было ей не к лицу.

Может быть, в эту минуту
Серые стены зданий
Ей казались высоким мысом,
О который с гулом прибоя
Разбивался уличный шум...
А может быть, это студентка
Строительного института,
И профиль дворца, как песня,
Мерещился ей вдали.
О чем-то, как мачта, стройном
И легко, как небылица,
Думала эта девушка
В белом, красивом платье.
Недаром же мне казалось,
Что из берегов выходили
Ее большие глаза.
И я понимал, что оба
По образу наших мыслей
Мы родственны, даже больше:
Мы страстно друг друга ищем.
Но, чтобы не быть нескромным,
На улице с незнакомой
Трудно заговорить.
И все ж подойду, иначе
В бездонных глубинах жизни
Утонет и эта капля
И мне не найти ее...

...Я долго слежу за нею
Безмолвно кричащим взором,
А ветер ее уносит,
Как белую чайку, вдаль.

1933

КРАСНОБАЙ

Мой дедун, мой ворчун, помер краснобаем,
Что он пел, напевал — чуем, да не знаем.

Старый хрыч, старый друг, старый краснобай,
Ты был сед, ты был мудр,— седоусый, чай?

Седоусый ты мой, седоусый, старый,—
Не гулял ты в лесах с нынешней гитарой.

Гулеван ты такой, старый, да не хмурый,
Ты бродяжил в степи с песней да бандурой.

Бандурист, бандури да на лад на звонкий,—
Сторона ль ты моя, сторонись к сторонке!

Седоусый запел, затужил, забаял,
И бандура поет думы краснобая.

На чужой стороне, на Сибири дальней,
Бредил мой бандурист сказочной Украинной.

Только думы не те, не казачьи стали.
Думы, думы мои, песенные стаи!

В них то степь загрустит, то река застонет,
То ямщик запоеет — ржут и мечут кони.

Иль как вдруг зарычит у Шаманских у скал
Черногрудый старик, чернобурый Байкал...

Да затих краснобай, да леса замолкли.
Только ночью кругом завывают волки.

Сиротой сиротей, старая бандура.
Разве взять мне тебя да сыграть бы сдуру?

Бандурист мой заснул в домовине узкой,
У Байкальских долин, в стороне Иркутской...

Взял бандуру тут я, думы напевая.
С этих пор и меня чтут за краснобая...

1924

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Представьте:
теплый
и мягкий хлеб,
Еще отдающий
золой и печью.
Представьте:
чистый и светлый
хлеб
И в прорези
милую
морду овечью.
Представьте:
низкий угрюмый лог,
Ветер,
свистящий
по ряби луга.
Представьте:
простой
человеческий лоб,
Четверка коней,
рукоятка плуга.
И, свистя
на все голоса,
Поворачивая с тракта,
Сюда
приближается к пашне
сам
Товарищ трактор.
Зачем он идет?
Ведь вечер уже?
Ведь кони
идут на покой?

Но трактор
взаправду
гудит на меже
И пашет,
чужак такой!
Прямыми рядами
ложатся пласты,
И тает в воздухе
серый дым,
Под этим небом,
седым и простым,
Над этим лугом,
простым и седым.
Ты чем
так встревожена,
синяя даль?
Зачем
твои звезды
горят?
Тебя проезжают
и плуг
и рондаль,
Они
меж собой говорят:
«Нас в дыме
и гуле
рабочий ковал,
Бил молот,
и ньюло плечо.
Задача наша
теперь какова?
В работе
жить горячо!
Рабочий
сердце
вкладывал в труд,
Он думал
коммунам помочь.
Так что же
должны мы
делать вот тут?
Работать
и день и ночь!
Пройдем же еще
вон той стороной,
Нацелим
железо в упор», —

Так
у трехкорпусного
с бороной
Дружеский
шел разговор.

1930—1933

В ПУТИ

Сегодня выюга бесится,
ехать не велит,
Мерин мой игрневый
ушами шевелит.
— Ты что, овес-то даром ел
по целому мешку?
Давай, давай прокатимся
по белому снежку!
Чтобы глаза заискрились,
чтоб ветер щеки жег,
Чтобы снежинки вихрились
в переплетеньях ног.
Кого, скажи, пугаешь ты,
косматая метель?
Мы все здесь люди взрослые,
нет маленьких детей.
Нам все равно, голубушка,
хоть вой ты иль не вой,
Ведь голос твой пронзительный
мы слышим не впервой.
Среди снежинок шелковых,
в нагроможденье скал,
Я только здесь нашел себе,
чего всю жизнь искал.
Ты что прижался, слушаешь,
мерин, мою речь?
А ну, рвани, как бешеный,
метелице навстречь!
Я все-таки, товарищи,
жалею горожан:
Стоят машины сложные
у них по гаражам.
Там иглы, карбюраторы,
и черт их разберет!
А мы помашем палкою
и движемся вперед.

Скорость, направление
и качество езды
Легко мы регулируем
при помощи узды.
Тяжелое чудовище,
пузатый автобус,
Он был бы здесь, в ущелиях,
обузой из обуз.
Скажи мне — он прсехал бы,
ну, вот на этот стог?
Конечно, не проехал бы,
он сразу тут бы сдох!
А с поршнями и с кольцами
возился человек,
Он не смыкал над книгами
своих усталых век,
Он думал над машинами
десятки тысяч лет...
Таких, как мой игреневый,
еще покамест нет.
С такой вот теплой кожею
и гривую коня,
С такой вот хитрой рожею,
глядящей на меня.
И вот он снова мчит меня,
нисколько не устав,
Опять мелькает в воздухе
скакательный сустав.
И все уже ненужное
я стряхиваю с лет,
И вьюгою за санками
заравнивает след...

1930—1933

РОЖДЕНИЕ СТИХА

В пальто и в потертую кепку одет
По гулким асфальтам проходит поэт.

Рождение стиха намечается так:
Бетонными зданьями сжатый,
Сугулый шофер выключает контакт.
И веки расширив, движению в такт,
Трамвай, побуревший от вечных атак,
Проводит вагоновожатый.

Рождение стиха намечается так:
Темнеет небесная база,
Внизу наливается туч густота
Изменчивым цветом топаза,
И мрак по углам накапливается — рыж,
И стынут над серыми срывами крыш
Два красных невидящих глаза.

Рождение стиха намечается так:
Откроется где-то окошко,
Из ясного круга в прессованный мрак
Метнется испуганно кошка,
И долго прохожего позднего злят,
В окошке мелькнувшие зыбко —
Короткие кудри, сверкающий взгляд
И губ озаренных улыбка.

В пальто и в потертую кепку одет
По светлым асфальтам проходит поэт.

Он вынул блокнот.
Он достал карандаш.
Бумаги клочок отрывая,
Берет на заметку закатный пейзаж
И скрежет смертельный трамвая.

Бредя переулком, в бреду и в огне,
Он девушку видит в туманном окне.

Его лихорадит. Он рифмами скуп.
Он делает строчку не сразу.
Как с тигля алхимик, снимает он с губ
За фразой готовую фразу.
Блокнот, карандаш... За забоем забой...
Он, рвя за листочком листочек,
Приходит домой и приносит с собой
Комок заготовленных строчек.

Он занят на службе с утра до пяти,
Он вечером должен по делу идти,
И утром, все чаще и чаще,
К столу подойдя, торопливым броском,
Кидает записок неряшливый ком
В уже переполненный ящик.

И дремлют во мраке сухие тела
До долгого, долгого завтра,
Пока, наконец, не оставит дела
И ящик не выдвинет автор.

Он выбросит их на развернутый лист —
Эмоции творческой страсти,
И вот заработает в нем новеллист
И вот заработает мастер.
И мысль оживает и образов рой,
Дремавших в сознание до срока.
Рождается новой поэмы герой
В построенных строфами строках..
Дома возникают...
И хмурый закат, —
Деталь поэтического фона...
И свет на асфальте
И уличный скат...
И мир через стекла вагона.
И девушке — той, что забыта давно, —
Мелькнувшей в окошке, как в раме,
Окрепшей и выросшей, будет дано
Воскреснуть в несущемся траме.
И город застынет за окнами — тих...
Пера и бумаги горенье...
И строфы растут...

Так рождается стих
И строится стихотворенье.

КНЯЗЬ ХАБИБУЛЛА

Повсюду его называли «князь».
Так звали торговцы его на рынке.
Хозяйки, в оконный пролет склонясь,
Его окликали так по старинке.
Когда обходил он с мешком дворы
В кургузой шинели зимой и летом
Веселые полчища детворы
За ним, насмехаясь, бежали следом.
Ребята дразнили: — Шурум-бурум! —
Но петь продолжал низкорослый Будда:
— Одежду берум, барахло берум... —
Среди городского густого гуда...

Встает над плитой
Масленистый чад...
Купаются в мыльных корытах руки...
Пять женщин под примусный гуд кричат...
И вынесены на продажу брюки.
Презреньем присутствующих облит
(Презрение вписано в цифру платы!),
Он нюхает пятна, сукно скоблит,
На свет он рассматривает заплаты.
Униженно ласков, нахально груб,
Глухой и к насмешкам и к оскорблениям,
Часами торгуется он за рубль —
Со страстью, с отчаяньем, с озлобленьем.

И снова, на плечи взвалив мешок,
За месяцем однообразный месяц
Он нес нищету азиатских щек
По дебрям толкучек и черных лестниц.

С рассвета до вечера, в дождь и в грязь,
На лестницах тощий татарин брезжил.
Но в окнах все реже кричали: «Князь!»
Старье выносили ему все реже.
Под грузом мешка, узкоплеч и мал,
С голодными, сумрачными глазами,
Он жизни жестокой не понимал —
Татарский подросток из-под Казани.
Что видел он в жизни?
Отец и дед
Работу одну ему завещали:
— Ты хочешь быть сыт, хочешь быть одет —
Ходи по квартирам, торгуй вещами...—

Он был все костлявей и голодней,
Он плакал, он стягивал туже пояс.
И бросил мешок свой в один из дней
И сел без билета в уральский поезд.

А плыл над Союзом тридцатый год,
И шла в перековку за местностью местность.
Снимался с насиженных гнезд народ
С вещами и семьями — в неизвестность.
Корзины, ребята, с едой кульки...
Махорочный запах крутой и стойкий...
Спасают имущество кулаки,
Колхозники едут на новостройки...
Из дымного мрака летят огни.
На полках трясутся тела тугие.
От прежнего счастья бегут одни,
За будущим счастьем спешат другие.
На поиски счастья, отчизны второй,
Они завербованы ехать скопом...
И «князь» нанялся на Магнитострой,
В бригаду татарскую землекопом.

Представьте огромный степной простор —
Ветристый простор без травы и леса.
Три облачных конуса рыжих гор,
Природой сработанных из железа.
Бесцветное пламя прямых лучей,
Которые летом невыносимы...
По высохшим глинам реки ручей...
И полные вьюг ледяные зимы...

Какая суровая жизнь была!
Как, бросив лопату, кидался наземь
Жарой оглушенный Хабибулла,
Которого люди прозвали «князем».
Какой замороженный ветер дул!
Как двое одним полужубком грелись,
Когда, под строительный звон и гул,
На шпалы ложился за рельсом рельс...
Как их агитировал хитрый враг
Словами змеиноного жала тоньше,
Когда заливало дождем барак,
В котором он спал — молодой бетонщик...
Но как ликовал он, как был он горд,
Забыв про нехватки и неполадки,
Когда удалось им побить рекорд —
Труднейший рекорд по бетонной кладке...
Как он про геройство узнал, про честь...

Как сел за букварь в керосинном свете...
И как он сумел по складам прочесть
Фамилию собственную
В газете!
И встали в пустыне за домом дом.
И вырос мартеновский цех — огромен —
Над жилами рельс, над большим прудом,
Под башнями трех исполинских домен.

Погодка за окнами хороша!
Сегодня металл выдавали рано.
Громаду пылающего ковша
Хватают два согнутых пальца крана.
Внизу поездов бесконечных бег,
Солнцеподобные блещут печи.
Спокойный, уверенный человек
Над цехом стоит, напрягая плечи.
Косоворотка на нем бела...
Прорезали лоб две крутых морщины...
Металл разливает Хабибулла
Огромной и цепкой рукой машины.
И ярк коричневых скул оскал,
Сутулость исчезла его бывая.
— Я книжки читал, я цемент таскал...
Магнитогорец — Хабибулла — я!

Но сменит улыбку стыда смешок,
И тускло зардеются оба уха.
Тогда вспоминает он свой мешок,
Свои путешествия в дебрях кухонь,
Тогда вспоминает он те года,
Которые липли, как комья грязи...
Теперь никогда, никогда, никогда
Его обозвать не посмеют «князем»!
Его, кто попал в переплав к труду
И выплавлен грамотным и здоровым...

За цехом мартеновским рвут руду,
И домны режут океанским ревом.

ПРО ЛУНУ

Слышал я всякие слова
О том, что будет и что было,
И что луна давно мертва,
И что она давно остыла.

Пусть так. Но я люблю луну,
И чувство к ней мое добрее.
И я не ставлю ей в вину,
Что нас луна совсем не греет.

Светла, кругла. И я про то —
Одно могу сказать-ответить:
Спасибо ей уж и за то,
Что иногда ночами светит.

И как становится свежо,
Когда, катясь с небесной кручи,
Луна серебряным ножом
Разрежет сумрачные тучи.

Люблю меж каменных громад
По тихим переулкам шляться
И за углами невпопад
С луной наедине встречаться.

Смотря на этот яркий круг
Невозмутимым детским оком,
Я иногда припомню вдруг
О невозвратном и далеком.

О нежном лепете весны,
О том, что в юности случалось,
Когда в сиянии луны
Со мною милая встречалась.

Была любовь, была весна,
И кто бы мог поверить в это,
Что чародейница луна —
Давно остывшая планета!

1935

ЗИМА

Идет она с ужимками,
Стыдливая, несмелая,
Алмазами-снежинками
Сверкает платье белое.
У ней походка легкая,
Подбористая, ловкая:
Идет, идет, красавица,
Снежком слегка бросается.

А вот придет — развалится
В пуховиках, как барыня,
Начнет зима бахвалиться
Своими тарабарами —
Гудеть, свистеть, подсвистывать
На все погудки прежние,
Как книгу перелистывать
Полей покровы снежные.

Затейница метелица,
Коварная искусница,
То бархатом расстелется,
То вдруг плясать припустится.
А то пойдет — раскатится
Поземкой между селами,
Того гляди, проказница,
Поля оставит голыми.

Но мы народ настойчивый,
Теряться не привычны мы,
Для очень несговорчивых
У нас свои обычаи.
Начнет зима лукавая
Входить в непослушание,
Устроим по уставу ей
Мы снегозадержание.

Пурге у нас не велено
Разгуливаться по полю.
Не зря ж поля артельные
Мы окружили тополем.
Пусть стелется метелица
Над полем огороженным
И зря не канителится
Там, где ей не положено!

1949

ДЕТСТВО

Вот оно мое село
С галками крикливыми,
Все оно позаросло
Ветлами да ивами.
Вижу берег, вижу мост,
Улицу Заречную,
Здесь родился, тут я рос
За рекой — за речкою.
Детки — дочки да сынки —
У родимой матушки
Редко ели мы блинки,
Пышки да оладушки.
Лезла в избу к нам нужда,
Где ж там кашку, суп ли нам?
Лук — хорошая еда,
И вода не куплена!
Ну, а все же в добрый час,
Хорошо ли, кстати ли —
Не припомнить мне про вас,
Про друзей-приятелей?
Выйдешь утром из ворот,
Все блестит от сырости,
Петушок поет-орет,
Как дьячок на клиросе.
Свистнешь, радость не тая,
Рвань простоволосая,
Миг — и вот она твоя
Вся команда бб́сая!
Здесь втроем ли, вчетвером,
Как не побахвалиться,—
Рвешься к речке конь-конем,
Чуть штаны не свалятся.
Не боялись мы жары,
Не страшились холода,

Мчались кубарем с горы
Весело и молодо.
Все, бывало, нипочем:
Небо тучей хмурится,
А домой и калачом
Не заманишь с улицы.
По траве по мураве
На ногах не ходится —
На руках, на голове
Научиться хочется!
Так и шло — за годом год —
Детство востроглазое.
А потом настал черед
Набираться разума.
Помню, как пришли мы в класс,
Шлепая лаптишками.
Оделил учитель нас
Букварями-книжками.
Был учитель с нами строг,
Говорил заранее:
— Кто не выучит урок,
Будет вихродрание!
Чей ты, Сидоров, Петров,
Все равно, пожалуйста,—
Отдеру, и будь здоров,
И отцу не жалуйся!.. —
Он линейкою махал,
Как пастух дубинкою...
Но вихров у нас не драл:
Он их стриг машинкою.
Был он добрый педагог.
Все ж, сказать по-строгому,
Научить он нас не мог
При желанье многому.
Он усердие свое
Проявил бы мысленно,
Но сие не от него,
Видимо, зависело.
И пора была не та,
И не та оказия,
Чтобы лезла мелкота
Всякая в гимназии!..
Это время утекло,
Быстрое, неровное.
Но стоит мое село
Тезиково, кровное.
В гости вновь меня зовут
Зáросли ветловые,

Здесь кругом теперь живут
Люди жизнью новою.
Много нового теперь
В сельской педагогии,
Широко открыта дверь
Здесь в науки многие.
И мне радостно вдвойне
От того сознания,
Что пришло к моей родне
Подлинное знание.
Мимо школы я пройду
Прежнюю дорогою,
Улыбнусь, остановлюсь,
Вспомню я про многое...
А заслыша в школе гам,
Вздвргну непременно я:
«Не мое ль играет там
Детство незабвенное?»
И почудится мне вдруг —
Не сутулясь, прямо так
Я иду домой сам-друг —
С золотою грамотой.
В переулке мой отец
В садике копается,
На скворешнице скворец
Песней заливается.
Мать идет в простом платке,
Я навстречу матери,
А у речки на песке —
Все мои приятели!

СТАНЦИЯ НЯНДОМА

— На север, на север, на север! —
Вагоны, качаясь, поют;
И северный ветер рассеял
Попутную песню свою.

Все глуше,
Все мимо и мимо,
Метелям и выюгам сродни,—
Мелькают одни за другими
Олонецких станций огни.

Лежит в них
Лесная усталость
И северной ночи печать...
И ты среди них затерялась,
Но как мне тебя не узнать?..

Леса — без конца
И без края,
Чугунка — две темных струи...
И тенью по ним пролетают
Давнишние годы мои!

Вот — утлые
Крыши поселка,
Седеющие в мороз.
Не здесь ли затравленным волком
Я дальнее детство пронес!

А вот и депо.
И на крыше,
Едва покосившийся в бок,—
Не стал он не ниже, не выше,
Крикливый деповский гудок.

Бывало,
Чуть брезжить станет
Холодный и тусклый рассвет,
Тягучую песню затанет
Горластый деповский поэт.

Меня он
Ничем не обидел:
Он часто будил и трубил,
Но как я его ненавидал,
О, как я его не любил!

Его переливы,
Как плети,
Ложились ко мне на кровать...
В одиннадцать лет на рассвете
Мучительно трудно встать!

Воспоминанья!
Горячей
Меня захлестнули волной...
Скупой кривоногий подрядчик,
Ты снова стоишь предо мной.

И я, в пропотевшей рубашке,
Мечусь, незаметен и сер.
И нудно тяжелые плахи
Со скрипом
Ползут за барьер.

Валежник,
Березник,
Осинник...
Из сил выбиваясь, крепись!
С шести до шести за полтинник
Запродана тусклая жизнь...

Далекая станция.
Глухо
Ревет паровозная медь...
Мне есть о чем вспомнить, старуха,
Но... не о чем пожалеть!

Вот разве
Тот день не пройти нам:
Он светлым единственным был —
В тот день с боевым карабином
Я в жаркую юность вступил.

В тот день
Незадаром растрочен
Мой пламень, мой пыл боевой:
В тот день — кривоногий подрядчик
С пробитой упал головой!

Далекой,
Высокой картиной
Тот день, как живой, засиял...
Ах, что я?
Да разве один я
Так право на жизнь добывал?!

1928

ПЕСНЬ О СОЛДАТЕ

«Здесь похоронен солдат из Таганрога,
красноармеец Майборода. Прощай, наш
дружок!»

*(Солдатская надпись на могиле советского
воина, павшего в дальнем краю.)*

По тем полям, по тем дорогам,
Где друг потерян не один,
Шагал солдат из Таганрога
Через Румынию в Берлин.

Он видел Прут, он брал Карпаты,
Входил в чужие города;
Он шел до Гитлера с расплатой,
Лихой солдат Майборода.

На штык проверенный надеясь,
Он перед боем говорил:
— Иди вперед, красноармеец,
Как встарь суворовец ходил!

А минет бой,— твердил, бывало,
В окопе, в хате, где-нибудь:
— Та ще одной версты не стало,
Та ще верстой короче путь!

Была весна. Цвела калина.
Теплела в заводях вода..
Не дошагал он до Берлина,
Безвестный друг — Майборода.

Уж, видно, так — в снаряжном гуде
Судьба не всем сестрой была:
В чужом краю шальная пуля
Солдатский путь оборвала.

Солдат упал. Но, как бывало,
Сказал, рукой держась за грудь:
— От ще одной версты не стало,
От ще верстой короче путь!..

Цветы росинки уронили,
Застыла дума на лице...
Друзья его похоронили
В далеком городе Сенце.

И в этот вечер тихо было
У той акации в саду,
И, словно мать, она закрыла
Листвой бойца Майбороду.

Никто его теперь не спросит:
«Далек ли путь? Здоров ли ты?»
Славяне вольные приносят
Ему прощальные цветы.

И скажет благородный житель:
— За далью всех лесов и рек
Ты умер — как освободитель,
Советский храбрый человек...

Да, время боем нас пытало!
Но в коммунизм — и в этом суть —
Еще одной версты не стало,
Еще верстой короче путь!

Пылит, пылит, пылит дорога,
Домой ушли все поезда...
Прощай, солдат из Таганрога,
Прощай, дружок Майборода!

ЗАВОД

1

Зловещим скованный покоем,
Покинутый в тревожный год,
Грозя потухшею трубою,
Сталелитейный стих завод.

В тумане дней осенних брошен,
Застыл, подслушивая, как
Ноябрь, промокший и продрогший,
Бродяжничал на площадях;

Как настороженной походкой
Подкрадывался враг во мгле...
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь не спеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимою выюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многодумный,
Судьбе покорный, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук...

И вот однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И вновь в стремительном движенье
Могучий вал маховика.

Войною, голодом и мором
Был обессилен, мертв завод,—
По всем цехам гудят моторы,
Дым из трубы под небосвод.

Завыла вьюга в пылкой пасти;
На полный ход прокатный стан;
Над ним ликует старый мастер —
Красногвардеец-партизан.

Железные дрожат стропила,
Был с каждым взмахом крепче взмах:
Неугасимой властной силы
Пылал огонь у нас в сердцах.

Смерть презирая, в стужу, в голод,
Мы отстояли край родной
В боях под знаменем, где молот
И серп — наш символ трудовой.

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал, торжествующий и яркий,
Весенним солнцем на земле...

1920

О МОЛОДОСТИ

О молодости мы скорбим,
О молодости уходящей,
По вечерам усталым, злым
Жизнь старой называем клячей.

Не скрыть седеющую прядь
И на лице ночные тени,
Как изморозь октября,
Как первый желтый лист осенний.

И с горечью такой заметишь,
Что не к вершине перевал,
И на улыбку не ответишь
Той, что любимой называл...

А молодость — она рядком,
И не почувешь, как подхватит,
И, молодостью влеком,
Вдруг позабудешь о закате.

Узлом веселым — кутерьма,
И синь осенняя — синицей.
Не этажи, а терема,
Не вывески, а зарницы.

Старье на слом. И над плечом
Склоняется заботой бойкой,
Стеклом и жарким кирпичом
Цветущая на солнце стройка.

Старье на слом. И на порог
Шагает век таким разгулом,
Как будто б не было дорог
Томительных и плеч сутулых.

Пусть мутной старческой слезой
Лист падает на грудь земную,—
Румянцем яблок, щек и зорь
Мир полыхает и волнует!

Я ветру — нараспашку грудь.
Лаская рыжего задиру,
Легко и радостно взглянуть
В глаза прохожему и миру

Над городом гуляка дым
Качает головой пропащей:
Он был у горна молодым...
...О молодости мы скорбим,
О молодости уходящей.

Не тлеть, а трепетать огнем,
Чтоб к солнцу — силы нашей ярость,
И молодостью назовем
Кипучую такую старость.

Пусть мутной старческой слезой
Лист падает на грудь земную,—
Румянцем яблок, щек и зорь
Мир полыхает и волнует.

НОВОСЕЛЬЕ

От слякоти обессилел,
Но с песней веселой дошел.
— Да здравствует новоселье!
Входи
и садись за стол!

Наш дом у широкой дороги.
В нем — солнце,
Он бором пропах.
Разрушен тупик,
где лачуги
Шатались на костылях.

Все ветры земные мимо
Пройдут, по дороге пыли.
Строителя гордое имя,
Волнуясь, узнает земля.

И прочной железной славой
Сверкает последний гвоздь.
И к новому дому заставой
Шагает радостный гость.

В раскрытые окна с рассвета
Он ломится синью крутой,
Синицей звенит отпетой,
Антоновкой бьет налитой.

На подоконник заката
Склоняется солнце.
И трактор
Под журавлиный трезвон
Сияет, как триумфатор,
Взрывая осенний склон.

Ты скуп на певучее слово.
Но ты
не можешь отстать:
Ты должен в доме новом
Стране своей быть под стать.

Иди,
и смотри,
и слушай
Вокруг молодую страну!..
И я забываю удушье
И на висках седину.

От слякоти обессилел,
Но с песней веселой дошел.
— Да здравствует новоселье!
Входи
и садись за стол!

1931

БЕРЕЗКА

На кровлю семя ветром занесло,
В расщелине гранитных плит запало,
Весной под солнцем щедрым проросло
Березкой над стремительным провалом.

Дымились трубы... Ни ручья, ни трав,
Ни помощи. Кто вскинет взор пыливый?
Согбенные трудом, к земле припав,
Проходят горожане торопливо,

Не ведая, как, задыхаясь в зной,
Она корнями раздирала камень
За каплю влаги, как пред вьюгой злой,
Оледенев, металася над нами,

Чтоб вновь навстречу солнцу и весне
Зазеленеть над почвой скудной, черствой...

До гроба так бы сохранить и мне
То жизнелюбие и то упорство.

1939

ПРИСКАЗКА

Был мечтателем отец мой —
самоучка-ювелир.
Помню: вставил он однажды
в перстень голубой сапфир.

Подмастерьем шестилетним
я с отцом за верстаком.
Он сказал, дымя сигаркой
над сияющим кольцом:

— Этим камушком сапфиром
сыты были б целый год.
Жили б мы с тобой, Серега,
без нужды и без забот...

Стрекотал сверчок за печкой.
Мать вздыхала в тишине.
Хлебца корочку сестренка
клянчила в бреду, во сне.

Очарованный, смотрел я
на волшебный тот светец.
Но, устало улыбаясь,
сказку начинал отец.

И лачуга исчезала,
и до третьих петухов
Жил я в царстве великанов,
рыцарей и колдунов...

— Горе мыкали три брата.
Вот, покинув отчий дом,
Хитрую Жар-птицу — счастье —
добывать пошли втроем.

Скоро ль, долго ль... Видят братья —
на распутье трех дорог
Камень бел-горючий вырос.
По какой идти из трех?

И услышали три брата
из-под камня тяжкий гуд:
«Клад — налево, рай — направо,
впереди — борьба и труд...»

Разошлись по трем дорогам...
День за днем, за годом год.
Солнце всходит и заходит.
По миру молва идет:

Сна не знал, не видел света
над богатством старший брат.
По земле блуждая, где-то
сгинул средний, говорят.

Младший брат огонь и воду
на своем прошел пути,
Стал он крепкого закала;
душу крепче не найти.

Вместе с песней-чародейкой
 землю рыл, леса валил,
Чудо-города построил,
 в сад пустыню превратил,

Победил царя Кашея,
 пали злые силы в прах,
И Жар-птица полыхала
 в молодых его руках...

...За окошком рассветало.
 Стихла жалоба сверчка.
Сказку кончив, улыбался
 мне отец исподтишка.

— Ну, какую же дорогу
 выберешь себе, сынок?..—
Если б знал отец мой, сколько
 было предо мной дорог...

Не стоял я на распутье,
 а пошел я по прямой,
По тернистой, по кремнистой,
 по дороге трудовой.

И, несметный, все преграды
 на своем прошел пути,
В братстве крепкого закала —
 крепче в мире не найти.

Все, о чем с тобой мечтали,—
 все добыли мы, отец:
Стала в жизни сказка явью.
 Тут и присказке конец.

Дмитрий Петровский

РАССТРЕЛ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Есть на Черном море жуткий остров Березань,
Оковала его моря бирюза.
Око вала поглядело и назад —
Потемневшее — хотело убежать.

Но туман, опережая, задрожал
Дрожь и слезы синю валу передал:
— Ты хотела, ты просила, моря даль,
Показать тебе казнимого в глаза?

Снялся стаей серых чаек злой туман.
День сказал ему: — Гляди теперь туда,
Где за далью прогремело два раза:
Там стоят чегыре мачты мятежа...

Не гремит барабан ему в спину,
Не звенят поясные кандалы,—
На расстрел на рассвете выводили:
Залп за залпом замер за морем вдали...

Залп за залпом прозвучали и опять
Повторились где-то в море миль за пять.
Волны лопастями звякнули: «Копать!»
Эта бухта — как могила глубока.

Чтобы век над нею плакать морякам,
Облака теперь в глаза тебе летят!
Облака глаза в слезах обледенят
Над могилою твоею, лейтенант...

Градом грохнет ряд зарядов раз за раз,
Барабаны: «Где вы взяли тот наряд?»
Зарядили, отступили шаг назад,
Скулы сжали — ничего не говорят...

Вот уж солнце побежало по столбам,
Поспешало на пальбу не опоздать,
Злой туман ему ресницы застилал,
Горю с морем распрощаться не давал.

Свежий ветер гнал на море вал на вал
И сорочку как бизань он надувал.
Взмаха ждал он. Моря запахом дышал.
Запах моря буйну думу волновал.

Скоро, скоро там лопаты отзвенят
И сольется с бурей на море душа,
Скоро канет в море ранняя звезда —
И не встанет лейтенант уж никогда.

Даже волны повязали алый бант,
Чтобы Шмидта в колыбели колыбать,
Даже волны волновались за тебя,
Даже волны заливали берега.

«Где брат бури? Или умер ты за нас,
Красногрудый черноморский лейтенант?..»
Каждой полночью вздымаются моря,
Над пучиною качая якоря.

— Подо мною,— отвечает Березань,—
Сквозь песок горят расстрелянных глаза,
Ночью в море за звездой летит звезда,
Ясных глаз им не посмели завязать...

А в потемках шел «Потемкин» на Дунай,
Залпов слава за Дунаем отдана,
И за залпом откатился алый вал,
Лавой бросив синегубых запевал.

И теперь не разыскать, не рассказать:
Был привязан за столбами лейтенант.
Сто солдат столбы срубали и ушли,
И на острове не стало ни души.

Он положен, по-морскому, под брезент,
Чтоб песок морской очей бы не сгрызал,
И «Очаков» выплывает по ночам,
Чтоб в могиле лейтенант о нем молчал.

Он молчит: не воскресают люди вновь.
Смерть легла кольцом полярных красных льдов...
И в арктическом затворе тихо спит
Черным морем откомандовавший Шмидт...

1925

СОСНА

Как снасть, пришитая к скале,
Стоит сосна.
Как в бурю смертный крен в стволе,
Она грустна.

Она качается едва,—
Едва живет.
О, если б ей да глаз, да два,
Да — крылья в лёт.

Но присосал ее песок,—
Она впилась.
И только голубой висок,—
Не видно глаз.

И я, чтоб дать ей жить, хожу
На тот лужок,
Где гор приборы к чертежу
Стоят в кружок,

Теней и зноя с высоты
Чернилом синим налиты.

Перо орла за ухом скал,
Где сколько хочешь дней пиши.

Ручьи, как жилки по вискам,
Поют с задумчивых вершин.

Пусть все по-прежнему старо.
Но ежедневно все свежо,
Тащи орлиное перо,—
Кружи над песни чертежом.

Склонилась, как поэт, сосна,—
Всосалась корнями в песок
И пьет в час зноя сладкий сок
Воображенья или сна,
Каким и человек высок,
Каким и жизнь и песнь красна.

— Впивайся!.. Вон с холма бегут
Детишки,
И идет с ведром
Жена, и обгоняет гром,
Гремя, как будто бы обут,—
И всё — не в книжке...

1926

— Вернуть, слышь, бойца, братцы, надобно мне...—
И поднялась песнь
И конем в степь помчалась.
До края — предела родимой земле...

Когда ж доскакала она на коне,
Смерть, слушая, смолкла,
Глушмя замолчала,
От русской сторонки пошла в стороне...
И слушал он песню —

и, не умерев,
Проснулся под песню
боец на заре

И смел и бедов,—
Да, брат,— жив да здоров...
Такая вот песня
и надобна мне.

СОВРЕМЕННОКИ

Пусть поют под ногами камня,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень и пленник,
Изнуренный кайенской тюрьмой,—
Все равно, это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья
С нетерпеньем, со смехом, с тоской,
Все, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стынут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятением берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи...
В эти мирные дни и в бою
На больших перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

1925

РУССКАЯ РЕЧЬ

Не говор московских просвирен,
Но сердцем старайся сберечь,
Как звездное небо России,
Обычную русскую речь.

Ее нехватишь в уставы —
Звенит, колобродит, поет
С частушкой у вербы кудрявой,
С тальянкой у Нарвских ворот.

Бегут перелеском проселки...
У волжских больших переprav
Поют на заре комсомолки
О девушках наших засгав.

Ведь светлое очарованье
Ты каждому сердцу даешь,
И что для тебя расстоянье —
Ты в мире, как в песне, живешь.

Ты рано меня приласкала,
Но крепче слова приторочь
Под режущим ветром Байкала,
В сырую балтийскую ночь!

1925

ШЛЕМ

Есть такие дырявые шлемы,
Как вои этот, простреленный, твой,
И мальчишки бормочут поэмы
С запрокинутой вверх головой;
Ведь, поверь мне, запомнили все мы
Шлем зеленый с крылатой звездой.

Ты теперь не похож на комбрига,
На тебе пиджачок «Москвошвей»,
Только шлем, как раскрытая книга,
Нам расскажет о жизни твоей.

Ты расстаться с ним, видно, не хочешь,
Ты привык в перестрелках к нему...
Расскажи про ненастные ночи,
Про дороги, бегущие в тьму,

Про сады Бессарабского края!
Слава песни на плавнях жива,
И проходит теперь по Дунаю
Аж до Черного моря молва,—

Будто шлем этот был заговорен,
Переплыв берега и плоты,
За лесами, за степью, за морем
Будто шлемом спасаешься ты.

Невысокий седой молдаванин,
Неспокойно ты смолоду жил,—
Расскажи, в скольких схватках был ранен
И от скольких погонь уходил.

Где тебя не видали ребята!..
С самокруткой солдатской в зубах
Плыл Красивою Мечью когда-то,
Побывал и в донецких степях,
Пробирался с бригадой матросской
В тыл врага — да сочтешь ли бои!

А любил на привалах Котовский
Слушать жаркие песни твои.

Ты сегодня проходишь столицей,
Стынет старая башня в Кремле...
Бьет мороз голубой рукавицей
По кострам, что пылают во мгле.

Но как будто мелькнули в тумане,
Лишь слегка приоткрывшем простор,
Паруса на знакомом лимане,
Словно гребни заоблачных гор.

Далеко до садов Кишинева...
Но ты веришь: растопятся льды,
В отчий край поведет тебя снова
Пятилучье советской звезды.

Начинается тропка лесная...
Побежит вдоль бахчей колея...
На зеленые волны Дуная
Еще выплывет лодка твоя.

И, быть может, в избушке крестьянской,
По пути на Красивую Мечь,
Я услышу напев молдаванский —
Память наших скитаний и встреч.

НАТАЛЬЯ ГОРБАТОВА

1

Шлагбаумам древним
Дорога верна,
По шпалам не мерили версты,
За синим раздольем казалась страна
На буре замешанной просто.

Над всеми дорогами плавала мгла,
Она по тропинкам летела
И вот на рассвете
Уже привела
Девчонку из агитотдела.

Ах, томик помятый,
И старый наган,
И годы прославленных странствий,
Еще пробираются через туман
Левобережные станции.

Но буря не медлит,
Но жар не остыл,
Отряды не ждут пересадки,—
Грохочут перроны,
И скачут мосты,
И лязгают звонко площадки.

2

Любовь, как любому,
Была мне дана
По спорам,
 по дням,
 по гулянкам,
Гудела до света
Страна, как струна,
С тобой по глухим полустанкам.

Но там, где во льдах
Золотая река,
Отряд сформирован ударный,
И дрогнули плечи,
И сжала рука
Упрямый приказ командарма.

У самого края
Холодных степей
Горят бесприютные звезды.
В сто дальних станиц
И лесных волостей
Отправлены наши разъезды.

А буря не медлит,
Визжат буфера,
Ревут тендера, беспокоясь.
Горят на возгорье
Три желтых костра,
Гремит бронированный поезд.

3

За полустанком
Метель бормочет.
Ворон ко мне летит.
Снова тропинка глухою ночью
В темную даль бежит.

Горькие губы теперь забудешь.
Где-то вблизи поют:
«Ты ль за разлуку
Меня осудишь?
Сердце ль мое пробьют?»

Два года проходят
Под ропот ветров
В степях,
На заброшенных пожнях,
И голос ломается,
Стал он суров
В боях и дозорах тревожных.

4

Никто показать мне дороги не мог.
На поясе бился подсумок.
От синих туманов,
От горных дорог
Входил я в кривой переулок.

Прислушался:
Чуть проскрипел журавель,
Качаясь на ветре студеном,
И девушки пели на пыльной траве,
А песня была о Буденном.

Тропинки бегут
От высоких ворот,
И молнией сумрак распорот,
И каждая
Влево немного берет,
И скоро я вышел за город.

Веселый лесник
На пригорке крутом
Живет у речной переправы,
И медленно ходит по речке паром,
Грустят придорожные травы.

Он встретил меня,
И мы вместе пошли
По темному полю ночному.
Трубили в крылатую даль журавли,
И кони бежали к парому.

О почесть погибшим,
Ты вечно проста
И памятна вечно в походе.
Звезда
На высокой рогатке шеста
И холмики насыпи вроде.

«Кто здесь похоронен?» —
Его я спросил.
Луна над лесами всходила,
И надпись на холмиках братских могил
Внезапно она озарила.

«Наталья Горбатова...»
Пали в туман
Дороги прославленных странствий,—
И томик помятый,
И старый наган,
Левобережные станции.

Но жизнь принимаю,
Люблю, как тогда,
Крутые ее перебранки,

Грохочут моторы,
Летят поезда,
Огни на походной стоянке.

И пот,
И работа,
И рябь кирпича,
И песни рабочей артели...
Вдали, за рекою,
Где филин кричал,
Ночные просторы светлели.

1925

* * *

Только с севера коршун сердитый
Пролетит, нестерпимо дыша,
Снова в дом на реке позабытой
За тобой улетает душа.

Там раскольничьи бороды выются,
Там нехоженных троп колея,
Расписного заморского блюда
В пятерне остывают края.

По морям отходили поморы,
Отшумела по сходням вода,
Ты вела через степи и горы
Все мои молодые года.

Ночь пройдет, шелестя переправами,
Задыхаясь над каждым ручьем,
От любовной немислимой зауми,
Тихо дрогнувшей в горле моем.

Вот борта на высоком причале,
Мимолетный твой взгляд на мосту...
Ведь вчера еще чайки кричали,
Меркли скаты в далеком скиту,—

Но шумит золотая прохлада,
И вдали, за речной синевой,
Там, где стынет ночная громада,
Снова голос мне слышится твой.

1930

ЗОЛОТАЯ ОЛЁКМА

Много было громких песен, токмо
Где же ты, заветная Олёкма,
Нищая, хоть оторви да брось,
Золотом прошитая насквѣзь?
В кабаках девчонки запевали,
Золота-де много там в отвале,
Мы с одной особенно сдружились,
Балалайки-бруньки жарок грай,
Пожениться с ней мы побожились,
И ушел я в этот дальний край.

Я увидел там зарю из меди.
За гольцами бурые медведи.
Соболиных множество охот.
На траве испарина, как пот.

Небо там совсем не голубое.
Ночь длинна в покинутом забое.
Ворон — по прозванью верховой —
Пробегает мятою травой.
Я потом тебе писал без фальши:
Ты меня обратно не зови,
До жилого места стало дальше,
Чем до нашей прожитой любви.

По тайге, гольцов шатая недра,
Непокорней лиственниц и кедра,
Ходят зимы в быстром беге нарт.
Мне пошел тогда особый фарт —
Я нашел в забое самородок.
Разве жалко хлебного вина?
Весь в дыму и в спирте околodок,
Вся Олёкма в синий дым пьяна.

Самородок отдал я в контору.
Получил за то кредиток гору.
Деньги роздал братьям и друзьям,
Сшили мне отменнейший азам.
Шаровары сшили по старинке,
Блузу на широкой пелеринке.

Заболел потом я страшной болью,
Год лежал в бараке, чуть дыша,
Будто десны мне разъело солью,
От цинги спасала черемша.

Как прошла тайгою забастовка,
Я со всеми шел, а пуля ловко
В грудь навывлет ранила меня.
Сто четыре пролежал я дня.

Пять годов прошло, как день. Как парус
Раздувают ветры средь морей,
Сердце мне тогда раздула ярость,
Дух недоли призрачной моей.

Хорошо потом я партизанил,
С боя брал я каждый шаг и дол,
Этот край под выстрелы я занял,
На Олёкму торную пришел.

Ты опять мне поднялась навстречу,
Как тугая вешняя гроза,
Пегий бык бежит в людскую сечу,
По реке проходят карбаза.

Ради старой ярости в забое
Я стою. Совсем не голубое,
Все в дыму, как перегар пивной,
Небо распласталось надо мной.
Жизнь моя простая мимолетно
Не легла отвалом в стороне,
Ты меня прославила, Олёкма,
Сколько песен спето обо мне!

От гольцов до озера большого
Каждый знает деда Кунгушова.

Вот она, моя большая доля,
Под кайлой гудит моя земля,
Ветер вновь летит с ямского поля
На мои дозорные поля.

За Байкалом мамонт смотрит в окна,
Сто веков назад он в льдину вмерз...
Где же ты, заветная Олёкма,
Отзовись за столько тысяч верст!

1933

БИОГРАФИЯ

Сначала малиновка пела в детстве,
Бабушкины булки, посыпанные мукой,
Крючок на удочке, пруд до соседству,
Форель, запыхавшись, плывет рекой.

От игры на поляне и детской забавы —
Лишь пачка тетрадей да смутный дым,
И в юности долго грустит о славе,
Идет, торопясь, по путям земным.

И в цирке, в тоске обезьян бесхвостых,
Мечтал он, что жизнь — вся впереди,
Что скажет цыганка, сгадав на звездах:
«Строитель, твой час наступил. Иди!»

Друзьям говорил: «Ведь и вы упретесь
В такой же бесплодный и злой тупик,
В фурункулах будет душа-уродец,
И станет невнятным ее язык».

Так, наедине, прозябал с мечтами,
Но черта ли в стену стучаться лбом,
И шел, получив перевод в почтамте,
В гремящий мазуркой публичный дом.

Цветы из бумаги в узорах странных,
Злорадные тени по-всем углам,
И в толстые груди красоток пьяных,
Шурша, зарывается мадаполам.

А годы меж тем проходили, запись
В матрикуле вдруг к концу подошла,
И душу, как жжет бородавку ляпис,
Любовь неожиданная прожгла.

Счастливая пара молодоженов,
Покуда еще на подъем легка,
Спешит, по совету дельцов прожженных,
На самые дальние прииска.

Они повезли с собой пианино,
На случай бессонницы — верный бром,
Платья из бархата и поплина,
С орлами развесистыми диплом.

И стал поживать инженер богатый,
Семейный уют не спеша потек
На дом двухэтажный, забор покатый,
Площадку для тенниса и каток.

И вдруг — революция. Красногвардейцы.
Шахтерские вышли в поход полки.
Ночами Иванов не спит,— надеется,
Что все же отступят большевики.

И только по кочкам, в росе туманов,
Колчак на Россию повел войска,
Все списки зачинщиков сдал Иванов,
И кончилась сразу его тоска.

Гуляет ночами в галошах, с зонтиком,
Не гнутся прямые его шаги,—
Спешат казаки с белокурым сотником —
И выстрел доносится из тайги.

Колчак побежал, и с ордою беженцев,
Под присвист немолчных сорочьих стай,
С последним отрядом его приверженцев
Иванов бежит на восток, в Китай.

Случайно раздавлен на самой границе,
Спиной перебитой к земле приник,
Недвижно лежит под колесной спицей,
И страшен высунутый язык.

И тянется снова в покой диванов,
В семейный уют, в двухэтажный дом
Обрубком руки инженер Иванов,
И ночь опускается над прудом.

1933

ЛЮБОВЬ

Смерть придет — не в тоске умираем,
Сразу в памяти встанет судьба,
Вот сплотки — и по брошенным сваям
Осторожно бегут желоба.

Вот — в лотке золотые крупницы,
В старой шахте дробится обвал,
Вот — лицо инженера-убийцы,
Что на гибель меня посылал.

Так, но в смуте годов одичалых
Только память твоя дорога,
Вот весна прструбит на отвалах,
Ветер с веток сдувает снега.

Промелькни, пробеги по тропинке,
Чтоб я вновь увидал, как впервой,
Из сафьяновой кожи ботинки,
Оренбургский платок пуховой.

Вновь поет молодая истома,
Проступают из смуты и тьмы
Два разбитые кедра у дома,
Снеговое сиротство зимы.

А луна надо мною, как пряник,
И кругла и духмяна на вид,
Старый муж, трех дистанций исправник,
Вечерами тебя сторожит.

Только горные реки взыграли
Синим станом воды коренной,
Нас в царевый поход собирали,
Повели на германца войной.

Только после, по сотням дивизий,
Золоченую рвань волоча,
Двоеглавых орлов на девизе
Полоснули штыком сгоряча.

Вот и я — восемнадцатым годом
Все лечу на кёнях вороных,
Бродит паводок вешний по водам
Над прибором голов молодых.

Я тебе присягал не как рекрут,
По согласью с тобой, по любви,
Через вал, набегающий к штреку,
Берега я увидел твои.

Скобяной ли товар, бакалейный,
Все гостиные лавки на слом,
Станет славою ста поколений
То, что было твоим ремеслом.

И минуты короткой не выждав,
Все, что было тобой, возлюбя,
Снова встану, расстрелянный трижды,
Чтоб опять умереть за тебя.

Только дождь — и горят мои раны,
Чернокнижницы-тучи в пыли,
И в песок, в тротуар деревянный,
Ударяют мои костыли.

Но поет молодая истома,
Проступают из смуты и тьмы;
Два разбитые кедра у дома,
Снеговое сиротство зимы.

Вдалеке от дорожных колдобин,
Спит в лазоревом дыме плетень,
Дальний берег, что смерти подобен
И уже беспросветен, как тень.

Ты — раззор моей юности жаркой,
Полдень таборной жизни моей,
Все лицо твое — в смеси неяркой
Костромских и татарских кровей.

Ты не плачь — осторожны наезды,
Весь полон моей жизни храня,
Словно слезы, падучие звезды
В эту полночь оплачут меня.

Мое имя в воде не потонет,
На дорожном костре не сгорит,
Его нож двоедана не тронет
И убийца в тайге пощадит.

1933

ХОЗЯЕВА

Низко кланяясь, провожала управа,
Лошадь рванула — сойти с ума,
Налево — лабазы его, а направо —
Им же построенные дома.

А сбоку саней медленно едет,
Снегом и ветром обдавая на миг,
Весь мир, разбитый на «дебет» и «кредит»,
Вписанный в рубрики бухгалтерских книг.

Купола церквей — как пробки графинов,
Зело выдыхается это вино.
Кладбище — в жимолости и рябинах:
Здесь-де покоиться суждено.

Годы легли по откосам чалым,
Как козырные тузы крестей,
Души загубленных по отвалам
Изредка встанут во мгле ночей.

Души всех тех, кто погиб в юродстве
(Вниз пригибаются плечи их),
Тяжбы в старинных судах сиротских,
Торжище ярмарок площадных.

Сядет обедать — уха стерляжья.
Скучно идет с коньяком обед.
Сын-гимназист, бормоча, расскажет:
«Жил-де на севере людоед».

Покажется сразу: пельмени — уши,
Злобно мигают глаза сельдей,
В черном рассоле таятся души
Всех позагубленных им людей.

В комнату бросится, прямо с инею,
И поясные поклоны бьет.
Ветер уходит в Китай да в Индию,
Неопалимой тропарь поет.

Церковь построит, на бедных — тысячу,
Но не оставит сего в тиши:
Толстый бухгалтер на счетах вычислит
Цену спасенья его души.

Деньги дарит он теперь, раздобрясь,
Надобно все ж искупить добром
Трупы шахтеров и брата образ.
(За ассигнации. Топором.)

Так бы и жил, да неожиданно выплыл,
Всех сотрапезников веселя,
Купчик из Питера, голос сиплый,
В кожаной сумочке векселя.

Месяц прошел, приска ему продал,
Тихо заплакал: «Что ж, володей»,
Но следом за купчиком шла порода
Совсем непонятных, чужих людей.

Никто из них не ел струганину,
Они и не знали, как водку пьют,
Когда баргузин вдруг ударит в спину
И дымный мороз невозбранно лют.

Они аккуратно носили фраки,
Души свои не трясли до дон,
Вовек никому не кричали: «враки»,
А все по-французски: «pardon, pardon».

Их имя со страху едва лепечется,
Топырься, идут упыри-года,
И стало подвластно им все купечество,
Процентом опутаны города.

1933

СКАЗ

Загremели валы в отлете
На высокой морской волне.
Сказку сказывали на гальоте
Поздней ночью поморы мне.

Будто Ленин скитался смолоду,
С погорельцами в дружбе жил,
В города, в Архангельск и Вологду,
Он, как странник простой, входил.

Старина ли, заветный голос ли,—
Снова зори горят огнем,
В деревнях позабытой волости
Знает каждый с тех пор о нем.

Был солдатик один особенный,
Из онежской, лесной стороны,
Со своею лесною родиной
Распрощался он в год войны.

Он с полками дивизий русских
Шел четыреста дней подряд
От постылых болот Мазурских
До застывших в снегах Карпат.

Как царя со князьями сбросили,
Как шиповник в лесах отцвел,
В дни туманные поздней осени
С фронта он в Петроград пришел.

Непогожими днями осенними
Паровозы бегут в дыму,
И явился солдатик к Ленину,
Со слезами сказал ему:

«Может, вас и встречал я смолоду,
Только где — и не вспомню сам,
Иль в село, за лесную Вологду,
Приходили вы прежде к нам?»

Ленин ласково улыбнулся,
Крепко руку ему пожал,
И солдат в село не вернулся,
Он в охрану Ленина встал.

Посейчас под стеной кремлевскою,
Где Ильич в мавзолее спит,
Где заря — золотой полоскою,
Тот солдат на часах стоит.

1937

ТЕБЕ

Нет, я тебя такой оставлю в памяти,
Какою ты была давным-давно,
И вижу вновь: встает из белой замети
Неярко освещенное окно.

В провинциальном городке метелица,
Перебегает улицы она,
И пышный хвост за нею долго стелется,
Округа снегом вся заметена.

Пока метель за лунным светом гонится,
К окошку я украдкой подойду.
Как в доме тихо... В невысокой горнице
Лишь стопка книг сегодня на виду.

И ты сидишь задумчивая, тихая,
С подругою беседуешь...

О чем?

Часы стенные ходят, мерно тикая,
И, словно в сказке, дремлет старый дом.

Твоей рукой до строчки переписаны
Все первые стихи мои в тетрадь.
Ты в юности была мне другом истинным,
Зову тебя: «Приди, приди опять!»

Ведь надобно тебе поведать многое
О том, что было на земных путях,
И ты придешь задумчивая, строгая,
С лесным цветком в седеющих кудрях.

1955

ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

(Легенда)

Лишь вечер настанет, дорогой степной
Над берегом конники скачут,
И медные трубы, одна за одной,
То громко смеются, то плачут.

И в долгие летние ночи они
Летят под малиновым стягом
Везде, где рубились в минувшие дни,—
По рыжим степям, по оврагам.

Хоть кони донские всегда хороши,
Но эти особенной масти,
И песню играет трубач от души
И всем ее дарит на счастье.

И ветру могучих коней не догнать —
Летят по прссторам Россни...
И Первую конную славят опять
Ее трубачи молодые.

И реют, как птицы, на резком ветру
Пробитые пулями стяги.
И всадники скачут на вечном смотру
По слову военной присяги.

1955

ПАМЯТНИК СУВОРОВУ

Среди балтийских солнечных просторов
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.

В его руке стремительная шпага,
Военный плащ клубится за плечом,
Пернатый шлем откинут, и отвага
Зажгла глаза немеркнущим огнем.

Бежит трамвай по Кировскому мосту,
Кричит авто, прохожие спешат,
А он глядит на шпиль, как шпага, острый,
На деловой военный Ленинград.

Держа в рядах уставное равнение,
Походный отчеканивая шаг,
Народное проходит ополчение
Пред гением стремительных атак.

И он, генералиссимус победы,
Приветствуя неведомую рать,
Как будто говорит: «Недаром деды
Учили вас науке побеждать».

Несокрушима воинская сила
Того, кто предан родине своей:
Она брала твердыни Измаила,
Рубила в клочья прусских усачей.

В Италии летела с гор лавиной,
Пред Францией вставала в полный рост,
Полки среди туч вела тропой орлиной,
В туман и снег, на узкий Чертов мост.

Нам ведом враг и наглый и лукавый,
Не в первый раз встречаемся мы с ним,
Под знаменем великой русской славы
Родной народ в боях непобедим.

Он прям и смел в грозе военных споров,
Страны, подобной нашей, в мире нет.
Вперед, друзья! Так говорит Суворов,
Ваш прадед в деле славы и побед.

1941

КАРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗА

Стоит она здесь, на излучке,
Над рябью широких озер,
И тянет корявые руки
В колеблемый зноем простор.

В скрипучей старушечьей доле,
Надвинув зеленый платок,
Вздыхает и слушает поле,
Шуршащее рожью у ног.

К ней ластятся травы погоста,
Бегут перепелки в жару,
Ее золотая береста
Дрожит сединой на ветру,

И жадно узлистое тело,
Склонясь к придорожной пыли,
Корнями из кочки замшелой
Пьет терпкую горечь земли.

Скупые болотные слезы
Стекают к ее рубежу,
Чтоб сердце карельской березы
Труднее давалось ножу,

Чтоб было тяжелым и звонким
И, знойную сухость храня,
Зимой разрасталось в избенке
Трескучей травую огня.

Как мастер, в суке долговязом
Я выпилю нужный кусок,
Прикину прищуренным глазом,
Где слой поубористей лег.

В упрямой и точной затее
Мечту прозревая свою,
Я выбрал кусок потруднее,
Строптивый в неравном бою,

И каждый резьбы закоулок
Строгою и глажу стократ
Для крепких домашних шкатулок
И хрупкой забавы ребят.

Прости, что кромсаю и рушу,
Что сталью решаю я спор,—
Твою деревянную душу
Я все-таки вылью в узор.

Мне жребий завидный подарен:
Стать светом — потемкам на зло,
И как я тебе благодарен,
Что трудно мое ремесло!

1947

* * *

Я в этой книге жил когда-то...
На ней донныне след живой
Неторопливого заката
Души, очищенной грозой.

Да, проходил я не напрасно
В дожде и солнце рощ родных
И звал прекрасное — прекрасным
И не боялся слов простых.

А на людскую память право
У этих строк хотя бы в том,
Что я сложил их не лукаво —
Достойным русским языком.

1955

ЗВЕЗДА

Когда лежать я буду под землею,
Свершив дорогу долгую труда,
Хочу, чтобы всходила надо мною
Моей страной зажженная звезда.

Всю жизнь она в моем стояла небе,
Светила верно родине моей.
Меня связал нерасторжимый жребий
С бессмертием простых ее лучей.

Под нею столько протекло событий,
Великих испытаний и побед.
Пусть навсегда в моем родном зените
Стоит ее неугасимый свет!

К надежде мира сердце обращаю
И в час, когда ко мне сойдет покой,
Пусть и меня вот здесь положат, с краю,
Под этой негасимой звездой!

1955

Александр Прокофьев

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.

На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Только ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.

И твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.

Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.

А березки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам...
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

1928

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нате!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападеню,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.

Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

1930

ПАРНИ

Товарищ, издевкой меня не позорь
За ветер шолонник, за ярусы зорь.

Тяжелый шолонник не бросит гулять.
Тяжелые парни идут на Оять.

Одежа на ять, и щиблеты на ять,
Фартовые парни идут на Оять.

Трешкоты и соймы на верных реках,
И песня-путевка лежит на руках.

В ней ветер и ночь — понятия с полей,
Несчетные крылья свиристелей.

В ней целая волость зажата в кольце,
В ней парни танцуют кадрили и ланце.

Парнишки танцуют, парнишки поют,
К смазливым девчонкам пристают:

«Ох ты, ох ты, рядом с Охтой
Приютский перебой,
Кашемировая кофта,
Полушалок голубой».

*

Гармоника играет, гармоника поет,
Товарищ товарищу руки не подает.

Из-за какого звона такой пробел.
Отлетный парнишка совсем заробел.

И он спросил другого:
«Товарищ, коё-ж,
Что ж ты мне, товарищ, руки не подаешь?»

Али ты, товарищ, сердцем сив,
По какому случаю сердишься?»

Другой дорогой головой покачал
И первому товарищу так отвечал:

«Гармоники играют, гармоники поют,
А я тебе, товарищ, руки не подаю.

Братану крестовому руки не подаю
За Женьку фартовую, милку мою.

Лучше б ты, бродяга, в Америке жил,
Лучше б ты, братенник, со мной не дружил.

Вовек не дружил, не гулял, не форсил,
Травы в заповедных лугах не косил.

Окончена дружба в злосчастном краю
За Женьку, веселую милку мою».

*

Ой, может, не след бы другим говорить,
Как бросили парни дружбу дарить.

Но как не сказать, коль гармоника поет:
«Товарищ товарищу руки не подает».

1930

ТОВАРИЩ

А. Крайскому

Я песней, как ветром, наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой,
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!
И ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!

Луна — словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!
Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом!

И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли...
Солі астраханскою солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна!»

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,—
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!

От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей.

1930

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька,
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы на лютном таком ветру.

Нам крышей служило небо, туманы с боков и мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю, — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какую не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг,
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный шквал!
Ты в гроб пойдешь и заплачешь, что жизни такой не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь,
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез,
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем!»
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы — единственная страна.
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!
Проверьте по документам, которые не солгут, —
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана,
Возьми это верное слово и выпей его до дна!

Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ощетишь!
От нас шарахались волки, когда мертвецы почти
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!» —
«Полундра!» — сказали мы,
И вот провели эпоху среди черноземной тьмы.
Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть,
Но мы отстояли, товарищ, нашу советскую власть.

1930

* * *

Когда, блестя клинками в лаве,
Решили все отдать борьбе, —
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

По совести — другая думка
У нас была, светла, как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме суши и морей
Забыли все, что было можно
Забыть.

Забыли матерей,

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клоч,
Пески и розовую глину,—
Все то, что звало и влекло.

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя: Ленин,—
Как снова не произнести!

Все было в нем:

поля и семьи,
И наш исход из вечной тьмы,—
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

1932

НЕВЕСТА

По улице полдень, летя напролом,
Бьет черствую землю зеленым крылом.
На улице, лет молодых не тая,
Вся в бусах, вся в лентах — невеста моя.
Пред нею долины поют соловьем,
За нею гармоники плачут вдвоем.
И я говорю ей: «В нарядной стране
Серебряной мойвой ты кажешься мне.
Направо взгляни и налево взгляни,
В зеленых кафтанах выходят линии.
Ты видишь линия иль не видишь линия?
Ты любишь меня иль не любишь меня?»
И слышу, по чести, ответ не прямой:
«Подруги, пора собираться домой,
А то стороной по камням-валунам
Косые дожди приближаются к нам» —
«Червонная краля, постой, подожди,
Откуда при ясной погоде дожди?
Откуда быть буре, коль ветер — хромой?»
И снова: «Подруги, пойдемте домой.
Оратор сегодня действительно прав:

Бесчинствует солнце у всех переправ,
От близко раскиданных солнечных вех
Погаснут дареные ленты навек».
«Постой, молодая, постой,— говорю,—
Я новые ленты тебе подарю.
Подругам на зависть, тебе на почет,
Их солнце не гасит и дождь не сечет.
Что стало с тобою? Никак не пойму.
Ну, хочешь, при людях тебя обниму...»
Тогда отвечает, как деверю, мне:
«Ты сокол сверхъясный в нарядной стране.
Полями, лесами до огненных звезд
Лететь тебе, сокол, на тысячу верст!
Земля наши судьбы шутя развела:
Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях обнимет меня.
При людях, при солнце, у всех на виду».
...Гармоники смолкли, почувяв беду.
И я, отступая на прах медуниц,
Кричу, чтоб «Разлуку»
играл гармонист.

1934

КЛЯТВА

Тишина. Призамолкла на час канонада,
Скрыто все этой режущей слух тишиной.
Рядом — город бессмертный. За честь Ленинграда
Встали сосны стеной, люди встали стеной!

Тишина непривычной была, непонятной,
Предзакатною. Медленно день умирал.
И тогда вдоль рядов, величавых, как клятва,
С новым воинским знаменем прошагал генерал.

Тишина перед боем. Враг, не жди, не надейся,
Заберет тебя ночи чернее тоска,
Здесь готовые к битвам, встали гвардейцы,
Молодые победные наши войска.

Рядом были землянки, блиндажи в пять накатов,
На поляне, в сосновом лесу за Невой,
Обернувшись на запад, на запад, к закату,
Встала гвардия наша в полукруг боевой.

Знамя принял полковник. Снег на знамени — пеной.
Бахрому тронул иней. Даль застыла, строга.
И, охваченный трепетом, командир на колено
Опустился в глубокие наши снега.

И «Клянемся!» — сказал он. И духом героюства
Вдруг пахнуло на рощи, поля и луга,
И тогда, как один, опустилося войско
На колени в глубокие наши снега.

Тишина. Все в снегу, больше черном, чем белом.
И тогда над холмом, за который деремся,
Над снегами, летящее в высь, прогремело,
Прогремело железное слово: «Клянемся!»

1942

ПОЛЕТ ЛЕБЕДЕЙ

(Из поэмы „Россия“)

Ой, не так далеко и не близко
Пролетали лебеди очень низко.
Не далеким путем, не коротким
Пролетали лебеди да лебедки.
Пролетали белые над откосом
Кликуны-крикуны, желтоносы.
Все моря встречали их и все горы,
А сейчас они летят по-над бором.
Только что за дивный бор — в море света,
Только что за деревья — все без веток?
Деревя, как деревья — красностволы,
Но огни по ним бегут, а не смолы.
Сто дорог проезжих к ним на раскате,
И над ними ветер вьет дыма скатерть!

*

И тогда-то в миг один
Там, где дым и пламя,
Самый главный лебедин
Покачал крылами.

Покачал, чтоб взять разгон
Над могучим штреком,
Покачал крылами он,
Белыми от века!

Покачал, да не шутя,
И, следя за другом,—
Стая медленно летя,
Сделала два круга.

Смотрят:

 все не так, не так,
Все им не знакомо,
Нет, от века в тех местах
Не было такого!

Там, где были только мхи,
Только косогоры,
Да озноб кривой ольхи,—
Люди строят город.

И не ветер лист метет,
Шарит между пнями,—
Город строится, растет
И цветет огнями.

Ярче солнц огонь горит,
Камни в небо лезут,
И кричит, и говорит,
И поет железо.

И к нему сыр-темен бор
Переносят люди,
Чтобы город возле гор
Был красив и чуден!

*

Ой, не так далеко и не близко
Пролетали лебеди очень низко.
Пролетали лебеди, лебеденки,
Освещал им полет месяц тонкий.
Через топи летят, через горы.
Их ведет лебедин на озера.
Мимо скал и полян, моря мимо...
Крылья белые их пахнут дымом.
Кликуны-крикуны не шумели,
Крылья белые их потемнели!

1943

НА СОЛНЕЧНОМ ПЛЕСЕ

На солнечном плесе,
У самой дороги
Мыла Марусенька
Белые ноги.

И песенку пела —
Хорошее дело,
Далёко над речкой
Она полетела.

Далёко, высоко
Прошла над лесами,
Над русским раздольем,
До самой Рязани.

С косой золотою,
С большими глазами
Ее услышала
Девчушка в Рязани.

Запомнила сразу
И сразу запела...
Лети дальше, песня,—
Хорошее дело!

1953

ЮНОСТЬ

Константину Симонову

1

Я в Заречье дорогу
Позабить не могу.
Ты жила на отлогом,
На речном берегу.

Там, где вербу ломала,
Где ходила босой,
Где рябина дремала
Над песчаной косой;

Там, где ласточек стайки
Чуть в лазури видны,
Там, где белые чайки
Взлетали с волны;

Где обычный кустарник —
Чернотал, краснотал,
Где упрямый татарник,
Что огонь, расцветал,—

Так и жили мы вместе,
Ничего не тая...
Проживала там песня
И чайка моя!

2

Ой, родное раздолье,
Синь с волною седой!
Чем хвалились?
Водою!
С чем мы бились?
С водой!

Всюду слышали уши:
Вал высокий шумел.
Всюду видели очи:
Белый парус летел.

Только донная рыба
Проходила по дну,
Только чайки садились
На крутую волну.

Пусть они порыбачат
Возле нас, рыбаков.
Вей сильнее удача,
От родных берегов!

Пусть о ней мчатся вести,
Пусть узнают края...
Проживала там песня
И чайка моя!

3

Легкий ветер насвистывал
У зеленых полей.
Вышла ты в платье ситцевом —
Засвистал посильней:

— Видно, байки да басенки
Больше слушать невмочь...
Ты куда вышла, Настенька,
Крестьянская дочь?

— Ветерочек, не спрашивай,
Не тебе это знать.
Может, платье донашивать,
Может, счастье искать?

Перейду через улицу,
Постою на мосту.
Пусть оно полюбуется
На мою красоту!

4

Низкий дом деревянный.
Плес.
Реки поворот.
Дальше взгляд оловянный
Незамшелых болот.

Дальше — песенка та же,
Дальше — «ах!» или «ох!»,
Дальше заболоть, скажем,
Да богульник, да мох.

Это все?
Нет, дружище,
Как тебе не тужить:
Ты идешь, а не ищешь,
Без чего не прожить!

Ой, родное раздолье,
Синь с волною седой!
Чем хвалились?
Водою!
С чем мы бились?
С водой!

Вот она,
Вот живая,
Славя наши места,
Серебром отливая,
Разлилась красота.

Разлилась на округу
И вошла в бытие.
Я от имени друга,
Больше —
Брата ее,

Словно в сердце вникаю,
Я о ней речь веду,
Говорю,
Сам сверкаю,
Блеска молний не жду!

Вот она с ураганом
До небес поднялась,
Вот с залетным туманом,
Не стыдясь, обнялась.

Вот она замолчала,
Миг — и стала иной:
В тростниках зажурчала
Бирюзовой волной,

Что летит и трепещет.
И, понятный без слов,
Открывается вещей
Голос в сонме ветров!

Золотыми лучами
Солнце пишет:
— Люблю!—
...Здесь я утро встречаю
И его окрылю!

5

Все рассветом дышало
От земли до небес.
Дорогой полушалок
Был накинута на лес.

Начиная от гребня,
Розовела волна.
Далеко за деревней
Разлетелась она

Ливнем брызг ярко-алых,
В них купалась лоза...
Утро.
Солнце вставало,
Протирало глаза.

Снова в сердце, как струны,
 Зазвенели слова.
 — Ты жива, моя юность?
 — А как же?
 Жива!

Я легка на помине,
 Я не камень,
 Не клад.
 Хорошо, что хоть ныне
 Обо мне вспомнил брат!

Я с тобою на свете
 Много лет проживу.
 Я с тобою —
 До смерти,
 После смерти —
 В молву!

Ты не хмурься!
 Я хмурой
 Никогда не была
 Я зову тебя Шурой,
 Как мама звала.

Все тропинки я знаю,
 Где ходили вдвоем,
 Я горю,
 Не сгорая,
 В буйном сердце твоём.

Я летела и пела,
 И бралась за дела.
 Ты зови меня смелой,
 Я смелой была!

Ведь недаром, недаром
 Без тревог и забот
 Я на паузке старом
 Уходила в поход,

Натыкалась на мели
 И влетала сама
 В бой, где вихри гремели
 И сходило с ума

Необъятное море,
Что, подняв кутерьму,
С небом бешено споря,
Угрожало ему.

Я ходила за плугом,
Я горела и жгла
И хорошего друга
Я к тебе привела.

Все пути с ним связала...

Оглянись!

Погляди!

— Ты мне все рассказала?

— Нет, не все!

Погоди!

— Ждать мне нечего!

С детства

Нас давила нужда,

Горе шло по соседству,

По наследству — беда!

Горе вить,

Горе мыкать,

Век носить на горбу.

Подпоясавшись лыком,

Горе шло за судьбу.

Горе шло в круговую,

Нет недоле конца:

На войну мировую

Забирают отца.

— Ну-ка, ну-ка, ратники,

Надевайте ватники.

Никуда не денешься,

Носить умеи

Серую шинелишку,

Брезентовый ремень.

Проснись со сном и дремою,

Уйди от нас, зареванных,

Заплаканных до выкрика,

Ведь всех-то слез не выплакать!

Из всех останется одна.

Такая не солжет

И, если упадет она,—

Шинель прожжет!

Мать осталась солдаткой,

Я — считайте — батрак.

Чай мы пили «вприглядку»,

А обедали так:
Тюря с луком, без лука.
И не счесть, сколько дней
Круговую порукой
Были связаны с ней!
И куда подаваться?
Как судить да рядить?
Только по миру, братцы,
Оставалось ходить.

Разлетелась поземка
И пути размела,
Только всхлипнула громко
Метель у села.
— Шей-ка, мамка, котомку! —
И сестренка пошла...

7

Где ты, чайка, летаешь?
Стукни веткой в окно.
Лучше всех ты из стаи,
Без тебя мне темно.

Широко распростерла
Два отрадных крыла.
Соловьиное горло
Ты откуда взяла?

Как стремительно, сильно,
Ты летишь над водой!
На серебряных крыльях
Гаснет луч золотой.

8

Ходит ветер.
То тише,
То сильнее набег.
С нашей старенькой крыши
Перепархивал снег.

А на тусклых оконцах
Рисовал Дед-мороз,
Вдруг веселое солнце
Ослепило до слез,

Словно вечером майским
Сошло на карниз.
И «Вставай! Поднимайся!»
Играл гармонист.

И навеки упрямо
Взвился кумач.
«Ты не плачь больше, мама,
Ты больше не плачь!»

Зову этому внемля,
Ты слезы убей!
Ты помещика землю
Бери, не робей!

Ты, выдавшая муки
В жизни черной и злой,
Подними свои руки
Высоко над землей.

Подними их,
Натруженные
Непосильным трудом,
Подними их,
Заслуженные
Перед высшим судом!

Покажи их
Поклявшимся
Победить или пасть,
Покажи их
Поднявшимся
За советскую власть!

9

Звезды, небо проклянув,
Отблестят до утра...
Мне с тобой, моя юность,
Прощаться пора.

Новой утренней ранью
Мы встречаем зарю.
Не «Прощай!» —
«До свиданья!»
Я тебе говорю.

Я тебя, дорогую,
Провел по земле.
...Вижу юность другую,
Гостящей в Кремле.

Под всемирной грозой,
Павшей нам на роду,
Юность Лизы и Зои
Шла в могучем ряду;

Юность Саши,
Олега,
Юность светлых идей,
Всюду вставших над веком,
Настоящих людей.

Юность севших за парту,
За столы,
На скамью,
Где впервые на карте
Видят ту,
Что пою:

Всю — с великой отвагой,
Всю — с великим огнем,
Всю — до красного флага
Над московским Кремлем!

1954

ВИНО

Г. В. Шеллеховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой —
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.

Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.
Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

1923—1926

ФРУКТОВАЯ ВЕСНА ПРЕДМЕСТИЙ

Разъезд,
товарная,
таможня...

И убегает под откос
за будкой железнодорожной
в дыму весеннем абрикос,

И губы в гогель-могеле,
и говорит сосед:
 — Транжирочка,
 не много ли? —
И снова
 снег
 и свет.

2

А дед кусать привык усы,
он ходит взад-вперед:
иконы,
 свечи,
 фикусы —
густая дрожь берет.

Он встретил их, как водится,
сведя перо бровей,
и машет богородицей
над женихом
и ей.

Короновали сразу их,
идет глухая прочь
над пухом
и лабазами
купеческая ночь.

3

Меж тем за антресолями
и выстрелы
 и тьма:
крутую солью солена
московская зима.

Бескормицей встревоженный
и ходом декабря,
над сивою Остоженкой
вороний продотряд.

Под ватниками курятся
в палатах ледяных
сыпного

и resurgens'а ¹

грязца
и прелый дых.

За стройками амбарными
у фосфорной реки
в снегах
чусоснабармами
гремят грузовики.

Метелица не ленится
пригреть советский люд,
и по субботам ленинцы
в поленницах
поют.

4

Московская транжирочка,
хрустя крутым снежком,
спешит своим на выручку,
пешком,
пешком,
пешком.

На площади у губчека
стоит чекист один.
— Освободите купчика,
хороший господин! —
Захлопали,
затопали
на площади тогда:
— Уже в Константинополе
былые господа.

5

А там нарпит и дом
ищи;
и каждый день знаком —
каретой скорой помощи,
встревоженным звонком,
и кофточками старыми,
и сборами в кино,

¹ Возвратный тиф.

случайными татарами,
стучащими в окно.
Вчерашним чаем,
лицами
сквозь папиросный дым,
и...
наконец, милицией
над пузырьком пустым.
1926—1927

ЛЕДИ МАКБЕТ

Стали звать ее леди Макбет.

Лесков.

1

Из объездов по окрúгам
налетел лесник домой.
Бурку с плеч,
арапник в угол,
шапку под щеку —
да крой
храпом флигель.

Ночь, и кроме
храпа —
«мышья беготня».
Леди Макбет бродит в доме,
свет ладонью заслоня.

2

Вы живая, без сомненья,
но зачем вас привели
в сонное нагроможденье
страхов,
тени,
мебели?

Я не прежний завсегдатай
честолюбия
и той,
что в одних чулках когда-то
кралась лесенкой крутой,
что кармином губ кормила
и на лесенке тайком
говорила:
— Будешь, милый,
вместо мужа лесником.

3

Петушок охрип
и стонет.
В чашку
рукомойник бьет.
Леди на свои ладони
смотрит
и не узнает.

И светелка поседела,
посинела лесенка.
На ларе большое тело
окружного лесника.

Он лежит на шубах чинно,
против меловой печи.
Кровь стекает по овчинам
и по лесенке
журчит.

4

Леди Макбет,
что такое?—
Бор идет из-за реки,
дышат листья,
дышит хвоя,
дышат папоротники.

Киноварью и зеленым
наступая все быстрее,
выпускают
по району
черно-красных снегорей.

Мимо вика,
мимо школы
свищет сучьев темный дым.
Вот уже у частокола
вся опушка
понятых.

Леди Макбет,
где патроны,
где револьвер боевой?
Не по честному закону
поступили
вы со мной.
То не бор в воротах,

леди,
не хочу таиться я,—
то за нами,
леди,
едет
конная милиция.

1927

НАКАНУНЕ

(21 июня 1941)

Начинается день предвоенный
с громыханья приморских платформ.
Дождик в пальмах шумит
и мгновенно
затихает,
а на море шторм.

Мутно море,
в нем накипи вдоволь.
Налетает
каскад на каскад,
миноносец идет в Севастополь.

Завтра
бомбы в него полетят.

Завтра, завтра
на раннем рассвете
первый бой загремит,
и опять
первый врач
первых раненых встретит,
первый беженец
будет бежать.
Завтра
рощ испугаются птицы,
завтра
птиц не признают леса.
Это все
только завтра случится,
через двадцать четыре часа.

А сегодня —
рассвет предвоенный.
Громыханье приморских платформ,
Громыханье волны неизменной.
Дождь над морем,
а на море шторм.

1941

* * *

Мой отец
(пример грядущим сменам) —
русский доблестный артиллерист —
был под Ляояном
и Мукденом
и шимоз японских слышал свист.

Но в сражениях при Ляояне
и Мукдене
уцелел он все ж,
только пуля у него в кармане
перочинный раздробила нож.

Славы он не видел,
но бесспорной
скромностью героя знаменит:
с ленточкой оранжевой и черной
на кладбище мой отец лежит.

Прошлого я лестью не тревожу,
ласки родственной здесь нет моей,
просто мне обидно,
что не дожил
старый мой солдат
до наших дней.

1945

ВОЛШЕБНИЦА

Грохочет музыка парадная.
Тобой все заняты одной, —
танцуешь, легкая,
нарядная,
на вечеринке выпускной.

Семен Курсанов

* * *

Скоро в снег побегут струйки,
скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
а хочу журавля в небе.

1923

НАД НАМИ

На паре крыл
(и мне бы! и мне бы!)
корабль отплыл
в открытое небо.

А тень видна
на рыжей равнине,
а крик винта —
как скрип журавлиный.

А в небе есть
и гавань, и флаги,
и штиль, и плеск,
и архипелаги.

Счастливый путь!
Спокойного неба!
Когда-нибудь
и мне бы! и мне бы!..

1935

РАБОТА В САДУ

Речь — зимостойкая семья.
Я в сущности мичуринец.
Над стебельками слов — моя
упорная прищуренность.

Другим — подарки сентября,
Гербарий леса осени;
а мне — гербарий словаря,
лес говора разрозненный.

То стужа ветку серебрит,
то душит слякоть дряблая.
Дичок привит, и вот — гибрид!
Моягода, мояблоня!

Сто га словами поросло,
и после года первого —
уже несет плодыни слов
счастливого дерево.

1935

ПОИСК

Я в сущности
старый старатель,
искательский
жадный характер!
Тебя
я разглядывал пылко,
земли
потайная копилка!
Я вышел
на поиск богатства,
но буду
его помогать
не в копиях,
разрытых однажды,
а в жилах
желанья и жажды.
Я выйду на поиск и стану
искателем
ваших мечтаний,

СТАНЦИЯ «МАЯКОВСКАЯ»

На новом
 радиусе
у рельс метро
я снова
 радуюсь,
здесь так светло!
Я будто
 еду
путем сквозным
в стихи
 к поэту,
на встречу
 с ним!
Летит
 живей еще
тоннелем вдаль
слов
 нержавеющих
литая сталь!
Слова
 не замерли,
его руки —
прожилки
 мрамора —
черновики!
Тут,
 в сводах каменных,
лучами в тьму
подземный
 памятник
стоит —
 ему!
Не склеп,
 не статуя,
не истукан,
а слава
 статная
его стихам!
Тоннель
 прорезывая,
увидим мы:
его поэзия
живет
 с людьми.

Согретый
 множеством
горячих щек,
он
 не износится
и в долгий срок.
Он
 не исплеснится!
Смотрите —
 там,
по строчкам-лестницам
он сходит
 сам.
Идет,
 задумавшись,
в подземный
 дом —
в ладонях
 юноши
любимый том!
Пусть рельсы
 тянутся
на сотни лет!
Товарищ станция,
зеленый
 свет!
Землей
 московскую
на все пути —
стих
 Маяковского
свети,
 свети.

1939

ЧУВСТВО НОВОГО

Чувство нового,
 завоеванное,
чувство
 самого в мире нового,
незаношенного,
 ненадёванного,
неоткрытого,
 неготового!

Словно после
 потопа Ноева
 в мире вымытом
 уйма нового,
 ненаписанного,
 неизваянного,
 неиспытанного,
 без названия.
 Нами, нами
 оно основано
 без корыстного
 злого норова,
 не нависшее
 ненавистною
 пылью Плюшкина,
 сном Обломова.
 Чувство
 времени быстрогого,
 землю
 вырвавшее из апатии,
 светом будущего
 взволнованное,
 явью ставшее
 в планах Партии, —
 драгоценное
 чувство нового!
 В первый раз
 раскрытая азбука,
 в первый раз
 открытая Арктикк,
 над невиданным
 сортом яблока
 терпеливой студентки
 практика.
 В первый раз
 включенное радио,
 след протона,
 впервые найденный,
 метростроевцев
 первый радиус,
 зимостойкие
 виноградины!
 Цели жизни —
 для всех
 открытие!
 Всей страны
 в коммунизм отплытие!

Первым в этой публике было слово тувельки:
— Видите ли Золушку там, у окна?

Пусть она без устали и возится с помоями,—
красивая, по-моему, и славная она!..

— Да,
да!
я это заметила!—
туфельке ответила
пахучая вода.
— Вы подумайте, сестры

(сказал туалет),
ведь на Золушке
ничего из нас нет!
просто

— Это ясно,
дорогие,
мы ж такие
дорогие!
Как за нас платят?—
удивилось платье.

— Я вот стою,
например,
двести сорок долларов!

— Да, — сказала парфюмерия,—
это
очень дорого.

Тувля охнула всей грудью:
— Ох,
быть может,
никогда у нас не будет
Золушкиных ножек...

Стеклянное озеро
циферблат —
часики Мозера
затикали в лад:

— Хорошо бы так это
часовой пружинкой
перетики-такиваться
с Золушкиной жилкой!

Но корсет, шнуровку скривив,
заявил:

— Я к худым не привык;
мне нужна пошире,
а эта — худа,
не в теле и не в жире,
куда, куда!

Вещи все,
услышав это,
отвернулись от корсета.
— Мы еще докажем
(зашуршала шаль):
не видать под сажей,
как она хороша!

А самое лучшее
банное мыло
обложку раскрыло
и заявило:

— А если
я еще
смою сажу, —
самой сияющей
она вам покажется.

Рисунок суживая,
Заговорило кружево.

Стали в круг
юнцы-флаконы
и меха поседлые
из почтенья
к такому
тонкому изделию:

— Еще ниткой я была, помню — спицами звеня,
кружевница Сандрильона выплетала меня.

В избах Чехии зимой, — за труды полушка, —
вам узоры вышивала девка Попелюшка.

Мелкий бисер-чернозвезд, чтобы шею обвить,
в темноте Синерентола нанизала на нить.

Ашенбредель лен ткала, за дитем смотрела,
кожу туфелькам дубила — Золька-Чиндерелла.

Все забеспокоилось,
все заволновалось,
туфелька
расстроилась,
с чулком
расцеловалась,
перчатки из замши,
ботик
на резине:
— Как мы это раньше
не сообразили?!
Шелковое платье
шепнуло кольцу:
— Кольцо,
как вы считаете,
я Золушке
к лицу? —
Сползают вещи
с полочки
с шелестом,
с гуденьем:
— Скорей
бежимте к Золушке,
умоем
и оденем!

И по витринной комнате
пошло гудеть:

— Идемте!
Идемте
ее приодеть!

Кружево —
часы за ремешок
берет:

— Товарищи!
К Золушке!
В стекло!
Вперед!

Но только тронулись —
уже наготове
задвигжки,
замки,
засов на засове,

крючками сцепились:

— А ну, товар!

(Лязг зловещий.)

— Осади на тротуар!

В витрину,
вещи!

Ключей американских лязг и визг:

— Назад, пальто!—

Волнистое железо упало вниз:

— Заперто!

На двери и вещи решетка налезла,
оттиснули туфельку — не стало стекла,
конец водопаду —

висит из железа
гофрированная скала!

А улица туманом сглажена,
и небо все в замочных скважинах.

Все заперто ключами-звездами.

— Забыла, загляделась, поздно мне!

Полоска кровавая с запада.

— Что будет, если лавка заперта?..

1935

ТВОЯ ПИОЭМА

(Отрывок)

На самом дне,
на травах снов

я снова
рядом
шел с тобой

тропой
в цветы,
в дыханье сна.

И снова —
не «она»,
а «ты»!

Мы шли
в сплошной ромашкин луг,
луг был,
как хоровод подруг,

как сбор
в «День белого цветка»
в пользу чахоточных больных.
Мир белых солнц!
Ты ходишь в них,
цветам не больно —
так легка.
И машет нам ромашек луг.
Мы шли,
не размыкая рук,
и я тебя просил:
— Нет сил
мне жить, родная, без тебя,
позволь с тобою
вдаль пойти,
нам по пути... —
Ее глаза
мне жалко бросили:
«Нельзя».

Мы вышли вдруг
на новый луг,—
луг незабудок
начал цвести,
трудом голубоглазых швей
он в крестик шведский
вышит весь
и весь —
в цветочную пыльцу.
А синий цвет
тебе к лицу,
твой сарафан
из луга сшит.
— Куда спешить?
Мы ляжем здесь,
послушай,
взвесь,
мне трудно врозь,
не брось
меня.
Обсудим все:
я в сотый раз
прошу:
пусти!
Один —
бродить я не могу!
Как жаль тебе меня,
прости,

но
 «нет» с твоих слетает губ.
 Мы вышли на жужжащий луг
 жуков, кузнечиков
 и пчел.
 С тобой я локоть к локтю
 шел
 и терся о плечо
 щекой.
 Рой пчел
 кружился у волос,
 кололся колос,
 рос щавель,
 на камне мох
 ржавел
 у ног.
 Туберкулез — он мог
 отнять,
 я ж только мог тебя обнять
 и так остаться обнявшийсь.
 Выскальзывала ты из рук.
 Весь в парашютах
 снялся луг,
 и — одуванчиками —
 в высь!
 Отсюда вышли мы
 к Тверской,
 она спускалась
 вниз
 к Неве,
 к нам ветерок подул
 морской,
 плыл Севастополь
 в синеве.

По Ленинградскому шоссе
прошли
Воронежем в село,
где снова луг
стоял в росе,
где детство
ситчиком цвело.
Ордынкой
вышли
в Теберду,
Эльбрус
укутан
в снег-башлык,
по трещинам его
по льду
мы к морю Черному
сошли.
Там сели в лодку мы
без слов,
на ней была
кровать
и гроб,
по улице Донской веслом —
венком
с автомобиля
греб.
И я молил
твои глаза,
и все:
нельзя,
нельзя,
нельзя...

1937

ВЕРШИНА

(Эпизод поэмы)

Уже исколоты
прощаньем
щеки,
а спуск
так короток
с хребтов высоких.

и льдам нетающим,
и массам снега.

Тебе
 спасибо,
приход усталости
 вблизи ночлега.

Спасибо
 доброму,
простому слову,
упреку
 вовремя,
пусть и суровому.
И вам,
 отроги,
 и вам — просторы,
и вам —
 дороги,
 и вам — шоферы,

и вам,
 пушины,
что нежно собраны
 в тюки богатства.
И вам,
 вершины,
 делам подобные,
 словно масштабы —
куда мечта бы
могла

 взобратся!
Спасибо
 сварщику
за эти вспышки
 с каркасной вышки,
и метростроевке
за метр
 прохода
сырой породой.
Друзьям
 без имени,
что и на улице,
 пожмут нам руки,
и вам,
 любимые,
что так волнуются
за нас
 в разлуке.

Спасибо
 мастеру,
который нежно
 врачует часики,
и двум влюбленным,
 стоящим немо.
И вам —
 участники
 моей поэмы —
за человеческую
 тревогу встречную
в буране снежном,
в борьбе суровой,
за жизнь
 без фальши,
за шаг ваш каждый
вперед
 и дальше,
 в даль бесконечную,
за вашу жажду
 вершины новой!

1954

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

Иосифу Уткину

Домой привез меня баркас.
Дудил пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,
Один вхожу я на порог.

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звезд,
Чудак — до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов.
Он мудрецом хотел прослыть.
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля;
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали в яворах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до луны.

Сквозной дымился небосклон,—
Он версты множил на листе.
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...

Он был пастух, он пас коров.
Потом пастуший рог разбил,
Стал юнкером,—
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом смертельной желтизны.

Нас годы сделали грубей.
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

В садах гнездились лишай.
Деревни гибли от огня.
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.

Вскочил и прыгнул через Дон.
Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою в дыму
У шашки выгнулись края.
И в ноздри хлынула ему
Дурная теплая струя.

Домой привез меня баркас.
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мне буденовку в руке.
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Взлетают птицы с проводов.
Пять лет не слазил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою, за Двиной
Я был без хлеба, без воды,
Чтобы в республике родной
Набухли свежие плоды.

И, если кликнут, я опять
С наганом встану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

1928

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Из поэмы)

Давно ли мы,
Ровесники,
Погодки,
Как говорится,
Бегали под стол...
Нас вырастил,
Внес
В боевые сводки
Наш самый лучший
Друг,
Наш комсомол...

Давно ли мы,
Ровесники,
Ребята,
Обиженные
Строгою судьбой,
Просили у сестренки
Или брата,
Чтоб взяли на субботник нас
С собой...

А вот сейчас,
Меняя почерк
Молний
И разрезая Маркса
Первый том,
Берем мы сушу,
Воздух,
Небо,
Волны
Своей рукой
В смирительный бетон...

Трубите, дни!
Черт побери,
Трубите!
Страна моя,
Я молод
И здоров,
Мне двадцать лет.
Я рос
В твоём Ирбите
На перекрестке
Всех твоих ветров.

Ах, городок,
Ах, дым
Родного крова!..
Качаясь,
По реке плывут плоты,
И с голоду
Сирень жуют
Коровы,
Хмелея
От душистой теплоты.

Двадцатый год...
Дрожали стекла в рамах...
Хвост поджимая

Под трусливый
Зад,
Пес пробежал,
Изрезанный
Ветрами,
Рожденный,
Может быть,
Сто лет назад. . .

С винтовкою
Отец ушел из дому.
И нет его...
Там,
Через взмах весла,
Часовенка.
Над куполом — мадонна...
Куда-то крест
Тяжелый свой
Несла...

Наш городок
Под свист свинца
И стали
Пустил на воздух
Пух свой,
Перья,
Быт...
Всемирные
Стальные магистрали
Лежали
Через маленький Ирбит...

И я был мал.
Я помню: ворон вещей —
Фашист двукрылый,
Бился, как в силке,
Когда отца
Расстрелянные вещи
Мне принесли
В больничном узелке.
Они еще дымились
Дымом горьким,
В них пот еще
Рабочий
Не просох,
Еще держался
В желтой гимнастёрке
Табачный запах
От его усов...

Я плакал...
Так
В последний раз я плакал:
Из глаз
Косой
Соленый ливень лил.
Лил на рубашку,
В рот мне,
В сердце
Капал...
Слезами жажду
Я не утолил.

Я много видел слез
И слышал жалоб,
Но сам слезу
Не лью
Двенадцать лет.
Когда из глаз
Последняя
Сбежала,
Я сжал в руке
Отцовский партбилет.

В тот миг, наверно,
Сердце билось
Часто.
Я выбежал на улицу
В тоске.
Я был один,
И все мое богатство
Зажато было
В крохотной руке.

Но не было
В тот миг
Меня богаче.
В ушах звенела
Птичья щебетня,
И воробьи
С волнением горячим
Просили милостыню
У меня.

И голуби,
Садясь
Ко мне на плечи,
Шептали:

— Милый,
Где твое пшено?
Отдай его —
Птенцов кормить нам
Нечем,
Отдай —
Оно богатым
Не нужно.

А я бежал
По улицам знакомым
Зверьком,
Что потерял свою нору.
Флаг,
Раздувая искры
Над укомом,
Горел, не угасая
На ветру.

Не помню, как
К укому
Я притопал.
Я жмурюсь
От весеннего луча,
А ветки две,
Прибитые
К воротам,
Бушуют
Под портретом Ильича.

Стою,
И чей-то пес
Мне руки лижет,
Звенят
С ошейника
Коллекции
Колец...
— Послушай, парень,
Подойди поближе.
Чего же ты
В сторонке стал,
Малец?

— Поди сюда,
Поди! —
Кричит парнишка
Румяный
От здоровья
И жары.

Вхожу.
Все курят.
Дым.
Расписки пишут,
Летят к дверям
Воздушные шары.

Махорка,
Кто с тобою
Не был дружен?
Кто выдумал тебя?
Какой
Старинный маг?
Еще в дверях
Я вижу
Горы стружек —
Из дыма,
Из плакатов,
Из бумаг.

Друзья мои,
Ровесники,
Ребята,
В труде,
В борьбе
Сливается наш след...
Зачем жалеть
О том,
Что нам в двадцатом
Всего каких-то было
Девять лет?
Уже тогда
Враг не щадил нас
Любый:
Он знал, кого
В нас может
Обрести,
Он чувствовал,
Что эти
Лилипуты
До гулливеров
Смогут дорасти.

И мы росли,
Мужали
И боролись...
Точили зубы,
Строили
И жгли,

Чтобы скрутил
Магнитогорский полюс
Все компасы
И стрелки всей земли,

Чтоб, завивая
По земле
Воронки,
Наш смерч дошел
До самых дальних шахт,
Чтоб от ударов наших
Перепонки
У Макдональдов
Лопались
В ушах...

И где б
Опасность нас
Ни настигала,
И где бы смерть
Ни угрожала нам, —
Узнают нас
По световым сигналам,
По искрам,
Пробежавшим
По глазам.

Узнают нас
По песне
Неуемной...
Карабкаясь по скалам
На Тибет.
Ползя через Памир,
Мы будем вечно помнить,
О комсомол,
Наш первый шаг
К тебе!!!

ШАРЛОТТА ГЕРШУНЕНКО

Переулочки кривые,
Маленьких домишек ряд...
Мелкая буржуазия,
Люмпен-пролетариат!

Здесь, в кофейнях и лавчонках
Молдаванской нищеты,
Прямо с винного бочонка —
Агитировала ты.

Локон темной пдзолоты
Бился около виска.
Обрабатывала Лота
Иностранные войска.

— Как пришел я в катакомбы? —
Я и сам не знаю как!
Жестяные помню бомбы
В узких девичьих руках.

Мне сияла бровь соболя,
Золотые волоса...
В большевистское подполье
Опускались небеса.

Помню первое волненье,
Первую любовь мою,
Первое мое крещенье
В первом уличном бою!

...Есть ли что головоломней
Знаменитых катакомб!
Помню спуск в каменоломни,
Где скрывался областком.

Напролет сидели ночи
С керосинкой жестяной.
Председательский звонок
Задыхался под землей.

На осадном положении
Небо, море и земля.
Под французским наблюденьем
Первая любовь моя!

На полночную работу
Шли чужие патрули.
Агитатора Шарлотту
На рассвете увели...

Это все равно, что пулю
В солнце самое всадить,
Лучшего дрозда июля
С лучшей яблони ссадить!

Помню первое волнение,
Первую любовь мою,
Первое мое крещение
В первом уличном бою!

1932

СТИХИ О МОСТИКЕ

Если бы я был поэтом,
На себя я взял бы труд:
Описать под лунным светом
Этот мостик, этот пруд.

Я б воспел дощечек дряхлых
Романтическую пыль,
Чтоб балладою запахло,
Я б нашел достойный стиль.

Если бы владел я кистью,
Я бы в красках отразил
Этот мостик серебристый,
Ржавь танцующих перил.

Я запечатлел бы в красках,
В акварели передал
Зеленеющую ряску
На поверхности пруда.

Если б знал я тайны звуков,
В знаках нотного листа
Сохранил бы я для внуков
Песню старого моста.

Был бы я председельсовета,
Гвозди б я достал и тес,
И сломал бы мостик этот,
И построил новый мост.

1940

ПЕСНЯ О ВОРОШИЛОВЕ

Эшелон за эшелонем,
Эшелон за эшелонем...
Путь-дорога широка.
 Командарм велел — и точка!
 Машет беленьким платочком
 Дону синему рука.

Нас с тобою, Ворошилов,
Жизнь походная сдружила,
Вместе в бой летели вскачь...
 Вспоминает враг с тоскою
 Бой под Белой Калитвою,
 Бой под станцией Калач.

За Царицын, за Царицын
Дни и ночи будем биться,
Сабли острые скрестя...
 И не смыть ее дождями
 И не осушить ветрами —
 Кровь рабочих и крестьян.

Командарм велел — и точка!
Машет беленьким платочком
Дону синему рука.
 Эшелон за эшелонем,
 Эшелон за эшелонем...
 Путь-дорога широка.

1932—1940

О КИТАЕ

На стене висит Китая карта.
Если население
 в полмиллиарда
Вырастит по зернышку,
 не боле,—
Это будет рисовое поле.

Если с каждого
 собрать по нитке,
Не по нитке,
 а по волоконцу,—
Можно холст длины огромной выткать,
Протяженьем,
 может быть, до солнца.

Если каждый
 скажет дружбы слово,
Лед растает
 и в тайге суровой.
Если каждый
 скажет слово гнева,
Сотрясутся и земля и небо.

Пусть же это помнит,
 кто мечтает
Карту перекраивать Китая!

1952

ГАММА

Л. И. Бродской

Светлая зелень —
 на зелени темной.
Косы березок
 в густом дубняке.
Признак весны
 в этой прелести тона,
В первом воздушном зеленом дымке...

Встань под весенним сквозным небосклоном,
Сколько, взгляни,
 переливов кругом!

НА СЕЛИГЕРЕ

Неприе — деревня на берегу озера Селигер.

Есть на Селигере, есть на Селигере
В Неприе, где пятьдесят ворот,
Домик в три окошка. К озеру дорожка
Лестничкою через огород.

Маленький и зоркий домик на пригорке —
Домик, где всегда грустит она.
По лесу гуляет, в лодке загорает,
То смеется, то — глядишь! — грустна.

Но она прекрасна, и спортивный красный
Ей костюм идет. Ей все идет.
Кудри золотые и глаза большие
Темные, как синий лед...

Кто она? Откуда? Что это за чудо?
— Чуда нет, но, правда, хороша.
Взглянет — и застонет, и в глазах потонет
Юноши влюбленного душа...

Ей и горя мало: «Я ль того желала?»
И уже на озере, быстра.
Легкой, загорелой, — ей какое дело?
Ей байдарка — милая сестра.

Старая погудка и, допустим, шутка,
Шутка, хоть не очень весела:
Будет грустным каждый, кто слышал однажды,
Как спадают капельки с ее весла.

Озеро резное, озеро лесное,
Озеро подобно хрустально.
И с весла байдарки на закате ярком
Капельки: «Люблю, люблю, люблю!..»

1938

ВСТРЕЧА

Хотя миновало полвека,
Я помню ту встречу, тот поезд,
В котором восставших матросов
Судить из Одессы везли.
Я с мамой в толпе на перроне,
На харьковском душном вокзале.
В руках у нас красные астры,
И боль и тревога в сердцах.

Товарных вагонов оконца
В железных решетках; за ними
Простые крестьянские лица,
Усталы, небриты они...
И золотом на бескозырках —
«...Потемкин Таврический». Люди,
Поднявшие красное знамя!
«Герои», — я слышу вокруг.

И вот через головы стражи
Цветы полетели в оконца.
И жесткие руки в оковах
Обратно бросают цветы.
И радость в глазах у матросов:
— Спасибо! Товарищи! Братья! —
А стражники курят спокойно:
Цветы, мол. Не бомбы. Пускай...

Гудок паровоза. Вагоны
Осями скрипят, шевелятся.
На север, где будет расправа!
— Прощайте! Мужайтесь, друзья! —
Держу я ту астру, что бросил
Потемкинец через решетку —
Усатый, с бровями ржаными,
С огнем и смешинкой в глазах.

И долго хранил я подарок.
И, в бурях Октябрьских встречая
Матросов с оружием, в бушлатах,
В их грозные лица смотрел.
Казалось, что встречу я друга,
Который ребенку когда-то,
Мне бросил ту красную астру —
Дар сердца и мужества зов.

1955

ДИАЛЕКТИКА СЫНУ

«Отделенному скажи...»

Свой устав не перепутай,
Сгоряча не забывай:
Горло шарфиком укутай,
Ножки в боты обувай.

Летом в речке, под заставой,
Близко бережка поплавай,
Пятки галькой не обрежь!
Не плутай кривой дорогой,
Лошадей, собак не трогай,
Терпкой ягоды не ешь!

Берегись автомобилей,
Чтоб тебя не задавили,
Слушай загодя гудок;
Опасайся дифтерита,
Обходи в сенях корыто,
Коль в корыте кипяток!

Бойся слякоти худой,
Гололедицы седой,
Отливающей слюдою;
Фрукты мой перед едою
Кипяченою водой!

Почитанье этих строчек
Я вдолблю в тебя, сыночек,
Сожалея, что давно
Драть ребят запрещено!
Потеплей, сынок, укройся...
Одного, сынок, не бойся —
Днем и ночью быть в бою.
Отвечай: «На том стою!»

Проходи в походе смелом
Не в тылу, но под обстрелом,
В облаках и под водой!

Проходи, упряма и стоек,
По лесам прозрачных строек,
В душной шахте за рудой,
В тундре, тусклой и студеной,
В голубой степи буденной —
С кавалерией ли той,
С той ли тракторной колонной,
Серым солнцем залитой,
В даль пустыни полуденной!..

Если в зной твоя дорожка, —
Тамариск, а не морошка,
Африканский белый путь, —
И найдешь воды немножко —
Только шлемом зачерпнуть:
Отхлебни — и не тужи,
Раздели, засыпав соду,
Меж товарищами воду.
Отделенному скажи:
«На таких началах мать
Разрешает погулять!»
Можешь вдоволь шум послушать,
Всякой ягоды покушать,
Из соленой лужи пить, —
Я тебя не буду бить!
Укорять не стану взглядом,
Я пойду с тобою рядом.

Хорошо на свете жить!
Будем жизнью дорожить! —
Глаз, ушей, костей и кожи,
Головы она дороже!
Ни за что, но за нее же
Стоит голову сложить!

Вот удача, — если взвесить, —
Каждый год продать за десять
Небывало новых лет!
Прибыль — матери награда:
Непрерывной жизни рада.
А бессмертья нам не надо
Потому, что смерти — нет!

1934

МЫ ГОРОД ВЫСТРОИМ В СТЕПИ

Есть на строительстве у нас
Большие трудности... Домой
Уходим вместе в поздний час
По глянцевиной мостовой.
Яснеет почь, поголубев.
Далекий уличный напев
Ты долго слушаешь, дремля...
Слегка качается земля.
Твой лоб ласкает ветерок,
Подходит под ноги порог,
В окне качается звезда,
Свистят в пустынях поезда.
Поспи немного, мало спи,—
Мы город выстроим в степи!..

Я в раннем детстве видел сон
О солнце... Парк был обнесен
Оградой буксусных кустов.
По спинкам выгнутых мостов
Катались красные шары...
Был сладок запах бузины,
Орехов, света и жары!
Круги полян, обнесены
Венцами буксусных кустов,
И девять выгнутых мостов
Вдруг вынесли меня туда,
Где била теплая вода.
Чинили главный акведук...
Я вспоминаю шум и стук,
Плеск зелени и теплый смех
Веселых каменщиков тех,
Военный вид их, быстрый пыл
Их разговорчиков,— но был
Обмундирован этот полк
В чешуйчатый и твердый шелк!
Во время полдника они
Расселись на траве в тени...
Качая сахарный поднос,
Огромный повар их обнес
Шарами масла в виде роз
На листьях виноградных лоз!
Дымился суп... И, наконец,
Вошел невидимый певец,—
И сверху, и со всех сторон
Безбрежный, влажный баритон,
Раскинутый в пространстве, пел,—

И всякий, кто работал,— ел...
Я был мальчишка развитой,
Я шел тропинкой золотой,
Я подмигнул и свистнул им,
Спросил их: «Разве это Рим?
Здесь нет богов и нет рабов!»
А мне ответили: «Тамбов».
В ответ на радостный прыжок
Они прибавили: — «Торжок!..»
Я был малыш... — мне тридцать пять,
Мне время сны осуществлять!..

Есть на строительстве большом
Большие трудности... Домой
Мы возвращаемся вдвоем.
Ночь голубеет над тобой.
Поспи недолго, сладко спи,—
Мы город выстроим в степи...

В краю, где серые поля, —
На базе бурого угля,
В пределах жесткой и тугой
Годичной сметы,— над рекой,
Небыстрой, желтой и густой,—
На основанье норм простой
Трудгигиены,— чуть южнее
Завода,— крепче и нежнее
Садов Италии! сильней
Гитар Италии! синей
Морей Италии! свежей
Чертящих по небу стрижей,—
На взгорье должен быть готов
Один из новых городов!
В течение года проведут
Канал. Электроинститут
С его пристройками займет
Третью города. У светлых вод
Канала встанет на лугу
Дворец забойщиков в кругу
Растений,— легок, чист и прост,
Раскрытый на лазурный мост...
«Бегут по морю корабли»,—
Мне эта песня всех милей:
Блеснет, как море, издали
Между стволами тополей
И красных сосен серебром
И синевой — аэродром,
И белым светом — стадион!..

Я в раннем детстве видел сон
О сладком лете.— К нам придет
Старик Мичурин садовод!..

...Есть на строительстве большом
Большие трудности... Домой
Мы возвращаемся вдвоем...
Ночь голубеет надо мной...
Поспи немного — сладко спи,—
Мы город выстроим в степи!
Не ради красного словца,
Не на картинке, где с лица
Мой город был бы свеж и толст,
Но где с изнанки — только холст!
Не посреди вот этих вот
Катящихся назад-вперед
На быстром холостом ходу
Печатных знаков! — не в бреду,
Не слабым росчерком пера,
Не заклинаньями речей,—
Мне город выстроить пора
Из камня, туфа, кирпичей!
Среди песков или болот,
На реках, где дощатый плот
Взлетит на водяных весах —
И сразу падает!.. В лесах,
Где стыла нищенская Русь,
Я обещаюсь и берусь
Войти в работу — и не зря:
Остаться — в роли главаря,
Прораба, пекаря, певца,—
Но быть упрямым до конца
И превратить мой город в тот,
Что с детства снится и зовет!

Хороший, сильный человек,
Который любит свет и снег,
Огонь, стеклянные шары
Степной лазури и жары,
Бассейны, горные ключи,
Большие яблоки, мячи,
Столы, накрытые в саду,
Большую, чистую еду,
Дорогу в гору, гул морей,
Людей, моторы и зверей!
Когда не в шутку хочешь ты
Всей перекаточной полноты,—
Стань здесь, скажи и напиши:

— Среди болот, в глухой глуши,
Где стыла нищенская Русь,
Я обещаю и берусь

Войти в работу — и не зря:
Остаться — в роли главаря,
Прораба или кузнеца, —
Но быть упрямым до конца
И превратить мой город в тот,
Который снится и зовет!..

Там лампы пестрые горят!..
Там люди правду говорят!..
Над круглым выступом стены
Там ветви дуба сплетены...
И над воротами, полна
Оттенков сладкого вина,
Широкогранна и чиста, —
Как в мироздании — смотри!
Кружится красная звезда,
Светящаяся изнутри...

ПОЛУНОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Прелесь полночи — в легком страхе.
Совхоз «Бурное» — у реки.
Вино Грузии «Карданахи»
Развязывает языки.
Затаившиеся, как дети,
Со стаканчиками в руках,
Мы сидели при малом свете
На соломенных тюфяках.
Ветер был синевато-розов
От подлунного блеска роз.
И директор куста совхозов
Станным голосом произнес:

— Вот идет и вздыхает речка,
Пахнут лавры и камыши...
Есть у каждого человечка
Потаенное дно души!
Там живут в золотом тумане,
В теплой сырости пропастей
Лишь виденья его желаний
И скрываемых им страстей...

Хорохориться может каждый,—
Здесь, однако же, не райком!—
Исповедуемся однажды
О заветном и дорогом!..

И начальник погранохраны
Начал первым: — Есть дни тоски:
Ноют осенью мои раны,
И седеют мои виски.
О любви я просил, рыдая,
И отказом я был убит...
Эта женщина молодая
Все мне кажется, что летит!
В нашем лагере чисто-чисто,
Раскрывается скучный вид,
Душным вечером зов горниста
Сердце юношеское томит...
Как соловушки свищут жабы
На различные голоса,—
А у этой летящей бабы
Апельсиновая коса...
В нашем лагере кони рябы,
Пыль горячая глубока,—
А у этой летящей бабы
Светло-розовые бока...
В нашем лагере ты жила бы,
Как весенние облака!..

Он замолк и в большой печали
Стал глядеть на речной причал,
Где пустые плоты стучали...
А хозяйственник отвечал:
— Нет, не цифры и согласованья,
Не процент падежа телят
И не метод силосованья
Меру жизни определяют!
То за делом я, то за склокой,
Но давно я любить привык
Голос флейты одинокой
Или скрипки легкий крик...
Помню, помню я вечер в сквере,
Весь в настурциях водоем!..
Скрипка праздничная Гварнери
Пела шубертовское «Уйдем!»
Словно праведник после смерти
На лазоревом берегу,
Был я с девушкой на концерте
И забыть ее не могу...

...Он в задумчивости и восторге,
Важность медленную храня,
Стал прогуливаться по галерке,
А начальник спросил меня:
— Ты, голубчик мой, видно, этим
Излияниям страшно рад?
О тебе дуракам и детям
Много всякого говорят!
Ты не маленький — быть безгрешным:
К черту ханжескую ложь!
Расскажи нам о самом нежном,
Что ты в памяти бережешь!..

Я ответил им: — Угадали!
Отличил бы я в смертный миг
Карданахи от Цинандали
И красавицу — от других!
Я не маленький — быть безгрешным —
Перед вами я не в долгу:
Расскажу вам о самом нежном,
Что я в памяти берегу...

...Шел я медленно и с оглядкой,
И над улицами слегка,
Словно вишнями, пахло сладкой
Водкой мартовского ледка!..
Вечерея, синели дали,
Тонкий, маленький был мороз,
Вдоль Кузнецкого продавали
Золотые кусты мимоз.
Помню, помню я все приметы
Счастья, бившего через край!
Помню экстренные газеты,
Что южанами взят Шанхай!
О, когда это будет снова?
Помню, в комнату я принес
Литр столового разливного
И невиданный сад мимоз!
Перечитывать бюллетени
Трех товарищей приволок, ---
И мимоза бросала тени
На крутящийся потолок!
Кто подумал бы об измене?
Бедный город мой, ты далек!
Пусть накажет меня могила,
Если будешь ты мной забыт!
Как давно это счастье было!
О, как память моя болит!..

Так я крикнул,— и не посмею
Повторить это никогда,—
Опалила мне лоб и шею
Краска медленного стыда —
Горечь нежностей неприличных,
Неумеренного огня!..
Два приятеля закадычных
Отодвинулись от меня.

Я пошел себе понемножку,
Самого себя обругав...

Старший выбежал на дорожку,
Удержал меня за рукав:
— Исповедался? Больно хваткий! —
Прежде выслушаешь отца!
Трудно высказаться, ребята...
Будем искренни до конца.
О любви я просил, рыдая...
Ходят пыльные облака...

Летит женщина молодая
Цвета света и молока!
А врагов у нас есть немало,
Ищут паспорта и угла! —
Эта женщина приезжала
И на койку мою легла.
И сказала мне, как ребенку:
— Жизнь прекрасна и коротка! —
И я выкинул ту бабенку
Из военного городка!..

Нам приходится в жизни круто,
Нам знакомы и страсть и страх, —
Но в решающую минуту
Мы оказываемся на постах!
Вот любовь моя перед нами —
От субтропиков — за тайгу!..
На груди ношу ее знамя,
Но болтать о ней не могу!
Лучше стерпим любую муку,
Чем любимую огорчим...
Так я думаю... Дай мне руку!
Улыбнемся и помолчим...

И директор ожесточился:
— Разве радости только вам?
По разверстке я, брат, учился
Струнной музыке и словам!

Скрипка в комнате пировала,
Пела девушка, стыл обед...
На Ферганские покрывала
Падал розовый полусвет...
Среди сладкого помраченья
Длилась праздничная зима!
До случайного полученья
Полуграмотного письма:

«В той сторонке — худая правда,
Где распахано у реки.
Нет ни ситца, ни леофанта,
Запаршивели те быки.
В том совхозе, при той природе
Можно иначе повернуть.
В той сторонке, в двадцатом годе,
Ты был ранен навывлет в грудь.
К честной гибели наготове,
Лег на связочку ковыля,—
Ведь на собственной твоей крови
Та замешана земля!»

Ехал, ехал я в поле белом,
В тесном тамбуре я курил,
И не помню я, что я делал,
Что попутчикам говорил...
Все, что думал я, забывал я,
Била ветреная волна...
В щеки черные целовая я
Незнакомого чабана...
Нам приходится в жизни круто,
Нам знакомы и страсть и страх,
Но в решающую минуту
Мы оказываемся на постах!
Вот любовь моя перед нами —
От субтропиков — за тайгу!..
Я в руках несу ее зная,
Но болтать о ней не могу!..
Скрытой нежностью мы согреты —
И за ханжество не прими:
Наши книжечки-партбилеты
Станут дышащими людьми.
Лучше стерпим любую муку,
Чем любимую огорчим...
Так я думаю... Дай мне руку!
Улыбнемся и помолчим...

И, неловкие, лапа в лапе,—
О, как искренность весела!
Мы стояли при слабой лампе
У некрашеного стола...
И на западе, под обрывом,
За развилкою трех дорог
Спал в доверии молчаливом
Наш молоденький городок.
А под горкою, на востоке,
Ржали лошади, выли псы,
Спали мирные новостройки
Пограничной полосы.
И по стенам их, и по крышам
Золотистый плыл туман:
Он, казалось нам, был надышан
Населением этих стран —
Углекопами, рыбаками...
И лазурная ночь текла
Над светящимися облаками
Человеческого тепла..

ОРКЕСТР

Уже кончали четвертый акт.
Бинокли метались, как молнии. Зорко
Смотрели с галерки, и музыка в такт
Ласкала актеров, партер и галерку.

Молчал дирижер, громыхал монолог,
Дыхание было задержано в легких,
Когда из-под сцены змеею дымок
Прополз к декорациям, тонкий и легкий.

Вначале никто не заметил огня,
И до появления пожарного с лампой
Гремел монолог, инструменты, звеня,
Бросали кусками веселье за рампу.

Но крик брандмайора игру перервал
На смутном обрыве взметенного чувства.
Сполз занавес наполовину, и зал
Напрягся, как прут, надломился и — хрустнул.

Все бросились вон от насиженных мест
На лестницу, к дверям от запаха гари.

Но паника выросла наперерез
Бегущим и мнущим испуганным тварям.
Тогда-то взлетели смычки, и оркестр
По сводам горящего зала ударил.

Про дым и пожар позабыл дирижер,
И по мановению легкого взмаха
Вдруг выросла в невозмутимый мажор
Спокойная ширь оратории Баха.

До давки в дверях докатилась волна,
Легла на полу, успокаивать стала.
И люди очнулись. Так после вина
Вину сознают, ощущают усталость.

На улицу вышли, калош не забыв,
Шатаясь слегка от жары и угара.
А в зале обрушились пол и столбы,
И выходы были объаты пожаром.

Обвалы рождали невиданный треск,
Огонь древесину глотал, как обжора,
А где-то внизу, не сбиваясь с мажора,
Заканчивал трудную пьесу оркестр.

1926

МАТЬ

Толпы с поезда. Ну и народ! Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...

— Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
«Мне б Петрушу...» — Которого это? — «Сынка...»

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики — смех:
— Это что ж за петрушка такая? — «Начальник он...»
— Тут начальников много... — «Так мой — выше всех».

Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот, шибяющий в пот.
Вдруг один кучерок как смекнет да как вспомнит,
Что начальник строительства —
Правильно — Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено — в ноги. Кнут — в руки.
«Садитесь, мамаша!..»

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!
Вороная кобылка, пластайся в разлет!

Обернется, башкой помочает и — верит,
И — не верит.
А бабушка носом клюет.
Кацавейка на ней — не по-летнему — ватная.
Ишь! горбатая... Ишь! неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

У начальника в комнате
Карты висят.
На кровати начальника — простыни взрыты.
Шторы — настезь,
И солнце —
По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам.
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам,
Крепкий, свежий, еще не успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:
«Мамашу в порядке доvez...»

А за возчиком,
В белом платочке и валенках,
Что-то давнее-давнее — и не узнать...
Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспомнил.— Маменька! —
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный! Я — мать...»

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком,
Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством — речкой, репейниками, молоком,
Молодыми рябинами над оградами,
Рубашонкой в заплатках, сестренкой в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала,— приляг.

Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую,— до бровей...

— Самоварчик?
У нас, понимаешь ли,— чайники...

В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.

Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила.
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.
Ты посмотришь, чего мы настроили... Дела ж,
До сих пор полон рот — и какие дела!
Покатаемся? Хочется? —
«Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?

Вышло так, что мамашу его хоронили
Всеми строительством, всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу,—
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг.
Тихо-тихо прошел в голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным, «фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный.
Равномерно работает
Химкомбинат.

Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках — платочки
Весенних цветов...

...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи, у дороги — песочек.
Бабий голос — еще молодой — одинок...

Сын приехал
С уральских заводов
Вальцовщиком.
Прогармонил недельку —
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь, догнивает под дождем
Ощетиненный, малоколосистый снопок...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И смылся сынок.

А она — со скотом — поднимается раненько,
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта,
Израненный.
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей.

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха,
У пионерлагерей...

Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...

Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника, большевика.

Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
Ни хворь, ни усталость...

Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать нищих,
Всех, кто новым и властным хозяином стал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал»!

1933

ОРЛЕНОК

Орленок, орленок,
Взлети выше солнца,
И степи с высот огляди,
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Орленок, орленок,
Сверкни опереньем,
Собою затми белый свет,
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орленок, орленок,
От сопочной кромки
Гранатой врагов отмело,
Меня называли в отряде орленком,
Враги называют орлом.

Орленок, орленок,
Мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орленок, орленок,
Товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне,
На помощь спешат комсомольцы-орлята
И жизнь возвратится ко мне.

Орленок, орленок,
Пришли эшелоны,
Победа борьбой решена,—
У власти орлиной орлят миллионы,
И ими гордится страна.

ПАУТИНКА

Мы идем незнакомой тропинкой,
И куда нас она приведет?
А над нами кругом паутинка,
Золотая от солнца, плывет.

Привела нас дорожка на Волгу,
И над песенной русской рекой
Говорю я сердечно и долго
О любви и о дружбе с тобой.

Над рекой синеватою дымкой
Опускается ранняя мгла,
И на плечи нам вдруг паутинка,
Золотая от солнца, легла.

И тогда ты смущенно сказала,
Не сводя синих ласковых глаз:
— Паутинка, любимый, связала
Наши думы и чувства сейчас.

Не случайна простая примета,
Но она не пройдет без следа,
Теплый день уходящего лета
Не забыть нам теперь никогда.

И когда по знакомой тропинке
Мы в обратный пускаемся путь,
То не в силах с плеча паутинку,
Золотую от солнца, смахнуть!

1939

ЗАСТАВА ИЛЬИЧА

Где сталь шумит потоком
Светла и горяча,
Раскинулась широко
Застава Ильича.
Там по ночам зарницы,
Стучат там молотки,
А утром, точно птицы,
Поют, поют гудки.

Как зарево пылала
Гражданская война,
В больших боях мужала
Советская страна.
Гудел гудок тревогу,
Когда мы шли встречать
К Владимирской дороге
Родного Ильича.

Зелеными садами
По знойной мостовой
Шел Ленин вместе с нами
До Курской мастерской.
Рабочая слободка
Запомнила навек,
Как шел простой походкой
Великий человек.

Горят цеха огнями
Светлы и высоки,
Над новыми садами
Поют, поют гудки.
Ты вечно величава
Для сердца москвича,
Рогожская застава,—
Застава Ильича.

1947

МАСТЕРА ЗЕМЛИ

В просторы, где сочные травы росли
И рожь полновесная зрела,
Пришли мастера плодоносной земли,
Чья слава повсюду гремела.

И, словно себе не поверивши вдруг,
Что счастье им в руки далось,
Смотрели на север,
Смотрели на юг
И желтые рвали колосья.

Они проверяли победу свою
Пред жаркой порой обмолота,
Они вспоминали, как в этом краю
Седое дымилось болото;

Кривыми корнями густая лоза
Сосала соленые соки,
И резали руки, и лезли в глаза
Зеленые пики осоки.

И был этот край неприветлив и глух,
Как темное логово смерти,
И тысячу лет
Суеверных старух
Пугали болотные черти.

Но люди, восставшие против чертей,
Но люди, забывшие счет на заплаты,
Поставили на ноги
Жен и детей
И дали им в руки лопаты.

И там, где не всякий решался пройти,
Где вязли по ступицу дроги,
Они провели подъездные пути,
Они проложили дороги.

Глухое безмолвие каждой версты
Они покорили
Трудом терпеливым.
И врезалось поле в земные пласты
Ликующим
Желтым заливом.

Пред ними легли молодые луга,
Широкие зори встречая,
И свежего сена крутые стога —
Душистей цейлонского чая.

И в праздник, когда затихает страда
И косы блестящие нёмы,
За щедрой наградой приходят сюда
Творцы и герои поэмы.

И, словно прикованы радостным сном,
В ржаном шелестящем затоне
Стоят и любуются крупным зерном,
Лежащим на жесткой ладони.

И ветер уносит обрывки речей,
И молкнут беседы простые.
И кажется так от вечерних лучей,
Что руки у них —
Золотые.

1928

ПОЭМА УХОДА

(Хуторская Россия)

В этой сумрачной хате
для меня ничего не осталось,
Для моей головы
эта темная хата низка...
Здесь у каждой стены
приютилась нужда и усталость,
В каждой щели шуршит
тараканья тоска.

Я, наверно, уйду...
Я сегодня недаром встревожен
И тревоги своей
не могу превозмочь.
За окном — тишина.
За окном залегло бездорожье
И сплошная, закрытая наглухо ночь.

Выйдешь в поле,
а в поле — ни сукина сына,—
Хочешь пой,
хочешь вой,
хочешь бей головой ворота! —
На двенадцать засовов
заперта хуторская Россия,
И над ней
умирает луна —
Эта
круглая сирота.

Вот он, край,
где просторному слову
появляться не велено,
Где насквозь теснота —
от земли и до звезд,
Где и зéмли, и вóды,
и лесá поразделены,
Где для общего блага
оставлен лишь только погост.

В каждой хате —
свои сновидения длинные,
И своя тишина,
и свои над рекой соловьи;
В каждом поле —
своя «пограничная линия»
И дороги
и тропы свои.

Это здесь
человека заедает глухая тревога
За погоду,
за хлеб,
за судьбу посевных площадей.
Летом ставится ставка
на всевышнего господ-бога,
А зимою —
надежда на «добрых людей».

И когда, в недород,
 все амбары подметены начисто,
К «добрым людям»
 идешь ты за хлебом, скорбя.
И цепные собаки
 довоенного качества
У дубовой калитки
 встречают тебя.

Поклонись до земли
 и проси, бесталанный, прощения
За голодное время,
 за свою незадачную рожь...
И проходят года
 за мое вам почтение,
И теряется молодость
 за здорово живешь...

Долго был я привязан
 к этому гиблому месту,
Но сегодня
 моя наступила пора:
Я уйду.
 Заберу я и мать и невесту,
И коня своего
 уведу со двора.

Я поводья возьму
 в эту правую руку,—
Так водил я когда-то
 в ночное коней.
Свежий ветер по дружбе
 мне на листьях сыграет разлуку,
Провожая меня
 до больших расстаней.

Я возьму напоследок
 краюху соленого хлеба
И уйду за село,
 где живет незабвенный товарищ Петров,
Где зеленые звезды
 покорно спускаются с неба,
Чтоб указывать путь
 для ночных тракторов.

Я к нему подойду —
 к человеку хорошей науки —
И скажу, что пришел
 под его под колхозную власть.

Я вручу ему молодость,
силу и руки,
И крестьянскую участь,
и крестьянскую часть.

Он ответит мне — голосом
теплым и чистым,
Он покажет,
где силы мои приложить.
Я, наверное, стану
неплохим трактористом
И сумею
доверие заслужить.

Решено окончательно.
Мой возврат навсегда невозможен.
Я — созревшее яблоко,
отлетевшее с яблони прочь...
Затихающий месяц
на дальний пригорок положен,
И на музыку ветра
положена ночь.

1929

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землей все шире
Заря встает, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны,—
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень,—
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идешь ли на поля,—
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов,—
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильнее врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;

Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты,— слеп и глух,—
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню,— вслух.

1935

ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторонú...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны,— небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я,—
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно,— сказал он тихо,—
Напиши... куда-нибудь.

1935

ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно.
Только стезжка коротка —
Расставаться нужно.

Хата встала впереди —
Темное окошко...
Ой ты, стезжка, погоди,
Протянись немножко!

Ты потише провожай,
Парень сероглазый,
Потому что очень жаль
Расставаться сразу...

Дайте ж в руки мне гармонь,
Чтоб сыграть страданье.
Парень девушку домой
Провожал с гулянья.

Шли они — рука в руке —
Шли они до дому,
А пришли они к реке,
К берегу крутому.

Позабыл знакомый путь
Ухажер-забава:
Надо б влево повернуть,—
Повернул направо.

Льетса речка в дальний край —
Погляди, послушай...
Что же, Коля-Николай,
Сделал ты с Катюшей?!

Возвращаться позже всех
Кате неприятно,
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно.

Не хотят они домой,
Ноги молодые...
Ой, гармонь моя, гармонь,—
Планки золотые!

1936

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговей...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом;
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути,
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки,—
Пробираться нелегко.
Но огонь в твоём окошке
Виден очень далеко.

1938

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
 И кто его знает,
 Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
 И кто его знает,
 Чего он вздыхает.

Я спросила: — Что не весел?
Иль не радует житье?
— Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое.
 И кто его знает,
 Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки, —
Догадайся, мол, сама.
 И кто его знает,
 На что намекает.

Я разгадывать не стала,—
Не надейся и не жди,—
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знает,
Чего оно тает.

1938

ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета,
Шел старик дорогой полевой;
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нес ее домой.

Он глядел веселыми глазами
На поля, на дальнюю межу
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растет большая-пребольшая,
Пусть идет и в ширь и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени ее прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине,
И, отведав сочных, спелых ягод,
Может статься, вспомнят обо мне.

А не вспомнят — экая досада,—
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо,—
Все равно я вишню посажу!»

1940

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берез — неслышен, невесом —
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,—
Идем, друзья, идем! —
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтальная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая?
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;
Все, что было загадано,
В свой исполнится срок,—
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую родину,
За родной огонек.

1942

ОЙ, ТУМАНЫ МОИ...

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей.—
И на старой смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незванный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942

ГДЕ Ж ВЫ, ГДЕ Ж ВЫ, ОЧИ КАРИЕ?

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забыли мы нигде.

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, да брянские,
Да смоленские места.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1944

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами,—
Словно пьяные, бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

1944

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С не сжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще — недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские войны в бой,
И рушились вражки твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой, и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби ж, куда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

1945

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЕ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статья, она недалеко,
Да не знает, ее ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

1945

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но, если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

Внуково, 1948

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там все злые — топорами секутся.
А по будням там дождь и по праздникам дождь...

(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой, и правдой России,
И славой ее, и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на горах тряпья, —
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества и в минуту печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо, —
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вдоха и взгляда
Живому великому делу его.

1940—1951

ЗВЕЗДА МОЕГО ДЕДА

— Мой дед,— не знали вы его? —
Он был нездешних мест.
Теперь за тихую травой
Стоит горбатый крест.
Хоть всем по-разному любить,
Никто любви не чужд.
Мой дед хотел актером быть
И трагиком к тому ж.
Он был горбат, мой бедный дед.
Но тем, кого увлек
Высокой рампой нежный свет,
Не зная других дорог.
Ведь если сердце на цепи —
Ту цепь не будешь рвать.
И дед суфлером поступил
Слова д р у г и х шептать.
Лилось мольеровских острот
Крепчайшее вино,
И датский принц горел костром,
Велик и одинок.
И каждый вечер зал кипел,
Смеялся и рыдал,
И лишь суфлер своих цепей
Всю жизнь не разорвал.
Вино! Ты — избавитель
От тяжестей судьбы.
Мой бедный дед, простите,
Он пьяницею был.
И в рваной кацавейке
Ходил, и пел, и пел:
— Судьба моя индейка,
Нерадостный удел.
Ей незнакома жалость.

Держись,
 держись,
 держись!.. —

Да!
Трагику досталась
Комическая жизнь.
И вечером, под градусом,
Он шел, золы серей...
Цвела кудрявой радостью
Весенняя сирень.
И бодрый жук летал в саду,
Питаясь медом рос.
И дед искал с в о ю звезду
Средь многих сотен звезд.
— Звезда моя! Звезда моя!
Изменница! Согрей! —
Но над тоскою пьяною
Смеялася сирень.
И ночь по-прежнему цвела,
Красива и горда,
И кто же знает, где была
Коварная звезда!
И дед шагал в свою тюрьму,
В суфлерский уголок,
И снились, может быть, ему
И Гамлет и Шейлок.
Но пробил час, последний час,
В ночную глубину.
Костер заброшенный погас,
Насмешливо мигнув.
И там, где тихая трава,—
Крест
С надписью такую:
«Раб божий Дмитриев Иван
Скончался от запоя».

Весна моя, весна моя,
Непрожитой мой день!
Цветет все та же самая
Кудрявая сирень.
И мы рядами на борьбу
Идем, забыв про страх,
И покоренную судьбу
Несем в своих руках.
Проходят дни, бегут года,
Как отблески зари,
И надо мной моя звезда
Приветливо горит.

Она любых огней сильней,
И пять у ней концов.
И умирает рядом с ней
Звезда моих отцов.

1927

ГЕРОИ ЕДУТ В КОЛХОЗ

Гуляет на полках задумчивый храп.
Багажные вору ползут.
Три спекулянта бостон и драп,
Дрожа и стеная, везут.
Мечтает в тамбуре проводник
О жизни без станций и верст,
И точное, как рецепт, над ним
Летит расписание звезд.
Но в третьем вагоне, у полки второй,
Вспотев, застывает вор.
Два типа заводят ночью порой
На полке второй — разговор.
И первый тип заявляет: — Нет,
Я еще не устал от трудов,
Хотя я изъездил в семнадцать лет
Сто семьдесят городов,
Хотя я сыграл восемьсот ролей
(Какое скопление лиц!),
Из них сто восемьдесят королей
И сто двенадцать убийц.
Триумфы были, восторги были...
История знает моменты,
Когда в овацию переходили
Бешеные аплодисменты.
Халтуры были, провалы были...
История помнит моменты,
Когда в аварию переходили
Взбешенные аплодисменты,
Когда на щеки кассира виденьем
Ложились лиловые пятна,
И публика в кассу ломилась и деньги
Требовала обратно.
Актерская жизни! За вокзалом вокзал.
Вокзалов не счесть на свете.
Островский глядел, глядел и сказал:
«Вы актеры, — ваше место в буфете».
А нынче месяц куплеты поет
На шатких подмостках туч.

А нынче поезд меня везет
В колхоз, именуемый «Луч».
И там, где ночью взлетает к плечу
Кулацкий тупой обрез,
Я должен сыграть —

и сыграть хочу —

Опаснейшую из пьес.
Такую, чтоб в ней урожай шелестел,
Чтоб прыгал на трактор герой,
Чтоб первый акт о работе пел
И о борьбе — второй.
И будет безжалостна и строга
Оценка моей игры.
И высшей наградою — пуля врага
Пройдет сквозь костюм и грим.
Суфлер захлебнется остатками фраз.
Струя побежит по ковру.
И я, умиравший в неделю пять раз,
В последний раз умру.
А поезд спешит.

Бледнолицый туман

Гуляет ночью порой.
И, жиденьким чаем терзая стакан,
Так начинает второй:
— Чернильница цифр, резолюций и слов
Невероятных полна.
Над плоскогорьями столов,
Как памятник, стынет она.
Я каждое утро садился за стол,
И ведомость падала ниц.
Я каждое утро пером колол
Хрупкое тело страниц.
Кричали машинки: «Садись и пиши!»,
Оскаленным шрифтом маня,
И каждое утро карандаши
Приветствовали меня.
А нынче ветер луну кладет
В скоросшиватели туч.
А нынче поезд меня везет
В колхоз, именуемый «Луч».
И там, где ночь, бурелом, овраг,
Где жизнь началась вчера,
Я должен учесть большевистский размах,
Умноженный на трактора.
Я должен найти в перепутанных днях
Намеченной линии след.
И ночью ко мне придет середняк,
Которому тысячи лет.

Он молча на цифры мои поглядит,
Хитер, осторожен и тих.
Крестьянин!.. Он выдать не может в кредит
Ни грамма симпатий своих.
Но если он взглянет с тоской на межу,
В раздумье опустит глаза,—
Я цифру ему принесу и скажу:
«Она голосует за.
Она изменяет облик людей,
Стирает рубцы межи,
Она подкрепляет речи вождей
Авторитетом ржи».

А поезд спешит. Начинается ветер.
Тучи проносятся по краям.
На третьей полке думает третий.
И третий — это, наверное, я.
Летят паровозы во весь опор —
То едут, гремя и пыля,
С высоких подмостков, из тихих контор
Герои мои на поля.
Они танцевали в любой пыли,
У каждого грелись огня.
Они без суфлера прожить не могли,
Наверное, даже дня.
А нынче — страна ускоряет шаги,
Сочувствовать больше нельзя.
И если одни идут во враги,
Другие идут в друзья.
И вот они едут сквозь ночи и дни.
Они еще очень слабы,
Но из свидетелей стали они
Участниками борьбы.
Тревожное утро над ними цветет
Сырым плодородием туч.
Скрипят тормоза.

Остановка.

И вот —
Колхоз, именуемый «Луч».

1930

СЛАВА

Как мы певали, Маша!
Только припомни, Маша!
Полночь на горизонте —
клуб опустел, утих.

Но в самой далекой комнате
мечется песня наша.
В двенадцать певцов капелла,
каждый споет за двоих.
В нотных значках скрываются
горе, любовь и счастье.
Мы извлекали их к жизни
из типографской тьмы.
Мы исполняли гимны
в начале торжественной части.
В конце торжественной части
их повторяли мы.
Мы выступали в концертах
в сопровождении трубном,
И мне мерещилось — сцена
изображает юг.
Где-то заплакали скрипки,
где-то ударили бубны,
Где-то воскликнули «браво!».
Опера! Я пою.
И вдруг из завкома является
наш культработник Ваня.
— Кончай,— говорит,— работу
завтра в четыре часа.
Гони,— говорит,— капеллу
на смотр молодых дарований.
Может быть, в вас скрываются
действительно голоса...—
И вот мы глядим, робея,
на классиков хмурые лица.
И вот мы стоим за сценой.
В зале потушен свет.
В грохоте, в грохоте славы
входит жюри и садится,—
Пять человек, которым
в сумме четыреста лет.
Время движется медленно
шагом своим черепашным.
Публика изображает
море, прибой, волну.
Профессор кивает ручкой,
на сцену выходит Маша.
Аккорд! — и песня бросается
вниз головой, в тишину.
Зал изменяется сразу.
Маша им овладела.
Маша бросает в ярусы
горе, любовь, грозу.

Сидящий в ложе завода
родитель ее престарелый,
Несмотря на военное прошлое,
рукой утирает слезу.
Все это происходит —
мне кажется — в долю момента.
Вот опустилась книзу
Машина голова.
И голуби, голуби, голуби,
голуби аплодисментов
Вылетели у зрителей
из каждого рукава!
К Маше подходит профессор —
седая мохнатая птица.
В голосе его тихом
вдруг просыпается медь.
Он начинает строго:
— Маша, вам надо учиться! —
А получается ласково:
«Как вы будете петь!»
А я?.. Жюри меня выслушало —
признаюсь — без интереса.
Кончил я. Лавров не видно.
Оваций не слышно. Беда.
Вижу, очки протирая,
подходит ко мне профессор.
— Жить,— говорит,— будете.
Петь,—говорит,— никогда! —
Маша, дуэта не вышло.
Петь мы с тобой не будем.
Что ж, говорю, зажгите,
пожалуйста, в зале свет.
Что ж, говорю я профессору,
мы не такие люди,
И от отсутствия голоса
мы не умолкнем, нет.
Слава моя, профессор,
как видно, иного рода.
Она не поет, моя слава,—
неволить ее не хочу.
Слава моя скрывается
в цехах моего завода,
И я ее вместе с орденом
все-таки получу.
Да здравствует творчество токаря!
Песни моторов, возмытых
В небо. Да здравствует музыка
чугунного литья!

Я знаю, что наша Родина
будет страной знаменитых.
Для каждого есть слава,—
трудись — и она твоя.
Каждую профессию
мы превращаем в искусство.
Страна мастеров заявляет:
у нас второсортных нет.
Мне не бывать Лоэнгрином.
Это, конечно, грустно.
Все-таки «Сердце красавицы»,
опера и балет.
И ты, ты уходишь, Маша.
Споем на мотив «Разлуки».
Редко с тобою встречаться
будем по вечерам.
Тебя берет государство
в суровые, нежные руки,
Вручает тебя старейшим,
строжайшим профессорам.
Но ты,— ты останешься прежней.
В театрах Владивостока
Иль на заводах Воронежа
мы встретимся. Тишина.
Тогда к знаменитой певице
подойдет знаменитый токарь
И нам, улыбаясь, будет
аплодировать вся страна.
Нет, я не хвастаю, Маша.
Но помечтать я вправе.
Я знаю свою силу.
Я знаю свою страну.
Так спой на прощанье песню
о доблести и о славе,
И я, невзирая на голос,
все-таки подтяну!

1934

БЫЛИ ДВА ДРУГА

(Песня из пьесы «Слава»)

Были два друга в нашем полку.
Пой песню, пой.
Если один из друзей грустил,
Смеялся и пел другой.

И часто ссорились эти друзья.
Пой песню, пой.
И если один говорил: «Да!»
«Нет!» — говорил другой.

И кто бы подумать, ребята, мог,—
Пой песню, пой,—
Что был один из них ранен в бою,
Что жизнь ему спас другой.

И нынче их вызвал к себе командир.
Пой песню, пой.
«На Запад поедет один из вас,
На Дальний Восток другой».

Друзья улыбнулись. Ну что ж! Пустяк.
Пой песню, пой.
«Ты мне надоел»,— заявил один.
«И ты мне»,— сказал другой.

А время отсчитывало часы.
Пой песню, пой.
Один из них прыгнул в автомобиль,
Сел в самолет другой.

Северный ветер кричал: «Крепись!»
Пой песню, пой,
Один из них вытер слезу рукавом,
Ладонью смахнул другой.

1935

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Хорошо на московском просторе!
Светят звезды Кремля в синеве.
И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.
Нас веселой толпой окружила,
Подказала простые слова,
Познакомила нас, подружила
В этот радостный вечер Москва.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

Не забыть мне очей твоих ясных
И простых твоих ласковых слов,
Не забыть мне московских прекрасных
Площадей, переулков, мостов.
Скоро встанет разлука меж нами,
Зазвенит колокольчик: «Прощай!»
За горами, лесами, полями
Ты хоть в песне меня вспоминай.

Волны радио ночью примчатся
Из Москвы сквозь морозы и дым.
Голос дальней Москвы мне казаться
Будет голосом дальним твоим.
Но я знаю, мы встретимся скоро,—
И тогда, дорогая, вдвоем
На московских широких просторах
Мы опять эту песню споем.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

1940—1941

МАТЬ И СЫН

В далекий дом в то утро весть пришла.
Сказала так: «Потеря тяжела.
Над снежною рекой, в огне, в бою
Ваш муж Отчизне отдал жизнь свою».
Жена замолкла. Слов не подобрать.
Как сыну, мальчику, об этом рассказать?
Ему учиться будет тяжело.
Нет, не скажу... А за окном мело,
А за окном седой буран орал.
А за окном заводы, снег, Урал.

И в школу тоже весть в тот день пришла.
Сказала: «Школьники, потеря тяжела.
Отец Володи вашего в бою
Отчизне отдал жизнь прекрасную свою».
И сын об этом от товарищей узнал.
Сидел среди друзей, весь вечер промолчал.
Потом пошел домой и думал он: «Как быть?»
И матери решил не говорить.
Ведь нынче в ночь ей на завод идти.
Об этом скажешь,— не найдет пути.

С тех пор о нем и вечером и днем
Они друг другу говорят как о живом,
И вспоминают все его слова,
И как он песни пел, как сына целовал,
И как любил скорей прийти домой,—
И он для их любви действительно живой.
Вот только ночью мать слезу смахнет,
В подушку сын украдкой всплакнет,
А утром надо жить, учиться, побеждать.

Как силу их сердец мне передать!

1942

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ

Есть на энском заводе
товарищ Василий Палыч,
Уважаемая фигура,
серьезнейший гражданин.
Недаром на доску почета
имя его попало,
Недаром воспел его в прозе
проезжий писатель один.
Времени зря не теряют
руки его живые,
Молча он делает дело,
презирая пустые слова.
О нем говорят рабочие
степенные, пожилые:
— Ну, брат, Василий Павлович —
это, брат, голова!—
Газета о нем писала,
его достижениям рада.
И вот, от воздушной тряски
в пути побледнев слегка,
На самолете «дуглас»
примчал из Москвы оператор
И снял Василия Павловича
непосредственно у станка.
А через короткое время
в кинотеатре местном
В киножурнале показывали
несколько сцен про него.
Был скромен Василий Палыч,
но все-таки, знаете, лестно
Вдруг на экране театра
увидеть себя самого.

Вышел он из столовой
шагом уверенным, скорым,
Направился к кинотеатру,
но вдруг — о позор и стыд! —
На этот сеанс вечерний
бездушные контролеры
Его, Василия Павловича,
не захотели пустить.
— В чем дело? — вскричал он гневно. —
К чему такие мучения?
Мною заплачены деньги,
куплен законный билет.
— Увы, — контролеры сказали, —
на эти сеансы вечерние
Не допускаются дети
моложе шестнадцати лет. —
Ему же было — пятнадцать,
к тому же еще не полных,
А видом он был невзрачен,
четырнадцати не дашь.
Этакий худенький мальчик,
в средней школе, я помню,
У нас таких называли
попросту: карандаш!
И оттого ли, что серые
глаза его загрузили,
Или узнав, что он хочет
себя самого посмотреть,
Но контролеры смягчились
и в зал его пропустили.
Он сел, — и с экрана грянула
военных мелодий медь.
Глядел на себя мальчишка,
глядел задумчивым взором,
До слез ему захотелось,
чтобы вот этот журнал
Где-нибудь там, на фронте,
увидел отец, о котором
Вот уже восемь месяцев
он ничего не знал.
Глядел на экран мальчишка,
нахолившийся, упрямый,
Какой-то комок непослушный
грудь ему распирал.
Нет, никогда не увидит
его на экране мама,
Убитая бомбой немецкой
по дороге сюда, на Урал.

И все ему вдруг показалось
 диковинной, страшной сказкой,
В которой смешался с кровью
 недавнего детства снег.
И стал в этот миг ребенком,
 маленьким мальчиком, Васькой,
Товарищ Василий Павлович,
 уважаемый человек.
Так ему захотелось
 материнскую слышать песню,
Прижаться к кому-то родному
 и, может, всплакнуть и сказать,
Что батька не пишет долго,
 что в общежитии тесно,
Что вот ему бельишко
 некому постирать.
Но свет загорелся в зале,
 волшебная тень пропала,
Вновь на мгновение белым
 стал экран и пустым.
— Ну как, на себя поглядели,
 товарищ Василий Палыч? —
Сказал контролер, тот самый,
 что сперва его не пустил.
Поднялся Василий Палыч,
 спокойным и твердым шагом,
Как подобает, на улицу
 вышел, спокоен вполне.
Побежал с толпой ребятишек
 по кустикам, по оврагам.
Лег — и отца и сражение
 видел всю ночь во сне
И повторял его имя
 мальчишескими губами...
Вставал над Уралом погожий,
 солнечный, светлый денек.
Отец его в это утро
 сражался в низовьях Кубани
И думал: где его мальчик,
 где Васька его, сынок?
Отца разлучила с сыном
 фашистская сила злая,
Лежал он в степи казачьей
 под ливнем кубанским косым,
Сжимал рукой автомат он,
 оружье свое, не зная,
Что автомат ему сделал
 в тылу, на Урале, — сын.

ГЕРОЙ

Каюсь. «Музу» мою невзлюбила экзотика.
Не воспитанный с детства в охотничьих играх,
Мой герой не ходил за Чукотку на котика
И не целился в глаз полосатого тигра.

И норд-ост не трепал его пышные волосы
Под оранжевым парусом легкой шаланды.
Он не шел открывать неоткрытые полюсы,
Не скрывал по ущельям тюки контрабанды.

Словом — личность по части экзотики куца,
Для цветистых стихов приспособлена плохо.
Он ходил в рядовых при большой революции,
Подпирая плечом боевую эпоху.

Сыпняками, тревогами, вошью изглоданный,
По дорогам войны, от Читы до Донбасса,
Он ходил — мировой революции подданный,
Безыменный гвардеец восставшего класса.

Он учился в огне, под знаменами рваными,
В боевой суматохе походных становий,
Чтобы, строя заводы, орудуя планами,
И винтовку и сердце держать наготове.

И совсем не беда, что густая романтика
Не жила в этом жестком, натруженном теле.
Он мне дорог от сердца до красного бантика,
До помятой звезды на армейской шинели.

1928

О НЕЖНОСТИ

Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного омега.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под пулемета.

Ленька плакал. Глаза его синие, щелками,
Затекали слезами и предсмертным туманом.
На сутулой спине, разможенной осколками,
Кровь застыла пятном, густым и багряным.

Подползла санитарка отрядная рыжая.
Спеленала бинтом, как пеленками, туго,
Прошептала: — Отплавал матросик, не выживет.
Потерял ты, Петрусь, закадычного друга!

Бился «максим» в порыве свирепой прилежности.
Бредил раненый ломким, надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей нежности
Гаманенко разглаживал Ленькины волосы.

По сутулому телу расплзалась агония,
Из-под корки бинта кровоточила рана:
Сквозь пальбу уловил в замирающем стоне я
Нервный всхлип, торопливый выстрел нагана.

...Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами угол.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Пожалел закадычного друга.

1928

КОМАНДИР ИСАЕВ

1

День вставал румяный, ладный,
В тонкой солнечной пылице.
Федор Тихоныч — бригадный —
Появился на крыльце.

Вышел. Френчик нараспашку,
Глянул вкось из-под бровей.
На ходу поправил шашку
Златоустовских кровей.

Оттолкнул носками землю,
Обернулся на скаку:
— Эй, каптеры, хватит всем ли
Фуража и табаку?

Всем ли выдали, каптеры,
Оружейный обзавод?
Труса празднует который,
На два корпуса вперед!

Подтянуть в обрез подпруги!
Подравнять патронташи!
Доведется нынче, други,
Батьку Шкуру ворошить...

Бросил повод полной горстью.
Канул в поднятой пыли.
Под конем забились версты,
Зашумели ковыли.

2

На лету роняет птица,
Птица серая, перо.
Скачет с войском по станице
Батько-вешатель Шкуро.

Он велит своим солдатам
Ставить трубки на картечь.
Он рубакам бородастым
Говорит такую речь:

— Много, братцы, извели мы
Куманьков и мужичья.
Для единой неделимой
Кровь пустили в три ручья.

В три ручья пустили слезы
Под Ростовом, под Орлом.
В три ряда скрипят обозы
С богоданным барахлом.

Не встречает нас стозвонный
Сороков московских звон.
Все тузы смешал Буденный,
Трижды проклятый Семен.

Подвела судьба косая.
Здесь — обход,
Засада — там.
Пятый день комбриг Исаев
Хлещет сотни по пятам.

Гонит ловчий волчьим следом.
Волчьим зубом встретить ловца.
Будем драться до победы!
Будем грабить до конца!»

3

Возле брода-переправы
Коршун выронил перо.
На бригаду бросил в лавы
Волчью конницу Шкуро.

По ложбинке по просторной,
За дозорами в угон,
Передом летит отборный
Офицерский эскадрон.

В свист разбойный,
В храп тревожный,
В топот кованых подков
С шипом выплеснули ножны
Сразу тысячу клинков.

Чей-то череп хрустнул хрупко,
Кто-то выхрипел: «Ура!..»
Не к добру ввязались в рубку
Господа офицера...

Не сомлел комбриг матерый,
Взмыл гнедого на дыбки,
С волчьей конницей шахтеры
Перепутали клинки.

Ливнем топота и стали
Захлестнули с трех сторон.
Порубали, потоптали
Офицерский эскадрон.

Возле речки, возле брода
Коршун выронил перо.
Замутила кровью воду
Волчья конница Шкуро.

Ой ты, песня, путь пройденный
 В строгом шелесте знамен!
 На крылечко встань, Буденный,
 Свет Михайлович Семен.

Встань, товарищ Ворошилов,
 На дощатое крыльцо.
 Глянь, товарищ Ворошилов,
 Землякам своим в лицо.

Вот, в намет коня бросаю,
 Скачет выученик твой,
 Федор Тихоныч Исаев,
 Человек мастеровой.

Вот он сбил свою фуражку
 Набекрень поверх бровей.
 Вот он бросил в небо шашку
 Златоустовских кровей.

Вот он дал гнедому шпоры...
 И пошли за рядом ряд
 Из Макеевки шахтеры,
 Из Луганска слесаря,

Пастухи из Армавира,
 Из Херсона рыбаки,
 Мастера войны и мира,
 Полководцы-батраки.

1932

ШЕСТОЙ

Хорошие были ребята:
 Кремневые, на подбор.

Трава на тропе примята,
 Зарос лопухами двор.
 Синее в траве колокольчик.
 Кузнечик стрижет в тишине.
 Переглянулись молча
 И молча встали к стене.

Хорошие были ребята:
 Кронштадтские. Моряки.

Одетый медью заката,
 Конвой подровнял штыки.

Подул ветерок с заречья,
И сразу стало свежо.
В высокой траве кузнечик
Стрижет себе да стрижет.

Хорошие были ребята,
Ребята были «на ять».

Замедленно падал пятый.
Шестой остался стоять.
Шестой шатнулся сутуло
(Шаг в сторону, шаг назад)
И рыжему есаулу
Взглянул исподлобья в глаза.

Сказал, улыбаясь косо:
— И тут тебе не везет.
Ужо вот тебя матросы
Почище пустят в расход...—

Упал на мягкую мяту
Под выстрелами в упор.

Хорошие были ребята:
Кремневые, на подбор.

1932

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги.
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым,
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1936

* * *

Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет.

Если буря шумит на свете,—
Как в тепле усидеть могу?
Подхватил меня резкий ветер,
Закружил, забросил в тайгу.

По армейской старой привычке
Трехлинейка опять в руке.
И тащусь к чертям на кулички
На попутном грузовике.

Пусть от стужи в суставах скрежет.
Пусть от голода зуд тупой.
Если пуля в пути не срежет,
Значит — жив, значит — песню пой.

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня.
Фронтовой бродяга-газетчик —
Я в любом блиндаже родня.

Чем тропинка труднее, уже,
Тем задорней идешь вперед.
И тебя на ветру, на стуже
Никакая хворь не берет.

Будто броня на мне литая.
Будто возрасту власти нет.
Этак сто проживаешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.

1939

* * *

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

*Суомус-Сальми.
Сев. Финляндия,
Декабрь, 1939*

* * *

Осторожно пощупал — кисет не промок,
Вынул бережно щепоть махорки,
Завернул, закурил. И поднялся дымок,
По-домашнему теплый и горький.

Черным дегтем внизу клокотала река.
В белом инее стыла береза.
По холодному небу текли облака,—
Может быть, от родного колхоза.

Он устало присел на подрубленный ствол
Возле самого края обрыва.
А по мосту, который он за ночь навел,
Горный полк проходил торопливо.

Грохотали орудия разных систем,
Шелестели по наледи шины.
Он сидел, и курил, и завидовал тем,
Кто ведет боевые машины.

Завивался и таял табачный дымок,
Как тепло задушевной беседы.
Он был плотник. И было ему невдомек,
Что за ним половина победы.

1939

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться
Родина смелых зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя.
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

1941

* * *

Софье Кривс

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

*Под Москвой,
Ноябрь, 1941*

СЛОВО БУДУЩЕМУ

Сталь кромсает ночную тьму,
Человечью жизнь карауля.
И никто не скажет, кому
Завтра в поле встретится пуля.

Беспокойный мы все народ.
С нами всякое может статься.
И желаем мы наперед
Перед будущим отчитаться.

И свою судьбу и мечту
Огрубелыми голосами
Мы потомкам начистоту,
Без утайки, расскажем сами.

Нам сулили в спину ножи
Проклинающие кликуши.
Не жалели яда ханжи,
Чтобы ранить больнее души,—

Все за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века;

Что дорогу в кромешной мгле
Мы нащупать сами сумели;
Что о рае здесь, на земле,
Мы всерьез помыслить посмели;

Что от всех обуз и помех
Мы сердца свои расковали;
Что для общего счастья всех
Личной радостью рисковали.

Коммунизм — наша жизнь и честь.
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых.

Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти,
Эту жизнь земную любя,
За нее деремса, как черти.

С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.

Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

1942

ПЕСНЯ О СЛЕПОМ БАЯНИСТЕ

*Посвящается Мише Попову, слепому
баянисту воздушно-десантной бригады
имени Кирова.*

ЗАПЕВ

Немного в жизни надо нам!
Мы мертвым полем шли
И в поле том негаданно
На песню набрели.

Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Над песней ветер крутится,
Задира и буян.
Сквозь снежную распутицу
Ее ведет баян.

Старинная, не новая,
Она цветет в груди.
Ведь зарево багровое
За Нарой, впереди.

Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва...
И стали вновь понятными
Старинные слова.

Огонь метнулся и погас
В кустах между ветвей.
«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей».

«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей!»

Сечет струя упрямая
По снежной целине.
«Трансваль, Трансваль,
Страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Шуршит свинец в несжатой ржи,
В некошеной траве,
Мы защищаем рубежи
На подступах к Москве.

Над речкой Нарой черный дым.
Сечет горячий град.
А мы по грудь в земле сидим
И ни на шаг назад.

Невзрачен день, а ночь длинна,
А непогода зла.
В такую непогодь война
К нам гостя привела.

Пришел парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжелый ящик за спиной,
В том ящике баян.

Сосновой палкой впереди
Нащупывает путь,
Зовёт и просит:— Проводи
К бойцам куда-нибудь!

Я на дожде насквозь промок,
Шагая належке.
Мой подмосковный городок
Отсель невдалеке.

Мне не держать в руках ружье —
Глаза мои темны,
Но сердце зрячее мое
Не терпит тишины.

Быть может, песенка моя
Придется ко двору!
А если надо будет,— я
Со зрячими умру.

Рабочей, золотой души
Был комиссар у нас.
Сказал он писарю:— Впиши
Товарища в приказ.

В полях, освистанных свинцом
Военных непогод,
Баян зачислен был бойцом
В стрелковый первый взвод.

С дороги тропка завилась
В блиндажную нору.
И вправду — песенка пришлась
Бригаде ко двору.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Поднявшись спозаранку,
Товарищ наш слепой
Все ходит по землянкам
Натоптанной тропой.

На черный ящик сядет:
— Концертник, что ли, дам?--
Ремень к плечу приладит,
Ударит по ладам.

День гулко рвется миной,
Снарядом воез зло.
А с песенкой старинной
Не страшно и тепло.

Средь боевого шума
Напев высок и чист...
— О чем на сердце дума,
Товарищ баянист?

— Подсядь ко мне поближе.
Про молодость свою,
Про все, что сердцем вижу,
Я песенку спою.

За прибережной кручей
Угрюмые леса.
Баян ты мой певучий,
Стальные голоса.

За прибережной кручей
Сожженные сады.
Баян ты мой певучий,
Послушные лады.

Над прибережной кручей
На ветлах воронье.
Баян ты мой певучий,
Оружие мое.

У края жизни смело
Лады баяна тронь.
И кажется — запела
Далекая гармонь.

Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как вести о невесте,
О друге, о жене.

И кажется — в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
К потерянной весне.

Та песенка простая
Понятна и близка.
И тает, отлетая,
Окопная тоска.

Тоска, как льдинка, тает,
И не страшна пурга,
Подснежник прорастает
Сквозь черные снега.

Поля росой умылись,
Ручьи светлей слюды,
И зеленью покрылись
Сожженные сады.

Играй, баян мой старый,
О солнце и весне
Над русской речкой Нарой
В железной тишине.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Недолго до рассвета
Над лесом стыть луне.
Зеленая ракета
Сгорает в вышине.

Морозные иголки
Летят с большой сосны,
Как ломкие осколки
Железной тишины.

Взлетели из метели
Железные стрижи.
Землянки опустели,
Притихли блиндажи.

Огня струей багровой
Кустарник опален.
В ружье, на смерть готовый,
Поднялся батальон.

Все ближе рев и топот,
Все резче ветра свист.
Наощупь из окопа
Выходит баянист.

Сечет свинец горячий,
Над полем сталь гудет,
А он вперед, как зрячий,
Уверенно идет.

Над полем небо в звездах.
От залпов ночь глуха.
Баян глотает воздух
В просторные меха.

В снегах лощины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.

Провыла мина волком.
Рассвет качнулся, мглист.
И, раненный осколком,
Споткнулся баянист.

Но в грохоте и вое
Та песня не умрет.
К слепцу подходят двое,
Ведут его вперед.

Как ураган на воле,
Как снежных глыб обвал,
Бушует в мертвом поле
«Интернационал».

Звенит над болью жгучей
И гонит забытье...
Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

1942

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне с восемнадцати лет
Я солдатскую лямку тяну.
Черета лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.

И от пуль невредим и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

*Под Ржевом,
Сентябрь, 1942*

ПЕСНЯ О СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

За пустой околицей,
За Донец-рекой
Вздрогнет и расколется
Полевой покой.

Неоглядно поле то
За седой межой,
Жаркой кровью полито
Нашей и чужой.

Далеко от поля-то
До Буран-села.
А над кровью пролитой
Черный дым и мгла.

В дали затуманенной
Как узнать о том,
Что лежу я, раненый,
В поле под кустом?

Что меня жестокая
Тянет боль во тьму?..
Милая! Далекая!
Жутко одному.

Под бинтом-тряпицею
Голова в огне.
Обернись ты птицею,
Прилети ко мне.

Наклонись, прилежная,
Веки мне смежи,
Спой мне песню прежнюю,
Сказку расскажи:

Про цветочек аленький,
Про разрыв-траву.
Будто вновь я, маленький,
На земле живу...

То ли шелест колоса,
Трепет ветерка,
То ли гладит волосы
Теплая рука.

И не чую жара я.
И не ранен я.
Седенькая, старая,
Светлая моя!

*Москва,
Июнь, 1943*

* * *

Чтоб разбудить все силы человечьи,
Нужна была октябрьская гроза.
Нам Ленин руки положил на плечи,
Отцовским взглядом заглянул в глаза.

И осветилась сразу ярким светом
Даль времени, до самой глубины,
Как будто мы прочли во взгляде этом
Свою судьбу, судьбу своей страны.

Как будто спала с наших глаз завеса
И новый век пробрезжил сквозь туман.
Так путника, сквозь влажный сумрак леса,
Зовет в иные дали океан.

Так у бескрылых вырастают крылья,
Когда зовет простором высота...
Мы поняли тогда, что стала былью
Во тьме веков созревшая мечта.

1949

ШАПКА ПО КРУГУ!

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В Лондоне в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи,
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.
Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир!

По рядам поплыла
Виды выдавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущенье:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.

Кости не греет дырявый мундир,
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка, дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс! Хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

1952

ПАПОЧКА И МЫШКА

Спи, мой мальчик, спи, малыш...
Тихо в нашей спаленке,
В уголке скребется мышь,
Ты не бойся, маленький.
Не откусит мышка вдруг
Пальчики-мизинчики:
Эта мышка — папин друг
В нашем магазинчике.
Спи, мой милый, спи, малыш...
Отчего ты все не спишь?
Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...
Вот месяц в подушку
Щекою залез...
Утруска, усушка...
Утечка, провес...

В уголке скребется мышь
Бархатною лапочкой,
Эта мышь дает барыш
И тебе и папочке.
Папа спит на мышей
Фрукты и конфеточки
И накормит до ушей
Дорогого деточку.
Спи, мой милый, спи, малыш...
Отчего ты все не спишь?
Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...
Вон звезды, как свечи,
Глядятся с небес...
Усушка, утечка...
Утруска, провес...

Шкурка мышкина — пустяк,
Но из этой шкурочки

Папа выкроил пиджак
И тебе па бурочки.
И пока не тронет кот
Мышкиного ротика,
Будет маме коверкот
И пальто из котика.
Спи, мой милый, спи, малыш...
Пусть тебе приснитсямышь...
Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...
У мышки-вострушки
Есть много чудес...
Утруска, усушка...
Утечка, провес...

1933

МАРШ ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТ

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли.

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы все добудем, пойдем и откроем,
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда,
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою!

Нам песня строить и жить помогает,
Она на крыльях к победе ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

1934

ВЕСЕЛЫЙ ВЕТЕР

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.

Спой нам, ветер, про дикие горы,
Про глубокне тайны морей.
Про птичьи разговоры,
Про синне просторы,
Про смелых и больших людей!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.

Слой нам, ветер, про чаши лесные,
Прo звериный запутанный след,
Прo шорохи ночные,
Прo мускулы стальные,
Прo радость боевых побед!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам, ветер, про славу и смелость,
Прo ученых, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось,
Чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам песню, чтоб в ней прозвучали
Все весенние песни земли,
Чтоб трубы заиграли,
Чтоб губы подпевали,
Чтоб ноги веселей пошли!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

ПЕСЕНКА О КАПИТАНЕ

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул.

И в беде,

И в бою

Напевал он всюду песенку свою:

— Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля!
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!

Но однажды капитан
Был в одной из дальних стран
И влюбился, как простой мальчуган.
Раз пятнадцать он краснел,
Заикался и бледнел,
Но ни разу улыбнуться не посмел.

Он мрачнел,

Он худел,

И никто ему по-дружески не спел:

— Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля!
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!

1937

ПЕСНЯ О ВОЛГЕ

Словно тучи, печально и долго
Над страной проходили века,
И слезами катилась Волга —
Необъятная наша река.
Не сдавалась цепям и обманам
Голубая дорога страны, —
Незадаром Степан с Емельяном
Вниз по Волге водили челны.

Красавица народная,
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная —
Широка,
Глубока,
Сильна!

Много песен над Волгой звенело,
Да напев был у песен не тот:
Прежде песни тоска наша пела,
А теперь наша радость поет.
Разорвали мы серые тучи,
Над странюю весна расцвела,
И, как Волга, рекою могучей
Наша вольная жизнь потекла!

Красавица народная,
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная —
Широка,
Глубока,
Сильна!

Мы сдвигаем и горы и реки,
Время сказок пришло наяву,
И по Волге, свободной навеки,
Корабли приплывают в Москву.
От Москвы до ворот Сталинградских,
Как большая живая рука,
Все народы приветствует братски
Всенародная Волга-река.

Красавица народная,
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная —
Широка,
Глубока,
Сильна!

Много песен про Волгу пропето,
А еще не сложили такой,
Чтобы, солнцем советским согрета,
Зазвенела над Волгой-рекой.
Грянем песню и звонко и смело,
Чтобы в ней наша сила жила,
Чтоб до самого солнца летела,
Чтоб до самого сердца дошла!

Красавица народная
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная —
Широка,
Глубока,
Сильна!

Наше счастье, как май, молодое,
Нашу силу нельзя сокрушить.
Под счастливой советской звездой
Хорошо и работать и жить!
Пусть враги, как голодные волки,
У границ оставляют следы —
Не видать им красавицы Волги
И не пить им из Волги воды!

Красавица народная,
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная —
Широка,
Глубока,
Сильна!

1937

САД МОЙ ЛЮБИМЫЙ

В бело-розовом снегу
сад мой любимый.
Я храню и берегу
сад мой любимый.

Тянут яблони, как руки,
Ветки свежие ко мне,
Все они — мои подруги,
Все они знакомы мне.
Вместе с ними вырастала
Под горячим солнцем я,
Вместе с ними расцвела
Юность нежная моя.

Все пышнее каждый год
сад мой любимый.
Как страна моя, цветет
сад мой любимый!

Ты со мной всегда дружил,
сад мой любимый.
Знаешь ты, кто сердцу мил,
сад мой любимый!

Всех людей любовь находит,
Как ни прячься, все равно —
Милый образ в сердце входит,
И, как сад, цветет оно.
Если сердце полюбило,
Запретить нельзя ему...
Хочешь всем сказать о милом —
И не скажешь никому!

Знаешь ты, о ком пою,
сад мой любимый.
Береги любовь мою,
сад мой любимый!

1939

МЫ В МОРЕ УХОДИМ

Сурово и грозно эскадра идет,
Крутую волну рассекая.
Мы в море уходим, и с нами в поход
Легит наша песня морская.

Мы храбрые люди,
Мы Родину любим,
И жизнь мы готовы отдать за нее —
За море широкое,
За небо высокое,
За красное знамя свое!

Ни ветер, ни буря не страшны для нас,
Мы всякие виды видали,—
Мы в самой пучине бывали не раз
И штормы не раз побеждали!

В морской глубине не укрыться врагам,
Не спрятаться в дымке туманов,
Не пустим врагов мы к родным берегам
Советских морей, океанов.

Линкоры могучи, сильны крейсера,
И быстрые метки торпеды.
Советские люди — побед мастера,
И мы не уйдем без победы!

В бою не уступит советский моряк,
Идут до конца краснофлотцы,—
Недаром в чужих и далеких морях
Про нашу отвагу поется.

Наш флот все сильнее, наш ход все быстрее,
Семья моряков вырастает,
И гордо над свежим простором морей
Наш вымпел победный блистает.

Уверенно флагман эскадру ведет,
Крутую волну рассекая.
Мы в море уходим, и с нами в поход
Летит наша песня морская.

Мы храбрые люди,
Мы Родину любим,
И жизнь мы готовы отдать за нее —
За море широкое,
За небо высокое,
За красное знамя свое!

1939

ЧАЙКА

Чайка смело
Пролетела
Над седой волной,
Окунулась
И вернулась,
Вьется надо мной.

Ну-ка, чайка,
Отвечай-ка:
Друг ты или нет?
Ты возьми-ка,
Отнеси-ка
Милому привет.

Милый в море,
На просторе,
В голубом краю.
Передай-ка,
Птица чайка,
Весточку мою.

Я страдаю,
Ожидая
Друга своего.
Пусть он любит,
Не забудет —
Больше ничего.

Знай, мой сокол:
Ты далеко,
Но любовь — со мной.
Будь спокоен,
Милый воин,
Мой моряк родной!

Чайка взвилась,
Покружилась,
Унеслась стрелой...
Улетает,
В море тает
Мой конверт живой!

1939—1940

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

1941

РОДСТВЕННИЧЕК

Я к вам хожу десятый раз подряд,
Чтоб получить какую-то жилплощадь!
Мой шурин — лауреат, мой деверь — депутат,
А я с женою должен жить у тещи?!
Помилуйте! Ведь это же позор!
Мне надоели глупые отписки!
Мой дед был партизан, мой дядя прокурор,
И сам я крестный сын заслуженной артистки!
Мне некогда мотаться к вам сюда,
Меня нельзя равнять со всяким прочим:
Троюродный мой брат теперь Герой Труда,
И скоро будет награжден мой отчим.
Какие справки вам еще нужны?
Вот лучший документ — центральная газета,
И в ней портрет. Вы знаете, кто это?
Нет?! Это мало, что герой войны,—
Он бывший муж моей родной жены!
Ну?.. Что вы скажете теперь? Я жду ответа!
Что? Кто такой я сам? Так я же все сказал,
И к заявлению справки все подшиты...
Везде я все в два счета получал,
И лишь у вас такая волокита!
Когда же будет этому конец?
Поймите, наконец, мы без угла, без дома!
Да, я забыл сказать, моей жены отец
Служил секретарем у бывшего наркома!

1943

НА ЛОДКЕ

С той поры, как мы увиделись с тобой,
В сердце радость я, как солнышко, ношу.
По-другому и живу я и дышу
С той поры, как мы увиделись с тобой.

Милый друг, наконец-то мы вместе!
Ты пльви, наша лодка, пльви.

Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви!

Точно звезды, светят ясные глаза,
Отражается в них вечер золотой.
Над прозрачною и теплою водой,
Точно звезды, светят ясные глаза.

Не могу я наглядеться на тебя,
Как мы жили друг без друга — не пойму.
Не пойму я, отчего и почему
Не могу я наглядеться на тебя!

Милый друг, наконец-то мы вместе!
Ты плыви, наша лодка, плыви.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви!

1947

МЫ РОДИНУ СЛАВИМ ТРУДОМ

Багряное солнце рассеяло тьму,
Готовясь к большому пути,—
Немало придется трудиться ему,
Чтоб нашу страну обойти!

Громады лесов осветила заря,
Степей бесконечную ширь,
Высокие горы, большие моря,
Кавказ, Ленинград и Сибирь.

На юге — тепло и ни облачка нет,
На севере — тучи и лед,
На Балтике — ночь,
На Приморье — рассвет,
И всюду работа идет.

Товарищ, когда ты, проснувшись, встаешь,—
Встают миллионы с тобой,
Когда ты спеша на работу идешь,—
Идут миллионы с тобой.

В лесах, на горах, у морей и у рек —
Повсюду мы братьев найдем.
Везде, где советский живет человек,
Он родину славит трудом.

Он уголь и газ достает из земли
Великою силой труда.
В местах, где враги все смели и сожгли,
Из пепла встают города.

Пусть вселенная разгорается день,
Минуты не будем терять,
Чтоб родину к счастью еще на ступень
Могучим усилием поднять!

Победа в труде, как победа в бою,
Сама к нам, друзья, не придет.
Работой украсим отчизну свою,
За счастье, за радость — вперед!

1947

ПЕСНЯ СТАРОГО ТКАЧА

Помню я, ребята,
Год великий пятый:
 Встали мы грозой на господ.
Время это славное,
Время это давнее
 В памяти народа не умрет.

Кончена работа.
Вышли за ворота
 Тысячи ивановских ткачей.
Их шаги громовые,
Голоса суровые
 Потрясли хоромы богачей.

Не забуду Талку,
Где волною жаркой
 Речи большевистские лились,
Где за жизнь народную,
Светлую, свободную
 До конца бороться мы клялись.

Годы миновали,
Все свое мы взяли:
 Наша вся советская земля —
Дали безграничные,
Корпуса фабричные,
 Щедрые колхозные поля.

Весел он и молод,
Наш рабочий город,
 Этажам в небо вознесен.
Слушай, Талка быстрая,
Песни голосистые —
 Музыку станков и веретен.

Весел он и молод,
Наш текстильный город,
 Фабрики шумят из края в край,—
Фабрики-красавицы,
Что повсюду славятся
 Тканями цветистыми, как май.
1938

ИВАНОВСКИЙ СИТЦ

В далеком поле хлопок созрел,
Под небом юга цвел белоголовый,
В руках у нас он тонкой пряжей стал,
Засеребрился свежеею основой.

Легка, быстра ткачиха у станка,
В работе навык у нее хороший.
Струится ткань, добротна и крепка,
Чиста, бела, как первая пороша.

В печатный цех пойдет она потом,
На ней узоры красочные лягут:
Колосья нив в сиянье золотом,
Цветы лугов и гроздья спелых ягод.

Такому ситцу кто не будет рад,
Кто на красу его не заглядится!
Чудесный выйдет каждому наряд
Из нашего ивановского ситца!

КОНЬ

Топтал Павлодарские травы не даром,
От Гробны до Тыса ходил по базарам.
Играл на обман средь приезжих людей
За полные горсти кудлатых трефей.
И поднимали кругом карусели
Веселые ситцевые метели.
Прошли табуны по сожженным степям,
Я в зубы смотрел приведенным коням.
Залетное счастье настигло меня,—
Я выбрал себе на базаре коня.
В дорогах моих на таком не пропасть —
Чиста вороная, атласная масть.
Горячая пена на бедрах остыла,
Под тонкою кожей — тяжелые жилы.
Взглянул я в глаза,— высоки и остры
Навстречу рванулись степные костры.
Папаху о землю! Любишься да стой!
Не грива, а коршун на шее крутой.
Неделю с хозяином пили и ели,
Шумели цветных каруселей метели.
Прощай же, хозяин! Навстречу нахлынет
Поднявшейся горечью ветер полыни.
Навстречу нахлынут по гривам песков
Горячие вьюги побед и боев.
От Гробны до Тыса по логам и склонам
Распахнут закат полотнищем червонным.
Над Первой, над Конной, издавека —
На нас лебедями летят облака.

1930

КИРГИЗИЯ

Замолкни и вслушайся в топот табунный,—
По стертým дорогам, по травам сырým,
В разорванных шкурах

бездомные гунны

Степной саранчой пролетают на Рим!..

Тяжелое солнце

в огне и туманах,

Нахлынувший ветер горяч и суров.

Полыни горьки, как тоска полонянок,

Как песня аулов,

как крик беркутов.

Безводны просторы. Но в полдень прольется

Шафранного марева пряный обман,

И нас у пригнувшихся древних колодцев

Встречает гортанное слово:— аман!¹

Отточены камни. Пустынен и страшен

На лицах у идолов отблеск души.

Мартыны и чайки

кричат над Балхашем,

И стадо кабанье грызет камыши.

К юрте от юрты, от базара к базару

Верблюжьей походкой размерены дни,

Но здесь на дорогах

ветров и пожаров

Строительства нашего встанут огни!

Совхозы Киргизии!

Травы примяты.

Протяжен верблюжий поднявшийся всхлип.

Дуреет от яблонь весна в Алма-Ата,

И первые ветви

раскинул Турксиб.

Земля набухая гудит и томится,

Несобранной силой косматых снопов

Зеленые стрелы

взошедшей пшеницы

Проколют глазницы пустых черепов.

Молчит и готовится степь к перемене.

В песках залежавшись,

вскипает руда,—

И слушают чутко советы селений,

Как ржут у предгорий, сливаясь, стада.

1930

¹ А м а н — здравствуй!

СТРОИТЕЛЮ ЕВГЕНИИ СТЭНМАН

Осыпаются листья, Евгения Стэнман, пора мне вспомнить весны и зимы и осени вспомнить пора. Не осталось от замка Тамары камня на камне, не хватило у осени листьев и золотого пера. Старых книг не хватило на полках, чтоб перечесть их, будто б вовсе не существовал Майн-Рид; та же белая пыль, та же пыльная зелень в предместьях, и еще далеко до рассвета, еще не погас и горит на столе у тебя огонек. Фитили этих ламп обгорели, и калитки распахнуты, и не повстречаешь тебя. Неужели вчерашнее утро шумело вчера, неужели шел вчера юго-западный ветер, в ладони трубя? Эти горькие губы так памятны мне, и похоже, что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои; и едва прикоснешься к прохладному золоту кожи — в самом сердце пустынного сада гремят соловьи. Осыпаются листья, Евгения Стэнман. Над ними то же старое небо и тот же полет облаков. Так прости, что я вспомнил твое позабытое имя и проснулся от стука веселых твоих каблучков. Как мелькали они, когда ты мне навстречу бежала, хохоча беспричинно, и как грохотали потом средь тифозной весны у обросших снегами привалов. Под расстрелянным знаменем, под перекрестным огнем. Сабли косо взлетали и шли к нам охотно в подруги. Красногвардейские звезды не меркли в походах, а ты все бежала ко мне через смерть и тяжелые выюги, отстраняя штыки часовых и минуя посты... Я рубил по погонам, я знал, что к тебе прорубаюсь, к старым вишням, к окну и к ладоням горячим твоим, Я коня не зануздывал больше, я верил, бросаясь впереди эскадрона на пулеметы, что возвращусь невредим. И в теплушке, шинелью укутавшись, слушал я снова, как сквозь сон, сквозь снега, сквозь ресницы гремят соловьи. Мне казалось, что ты еще рядом, и понято все с полуслова, что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои. Я готов согласиться, что не было чаек над пеной, ни веселой волны, что лодчонку волной унесло. Что зрачок твой казался мне чуточку меньше вселенной, неба не было в нем — впереди от бессонниц светло. Я готов согласиться с тобою, что высохла влага на заброшенных веслах в амбарчике нашем, и вот, весь июнь под лодчонкой ночует какой-то бродяга, режет снасть рыболовной артели и песни поет. Осыпаются листья, Евгения Стэнман. Пора мне вспомнить весны и зимы и осени вспомнить пора.

Не осталось от замка Тамары камня на камне,
не хватило у осени листьев и золотого пера.
Мы когда-то мечтали с тобой завоевывать страны,
ставить в лунной пустыне кордоны и разрушать города;
через желтые зори, через пески Казахстана
в свежем ветре экспресса по рельсам ты мчалась сюда.
И как ни был бы город старинный придиричив и косен,—
мы законы Республики здесь утвердим и поставим на том,
чтоб с фабричными песнями свыклась и сладилась осень,
мы ее и в огонь, и в железо, и в камень возьмем.
Но в строительном гуле без памяти, без перемены
буду слушать дыханье твое и, как вечность назад,
опрокинется небо над нами и рядом мгновенно
я услышу твой смех и твои каблучки простучат.

1932

ПЕСНЯ

В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.
На косых путях мороза
Ни огней, ни дыму нет,
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.
Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя ж огонь еще:
В темном золоте светлица,
Синий свет в сенях толпится,
Дышат шубы горячо.
Отвори пошире двери,
Синий свет впусти к себе,
Чтобы он павлиньи перья
Расстелил по всей избе,
Чтобы был тот свет угарен,
Чтоб в окно, скуласт и смел,
В иглах сосен, вместо стрел,
Волчий месяц, желт и хмарен,
Губы вытянув, смотрел.
Сквозь казацкое ненастье
Я брожу в твоих местах.
Почему постель в цветах,
Белый лебедь в головах?
Почему ты спишься, Настя,
В лентах, в серьгах, в кружевах?
Неужель пропащей ночью

Ждешь, что снова у ворот
Потихоньку захохочут
Бубенцы и конь заржет?
Ты свои глаза открой-ка —
Друга видишь неужель?
Заворачивает тройки
От твоих ворот метель.
Ты спознай, что твой соколик
Сбился где-нибудь с пути.
Не ему во тьме собольей
Губы теплые найти!—
Не ему по вехам старым
Отыскать заветный путь,
В хуторах под Павлодаром
Колдовским дышать угаром
И в твоих глазах тонуть!

1933

ИРТЫШ

Камыш высок, осока высока,
Тоской набух тугой сосок волчицы,
Слетает птица с дикого песка,
Крылами бьет и на волну садится.

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей —
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.

Светла твоя подводная гроза,
Быстры волны шатучие качели,
И в глубине раскрытые глаза
У плавуна, как звезды, порыжели.

И в погребках песчаных в глубине
С косой до пят, румяными устами
У сундуков незапертых, на дне
Лежат красавки с щучьими хвостами.

Сверкни, Иртыш, их перстнем золотым!
Сон не идет, заботы их не точат,
Течением относит груди им
И раки пальцы нежные щекочут.

Маши турецкой кистью камыша,
Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша,

Одним тобой, красавец остроскулый,
Оставив целым меду полковша,
Роскошествуя, лето потонуло.

Мы встретились. Я чалки не отдам,
Я сердца вновь вручу тебе удары...
По гребням пенистым, по лебедам
Ударили колеса «Товар-пара».

Он шел одетый в золото и медь,
Грудастый шел. Наряженные в ситцы,
Ладонь к бровям, сбегались поглядеть
Досужие приречные станицы.

Как медлит он, теченье поборов,
Покачиваясь на волнах дородных...
Приветственный погуливает рев —
Бродячий сын компаний пароходных.

Качайте, бочки, сыпьте в трюмы хлеб.
Ссыпайте соль, которою богаты.
Мне б горсть большого урожая, мне б
Большой воды грудные перекаты.

Я б с милой тоже повстречаться рад —
Вновь распознать забытое в разлуке,
Из-под ресниц позолоченный взгляд,
Ее волос могучий пережат,
И зноем зацелованные руки.

Чтоб про других шепнула: не вини...
Чтоб губ от губ моих не отрывала,
Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржах печально зажигала.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слез на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны!

1934

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Твоих стихов простонародный говор
Меня сегодня утром разбудил.
Мне дорог он,
Мне близок он и мил,
По совести — я не хочу другого

Сегодня слушать... Будто лемеха
Передо мной прошли в упорстве диком,
Взрывая землю...
Сколько струн в великом
Мужичьем сердце каждого стиха!
Не жидкая скупая позолота,
Не баловства кафтанчик продувной,—
Строителя огромная работа
Развернута сказаньем предо мной.
В ней — всюду труд, усилъя неперестанцы,
Сияют буквы, высятся слова.
Я вижу, засучивши рукава,
Работают на нивах великаны.
Блестит венцом
Пот на челе творца —
Не доблести ль отличие эти росы?
Мир поднялся не шелканьем скворца,
А славною рукой каменотеса.
И скучно нам со стороны глядеть,
Как прыгают по веткам пустомели.
На улицах твоя гремела медь,
Они в скворешнях
Для подружек пели.
В их приютившем солнечном краю,
Завидев толпы, прятались с испугу.
Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Ее повсюду знают.
Ее зовут Советскою Страной,
Страною Счастья — так же называют.
Ты ей в хвалу
Не пожалеешь слов,
Рванется стаей соловьиной в кличе...
Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели,
Когда под саблей падал Перекоп,
Когда в бою
Демьяна песни пели!
Как никому завидую тебе,
Обвевшему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе,
Поэзии багровые знамена!

К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ

Вот предо мною портрет твой с лицом исхудалым.
Мальчик сидит на руках у тебя годовалый.
Сумрак предгрозя. Восемидесятые годы.
Первые поиски правды, добра и свободы.
В комнатах низких до света дымят папиросы.
Слухи о стачках. Студенткою русоволосой,
Глядя задумчиво на облака заревые,
Имя Ульянова ты услышала впервые.
Машенькой звали тебя. Называла б я мамой,
Да не успела,— потух огонек неупрямый.
Мне рассказали, как ты, озоруя, бывало,
Так же вот с крыш леденцы голубые сбивала,
Как ты читала стихи детворе на деревне,
Как рисовала ты небо, пруды и деревья.
Короток был твой часок небогатый девичий,
Дальше — заботы, да горе, да чинный обычай.

...Сколько могил на елецких, на курских кладбищах!
Прыгают птицы по плитам, чирикают, свищут.
Сколько осталось в шкатулках отчаянных писем!
Что это здесь, на подчаснике,— слезы иль бисер?
Розы из бисера — бедная женская слава;
Дальше — январские проруби, петли, отравы...
Часто, когда по асфальту я звонко шагаю,
Память, как слезы, мне на душу вдруг набегают.
Я вспоминаю товарищей — женщин погибших,
Нашего воздуха ртом пересохшим не пивших,
Душные спальни-бараки и труд непосильный.
Свод каземата мне видится, сумрак могильный,
Синие губы закушены... Окрик жандармов...
Сестры! Земной вам поклон от сестер благодарных!

Ты умирала, заброшена, в горнице темной,
Не в каземате, но в мира темнице огромной.
...В заросли трав я могилы твоей не нашла,
Только метелку душицы к губам поднесла,
Думая: если бы, если бы ты поглядела,
Как нас волной подхватило высокое дело,
Как, просыпаясь, я счастлива дружбой, работой,
Как я волнуюсь одною с отчизной заботой.
Небо над нами качается деревом звездным,
Вместе б идти нам с тобой по равнинам морозным!
Мы бы с тобою, наверно, товарками стали,
Вместе бы мы «По военной дороге» певали.

...Ты мне оставила старый некрасовский том.
Слышу твой голос в напеве угрюмом, простом,
Вот раздвигаются губы твои на портрете.
Верно, ты знала на память «Крестьянские дети».
Тени тихонько ложатся на впалые щеки.
Спи,— я дышу за двоих нашим ветром высоким.

1940

* * *

Повиликой молодость повяла.
Жизнь, нельзя сказать, чтоб удалась.
Все же повторяю, как бывало:
Слава той, что ливнем пронеслась,

Слава жизни строгой, быстротечной,
Слава избранному мной труду —
Русской речи, ясной и сердечной,
На земле, в которую уйду.

Горькие достались нам потери,
Но была нам не в беду беда,
Жили мы, высокой правде веря,
Ей не изменяли никогда.

Вправду, этот мир мы посетили
В необыкновенные часы,
На пиру великом погостили,
Навидались досыта красы.

Если б в смертный час меня спросили:
Чем же ты так счастлива была?
Я б сказала: я жила в России,
По ее дорогам я прошла.

1944

ПЕСНЯ О ЛЕБЯЖЬЕЙ КАНАВКЕ

По Лебяжьей по канавке,
По небесной синеве,
Тихо весла подымая,
Лодка движется к Неве.

Дети с бережка сбегают
Побарахтаться в воде,
Дети смотрят и не верят —
Нету лебеда нигде!

Опаляя город зноем,
Ходит полдень молодой,
Сада Летнего прохлада
Пролетает над водой.

Отсверкали, отгремели
Поля Марсова грома,
Этим полем проходила
Революция сама.

Годы славные далеко,
Зацветают деревья...
За Лебяжьей за канавкой
Открывается Нева.

На Лебяжьей на канавке
Нету лебеда нигде,—
Белым лебедем проходит
Только облако в воде.

1935

СИНЕ МОРЕ

Сине море, сине море,
Белый парус, ярый шквал!
С детских лет про сине море
Только в сказках я слышал.

В тульском поле, на равнине,
В тихих лиственных лесах,
Я мечтал об этой сини,
О заморских чудесах.

Если утром луг в тумане
Будто волнами кипит,
Это в море-океане
Чудо-юдо рыба-кит.

Улетали птицы клином
В край далекий, за моря,—
И вставали из пучины
Тридцать три богатыря.

В том краю не знают горя,
В том краю не видят зла.
Пел я песню, как по морю
Лебедь белая плыла.

Сине море, сине море,
Неизвестные края!
За родную землю споря,
В сине море вышел я.

Мне не в сказке волны пели,
Ты теперь не только сон,
Я в морской твоей купели
Боевым огнем крещен.

Надо мной вставал железный
Шквал смертельного огня,
Подо мной кипела бездна,
Синей влагой леденя.

Я подумал: «Нет, не сгину!
Ярость мне дана не зря,—
Выходили ж из пучины
Тридцать три богатыря!»

За родную землю споря,
Я родным тебя назвал,
Сине море, сине море,
Белый парус, ярый шквал!

1943

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА

Она горит, как луч светла,
Как будто в ней великий зодчий
Предвидел в громкой славе отчей
Сыновней доблести дела.
Она свидетелем была
Тех дней, когда, питомец флота,
«Аврора» битву начала,
В грядущее открыв ворота.
А в дни блокады, в дни, когда
Ложились пеплом города,
Когда угрозой неминучей
Над нею смерть витала тучей,
России новой сыновья
Глухим чехлом ее укрыли
И до победы сохранили,
От вражьих взоров утая.
И под сыновними руками
Чехол защитный вдруг упал,—
И вновь на золоте лучами
Рассвет багряный заиграл.
И снова грани засияли,
И небывало молодой,
С пятиконечною звездой,
Она, вчekanена в медали,
Легла на тысячи наград,
Сама достойная награды:
Она огонь и лед блокады —
Все испытала как солдат.
И в ночи белые, сквозные,
Когда притихшие дома
Стоят как будто вырезные,
Она, притихшая сама,
Окружена прозрачной мглой,
Сквозь дрему слышит плеск залива
И с Петропавловской иглой
Беседует неторопливо
О том, что снова в путь знакомый
Идут заливом корабли,

Что снова флоту молодому
Дороги за море легли.
И, озаренный новой славой,
Под неоглядной высотой,
Как будто знак морской державы,
Плывет кораблик золотой.

1947

ШИПОВНИК

Осенний день. Поблекли травы.
Сырой, туманный холодок.
И вдруг неожиданно у канавы
Расцвел шиповника цветок.

Как будто друг, всегда желанный,
Он в этот серый день вошел
И, озарив его, румяный,
Неукротимый, цвел и цвел.

Ему и горя было мало,
Что лето за море ушло,
Что все вокруг отпировало,
Открасовалось, отцвело.

В своем порыве одиноком
Он жаждой жизни пламенел,
И лес, притихший за дорогой,
«Не отцветай!» — ему шумел.

И лесу вторил шорох ветра
И голоса отлетных стай.
И я шептал посланцу лета:
«Не отцветай! Не отцветай!»

1953

БАРАНЧИКИ

Нет зимы уже и в помине.
Вот баранчики расцвели.
Я не знаю, как по-латыни
Их ученые нарекли.

Так в народе их называли,
А ребята, мои друзья,
Те и книг еще не читали,
Впрочем, их не читал и я.

Снег сойдет, пообсохнет поле,
Раскудрявится ближний лес.
Мы весь день босиком, на воле,—
Столько разных вокруг чудес!

Впрочем, может быть, это сами
Мы выдумывали чудеса,—
И казались нам чудесами
Гром, и радуга, и роса.

И какой-нибудь первый цветик,
Что и красками небогат,
Расцветет — и лужок осветит,
И лужок — не лужок, а сад.

Мы ромашки звали — пупавки,
А щавель в лугах — столбецы.
Кто в названья их внес поправки?
Может, деды, может, отцы,—

Мы не знали.
А под кустами,
По оврагам и у ручья,—
Там баранчики вырастали.
Так ли я говорю, друзья?

Длинноноги и неказисты,
В желтых венчиках-бубенцах,
Вырастали в сухих и чистых
Наших лиственных лесах.

Был обычай у нас известный —
Все на вкус проверять в лесу:
Сыроежку и сок древесный,
Мед шмелиный или росу.

А баранчики расцветали —
Все мы с первых весенних дней
Стебли сочные поедали,
Будто не было их вкусней.

Так казалось, а вот поди-ка,
В чем тут дело — не объяснить —
Ни малина, ни земляника
Не могли их потом затмить.

Видно, в мире, таком безбрежном,
Глубже в сердце хранишь своем
Самый первый робкий подснежник,
Первый дождик и первый гром.

1954

КАЧКА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку
до Махач-Калы.

Мы теперь не поем, не спорим —
мы водою увлечены —
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.
А потом —
затихают воды —
ночь Каспийская,
мертвая зыбь —
знаменуя красу природы,
звезды высыпали, как сыпь —
от Махач-Калы
до Баку
луны плавают на боку.

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...
уверяю вас.
Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.

СОЛОВЬИХА

Зинаиде Райх

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдет на разговоры вечер весь,—
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо
и гадали бы и пели бы скорбя:
— Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...—
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором,
все тенором,
со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
— Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна.—
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминого левой
соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.
Перед ним вода — зеленая, живая
мимо заводей несется напролом —
он качается на ветке, прикрывая
соловьишу годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит —
щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиша в тишине большой и душевной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой и непослушный,

ей запел на соловьином языке:
— По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозой, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла.

И молчит она,
все в мире забывая —
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
— Ты куда же, Серафима?
— Ухожу.—
Кисти шали, словно перышки расправля,
влюблена она,
красива,
нехитра —
улетела.
Я держать ее не вправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой
с красивым,
с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

**КАК ОТ МЕДА У МЕДВЕДЯ
ЗУБЫ НАЧАЛИ БОЛЕТЬ**

Вас когда-нибудь убаюкивали, мурлыкая?
Песня маленькая,
а забота у ней великая,
на звериных лапках песенка,
с рожками,
с угла на угол ходит вязаными дорожками.
И тепло мне с ней
и забавно до ужаса...
А на улице звезды каменные кружатся...
Петухи стоят,
шеи вытянуты,
пальцы скрючены,
в глаз клевать с малолетства они приучены.
И луна щучьим глазом плывет замороженным,
елка мелко дрожит от холода
телом скорезенным,
а над елкою мечется
птица черная,
птица дикая,
только мне хорошо и уютно:
песня трется о щеку, мурлыкая.

Спи, мальчишка, не ревь,
по садам идет медведь,
меду жирного, густого
хочет сладкого медведь.

А за банею подряд
улья круглые стоят,
все на ножках на куриных,
все в соломенных платках,
а кругом как на перинах
пчелы спят на васильках.

Спят березы в легких платьях,
спят собаки со двора,
пчеловоды на полатях,
и тебе заснуть пора.

Спи, мальчишка, не ревь,
заберет тебя медведь,

он идет на улы бокон,
разевая старый рот,
и в молчании глубоком

прямо горстью мед берет,
прямо лапой, прямо в пасть
он пропихивает сладсть.

И, конечно, очень скоро
наедается, ворча.
Лапа толстая у вора
вся намокла до плеча.

Он сосет ее и гложет,
отдувается: капут,
он полпуда съел, а может,
не полпуда съел, а пуд.

Полежать теперь в истоме
волосатому сладстене.

Убежать, пока из Мишки
не наделали колбас,
захватив себе под мышку
толстый улей про запас.

Спит во тьме собака-лодырь.
Спят в деревне мужики.
Через тын, через колоды
до берлоги, напрямик
он заплюхал, глядя на ночь,
волосатая гора
Михаил — медведь — Иваныч
и ему заснуть пора.

Спи, мальчишка, не реветь,
не ушел еще медведь,
а от меда у медведя
зубы начали болеть.

Боль проникла как проныра,
заходила ходуном,
сразу дернуло,
заныло
в зубе правом коренном.
Засвистело,
затрясло,
щеку набок разнесло.
Обмотал ее рогожей,
потерял медведь покой,
был медведь — медведь пригожий,
а теперь на что похожий —

с перевязанной щекой,
некрасивый, не такой.

Скачут елки хороводом,
ноет пухлая десна,
где-то бросил улей с медом —
не до меда,
не до сна,
не до сладостей медведю,
не до радостей медведю.

*

Спи, мальчишка, не реветь,
зубы могут заболеть.

Шел медведь,
стонал медведь,
дятла разыскал медведь.

Это щеголь в птичьем свете,
в красном бархатном беретсе,
в тонком черном пиджаке,
с червяком в одной руке.
Нос у дятла весь точеный,
лакированный,
кривой,
мыт водою кипяченой,
свежей высушен травой.
Дятел знает очень много,
Он медведю сесть велит,
дятел спрашивает строго —
что у вас, медведь, болит?

Зубь?

Где?

С таким вопросом
он глядит медведю в рот
и своим огромным носом
у медведя зуб берет.

Приналег

и сразу грубо,
с маху выдернул его...
Что медведь — медведь без зуба.
Он без зуба ничего.
Не дерись
и не кусайся,

бойся каждого зверька,
бойся волка,
бойся зайца,
бойся хмурого хорька.
Скучно —
в пасти пустота,
разыскал медведь крота.

Подошел к медведю крот,
поглядел медведю в рот,

а во рту медвежьем душно,
зуб не вырос молодой —
крот сказал медведю: — Нужно
зуб поставить золотой.

Спи, мальчишка, надо спать,
в темноте медведь опасен,
он на все теперь согласен,
только б золото достать.

Крот сказал ему: — Покуда
подождите, милый мой,
я вам золота полпуда
накопаю под землей. —
И уходит крот горбатый,
и в полях до темноты
роют землю, как лопатой,
ищут золото кроты.

Ночью где-то в огородах
откопали самородок.

Спи, мальчишка, не реветь,
ходит радостный медведь,
щеголяет зубом свежим,
пляшет Мишка молодой,
и горит во рту медвежьем
зуб веселый золотой.

Все синее, все темнее
над землей ночная тень.
Стал медведь теперь умнее,
чистит зубы каждый день,
много меду не ворует,
ходит пухлый и не злой
и сосновой пломбирует
зубы белые смолой.

Спи, мальчишка, не ревь,
засыпает наш медведь,
спят березы,
толстый крот
спать приходит в огород.
Рыба сонная плеснула,
дятлы вымыли носы
и заснули.
Все заснуло —
только тикают часы...

ПЯТЬ ШАГОВ ВПЕРЕД

(Из поэмы «Триполье»)

Утро.
Смазано небо
зарюю, как жиром...
И на улице пленных
равниют ранжиром.

Вдоль по фронту не сыто,
оружьем играя,
ходит батько и свита
от края до края.

Ходит молча, ни слова,
не ругаясь, не спорясь,—
глаза черного, злого,
пришурена прорезь.

Атаман опоясан
изумрудною лентой.
Перед ним секретарь
изогнулся паяцем.

Изогнулся и скалит
кариозные зубы,—
из кармана его
выливается шкалик.

Атаман, замечая,
читает рацею:
— Это льется с какою,
спрошу тебя, целью?
Водка это не чай,—
заткни ее пробкой!—

Секретарь затыкает,
смущенный и робкий.

На ходу поминая
и бога и маму,
молодой Тимофеев
идет к атаману,
полфунтовой подковой
траву приминая;
шита ниткой шелковой
рубаша льняная.
Сапоги его смазаны
салом и дегтем,
петушиным украшены
выгнутым ногтем.
Коготь бьет словно в бубен,
сыплет звон за спиною:
— Долго чикаться будем
с такою шпанюю?—
И тяжелые руки,
перстнями расшиты,
разорвали молчанье,
и выбросил рот:
— Пять шагов
коммунисты,
кацапы
и жида!..
Коммунисты,
вперед —
выходите вперед!..

Ой, немного осталось,
ребята,
до смерти...
Пять шагов до могилы,
ребята,
отмерьте.

Вот она перед вами
с воем гиеньим,
с окончанием жизни,
с распадом,
с гниеньем.
Что за нею?
Не видно...
ни сердцу, ни глазу...
Так прощайте ж,
весна, и леса, и снег!..

И шагнули сто двадцать...
Товарищи...
Сразу...
Начиная — товарищи —
с левой ноги.
Так выходят на бой.
За плечами — знамена,
сабель чистое, синее
полукольцо.
Так выходят,
кто знает врагов
поименно...
Поименно —
не то чтобы только в лицо.
Так выходят на битву —
не ради трофеев,
сладкой жизни, любви
и густого вина...

И назад отступает
молодой Тимофеев,—
руки налиты страхом,
нога сведена.

У Зеленого в ухе завяли монисты,
штаб попятился вместе —
багров и усат...

Пять шагов, коммунисты...
Вперед, коммунисты...
И назад отступили бандиты...
Назад.

ЯСТРЕБ

Всеволоду Пошехонову

Суровый друг мой — сторож леса,
Чей чуток слух и зорок взгляд,
Ругал меня: «Какого беса
Ты ястребиной песне рад?»

А я стоял в кустах колючих,
Ружье лежало на траве.
На небе — ни единой тучи.
Лишь в полуденной синеве
Метался ястреб на просторе,
И повторялся каждый миг,
Как весть о неизбывном горе,
И жалобный и жадный крик.

То, как отчаявшийся, дико
Кричавший
Ястреб падал вниз,
То снова в трепете великом,
Недавний отвергая риск,
Он исходил тоской не птичьей,
Опять хватая высоту.
Я вспомнил, что земной обычай
Вот с этой птицей не в ладу,
Но я стоял в кустах и слушал,
Ружье лежало на траве.
Смутив мне жалобю душу,
Метался ястреб в синеве.
На этот крик его из леса
Пришел, суров и седоват,
Мой старый друг: «Какого беса
Ты ястребиной песне рад?»

И, не скрывающий досаду,
Бывалый, опытный стрелок,
Припал он бородой к прикладу
И, миг поймав, спустил курок.

На землю ястреб, словно камень,
Упал,
В крови был клюв кривой.
Мой старый друг не взял руками,
А грубо пнул его ногой.

Большое, в серых перьях тело
На дно сырого рва легло.
В когтях у хищника чернело
Синицы мертвое крыло.

1933

ПОХОДНАЯ БЫЛЬ

М. А. Шолохову

Дни похода,
Дни мороза
Все забыть я не могу:
Кобылица из обоза
Жеребилась на снегу.
А мороз сердит чертовски —
Неподвижна синева.
У костра кузнец Шабловский
Не скупится на слова:
«Друг, подкинь в огонь поленец, —
Может быть, смягчим судьбу:
Не окрепнет ли младенец
С белой звездочкой во лбу?
Может, кованым копытом
Застучит он — дайте срок —
По дорогам знаменитым,
По простору без дорог».

Пригревает пламя справа,
Слева иней серебрит.
«Не спасти красавца, право», —
Нам Шабловский говорит.

И тогда мы разложили
Новых три костра вокруг.
Обогрели, обсушили
Так, что рвется конь из рук!
Подвели к нему мамашу,
Накормили сосунка.
И работу эту нашу
Видел командир полка.
Вышел в белом балахоне
Из-за белой он сосны:
«К сожалению, не ко́ней
Мы выращивать должны;
В новый бой у нас дорога,
Ждут нас кручи снежных гор».

Все ж склонился и потрогал
Жеребеночка майор.
«Жаль и мне тебя, детина! —
Поглядел майор на нас.
— За провизией машина
В дальний тыл пойдет сейчас;
Разрешаю жеребенка
Отвезти в колхоз с войны...»

Шла военная трехтонка
В глубь карельской стороны.

И везли бойцы для мира —
С верою в его судьбу —
Слабенького пассажира
С белой звездочкой во лбу.
Под попоною, на сене,
Под надзором двух солдат,
Был он привезен в селенье,
Где растили жеребят.
В хлев его внесли,
Из соски
Накормили молоком...

Ротный наш кузнец Шабловский
Часто вспоминал потом,
Как вручил он добрым людям
Жеребенка, чтобы рос;
Говорил, что не забудет
Он дорогу в тот колхоз;
Говорил, что провожали
В полк пожатием руки,
Что вослед ему мелькали
Шапки, варежки, платки;

Говорил, что рано ль, поздно,
Но по праву кузнеца
В кузнице одной колхозной
Подкует он жеребца;
Говорил — не врал, конечно,
Оправдал бы все сполна,
Только был наш друг сердечный
Там, где шла тогда война.
Не гадал, что пламя брызнет,
Что прожжет он кровью снег,—
Шедший в бой во имя жизни,
Верный миру человек.

...Северная даль родная,
Я пришел к его холму...
Счастлив я, что не смолкая
Салютует жизнь ему
Светом весен,
Шумом сосен,
Перезвоном топоров;
Ветерок с дорог доносит
Шепот шин
И стук подков.

1951

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Сквозь лес
По кромке полевой
Он в озеро спешит.
И кажется, знакомец мой
Ничем не знаменит.
Он от селения далек,
Иду над ним один.
Не пенится его поток
На лопасть турбин.
Он не вращает жернова,
Для сплава тесен, крив.
Над ним деревья да трава,
На нем пушинки ив.
И дно, доступное глазам,
Не жемчугом горит, —
По корневищам, по камням,
По глине он бежит.
Ручей лесной,
Знакомец мой,
За что ты мной любим,

Что связано в душе с тобой,
Безвестным и простым?

И на Неве и на Дону
Ты вспоминался мне.
Давно я не встречал весну
В отцовской стороне.
Лес, розовея под зарей,
Стоит, дождем умыт,
Как будто слушает со мной,
О чем ручей звенит:

«Нет, я безвестным назван зря,
Пройди, взглядишь в края,—
В могучих реках и морях
Есть доля и моя...
Когда на поле солнце жжет,
Я холоден и чист,
И потому ко мне придет
Усталый тракторист...
Ребята путь найдут к ручью,
Как ты мальцѳм босым;
Заходят в свежую струю
И щука и налим...»

Поет ручей, и под уклон
Несет пушинки ив.
Особенно в апреле он
И быстр и говорлив.
Рассветной чуткою порой
Иду в разгар весны.
Сверкай, звучи, ручей лесной,
Прекрасной черточкой живой
Родимой стороны.

1953

ВО СПОМИНАНИЕ

С. Орлову

Был старый дуб огромен, и на нем
Росло иное деревце — рябина.
От нас, ребят, узнавшие о том,
Дивились люди: редкая картина!

Где желудь зрел,
С тяжелою листвою
В соседстве узкие листки порхали.
И не о дубе, о рябинке той —
Мол, вырастет ли — стар и мал гадали.

А великана возраст не щадил,
Сухих суков на нем чернело много,—
Как пики острые, как зубья вил,
По сторонам они торчали строго.

Но это не пугало птиц весной
И нас, по-деревенски росших просто:
Приманкою для гвардии босой
В листве виднелись желуди и гнезда.

Как диво дивное, и в озорстве своем,
Рябинку ту — на дубе — берегли мы
И, не тревожась никогда о нем,
Встречали весны, провожали зимы.

Но вот цыгане, воз промокший свой
В ночи остановив у великана,
В сухих гнилушках под его корой
Зажгли костер...
Потом чернела рана;

Не устоял с ней старец в трудный час:
Его сломила и свалила буря.
Тогда, придя к нему в последний раз,
Как детство потеряв, глядел я, хмурясь.

Столяр и плотник — мудрый человек
Там одноручной пилочкой недлинной
Сук, наклонясь, пилил.
«Ты что прибег?»
«Так... попрощаться с дубом и рябиной».

Он разогнулся. «Ясные дела,—
Не ласковым был голос и не грубым.—
Рябина, брат, не на земле росла,
Росла на дубе
И погибла с дубом».

1954

ГОРЕ

Я дружил с его сыном,
А сына в злосчастном году
Оккупанты, изранив,
Повесили в школьном саду,
Под отцовским окном.
На январской погодке сынок
Две недели качался, —
Такой установлен был срок...

Старый сельский учитель
На склоне июльского дня
Вел, сутулясь, к сыновней,
К зеленой могиле меня.
Грустным был разговор,
Никогда не забыть старику,
Как метель бинтовала
Кровавые раны сынку...

Пожелал на прощанье
Сутулый седой человек,
Чтобы горя его
Испытать не пришлось мне вовек.

Шел я полем вечерним,
Цветы освещали мой путь,
Шел в поселок свой — к песням,
Но горе теснило мне грудь,
И о нем эти строки.
Коль помнить бы счастье одно,
Так ли чуяло б сердце,
За что оно биться должно?

1955

* * *

1

Мне в грустный час подумалось о том,
Что меньше дарят, чем уносят, годы.
Нигде не ждет меня отцовский дом,
И не покличут сверстники в походы,
И девушки в задорный хоровод
Не вызовут ни песнею, ни пляской...
Что ж, вероятно, близится черед
Встречать внучат,
Рассказывать им сказки?

2

И сказки можно!
Только быль свою
Не нам на пятом обрывать десятке...
Тот непокой в душе я узнаю,

Когда совсем не до игры нам в прятки,
Когда — где б ни был ты —
В любых местах,
В любых делах
Ждешь, как спасенья, встречи.
О, мир души, испытанный в годах
И поколебленный в единый вечер!

3

Нет, молодость, не ты пришла ко мне.
Смешон, кто в модной бодрости беспечной,
Как бы своей не веря седине,
Все молодится, —
На словах, конечно.
Мой возраст с полем августовским схож,
Где каждый колос просит торопиться,
Где не цветенья, а ненастья ждешь,
Хотя вокруг все золотом лучится.

4

В расцвет мой, смятый шествием беды,
Я не тебе писал стихи и письма
И не с тобой прощался молодым,
Когда над всей землею смерть нависла.
И пожилым предстал не пред тобой
И не тебе сказал: «Нехорошо мне»,
Не столько оглушенный тишиной,
Как тем, что вдруг нашел и не нашел в ней.

5

За боль и грусть от всех моих потерь
Я не просил у жизни снисхожденья.
Как мне назвать свой непокой теперь
Нежданного и позднего цветенья?
Как мне тебя приветить и обнять
В своем лучистом августовском поле,
Чтоб и ненастье вместе нам встречать
И не печалиться о лучшей доле.

1956

Александр Архангельский

БРАТЕННИКИ

(Пародия на А. Прокофьева)

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, братенник, сердишьси?

Чего ж ты мне, тезка, руки не подаешь?
Чего ж ты, майна-вира, погреться не идешь?
Остудно без шапки на холоде стоять.
Эх мать, моя Эпоха, высокая Оять?

Надали мы жару, эх! на холоду,
Как резали буржуев в семнадцатом году,
Выпустили с гадов крутые потроха.
Эх, Пиргал-Митала, тальянкины меха!

Ой, тырли-бутырли, эх, над Невой!
Курчавый братенник качает головой.
Отчаянный классик, парень в доску свой,
Александр Сергеич кивает головой.

Душа моя играет, душа моя поет.
Мне братенник Пушкин руку подает!

СМОРКАНИЕ

(Пародия на П. Радимова)

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадью на перине покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.

Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
Правой ноздрею свистит, левую руку подняв.
Далее под носом он указательным пальцем проводит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер.

ЛИРИЧЕСКИЙ СОН

(Пародия на М. Светлова)

Я видел сегодня
Лирический сон
И сном этим страшным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопиные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась
И Гейне вошел.
Талантливый мальй,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!—
Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..—
Гляжу я на гостя,—
Он бел, как стена,

И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...—
Да, Гейне, воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

Павел Беспощадный

РОССИИ

Шахты местом каторжных становищ
Называли прежде горняки,—
Выбирая груз тугих сокровищ,
По-иному пляшут молотки.

И горняк глядит на пласт влюбленно.
Ты пришла, заветная пора:
Посылаем в гору эшелоны
Черного подземного добра.

Говорили в старину о кладах,
Воспевали их, да не нашли.
Эти клады мы на эстакады
Шлем вагонами из-под земли.

И творит горняк иные сказы
Под землей и у подножья гор.
Человек, рубающий алмазы,
Просто называется — шахтер.

1928

КАМЕННАЯ КНИГА

...Я стою над каменной книгой,—
Предо мной — богатые пласты...

Книга, книга с черным переплетом,
Не такой я, чтоб башкой поник.
В черный улей, в каменные соты
Я принес шахтерские огни.

И не скрыть тебе глубокой тайны,
Как не скроешь от шахтера газ:
Я ведь твой читатель не случайный,
Многотомный каменный Донбасс...

Правда, что тверды твои страницы,
Трудно открывать их каждый раз,
Но смету подземные границы
И найду — поэму и рассказ.

...Пусть беру твои страницы с бою
И тружуся над тобой в поту, —
Я недаром вырос под землею
И тебя, премудрая, прочту.

КОНОГОН

Моему «Стрепету»

Ноет, ноет дрянной мой бок,
Скоро легкое кашель вынет.
Смерть острит на меня «зубок»¹,
Словно уголь, пронзит навывлет.

Мне одну только шахту жаль, —
С нею был я уж очень дружен.
Вот и «Стрепет» опять не ржал,
Видно, знает, что я контужен.

Значит, знает мой верный конь,
Что его коногону больно,
Что рассыпал я свой огонь
Под подземной кривой продольной.

Не тоскуй, не горюй, голубок.
Что же делать? Видать, так нужно...
Ой, и ноет дрянной мой бок,
Не могу довести до коношни...

Распростимся, подземный друг...
Ты здоров, а я, видишь, заржавел...
На уклоне услышал вдруг —
На прощание мне заржал он.

¹ З у б о к — вставная оконечность обушка.

Говорили в больнице днем:
Бредил я, и неясный лепет
Передал для других одно:
— Человек ты, мой милый «Стрепет».

Знаю, доктор мне ловко врет,
Будто скоро опять загарцую:
— Подождите, вот время придет,—
Скоро легкое вам зарубцую.

Нет, истрепаны легких меха,
Обтопталися ноженьки-шины...
Доктор, слышите: смерть — чепуха!
Под землей заживут машины!

Он идет, этот сильный век.
Слышу грохот и лязг его брони.
На всю шахту один человек
Будет, будто шутя, коногонить.

ЛЕЗГИНКА

— Эй, друзья
Болтай потише!
Торговаться недосуг.—
Вот лихой наездник вышел,
Начинает первый круг.

Тучей — серая папаха,
Как потоки, широки
Рукава,
Когда с размаха
Он взлетает на носки.

На носочках, на носочках,
Вырастая, не дыша.
Он невидимую кочку
Переступит не спеша.

Тихо, тихо,
Тихо, тихо...
Развернется — все гори!
И в один сольются вихрь,
И бешмет, и газыри.

И в грозе рукоплесканья
И детей и стариков
Вспыхнет синее мерцанье
Ослепительных клинков.

Он оглянется,
Закружит,
На носках пройдет так,
Чтобы видели,
Как в стужу
Согревается в горах.

Чтобы кровью налитая
Загудела голова.
Будто вороны взлетают
За спиною рукава.

А в глазах веселых, черных,
Если взглянешь в глубину,
Видишь мудрость, труд упорный,
Путь, пройденный за войну!

1929

ПЕСНЯ О ТАЧАНКЕ

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди.
И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочит из пулемета
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Приазовская тачанка,
Все четыре колеса!

Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.
И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.

Эх, тачанка-киевлянка,
Наша гордость и краса,
Украинская тачанка,
Все четыре колеса!

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.

И врагу поныне снится
Дождь свищовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

1935

МАХОРОЧКА

Не забыть нам годы огневые
И привалы у Днепра.
Завивался в кольца голубые
Дым махорки у костра.

Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой,
Вдаль глядят дозоры зорко,
Охраняя край родной.

Мы родную землю защищали
Каждый маленький клочок.
Эх, недаром жгли мы на привале
Боевой наш табачок.

Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой,
Вдаль глядят дозоры зорко,
Охраняя край родной.

Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края.
А закуришь, и с колечком дыма
Улетает грусть твоя.

Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой,
Вдаль глядят дозоры зорко,
Охраняя край родной.

Не забыть нам годы огневые
И привалы у Днепра,—

Завивался в кольца голубые
Дым махорки у костра.

Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой,
Вдаль глядят дозоры зорко,
Охраняя край родной.

1939

ПУШКИН И МИЦКЕВИЧ

Горечь моих слов,
Горечь, высосанная
Из слез и крови моего народа,
Разъедает и жжет не вас —
А ваши оковы!

«Послание к москалям».
А. Мицкевич

Тишина далекого местечка
И карниз узорчатой листвы.
Пасека, и мельница, и речка,
Перелески Польши и Литвы.

Детство, игры, шумная свобода,
Выпь, болота, шершни и огни.
Необыкновенная природа
И незабываемые дни.

Где б изгнанья ни легла дорога,
Где б поэт в скитаниях ни жил,
Помнил он о детстве быстрогого,
Юность свято в памяти хранил.

Помнил это небо голубое,
Сосны, шелестевшие ему,
Помнил в Петербурге и в Крыму,
У гряды мохнатого прибоя.

Видел мир, забытый и забытый,
Гарь лучины, мутный блеск огней...
И везде, как в Речи Посполитой,
Горе обездоленных людей.

И везде, гремя и каруселя,
В дым пьяно, шатаясь на ногах,
Буйное господское веселье,
Колокольцы в голубых снегах.

Все такое ж, хоть и все другое:
Белый город, медный всадник, снег...
Вот идет навстречу человек
С гневной, неподкупною душою.

В нем горит святой огонь искусства,
Дружбу он навеки сохранит.
И Мицкевич с Пушкиным делит
Властно пробудившиеся чувства.

Слушает взволнованные речи,
В лад словам кивает головой,
И, одним плащом прикрывши плечи,
Два поэта бродят над Невой.

Что поэтам ненависть и злоба,
Зависть глупых, лести шум пустой!
Солнце они славили до гроба,
Счастье мира было их мечтой.

Кто подслушал вдохновенье это,
Кто расскажет нам сейчас, о чем
Тихо говорили два поэта —
Два пророка под одним плащом?

Есть молва: Дантеса вызывал
На дуэль Мицкевич. Не для мести
Одному мерзавцу, — голос чести,
Гнев народа в нем негодовал.

Так живи ж, прекрасная молва,
Полная пророческого смысла!
Словно сестры — ясная Нева,
Голубая, солнечная Висла!

МАДРИД

Нет, не забыть тебя, Мадрид,
Твоей крови, твоих обид.
Холодный ветер кружит пыль.
Зачем у девочки костыль?
Зачем на свете фонари?
И кто дотянет до зари?
Над лихорадкой век и стен
Ночные жалобы сирен.
Зачем живет Карабанчель?
Зачем пустая колыбель?
И сколько будет эта мать
Не понимать и обнимать?
Выходит прямо в небо дверь,
И, если хочешь, в небо верь,
А на земле клочок белья,
И кровью смочена земля.
Стекла злосчастливого озноб.
И улица ведет в окоп.
Идет к концу любой трамвай,
Идет, поет «не забывай».
А пушки говорят всю ночь,
Что не уйти и не помочь,
Что зря придумана заря,
Что не придут сюда моря,
Ни корабли, ни поезда,
Ни эта тихая звезда.

1938

* * *

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали оружейные басы.
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.

Сквозь заградительный огонь прорвались,
Кричали и кололи на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.
Штыком вскрывали пресные консервы,
Убитых хоронили, как во сне,
Молчали. Командир очнулся первый.
В холодной предрассветной тишине,
Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ,
И, повторив слова «разведка боем»,
Угрюмый командир не поднял глаз.
А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

1938

КИНО

В кастильском нищенском селенье,
Где только камень и война,
Была та ночь до одуренья
Криклива и раскалена.
Артиллерийской подготовки
Гроза гремела вдалеке.
Глаза хватались за винтовки,
И пулемет стучал в виске.
А в церкви — экая морока! —
Показывали нам кино.
Среди святителей барокко
Дрожало яркое пятно.
Как камень, сумрачны и стойки,
Молчали смутные бойцы.
Вдруг я услышал — русской тройки
Звенели лихо бубенцы,
И, памятью меня измаяв,
Расталкивая всех святых,
На стенке бушевал Чапаев,
Сзывал живых и неживых.
Как много силы у потери!
Как в годы переходит день!
И мечется по рыжей сьерре
Чапаева большая тень.
Земля моя, земли ты шире,
Страна, ты вышла из страны,

Ты стала воздухом, и в мире
Им дышат мужества сыны.
Но для меня ты — с колыбели
Моя земля, родимый край,
И знаю я, как пахнут ели,
С которыми дружил Чапай.

1939

ЯНВАРЬ 1939

В сырую ночь ветра точили скалы.
Испания, доспехи волоча,
На север шла. И до утра кричала
Труба помешанного трубача.
Бойцы из боя выводили пушки,
Крестьяне гнали одуревший скот,
А детвора несла свои игрушки,
И был у куклы перекошен рот.
Рожали в поле, пеленали мукой
И дальше шли, чтоб стоя умереть.
Костры еще горели пред разлукой,
Трубы еще не замирала медь.
Что может быть печальней и чудесней?
Рука еще сжимала горсть земли.
В ту ночь от слов освобождались песни,
И шли деревни, будто корабли.

1939

* * *

Самоубийцею в ущелье
С горы кидается поток,
Ломает траурные ели
И сносит камни, как песок.
Скорей бы вниз! И дни и ночи,
Не зная мира языка,
Грозит, упорствует, грохочет.
Так начинается река,
Чтоб после плавно и лениво
Качать рыбацкие челны
И отражать то трепет ивы,
То башен вековые сны.
Закончится и наше время
Среди лазоревых земель,
Где садовод лелеет семя
И мать качает колыбель,

Где день один глубокий и долог,
Где сердце тишиной полно
И где с руки усталый голубь
Клюет пшеничное зерно.

1939

* * *

Сочится зной сквозь крохотные ставни.
В белой комнате темно и душно.
В ослушников кидали прежде камни,
Теперь и камни стали равнодушны.
Теперь и камни ничего не помнят,
Как их ломали, били и тесали,
Как на заброшенной каменоломне
Проклятый полдень жаден и печален.
Страшнее смерти это равнодушие.
Умрет один — идут, назад не взглянут.
Их одиночество глушит и душит,
И каждый той же суетой обманут.
Быть может, ты, ожесточась, отчаясь,
Вдруг остановишься, чтоб осмотреться,
И на минуту ягода лесная
Тебя обрадует. Так встанет детство:
Обломки мира, облаков обрывки,
Кукушка с глупыми ее годами,
И мокрый мох, и земляники привкус,
Знакомый, но нечаянный, как память.

1939

НАДЕЖДА

О той надежде, что зову я вещей,
О человека розовом тепле,
О том, как зайчик солнечный трепещет,
Как умирает всадник на седле.
В Испании я видел, среди развалин
Рожала женщина, в тоске крича,
И только бабочки ночные знали,
Зачем горит нарядная свеча.
О горе и о молодости мира.
Легко из жилы вытекает кровь.
В глухой тайге огромный город вырос,
И в нем стихи писали про любовь.
Я промолчу о мужестве, о службе,
Как отбивает четверти беда,
Как дети бредят голосами ружей
И как молчат пустые города.

Опять в цвету библейские маслины.
Следы ступни на утреннем песке.
Комочек мокрой золотистой глины
В неопытной младенческой руке.

1940—1943

ДРУЗЬЯМ

Ты тронул ветку, ветка зашумела.
Зеленый сон, как молодость, наивен.
Утешить человека может мелочь:
Шум листьев или летом светлый ливень,
Когда, омыт, оплакан и закапан,
Мир ясен — весь в одной повисшей капле,
Когда доносится тяжелый запах
Цветов, что прежде никогда не пахли.

.
Судьбы, как городов проломы, бреши,
Дорог крутых, как виселицы петли.
Нет, человека нелегко утешить.
И все же я скажу про дождь, про ветви:
Мы победим. За нас вся свежесть мира,
Все жилы, все побеги, все подростки,
Все это небо синее — на вырост,
Как мальчика веселая матроска.
За нас все звуки, все цвета, все формы,
И дети, что, смеясь, кидают мячик,
И птицы изумительное горло,
И слезы простодушные рыбачек.

* * *

Была трава как раб распластана,
Сияла кроткая роса,
И кровлю променяла ласточка
На ласковые небеса.
И только ты, большое дерево,
Осталось на своем посту,—
Солдат, которому доверили
Прикрыть собою высоту.
И были ветки в муке скрещены,
Когда огонь тебя подсек,
И умирало ты торжественно,
Как умирает человек.

1945

МАОТ

1

На лесном кордоне у Бикей
хорошо с киргизом-стариком.
Вечер пахнет
пылью суховея
и парным кобыльим молоком.

Круглый кош, обтянутый кошмою,
снизу заткан шелком дорогим,
а сверху,
в отверстие дымовое,
смотрит небо, синее как дым.

У Бикей есть четыре сына,
все большие,
ловкие, как сам, —
в кушаках из пестрого сатина
мчатся с гиком к диким табунам.

У Бикей есть ученый бёркут
на цепочке
в красном колпачке.
Любо глянуть, как с добычей сверху
Хищник камнем падает к руке.

Но всего дороже у Бикей —
та, что нам кумыс передает,
опустив ресницы
и робея, —
золотая смуглая Маот.

И когда, как лошадь над кормушкой,
чутко встанет
над кордоном ночь,
мы уходим с девушкой опушкой
от кордона сказочного прочь.

Стонут в небе кроншнепы, как трубы.
Далеко в степи дрожит костер.
И молчит,
сомкнув немые губы,
точно вдруг задумавшийся бор.

...— Ну, целуй, целуй же, вот и лето:
скоро мы
уйдем из этих мест...—
И качает ветер до рассвета
Золотые камышинки звезд.

2

Расшитую шапку-тюбетейку
отдала на память мне Маот,
зябко пряча руки
в телогрейку
за грудной узорный отворот.

Стыл осенний вечер за кибиткой.
Рдела шапка в отблесках костра
пестрой пряжей,
бисерною ниткой,
бахромой бухарского ковра.

И просила девушка, прощаясь:
— Береги ты шапку, как глаза.
Наша жизнь
бежит быстрее, чем заяц...
Ты вернешься ль, русский мой, назад?

Я берег простой ее подарок.
Я пронес цветной его узор
мимо стойбищ
и степных овчарок,
сквозь буран и вражеский дозор...

РУКИ

Я руки свои по-барски не холил,
Бриллиантами, золотом не украшал.
Я ими долго работал в поле,
Землю копал
И камни таскал.

Я ими деревья в лесу рубил,
Строил дороги, мостил мосты.
Но очень следил я
И очень любил,
Чтоб были руки мои чисты.

Я уставал,
Но не звал покоя:
Любил, что в жизни
Берется с бою!

И как бы достаток мой ни был мал,
Я никогда не просил подачек,
Я рук не тянул за чужой удачей
И чужого счастья
Не отнимал.

Не всякий в трудностях устоит,
А я стоял, не жалея сил,
И руки, такие же, как мои,
При встрече крепко пожать любил.

Я знаю, мне жить еще много дней,
Много работать среди друзей.

Но если, товарищ, придет беда
Иль встретится недруг тебе и мне —
На эти руки мои всегда,
Как на свои,
Положись вполне!

1939

ПАМЯТКА

Мой стих — мой меч, да будет он острее!
А если сломится его строка,
Твои поэты, родина, умеют
Разить врага и острием штыка.

Я маленькая, но твоя частица.
И пусть я не армеец, а поэт,—
Как часовой, стоящий на границе,
Я за тебя всегда несу ответ.

Перед любой грозой наготове,
Лишь постучи в окно — и я пойму:
Я оборву мой стих на полуслове
И выйду в ночь, готовый ко всему!

1941

ТЫ В БОЮ

Нетерпеливец желторотый,
Мой мальчик! Ты уже в бою.
Простым бойцом пехотной роты,
Ползком, вприпрыжку, по болоту—
Несешь под пули жизнь свою.

Вчера лишь ты одет солдатом,
И этот бой — твой первый бой.
Бежишь с тяжелым автоматом,
Что, может быть, ты сам когда-то
Собрал в бригаде заводской.

Твое письмо, что перед боем
Ты написал,— в моих руках.
А послано ль тобой другое —
Что после боя? Но пока...

Ты просишь, чтоб я был спокоен,
Чтоб был уверен — и тогда

Ты выйдешь невредим из боя,
Мы снова встретимся с тобою,
Тебя не поразит беда.

И я спокойно жду, хоть знаю,
Что все-таки война — война:
Что если на переднем крае
Земля и небо полыхают,
То гибель не исключена.

И вижу: рыжие обмотки
Упавших, неподвижных ног,
Кровь на растоптанной пилотке
И по виску, на подбородке —
Застывший темный ручеек...

Нет, нет! Пусть трижды мне, унылый,
Стервятник выклюет глаза:
Лишь смерть твоих бы не закрыла,
Лишь бы твоим — навек светила
Небес весенних бирюза.

Я жду. Я буду ждать недели
Открытку с почты полевой —
Все безнадежней, все сильнее...
Да я от счастья поседею,
Когда прочту, что ты — живой!

1943

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Собачонка лает у ворот,
А за ними — девушка живет.
Тонкие тесовые воротца,
Но за них — никто не проберется:
Очень зорок сторож у ворот,
Если что — и полу разорвет.

И ребята ходят хороводом,
Только не подходят к тем воротам.
Ходят мимо светлого окна,
За которым девушка видна.
Да она в их сторону не глянет
И совсем не выйдет на гулянье.

А собачка лает,
То и знай
У ворот ее сердитый лай.

Но один парнишка с ней в союзе,
Подошел, окликнул:
— Тузик! Тузик! —
Ничего не видя, прямо в тьму,
Комом Тузик бросился к нему.
Завизжал, запрыгал, лижет руки,
Мнет парнишке глаженные брюки.

Стукнула щеколда у ворот —
На свиданье девушка идет.
Вьется Тузик, пляшет, припадая:
Честь ему оказана какая!

Целый мир не знает,
Только он
В тайну двух влюбленных посвящен!

1946

ДОРОГА

На пути в «Заветы Ильича»,
В поле, у ржаного перекрестка,
Чистая, прямая, как свеча,
Голубым огнем горит березка.

Люди, той дорогой проходя,
Не случайно вспоминают имя
Близкого, любимого вождя:
Здесь Ильич!
Идет он вместе с ними.

Пашут поле, косят ли траву,
Урожай снимают непечатый —
С ними он!
И в шутку их зовут,
Словно пионеров: ильичата.

И березка —
Та еще жива,
Русская, зеленая поныне,
О которой Ленин тосковал
В дни своих скитаний на чужбине.

1950

АУ!

Я не любил сливковые рощи,
Прекрасным пальмам песен не писал.
Моя любовь куда скромней и проще —
Седые подмосковные леса.

Идешь звенигородскою тайгою —
Один, один, от счастья сам не свой.
Хрустят сухие ветки под ногою,
Незримый чиж свистит над головой.

И я свищу — о чём, и сам не знаю,
Постукиваю палкой по стволам.
То не костер —
То пламя иван-чая
Пылает там, с ромашкой пополам.

Дубы да ели, сосны да осины,
Чудесный запах растворенных смол,
Да гуд шмелиный, еле уловимый,—
Зайдешь сюда — и век бы не ушел!

Ходи-гуляй с рассвета до заката.
— Ау! — то здесь,
— Ау! — то там кричат.
По всем лесам рассыпались внучата
Некрасовым прославленных ребят.

Леса, леса! Шумят густой листвою.
Я рад, что с ними в дружбе я живу.
И всем, кто бродит стороной лесною,
Мне тоже крикнуть хочется:
— Ау!

1954

КУКЛА

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый,
Под негрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красоти безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

Что ж!
Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мой куклу изгрыз,
На подстилке ее теребя.
Кукле много недель,
Кукла стала курносой и лысой.
Но не все ли равно?
Как она взволновала тебя!

Лишь однажды я видел:
Блистали в такой же заботе
Эти синие очи,
Когда у соседских ворот
Говорил с тобой мальчик,
Что в каменном доме напротив
Красный галстучек носит,
Задорные песни поет.

Как темно в этом доме!
Ворвись в эту нору сырую
Ты, о время мое!
Размечи этот нищий уют!
Тут дерутся мужчины,

Тут женщины тряпки воруют,
Сквернословят, судачат,
Юродствуют, плачут и пьют.

Дорогая моя!
Что же будет с тобой?
Неужели
И тебе между них
Суждена эта горькая часть?
Неужели и ты
В этой доле, что смерти тяжеле,
В девять — пить,
В десять — врать,
И в двенадцать —
Научишься красть?

Неужели и ты,
Погрузившись в попойку и в драку,
По намекам поймешь,
Что любовь твоя —
Ходкий товар,
Углем вычернишь брови,
Нацепишь на шею собаку,
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский бульвар?

Нет, моя дорогая!
Прекрасная нежность во взорах
Той великой страны,
Что качала твою колыбель!
След труда и борьбы —
На руке ее известь и порох,
И под этой рукой
Этой доли
Бояться тебе ль?

Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь, —
Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?

И когда сквозь дремоту
Опять я услышу, что начат

Полуночный содом,
Что орет забулдыга-отец,
Что валится посуда,
Что голос твой тоненький плачет,—
О терпенье мое,
Оборвешься же ты, наконец!

И придут комсомольцы,
И пьяного грузчика свяжут.
И нагрянут в чулан,
Где ты дремлешь, свернувшись в калач,
И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
— Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу,
Не плачь!

1932

ПОЕДИНОК

К нам в гости приходит мальчик
Со сросшимися бровями,
Пунцовый густой румянец
На смуглых его щеках.
Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, немножко лишний,
Педант в роговых очках.

Глаза твои лгать не могут.
Как много огня теперь в них!
А как они были тусклы...
Откуда же он воскрес?
Ах, этот румяный мальчик!
Итак, это мой соперник,
Итак, это мой Мартынов,
Итак, это мой Дантес!

Ну, что ж! Нас рассудит пара
Стволов роковых Лепаж
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Два вежливых секунданта,
Под горкой — два экипажа,

Да седенький доктор в черном,
С очками на злом носу.

Послушай-ка, дорогая!
Над нами шумит эпоха,
И разве не наше сердце —
Арена ее борьбы?
Виновен ли этот мальчик
В проклятых палочках Коха,
Что ставило нездоровье
В колеса моей судьбы?

Наверно, он физкультурник,
Из тех, чья лихая стайка
Забил на стадионе
Испании два гола.
Как мягко и как свободно
Его голубая майка
Тугие гибкие плечи
Стянула и облегла!

А знаешь, мы не подыдем
Стволы роковых Лепаж
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Я лучше приду к вам в гости
И, если позволишь, даже
Игрушку из Мосторгина
Дешевую принесу.

Твой сын, твой малыш безбровый,
Покоится в колыбели.
Он важно пускает слюни,
Вполне довольный собой.
Тебя ли мне ненавидеть
И ревновать к тебе ли?
Когда я так опечален
Твоей морщинкой любой?

Ему покажу я рожки,
Спрошу: «Как дела, Егорыч?»
И, мирно напившись чаю,
Пешком побреду домой.
И лишь закурю дорогой,
Почуяв на сердце горечь,
Что наша любовь не вышла,
Что этот малыш — не мой.

1933

КРОВЬ

Белый цвет вишневый отряхая,
Стал Петро перед плетнем коханой.
Он промолвил ей, кусая губы:
— Любый я тебе или не любый?
Прогулял я трубку-носогрейку,
Проиграл я бритву-самобрейку!
Что ж! В корчме поставлю шапку на кон
И в леса подамся к гайдамакам!

— Уходи, мужик,— сказала Ганна,—
Я кохаю не тебя, а пана.—
И шепнула, сладко улыбаясь:
— Кровь у пана в жилах — голубая!

Два денька гулял казак. На третий
У криницы ночью пана встретил,
И широкий нож по рукоятку
Засадил он пану под лопатку.

Белый цвет вишневый отряхая,
Стал Петро перед плетнем коханой.
А у Ганны взор слеза туманит,
Ганна руки тонкие ломает.
— Ты скажи, казак,— пытается Ганна,—
Не встречал ли ты дорогой пана?

Острый нож в чехле кавказском светел
Отвечает ей казак: — Не встретил! —
Нож остер, как горькая обида,
Отвечает ей казак: — Не видел.

Рукоятка у ножа резная,
Отвечает ей казак: — Не знаю!..
Только ты пустое толковала,
Будто кровь у пана — голубая!

1936

ЗОДЧИНЕ

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель,—

Гласит летописца сказанье,—
В память оной победы
Да выстроят каменный храм!

И к нему привели
Флорентинцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Статных,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце,
Был дух вельми спертый.
Изразцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Перед Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

— Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей,
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю?—
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.

Государь приказал.
И в субботу на вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,—
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху,
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,—
Зане́ эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была!

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван.
В алтаре, и при входах,
И в царском притворе самом
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
— Покажи, чем живешь!—
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,
Становясь на правез.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды.
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту,—
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,—
— Лепота! — молвил царь.
И ответили все: — Лепота!

И спросил благодетель:
— А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?—
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь!—
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях,
И в землях Рязанских,
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли.
Их клеймили клеймом,

Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!»
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.
И стояла их церковь
Такая,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд.
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гуслияры.

1938

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

5 сентября, 1942

**КРАТКИЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ
СПРАВКИ**

Цель публикуемых справок — познакомить читателей с основными этапами жизни поэтов, произведения которых представлены в Антологии.

Редакция не ставила перед собой задачи показать все веки творческого пути каждого из поэтов. В справках даны лишь краткие биографические сведения, с указанием наиболее значительных изданий произведений поэтов.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(псевдоним Алексея Максимовича Шенгеля, 1868—1936)

Родился в Нижнем-Новгороде (ныне г. Горький) в семье столяра. О своем детстве и юности Горький рассказал в автобиографических повестях «Детство», «В людях», «Мои университеты». В 1884 г. Горький переехал из Нижнего-Новгорода в Казань. Здесь он сближается с революционной интеллигенцией и ведет пропаганду среди рабочих и крестьян. В связи с делом кружка Федосеева был арестован и с тех пор постоянно находился под надзором полиции. Конец 80-х и начало 90-х гг. Горький, движимый желанием узнать жизнь народа, провел в постоянных странствиях по Руси. Он прошел центральные и южные районы России, Украину, Бессарабию, Крым, Кавказ. В 1892 г. в Тифлисе написал поэму «Девушка и смерть» (опубл. в 1917 г.) и рассказ «Макар Чудра», напечатанный тогда же в газете «Кавказ». В последующие годы сотрудничал в «Самарской газете» и «Нижегородском листке». В 1898 г. вышли два тома «Очерков и рассказов», принесших автору признание широких масс читателей.

Революция 1905—1907 гг. вызвала подъем творчества Горького.

В 1905 г. М. Горький впервые встретился с В. И. Лениным. Вторая их встреча произошла на V Лондонском съезде партии. С этого времени возникла их дружба, сыгравшая большую роль в жизни и творчестве М. Горького. С 1906 г. М. Горький поселяется в Италии на о. Капри, а в 1913 г. возвращается в Россию. В 1915 г. создал журнал «Летопись».

С первых дней Октябрьской революции М. Горький включился в строительство социалистической культуры. В эти годы развертывается его широкая общественно-политическая деятельность.

В 1921 г. М. Горький в связи с ухудшением здоровья уезжает в Германию, затем в Италию, в Сорренто, но не теряет связи с родиной, активно участвует в советской печати. В 1928 и 1929 гг. М. Горький совершает поездки по СССР. В 1931 г. он навсегда возвращается на родину.

Под редакцией Горького выходят журналы «Наши достижения», «СССР на стройке», «Литературная учеба» и др. По инициативе Горького начинают издаваться «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», серия книг «Библиотека поэта» и «История молодого человека XIX столетия».

В 1934 г. Горький руководил Первым всесоюзным съездом советских писателей и был избран на нем председателем.

Основоположник литературы социалистического реализма, крупнейший мастер прозы, Горький был и поэтом, автором всенародно известных стихотворений.

Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1951, 295 с. (Б-ка поэта. Малая серия, 2-е изд.); Собрание сочинений в 30-ти томах, Гослитиздат, М. 1949—1955 (см. тт. 1, 2, 5, 14).

БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1880—1921)

Родился в Петербурге в семье профессора. Раннее детство поэт провел в семье деда по матери, известного ботаника, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова. В 1898 г., окончив гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета, а в 1901 г. перешел на историко-филологический факультет и окончил его в 1906 г.

Печататься начал в 1903 г. Первый сборник «Стихи о Прекрасной Даме» вышел в 1904 г. С 1907 г. сотрудничал в журналах и газетах, печатал стихи и рецензии, примыкая к литературному течению символистов. В это же время он совершает несколько заграничных путешествий: посетил Германию, Францию, Бельгию и Голландию. С 1916 по март 1917 г. служил в царской армии в инженерной дружине. Сразу же после Октябрьской революции Блок встал на сторону советской власти, принял участие в строительстве советской культуры. В январе 1918 г. поэт создал поэму «Двенадцать». В 1918—1921 гг. Блок работал в Комиссии по изданию классиков, в репертуарной комиссии Театрального отдела Наркомпроса, сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», был председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.

Собрание сочинений. Стихотворения. Поэмы. Театр, Гос. изд-во, М.—Л. 1929, 337 с.; Собрание сочинений в 2-х томах, «Советский писатель», М.—Л. 1946; Сочинения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1955.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

(1873—1924)

Родился в Москве в купеческой семье. Учился в московских частных гимназиях и с 1893 г. на историко-филологическом факультете Московского университета, который окончил в 1899 г. В 90—900-е гг. Брюсов являлся одним из

крупнейших теоретиков и организаторов русских символистов. С 1904 по 1909 г. редактировал журнал символистов «Весы». С 1910 по 1912 г. заведовал литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль». Несколько раз совершал поездки по Западной Европе. Во время первой мировой войны был на Западном фронте корреспондентом газеты «Русские ведомости».

С первых дней Октябрьской революции Брюсов работает с большим творческим подъемом. С 1920 по 1924 г. выходит пять сборников его стихотворений.

В 1920 г. вступил в члены Коммунистической партии. Работал в Наркомпросе, в издательствах и других учреждениях. С 1921 г. был профессором 1-го Московского государственного университета и Государственного института слова.

В 1921 г. по инициативе Брюсова был создан Высший литературно-художественный институт. Первая книга Брюсова «Chefs d'oeuvre» вышла в Москве в 1895 г.

Полное собрание сочинений и переводов, тт. 1—4, 12—13, 15, 21, СПб, 1913—1914 гг.; Избранные стихотворения, Гослитиздат, М. 1945, 471 с.; Избранные сочинения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1955.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ (1893—1930)

Родился в Грузии, в с. Багдади, в семье лесничего. В 1902 г. поступил в кутаисскую гимназию. Во время революции 1905 г. активно участвовал в гимназических «беспорядках» и демонстрациях. После смерти отца в 1906 г. Маяковский с матерью и сестрами переехал в Москву и поступил в 5-ю Московскую классическую гимназию.

В 1908 г. принял участие в революционной подпольной работе. В пятнадцатилетнем возрасте Маяковский вступил в ряды РСДРП(б). В марте 1908 г. был арестован во время полицейского налета на подпольную типографию Московского комитета.

Начал печататься с 1912 г. В начальный период своего творчества В. Маяковский примыкал к футуризму.

После Октябрьской революции Маяковский включился в создание нового революционного искусства. Во время гражданской войны и в период восстановления народного хозяйства В. Маяковский работал в Российском телеграфном агентстве (РОСТА), создавая знаменитые «Окна РОСТА»— агитационные плакаты.

В 1922—1929 гг. В. Маяковский совершал длительные путешествия по странам Западной Европы и Америки. Много ездил и по Советскому Союзу, выступая с лекциями, с докладами, с чтением своих стихов.

Полное собрание сочинений, тт. 1—12, 13 доп., Гослитиздат, М.—Л. 1934—1938; Полное собрание сочинений, тт. 1—12, Гослитиздат, М. 1939—1949; Полное собрание сочинений, тт. 1, 2, Гослитиздат, М. 1955—1956.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

(псевдоним Ефима Алексеевича Придворова, 1883—1945)

Родился в д. Губовка, Александрійского уезда, Херсонской губ., в крестьянской семье.

В 1900 г. окончил Киевскую военно-фельдшерскую школу. С 1900 по 1903 г. служил в армии. В 1904 г., сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В 1912 г. вступил в партию большевиков и стал активным сотрудником большевистской прессы («Звезда» и «Правда»), помещая здесь свои стихи и басни под псевдонимом «Демьян Бедный». В 1914 г. был призван в действующую армию.

После Октябрьской революции, во время гражданской войны поэт ездил по фронтам, выступая перед бойцами Красной Армии со стихами и песнями, нагисанными на злобу дня. Начиная с 20-х гг. Д. Бедный сотрудничает в центральной печати, своими стихами и фельетонами откликаясь на волнующие народ темы современности.

В годы Великой Отечественной войны Д. Бедный писал песни и стихи, посвященные героической борьбе советского народа с фашистскими захватчиками. Награжден орденом Ленина и орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Первая книга «Басни» вышла в Петербурге в 1913 г.

Полное собрание сочинений, тт. 1—19, Гос. изд-во, М.—Л. 1925—1933; Собрание сочинений в 5-ти томах, Гослитиздат, М. 1953—1954.

КНЯЗЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1887 г. в г. Тюмени, Тобольской губ., в купеческой семье. Учился в гимназии и в Сибирской земской учительской школе, откуда был исключен за участие в революционном движении. В 1905 г. вместе с рабочим-путиловцем Шуваловым написал одну из первых песен о Кровавом воскресенье.

Сотрудничал в либерально-буржуазном журнале «Сатирикон». После создания легальной рабочей печати в России печатался в большевистских газетах. В период подготовки и проведения Октябрьской революции поэт создал ряд агитационных стихов. В годы гражданской войны сотрудничал в боевых политотделовских газетах. Позже работал в «Красной газете» в Ленинграде. Первая книга «Сатирические песни» вышла в Петербурге в 1910 г.

Книга избранных стихотворений, «Прибой», Л. 1930, 120 с.; За четверть века. Книга избранных стихотворений, «Художественная литература», Л. 1935. 194 с.

АРСКИЙ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1886 г. в д. Королево, Юхновского уезда, Смоленской губ., в семье рабочего. С пятнадцати лет работал матросом, каменщиком, грузчиком, шахтером. Был активным участником трех революций. В 1905 г. был осужден за революционную пропаганду во флоте и бежал из Севастополя. Много ездил по России. В 1915 г. был мобилизован в действующую армию, где вел револю-

ционную работу среди солдат. Принимал участие во взятии Зимнего дворца. Печататься начал с 1917 г. В 1918—1924 гг. работал в петроградском пролеткульте. В 1924—1926 гг. заведовал клубом Дома ученых в Петрограде. С 1926 г. занимался редакционной и литературной работой. В 1956 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени как активный участник революции 1905—1907 гг. Первый сборник стихов «Песни борьбы» вышел в Петрограде в 1919 г.

Серп и молот. Стихи, изд-во Кубуч, Л. 1925, 92 с.; Песни и баллады Центр. бюро по распространению драматург. продукции, М. 1934, 93 с.

АРТАМОНОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1888 г. в д. Пески, Кинешемского уезда, Костромской губ., в семье крестьянина. С девяти лет работал по найму, конторским мальчиком, учеником на ткацкой фабрике и т. д.

В 1913 г. начал печататься, издавал и редактировал в Иваново-Вознесенске еженедельный литературно-художественный журнал «Дым», закрытый в 1914 г.

В конце 1913 г. переехал в Петербург и стал печататься в газете «Правда» и других прогрессивных газетах и журналах. В 1914 г. был мобилизован в царскую армию.

После Октябрьской революции работал в редакции ивановской газеты «Рабочий край», в 1922—1924 гг. — очеркистом в газете «Известия». В 1913 г. в Иваново-Вознесенске вышел первый сборник «Когда звонят колокола». С 1928 г. занимается литературным трудом.

Земля родная. Стихи, Совет рабоч. и крест. депутатов, Пгр. 1919, 127 с.; Маков цвет. Песни, Моск. т-во писателей, М. 1928, 134 с.

ЕРОШИН ИВАН ЕВДОКИМОВИЧ

Родился в 1894 г. в с. Ново-Александрово, Рязанской губ., в семье крестьянина-бедняка. В 1905 г. окончил церковноприходскую школу. С 1905 по 1913 г. работал чернорабочим на торфяных разработках, мальчиком в тракторе, разнощиком товаров и продавцом. С 1913 г. сотрудничал в «Правде», где помещал заметки о жизни рабочих и стихи. В 1916 г. был призван в армию. В дни октябрьских боев распространял в Москве большевистскую газету «Социал-демократ».

В августе 1919 г. ушел добровольцем в Красную Армию. После демобилизации в 1921 г. учился в петроградском пролеткульте. В 1922 г. работал в Омске в газете «Советская Сибирь». С 1929 г. занимался литературной творческой работой. Много внимания уделял изучению Алтая, собиранию народных песен и сказок. Писал стихи о жизни народов Сибири. Первая книга стихов «Переклик» вышла в Ново-Николаевске в Сибирском областном издательстве в 1922 г.

Синяя юрта, «Федерация», М. 1929, 112 с.; Песни Алтая, Зап.-Сиб. краев. изд-во, Новосибирск, 1935, 102 с.; Утренний привет, «Советский писатель», М. 1956, 175 с.

ПОМОРСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(псевдоним А. Н. Линовского)

Родился в 1891 г. в д. Наволок-Скрипунов, Новоладожского уезда, Петербургской губ., в семье писателя Н. О. Линовского, писавшего под псевдонимом Н. Пружанский. Учился в гимназии в Петербурге. С 1908 г. стал революционером-профессионалом и членом КПСС. С 1908 по 1917 г. несколько раз сидел в тюрьмах, был в ссылках, жил на нелегальном положении. Сменил много профессий: был кочегаром, швейцаром, корректором и т. д. Принимал активное участие в Октябрьской революции. В 1918 г. был одним из организаторов петроградского пролеткульта. В 1919 г. по заданию партии вел подпольную работу в тылу у белых в Одессе и с 1920 по 1923 г. работал в различных политико-просветительных учреждениях — в Екатеринославе и на Кавказе. В 1927 г. переезжает в Москву, работает в редакции газеты «Правда». Печататься начал с 1909 г. С 1939 г. занимается только творческим трудом. Первый сборник стихов «Цветы восстания» вышел в 1917 г.

Стихи и песни. «Молодая гвардия», М. 1936, 126 с.; Стихи и поэмы. 1908—1938. Гослитиздат, М. 1938, 96 с.; Рождение песни. Избранные стихи 1908—1952. «Советский писатель», М. 1952, 224 с.

ТИХОМИРОВ НИКИФОР СЕМЕНОВИЧ

(1885—1945)

Родился в д. Ревятино, Мологского уезда, Ярославской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. В 1908 г. переехал в Петербург. Работал в кустарной мастерской, в типографии, на фабрике граммофонных пластинок, на электростанции и т. д. Печататься начал с 1912 г. под псевдонимом «Н. С. Несмелый». После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью, сотрудничая в газете «Правда», в журнале «Пламя» и других периодических изданиях. Первый сборник стихов «Красный мост» вышел в Петрограде в 1919 г.

Земля зовет. Стихи, Облесполком, Л. 1927, 24 с.; Избранные стихотворения, Лениздат, 1948, 70 с.

КРАЙСКИЙ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

(псевдоним А. П. Кузьмина, 1892—1942)

Родился в Новгороде в семье рабочего. С 1906 по 1911 г. был ремонтным рабочим на железной дороге, учеником на телеграфе, весовщиком и багажным кондуктором. Слушал лекции по истории русской и западной литературы в Новгородском народном университете. В 1911 г. переехал в Петроград и служил приказчиком и конторщиком. Печататься начал с 1916 г. В конце 1916 г. был мобилизован в действующую армию. После Октябрьской революции принимал участие в работе петроградского пролеткульта и печатался в «Правде», «Крас-

ной газете» и других газетах и журналах. Первый сборник стихов «Улыбки солнца» вышел в Петрограде в 1919 г.

Лирика. Избранные стихотворения, 1916—1937, «Художественная литература», Л. 1939, 100 с.

САДОФЬЕВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ

Родился в 1889 г. в Петербурге в крестьянской семье. В 1894 г. переехал вместе с родителями в деревню, где окончил сельскую начальную школу. Двенадцати лет уехал в Петербург и стал работать по найму. Был мальчиком в чайной, дворником, конторщиком, работал фрезеровщиком на различных заводах Петербурга. Посещал вечерние курсы при реальном училище Черняева. С 1905 г. вел подпольную революционно-пропагандистскую работу. В 1913—1914 гг. поэт стал печатать свои стихи в газете «Правда» под псевдонимами «Аксень-Ачкасов», «Антон Кализна», «Илья И.» и др. В 1916 г. за революционную деятельность был выслан на шесть лет в Якутию. После Октябрьской революции был избран членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, назначен заседателем революционного трибунала и т. д. В годы гражданской войны работал в политотделе Юго-Западного фронта и в Украинском РОСТА. По окончании гражданской войны занимался литературной работой, преподавал в литературных заводских кружках. В дни Великой Отечественной войны сотрудничал в газете «Уральский рабочий» (Свердловск), писал стихи и лозунги к «Окнам ТАСС». Известен как переводчик украинских и белорусских поэтов. Первый сборник стихотворений «Песни Митьки» вышел в Петрограде в 1918 г. под псевдонимом Аксень-Ачкасов.

Песня о Родине. Избранные стихотворения, «Советский писатель», Л. 1953, 308 с.; Стихотворения, Гослитиздат, М. 1956, 175 с.

ФЛИПЧЕНКО ИВАН ГУРЬЕВИЧ

(1887—1939)

Родился в станице Нижне-Хоперской, Балашовского уезда, Саратовской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую школу, работал по найму. Был пастухом, батраком, переплетчиком. Рано включился в революционную деятельность. В 1908—1909 гг. сидел в тюрьмах Ростова-на-Дону и Царицына. Учился в университете им. Шанявского. Писать начал с 1910 г., печататься с 1913 г. В 1913 г. вступил в РСДРП(б) и вскоре был снова арестован и выслан из Московской губ. После Октябрьской революции занимался литературным трудом. В 1920 г. состоял членом литературной группы «Кузница». С 1918 по 1928 г. работал в газете «Правда». Первый сборник стихов «Эра славы. Стихи и поэмы. 1913—1918» вышел в Москве в 1918 г.

Руки. Стихи и поэмы, «Кузница», М. 1923, 206 с.

ПОЛЕТАЕВ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ

(1889—1935)

Родился в г. Одоеве, Тульской губ. Окончил в Москве торговую школу, был служащим на брянском вокзале: работал табельщиком, маркировщиком, весовщиком, конторщиком и т. д. В 1918—1919 гг. активно работал в профсоюзе железнодорожников. В 1918 г. учился в литературной студии московского пролеткульта. В этом же году в газете «Известия» напечатал первое стихотворение. Состоял членом литературной группы «Кузница». Сотрудничал во многих газетах и журналах. Первая книга «Стихи» вышла в издательстве московского пролеткульта в 1919 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1935, 115 с.; Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1938, 88 с.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

(1897—1934)

Родился в с. Баскакове, Сычевского уезда, Смоленской губ., в семье крестьянина. Окончил сельскую начальную школу. В 1908 г. переехал в Москву и поступил на работу в кожевенную мастерскую. В 1916 г. был мобилизован в действующую армию. После демобилизации в 1917 г. работал в правлении Московско-Казанской железной дороги. В 1918 г. вступил в литературную студию московского пролеткульта. В 1920 г. был одним из организаторов литературной группы «Кузница». С 1920 по 1922 г. работал в литературном отделе Наркомпроса. С 1923 г. занимался литературным трудом. Печататься начал с 1913 г. Первый сборник стихов «Восстание» вышел в Москве в 1919 г. в издании Пролеткульта.

Звон солнца. Стихи, книга I, «Кузница», М. 1923, 178 с.; Костер. Стихи. 1918—1928, «Федерация», М. 1929, 157 с.; Стихи и поэмы, Гослитиздат, М. 1957, 208 с.

КИРИЛОВ ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ

(1889—1943)

Родился в д. Харино, Духовщинского уезда, Смоленской губ., в крестьянской семье. Учился в сельской начальной школе, затем работал учеником в сапожной мастерской. В 1903 г. переехал в Одессу и поступил юнгой на пароход дальнего плавания, плавал в Турцию, Грецию и Северную Африку. В 1907 г. за участие в революционном движении моряков Черноморского флота был арестован и сослан на три года в г. Усть-Сысольск, Вологодской губ. В 1911 г. по окончании срока ссылки уехал в Америку. Вернулся в Россию в 1912 г. В 1914 г. был мобилизован в действующую армию. Являлся активным участником Октябрьской революции, работая секретарем Московско-заставского районного комитета партии г. Петрограда. В 1918—1920 гг. работал в петроградском, тамбовском и московском пролеткультах. В 1920 г. был

одним из основателей литературной группы «Кузница». Печататься начал с 1913 г. Первый сборник «Стихотворения» вышел в Петрограде в 1918 г.

Вечерние ритмы. Стихи, «Федерация», М. 1928, 123 с.; Весенний свет. Стихотворения, книга I, 1913—1922, изд. 2-е, «Недра», М. 1928, 144 с.; Избранные стихи, 1917—1932, «Советская литература», М. 1933, 146 с.

ГЕРАСИМОВ МИХАИЛ ПРОКОПЬЕВИЧ

(1889—1939)

Родился близ г. Бугуруслана в семье железнодорожного рабочего. Учился в Самарском железнодорожном техническом училище. В 1905 г. вступил в РСДРП и активно включился в революционную работу. С осени 1906 до весны 1907 г. сидел в тюрьме. В конце 1907 г. эмигрировал за границу. Жил в Бельгии и Франции, работая чернорабочим, слесарем, электромонтером, шахтером, плавал на пароходах угольщиком, кочегаром и т. д. Во время первой мировой войны служил рядовым во французской армии. Осенью 1915 г. был выслан в Россию за антивоенную пропаганду. Весной 1916 г. в Самаре вновь был арестован. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных постов: был председателем Совета военных депутатов, председателем самарского пролеткульта и т. д. Являлся одним из организаторов литературной группы «Кузница». Печататься начал с 1913 г. Первый сборник стихов «Вешние зовы» вышел в 1917 г.

Железные цветы. Стихи, изд-во «Центропечать», Самара, 1919, 96 с.; Покос. Стихи и поэмы, «Мосполиграф», М. 1924, 104 с.; Стихи, «Художественная литература», М. 1936, 237 с.

КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ АНДРИАНОВИЧ

(1904—1924)

Родился в Клину, Московской губ., в семье рабочего. Окончил четырехклассное городское училище в Москве. С 1917 г. был газетчиком, работал в аптеке, на фабрике Даниловской мануфактуры, на авиационном заводе «Мотор». С 1922 г. стал сотрудничать в редакции газеты «Юношеская правда». В 1923 г. поступил в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. Был одним из организаторов литературной группы «Рабочая весна». Первый сборник «Стихи» вышел в 1924 г. в Петрограде.

Рабочее сердце. Стихи, «Новая Москва», М. 1925, 56 с.

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

(псевдоним *Виктора Владимировича Хлебникова, 1885—1922*)

Родился в с. Тундутове, Астраханской губернии, в дворянской семье. В 1903 г. окончил гимназию в Казани и поступил на физико-математическое отделение Казанского университета.

В конце 1908 г. Хлебников переехал в Петербург и поступил на третий курс естественного отделения университета.

В. Хлебников является одним из организаторов и деятелей русского футуризма. В 1916 г. был призван в действующую армию. После Октябрьской революции жил в Петербурге, Москве, Харькове и Баку, работая в политико-просветительных учреждениях. Написал много стихов и лозунгов для «Окон РОСТА». В 1921 г. принимал участие в походе иранской народно-революционной армии. В конце 1921 г. вернулся в Москву. Первая книга «Требник троих» вышла в Москве в 1913 г.

Собрание произведений, т. 1—5, изд-во писателей в Ленинграде, Л. 1928—1933; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1940, 242 с.; Неизданные произведения. Поэмы и стихи. Гослитиздат, М. 1940, 492 с.

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1895—1925)

Родился в с. Константиново (ныне Есенино), Рязанской губ., в крестьянской семье. Воспитывался в доме зажиточного деда, старообрядца, учился в сельской начальной школе и в закрытой учительской школе церковно-семинарского типа. В 1912 г., переехав в Москву, работал в типографии, вступил в Московский литературно-музыкальный кружок имени Сурикова, посещал лекции в университете им. Шанявского. Печататься начал в 1914 г. В 1915 г. поэт приехал в Петроград, где выступал со своими стихами в литературных салонах.

Есенин принял Октябрьскую революцию, выразив свое отношение к ней в ряде поэм и стихотворений («Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» и др.).

Был связан с литературной группой имажинистов, в 1919 г. участвовал в составлении манифеста этой группы.

В 1919—1921 гг. много ездил по Советскому Союзу, посетил Мурманск, Соловки, Архангельск, Туркестан, Кавказ и Крым. В 1922 г. путешествовал по Западной Европе и Северной Америке. Большое значение имела для него поездка в Закавказье в 1924—1925 гг. Первый сборник стихов «Радуница» вышел в Петрограде в 1916 г.

Собрание стихотворений, тт. 1—4, Гос. изд-во, М.—Л. 1926—1927; Избранное, Гослитиздат, М. 1952, 272 с.; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1953, 392 с.; Сочинения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1956.

ОРЕШИН ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1887—1943)

Родился в Саратове в крестьянской семье. Окончил четырехклассное городское училище; работая приказчиком в мануфактурном магазине, учился на бухгалтерских курсах. Первые стихи напечатал в 1911 г. в газете «Саратовский листок». В 1913 г., переехав в Петербург, служил в конторе железной дороги. Печатал стихи в журналах «Вестник Европы», «Заветы» и др. Во время первой мировой войны был призван в действующую армию и в войсках вел антивоен-

ную пропаганду. В 20-х годах публиковал стихотворения во многих центральных газетах и журналах. Первый сборник стихов «Зарево» вышел в Москве в 1918 г.

Вторая трава, Моск. т-во писателей, М. 1933, 132 с.; Под счастливым небом, Гослитиздат, М. 1937, 117 с.

КЛЫЧКОВ СЕРГЕЙ

(псевдоним Сергея Антоновича Лешенкова, 1889—1941)

Родился в д. Дубровки, Калязинского уезда, Тверской губ., в семье кустаря-сапожника. Окончил частное реальное училище. В 1910 г., после окончания реального училища, при содействии М. И. Чайковского, брата композитора, уехал в Италию. Во время первой мировой войны четыре года служил в действующей армии. Участвовал в гражданской войне. По окончании войны вернулся в Москву, занимался литературным трудом. Печататься начал в 1909 г. Первый сборник стихов «Песни» вышел в Москве в 1911 г.

В гостях у журавлей, «Федерация», М. 1930, 103 с.; Сараспан. Стихи, «Художественная литература», М. 1936, 156 с.

ДОРНИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Родился в 1900 г. в д. Слободе, Тульской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. Работал пастухом, учеником у известного тульского садовода Макеева, станочником на Тульском оружейном заводе. В 1920 г. был направлен в Москву на курсы им. Я. М. Свердлова и вскоре был мобилизован в Красную Армию. Принимал участие в освобождении Крыма от белогвардейцев. После демобилизации в 1923 г. некоторое время учился в литературной студии московского пролеткульта, затем в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Печататься начал с 1919 г. Первый сборник стихов «Гранитный луг» вышел в Москве в 1922 г.

Стихи. Избранное, Моск. т-во писателей, М. 1934, 127 с.; Моя дорога. Стихи, Гослитиздат, М. 1937, 235 с.

РАДИМОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1887 г. в с. Ходяйнове, Зарайского уезда, Рязанской губ., в крестьянской семье. В 1911 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета. В 1912 г. опубликовал первый сборник своих стихов «Полевые псалмы». В 1917—1921 гг. работал в Казани инструктором и ведущим отделом изобразительных искусств Татнаркомпроса. В 1922 г. переехал в Москву и занялся творческой деятельностью. П. А. Радимов был одним из организаторов и руководителей АХРРА (Ассоциации художников революционной России). Известен как живописец. Его картины неоднократно экспонировались на художественных выставках.

Деревня, Гос. изд-во, М. 1924, 104 с.; Телега, изд-во «Узел», М. 1926, 31 с.

СЕМЕНОВСКИЙ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1894 г. в с. Меховицах, Владимирской губ., в семье священника. В 1910 г. окончил сельскую школу, учился во Владимирской духовной семинарии. В 1912 г. за участие в забастовке семинаристов был исключен из семинарии и выслан в родное село. В 1912 г. в газете «Правда» опубликовано первое его стихотворение. В 1913 г. благодаря материальной поддержке А. М. Горького поступил в университет им. Шанявского. В годы первой мировой войны служил в Иваново-Вознесенском банке. После Октябрьской революции некоторое время работал делопроизводителем городской управы, с 1918 по 1939 г. сотрудничал в Ивановской областной газете «Рабочий край». С 1939 г. занимается только литературной деятельностью. Первый сборник его стихов «Под голубым покровом» вышел в 1922 г. в Иваново-Вознесенске.

Мир—хорош. Стихотворения, «Круг», М. 1927, 92 с.; Земля в цветах. Стихотворения. С предисл. М. Горького, «Недра», М. 1930, 126 с.; Избранное. Стихи и проза, Кн. изд-во, Иваново, 1955, 220 с.

КАЗИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1898 г. в Москве в семье ремесленника-водопроводчика. В 1910 г. окончил городское начальное училище, в 1918 г.— реальное училище в Москве. В 1918 г. принимал активное участие в организации Союза рабочей молодежи «III Интернационал» и впоследствии работал секретарем Бауманского райкома комсомола. В 1918—1920 гг. учился в литературной студии московского пролеткульта, одновременно состоял членом редколлегии литературного отдела Наркомпроса. В 1920 г. был одним из основателей литературной группы «Кузница». С 1921 г. занимался литературной и редакционно-издательской работой. С 1931 по 1940 г. работал редактором в Государственном издательстве художественной литературы. Печататься начал с 1914 г. Первый сборник стихов «Рабочий май» вышел в Петрограде в 1922 г.

Признания. Стихи, Гос. изд-во, М.—Л. 1928, 80 с.; Стихотворения. Лирика. Эпиграммы. Поэмы, Гослитиздат, М. 1937, 208 с.; Стихотворения, «Советский писатель», М. 1956, 224 с.

ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ

Родился в 1884 г. в Петербурге. В 1902 г. окончил гимназию, в 1912 г.— историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1912 г. принял участие в создании «Цеха поэтов». Был одним из активных деятелей акмензма. В годы первой мировой войны поэт был корреспондентом газеты «Русское слово» на фронте (в Турецкой Армении и Персии). После Октябрьской революции он работал в различных культурно-просветительных учреждениях Тбилиси и Баку. В 1921 г. после переезда в Москву заведовал литературным отделом газеты «Известия», литературной частью театра Революции, редактировал журнал «Искусство трудящимся», совмещая редакционно-издательскую деятельность с творческой работой. В дни Великой Отечественной войны

публиковал стихи и песни на военные темы. Известен как переводчик зарубежных поэтов и поэтов братских народов Советского Союза. Первый сборник стихов «Ярь» вышел в 1907 г.

Избранные лирические и лирико-эпические стихотворения. 1905—1935, Гослитиздат, М. 1936, 327 с.; Стихотворения, 1905—1955, Гослитиздат, М. 1956, 391 с.

САННИКОВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1899 г. в г. Яранске, Вятской губ., в семье ремесленника. Учился в Москве в университете им. Шанявского, а после Октябрьской революции — в литературной студии московского пролеткульта, совмещая учебу с службой в рядах Красной Армии. Выступать в печати со стихами начал с 1918 г. Был одним из организаторов и руководителей литературной группы «Кузница». В 20-х годах совершил в качестве корреспондента два путешествия по зарубежному Востоку и путешествие вокруг Европы. В 30-х годах занимался изучением жизни, быта и литературы народов среднеазиатских советских республик. Написал ряд поэтических произведений о Средней Азии и зарубежном Востоке. Во время Великой Отечественной войны находился на фронте, работая в армейской печати. Награжден орденом Красной Звезды. После войны вел редакторскую работу, совмещая ее со своей литературной и переводческой деятельностью. Первый сборник стихотворений «Лирика» вышел в Москве в 1921 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1937, 200 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1957, 164 с.

БЕЗЫМЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Родился в 1898 г. в г. Житомире. В 1916 г. окончил гимназию в г. Владимире и поступил в Киевский коммерческий институт. Еще в гимназические годы поэт принял участие в подпольном революционном кружке. Член КПСС с 1916 г. В 1917 г. активно участвовал в Октябрьском восстании в Петрограде. В 1918 г. был редактором газеты Владимирского губисполкома «Борьба и труд». В этом же году на Первом съезде ВЛКСМ был избран в ЦК комсомола. В 1926 г. на Седьмом съезде ВЛКСМ избран почетным комсомольцем. В 1919—1920 гг. работал лектором политграмоты во Владимире и Казани. В 1921 г. переехал в Москву и работал редактором газеты ЦК ВЛКСМ «Красная молодежь». Является одним из основателей групп пролетарских писателей «Октябрь». С 1930 г. работает в составе бригад «Правды» и «Литературной газеты» на заводах и новостройках страны. В дни Великой Отечественной войны активно сотрудничал во фронтовых газетах. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной Войны I степени. Первая книга «Октябрьские зори» вышла в 1920 г. в Казани.

Ордер на мир, «Молодая гвардия», М. 1926, 513 с.; Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1947, 252 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1949, 387 с.; Книга сатиры, «Советский писатель», М. 1956, 382 с.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1889 г. в г. Льгове, Курской губ., в семье служащего. В 1909 г. окончил курское реальное училище. Переехав в Москву, поступил в Коммерческий институт, одновременно слушая лекции на филологическом факультете Московского университета. В 1913 г. опубликовал первые стихи. Во время первой мировой войны был призван в действующую армию. В годы гражданской войны поэт работал в большевистской газете во Владивостоке. Вернувшись в 1922 г. в Москву, целиком посвятил себя литературному труду. В 1923 г. был одним из организаторов и работников журнала «Лев». Во время Великой Отечественной войны печатал стихи и писал поэму «Пламя победы». Известен как переводчик поэтических произведений народов братских республик. Награжден орденом Ленина. В 1941 г. удостоен Сталинской премии за поэму «Маяковский начинается». Первый сборник стихов «Ночная флейта» вышел в Москве в 1914 г.

Собрание стихотворений, изд. 2-е, исправленное, тт. 1—4, Гос. изд-во, М. 1931—1932; Первый взвод, Гослитиздат, 1941; Избранные произведения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1953; Памяти лет. Сборник стихотворений 1912—1955, Гослитиздат, М. 1956, 447 с.

НЕЗНАМОВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

(псевдоним П. В. Лежанкина, 1889—1941)

Родился в местечке Новчинский завод, Забайкальской области, в семье служащего. Учился в гимназии. В 20-х годах начал печататься в дальневосточных газетах и журналах. В 1922 г. переехал в Москву, работал в журнале «Лев».

В дни Великой Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения и погиб на фронте. Первая книга стихов «Пять столетий» вышла в 1923 г.

Хорошо на улице. Стихи, «Федерация», М. 1929, 95 с.

ТИХОНОВ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

Родился в 1896 г. в Петербурге, в семье ремесленника. В 1911 г. окончил торговую школу, затем служил конторщиком в Военно-морском хозяйственном управлении. Во время первой мировой войны участвовал в боях в Прибалтике. В 1918 г. пошел добровольцем в Красную Армию и принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом. В 20—30-х гг. Н. Тихонов много путешествовал по Советскому Союзу, странам Западной Европы и Азии. Во время войны с белофиннами 1939—1940 гг. возглавлял группу писателей газеты «На страже Родины». Во время Великой Отечественной войны был начальником группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта, участник обороны Ленинграда. Много занимается переводами произведений поэтов братских республик. Н. С. Тихонов — председатель Советского комитета защиты мира, член бюро Всемирного Совета Мира. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и двумя орденами

Отечественной Войны I степени. В 1942, 1949 и 1952 гг. удостоен Сталинских премий. Первый сборник стихов «Орда» вышел в 1922 г.

Собрание стихотворений в 2-х томах, «Прибой», Л. 1930—1932; Стихотворения и поэмы, «Художественная литература», Л. 1935, 431 с.; Избранные произведения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1955.

ПОЛОНСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА

Родилась в 1890 г. в Варшаве в семье инженера. В 1907 г. окончила гимназию в Петербурге. В 1908—1912 гг. училась на медицинском факультете университета в Париже, в 1915 г. — в Юрьевском (ныне Тартуском) университете. Во время первой мировой войны работала врачом на Юго-Западном фронте. После Октябрьской революции с 1917 по 1931 г. работала в различных медицинских учреждениях Ленинграда. С 1931 г. занималась в основном литературным трудом: писала книги для детей и переводила поэтические произведения. В годы Великой Отечественной войны вновь работала врачом в Ленинграде. В настоящее время переводит поэтов братских республик и прогрессивных поэтов и писателей Западной Европы. Печататься начала с 1920 г. Первый сборник стихов «Знамя» вышел в Петрограде в 1921 г.

Года. Избранные стихи, изд-во писателей в Ленинграде, 1935, 169 с.; Новые стихи. 1932—1936, Гослитиздат, Л. 1937, 120 с.; Времена мужества. Стихи, Гослитиздат, Л. 1940, 80 с.

ПАСТЕРНАК БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ

Родился в 1890 г. в Москве в семье академика живописи Л. О. Пастернака. По окончании гимназии в 1908 г. поступил на юридический факультет Московского университета, в 1909 г. перешел на исторический факультет, который и окончил в 1913 г. по философскому отделению. Летом 1912 г. занимался в университете в Марбурге (Германия), ездил в Италию (Флоренцию и Венецию). Печататься начал с 1913 г. В 1915—1917 гг. жил на Урале. После Октябрьской революции некоторое время работал в библиотечном отделе Наркомпроса. Широко известны его переводы произведений поэтов братских республик и выдающихся писателей и поэтов Западной Европы. Первая книга стихов «Близнец в тучах» вышла в Москве в 1914 г.

На ранних поездках. Новые стихотворения, «Советский писатель», М. 1943, 50 с.; Избранные стихи и поэмы, Гослитиздат, М. 1945, 187 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1948, 160 с.

АННА АХМАТОВА

(псевдоним Анны Андреевны Горенко)

Родилась в 1888 г. в дачном местечке около Одессы в семье моряка. Детство и школьные годы провела в Царском Селе. Окончила гимназию в Киеве. Училась на юридическом отделении Киевских высших женских курсов, затем

на Высших историко-литературных курсах Раева в Петербурге. Печататься начала в 1907 г. Принадлежала к литературному течению акмеизма. С 1916 г. живет в Петрограде. Путешествовала по Германии, Франции и Италии. В настоящее время много занимается переводами поэтов братских республик и стран народной демократии. Первый сборник стихов «Вечер» вышел в Петербурге в 1912 г.

Из шести книг, Стихотворения. «Советский писатель», Л. 1940, 328 с.; Избранное. Стихи, Ташкент, 1943, 116 с.

ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА

(1892—1941)

Родилась в Москве в семье профессора-искусствоведа. В 1908 г. окончила гимназию в Москве. Прослушала курс старофранцузской литературы в Сорбонне во Франции. В 1922 г. эмигрировала за границу, жила в Праге, а затем в Париже. В 1940 г. вернулась в Советский Союз. Первый сборник стихов «Черный альбом» вышел в Москве в 1910 г.

Версты. Стихи, «Костры», М. 1921, 54 с.; Царь-девица. Поэма-сказка, Гос. изд-во, М. 1922, 159 с.

КАМЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1884 г. близ Перми, в семье служащего. Окончил пермское городское училище. С 1900 по 1905 г. работал по найму. Был конторщиком, таксировщиком на железной дороге, актером. В 1905 г. избран председателем революционного стачечного комитета в Нижнем Тагиле, был арестован, просидел в тюрьме до середины 1906 г. В 1907 г. приехал в Петербург, поступил учиться на Высшие сельскохозяйственные курсы. С 1910 по 1914 г. занимался авиацией, став летчиком-профессионалом. Много путешествовал, был в Англии, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Турции и Персии. Один из организаторов литературной группы футуристов. После Октябрьской революции принимал участие в гражданской войне, служил в Высшей военной инспекции. С 1919 г. занимается литературным трудом, активно печатаясь в советской прессе. В 1931 г. принимал участие в колхозном строительстве на Урале. В дни Великой Отечественной войны публиковал стихи на военные темы. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Первый сборник стихов «Танго с коровами» вышел в Москве в 1914 г.

Избранные стихи, Гос. изд-во худож. лит-ры, М. 1934, 245 с.; Могущество. Роман в стихах, Гослитиздат, М. 1939, 268 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1948, 175 с.

ЗЕНКЕВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1891 г. в с. Николаевский городок, Саратовской губ., в семье учителя. Окончил саратовскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета. Два года провел за границей, слушал лекции по фило-

софии в университетах Берлина и Иены. Жил в Петербурге и Саратове. С 1918 по 1923 г. служил в Красной Армии. Принадлежал к литературному течению акмеизма. В 1923 г. переехал в Москву и стал работать в издательстве «Земля и фабрика». В настоящее время занимается переводами поэтов братских республик, стран народной демократии и западноевропейских стран. Печататься начал с 1906 г. Первый сборник стихов «Дикая порфира» вышел в Петербурге в 1912 г.

Избранные стихи, «Огонек», М. 1932, 32 с.; Избранные стихи, «Советская литература», М. 1933, 173 с.; Набор высоты. Стихи, Гослитиздат, М. 1937, 231 с.

ИНБЕР ВЕРА МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1890 г. в Одессе. Мать писательницы была педагогом, отец возглавлял издательство, в котором печатались научно-популярные книги. Окончив гимназию, Инбер поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов, но скоро уехала в Западную Европу и провела там около четырех лет. В 1912 г. выпустила в Париже свой первый сборник стихов «Печальное вино». В 1914 г. вернулась в Россию и поселилась в Одессе. С 1922 г. переехала в Москву и начала активно сотрудничать в центральных газетах и журналах. В 30-х годах много ездила в качестве журналистки по Советскому Союзу и странам Западной Европы. Во время Великой Отечественной войны В. Инбер с 1941 по 1944 г. находилась в осажденном Ленинграде, принимала участие в работе ленинградской писательской организации: сотрудничала в газетах, выступала по радио, читала свои произведения на фабриках и заводах. Награждена орденом «Знак Почета». В 1945 г. В. Инбер присуждена Сталинская премия.

Избранное, «Советский писатель», М. 1947, 256 с.; Поэмы и стихи, «Советский писатель», М. 1952, 196 с.; Избранные произведения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1954.

ЧУКОВСКИЙ КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1882 г. в Петербурге. Учился в гимназии в Одессе. Был исключен из 6-го класса, как «кухаркин сын», позже окончил гимназию в Николаеве, сдав экзамен на аттестат зрелости. С 1901 г. начал работать в редакции газеты «Одесские новости». Самоучкой изучил английский язык и в 1903 г. в качестве корреспондента газеты «Одесские новости» поехал в Лондон. По возвращении в Россию в 1905 г. издавал сатирический журнал «Сигнал». В 1908 г. поселился в Куоккале, где сблизился с Репиным, поручившим ему редактирование своих мемуаров. В эти же годы напечатал ряд критических исследований и статей в периодических изданиях («Весь», «Нива», «Речь», «Русское слово» и др.). С 1910 г. занялся изучением творчества Некрасова. В 1916 г. по приглашению М. Горького работал в издательстве «Парус» в качестве заведующего детским отделом. Тогда же написал несколько детских книг. В 1919—1921 гг. заведовал англо-американским отделом издательства «Всемирная литература». Сотрудни-

чал в газете «Правда», журнале «Красная новь» и в других периодических изданиях.

В годы Великой Отечественной войны состоял членом Правительственной комиссии по эвакуации бездомных детей и в связи с этой работой напечатал много статей в газетах и журналах. Награжден орденом Ленина и Трудового Красного Знамени. Первая детская книга К. Чуковского «Приключения Крокодила Крокодилевича. Поэма для маленьких детей» вышла в Петрограде в издательстве Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов в 1919 г.

Сказки, «Academia», М. 1935, 158 с.; Сказки. Путаница. Лимпопо. Бармалей. Телефон. Мойдодыр. Краденое солнце. Федорино горе. Тараканище. Муха-Цокотуха, Детгиз, М.—Л. 1936, 98 с.; Сказки, Детгиз, М.—Л. 1955, 144 с.

ЖАРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1904 г. в д. Семеновская, Можайского уезда, Московской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую школу и поступил в можайское реальное училище. С 1918 г. несколько лет был на руководящей комсомольской работе в г. Можайске, затем в Москве. В 1921 г. поступил на факультет общественных наук 1-го Московского государственного университета. Был одним из организаторов группы пролетарских писателей «Молодая гвардия». В 1925—1927 гг. редактировал журналы «Комсомолия» и «Смена». Печатался в различных газетах и журналах. Во время Великой Отечественной войны, находясь в качестве политработника и военного корреспондента в рядах действующего Военно-Морского Флота, активно сотрудничал в краснофлотской печати. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и «Знак Почета». Первая книга стихов «Слово о Поволжье» вышла в 1921 г.

Избранное. 1921—1946, «Молодая гвардия», М. 1946, 231 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1950, 256 с.; Избранные произведения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1954.

ГОЛОДНЫЙ МИХАИЛ

(псевдоним Михаила Семеновича Этштейна, 1903—1949)

Родился в г. Бахмуте (ныне Артемовск), Екатеринославской губ., в рабочей семье. Окончил городское училище. С двенадцати лет работал на фабрике штамповщиком, упаковщиком на мануфактурном складе в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск). В 1924 г. переехал в Москву, учился на рабфаке, а затем в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. В дни Великой Отечественной войны публиковал стихи на военные темы. Первая книга стихов «Сваи» вышла в Харькове в 1922 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1935, 161 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1949, 142 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1956, 244 с.

УТКИН ИОСИФ ПАВЛОВИЧ
(1903—1944)

Родился на станции Хинган, Восточно-китайской железной дороги, в семье служащего. Учился в иркутской гимназии. В 1920 г. ушел добровольцем в Красную Армию и принимал активное участие в гражданской войне в Сибири. Демобилизовавшись, переехал в Москву и поступил учиться в Государственный институт журналистики. В дни Великой Отечественной войны служил в качестве военного корреспондента в редакции армейской газеты. В 1941 г. был тяжело ранен, но вернулся в ряды Советской Армии. Погиб во время авиационной катастрофы, возвращаясь в Москву с фронта. Печататься начал с 1923 г. Первая книга «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, равнине Исае и комиссаре Блох» вышла в Москве в 1926 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1935, 173 с.; Лирика, Гослитиздат, М. 1939, 216 с.; О родине. О дружбе. О любви. Гослитиздат, М. 1944, 192 с.; Стихи и поэмы, Гослитиздат, М. 1956, 271 с.

СВЕТЛОВ МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ

Родился в 1903 г. в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), в семье ремесленника. В 1917 г. окончил начальное городское училище. Работал на товарной бирже и в частной фотографии. В 1919 г. заведовал отделом печати Днепрпетровского губкома комсомола и был редактором первого на Украине комсомольского журнала «Юный пролетарий». В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. В 1922 г. демобилизовался и переехал в Харьков, где работал сотрудником отдела печати ЦК комсомола Украины. Учился на рабфаке. В 1927—1928 гг. учился на факультете литературы и искусства Московского государственного университета. С 1928 г. занимается литературной деятельностью. В дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, был военным корреспондентом армейской и корпусной газеты. Награжден двумя орденами Красной Звезды. Начал печататься с 1917 г. Первый сборник стихов «Рельсы» вышел в Харькове в 1922 г.

Избранные стихи, 1923—1931, «Федерация», М. 1932, 166 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1953, 176 с.; Стихи и пьесы, Гослитиздат, М. 1957, 480 с.

АНТОКОЛЬСКИЙ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1896 г. в Петербурге в семье адвоката. Окончил гимназию в Москве. С 1915 г. учился на юридическом факультете Московского университета. В это же время поступил в студенческую драматическую студию, руководимую Евг. Вахтанговым, был актером, после Октябрьской революции, уже в театре им. Вахтангова, — режиссером. Печататься начал в 1918 г. Результатом нескольких поездок с театром за границу (1923, 1928) явились циклы стихов о Германии, Швеции, Париже. В 1934 г. ушел из театра, занявшись исключительно литературным трудом. Основными вехами творчества тех лет для Антоколь-

ского были поэмы «Франсуа Вийон», «Коммуна 71-го года» и «Кошей», а также ряд стихотворений о Пушкине. В годы Великой Отечественной войны Антокольский интенсивно работает как поэт, публицист, военный корреспондент, литературный критик. Работает над переводами французских поэтов и поэтов народов СССР. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1946 г. удостоен Сталинской премии за поэму «Сын». Первая книга «Стихотворения» вышла в 1922 г.

Стихотворения и поэмы, изд-во писателей в Ленинграде, 1934, 323 с.;
Избранные сочинения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1956.

СЕЛЬВИНСКИЙ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

Родился в 1899 г. в Симферополе в семье меховщика. Окончил гимназию в Евпатории. В 1918 г. участвовал в боях за Перекоп. В 1921 г. переехал в Москву, поступил на факультет общественных наук 1-го Московского государственного университета, который окончил по юридическому отделению в 1923 г. В бытность студентом плавал на шхуне, был рабочим на консервной фабрике, инструктором тяжелой атлетики. В 1924—1930 гг. И. Сельвинский был руководителем «Литературного центра конструктивистов». В 1933—1934 гг. в качестве корреспондента «Правды» участвовал в арктическом походе «Челюскина». Во время Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г. находился в Советской Армии на Крымском, Северо-Кавказском и Прибалтийском фронтах. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной Войны I степени и Красной Звезды. Первый сборник стихов «Рекорды» вышел в издательстве «Узел» в 1926 г.

Избранное, «Советский писатель», М. 1950, 340 с.; Трагедии, «Советский писатель», М. 1952, 515 с.; Избранные произведения в 2-х томах, Гослитиздат, 1956.

БАГРИЦКИЙ ЭДУАРД

(переводчик Эдуарда Георгиевича Дзюбина, 1895—1934)

Родился в Одессе в семье ремесленника. В 1905 г. поступил в одесское реальное училище, с 1913 г. учился в землемерном училище. Начал печататься с 1915 г. Принимал участие в гражданской войне. В 1919 г. поэт сражался в рядах Особого партизанского отряда им. ВЦИК. В 1920 г. Э. Багрицкий работает в ЮгРОСТА, где пишет много боевых политических стихотворений, лозунгов, подписей под плакатами и т. д. В 1921—1924 гг. живет в Одессе, с 1925 г. — в Москве. Параллельно с творческой деятельностью вел постоянную педагогическую и воспитательную работу с поэтической молодежью. Первый сборник стихов «Юго-запад» вышел в Москве в 1928 г.

Собрание сочинений в 2-х томах, т. 1, Гослитиздат, М.—Л. 1938, 702 с.; Стихи и поэмы, Гослитиздат, М. 1956, 335 с.; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1956, 363 с.

ЛУГОВСКОЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1901—1957)

Родился в Москве в семье учителя. В 1918 г. окончил гимназию, в 1919 г.— Главную школу всеобуча, в 1921 г.— Военно-педагогический институт. В конце 1921 г. был на Западном фронте. С 1922 г. служил в Управлении делами Кремля и в военной школе ВЦИК. Печататься начал в 1924 г. В 30-х годах много путешествовал по Советскому Союзу и странам Западной Европы. В 1939—1940 гг. в качестве военного корреспондента принимал участие в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. В годы Великой Отечественной войны писал стихи на военные темы и работал над текстом сценария «Иван Грозный». Награжден орденом «Знак Почета». Первый сборник стихов «Сполохи» вышел в издательстве «Узел» в 1926 г.

Стихи. 1923—1930, Гос. изд-во худож. лит-ры, М.—Л. 1931, 149 с.; Лирика. 1924—1954, «Советский писатель», М. 1955, 212 с.; Избранные произведения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1956.

МАРШАК САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1887 г. в г. Воронеже в семье заводского служащего. С 1898 по 1906 г. учился в острогожской, 3-й петербургской и ялтинской гимназиях. В 1912—1914 гг. жил в Англии, учился в Риджент-стрит политехникуме и в Лондонском университете. Печататься начал в 1907—1908 гг. В 1914 г. вернулся в Россию. Во время первой мировой войны работал по устройству детей-беженцев. В 1920—1921 гг. заведовал секцией детских домов и колоний Краснодарского областного отдела народного образования. В 1921—1923 гг. руководил литературной частью детского театра г. Краснодара и Театра юного зрителя в Ленинграде. В 1923 г. вышла первая книга «Детки в клетке». В 1923—1938 гг. был литературным консультантом журнала для детей «Новый Робинзон», издательства «Молодая гвардия», Ленгосиздата, Лендетиздата. Перу С. Маршака принадлежит много книг: сказки, повести в стихах, баллады, пьесы, лирические стихи. Во время Великой Отечественной войны Маршак работал над сатирическими плакатами «Окна ТАСС», регулярно сотрудничал в газете «Правда», публиковал в центральной периодической печати сатиры и эпиграммы на международные темы. Переводит произведения поэтов Сратских республик и зарубежных классиков. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Отечественной Войны I степени. С. Маршаку присуждены четыре Сталинских премии (в 1942, 1946, 1949 и 1951 гг.).

Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1949, 312 с.; Стихи. Сказки. Переводы. В 2-х книгах. Гослитиздат М. 1952; Стихи. Сказки. Переводы. В 2-х книгах. Гослитиздат, М. 1955; Сказки. Песни. Загадки, Детгиз, М.—Л. 1955, 656 с.

ТРЕТЬЯКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(1892—1939)

Родился в Риге в семье учителя. Окончил рижскую гимназию и в 1916 г. — юридический факультет Московского университета.

В 1919—1922 гг. работал во Владивостоке и Чите в большевистских газетах «Красное знамя», «Дальневосточный телеграф» и др. В 1921 г. в Чите был назначен товарищем министра народного просвещения ДВР. В 1922 г. переехал в Москву. Работал в журнале «Леф» и в театре Пролеткульта. В 1924—1925 гг. преподавал русскую литературу в Национальном университете в Пекине. Был постоянным корреспондентом газеты «Правда». Вернувшись в Москву, сотрудничал в центральных газетах. В годы коллективизации работал в колхозе «Коммунистический маяк» Ставропольского края. С 1931 г. сотрудничал в журналах «Интернациональная литература», «Смена» и «Пионер». Печататься начал в 1913 г. Первая книга стихов «Железная пауза» вышла во Владивостоке в 1919 г.

Итого. Госиздат, М. 1924, 93 с.; Речсвик. Госиздат М. 1929, 192 с.

КОВЫНЕВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1903 г. в д. Марсевке, Полтавской губ., в семье служащего. Учился в сельской школе, затем в реальном училище в Полтаве. Окончил гимназию в Тбилиси. Печататься начал в 1921 г. В 1923 г. переехал в Москву и поступил во Вхутемас (Государственные высшие художественно-технические мастерские). Публиковал стихи в центральных газетах и журналах. Первый сборник «Стихи» вышел в Москве в 1925 г.

Последний из могикан. Вторая книжка стихов, Всерос. союз крестьянских писателей, М. 1925, 38 с.; Солнце взрослых, Гослитиздат, М.—Л. 1930, 137 с.

СКУРАТОВ МИХАИЛ МАРКЕЛОВИЧ

Родился в 1903 г. в с. Уян. Нижнеудинского уезда, Иркутской губ., в семье крестьянина. Учился в железнодорожном начальном училище и в Иркутском горном училище. Одновременно работал по найму. Был чернорабочим, лесоплавщиком и шахтером. В 1924 г. переехал в Москву и поступил в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова, а после закрытия его — на этнологический факультет 1-го Московского государственного университета, который окончил в 1928 г. С 1929 г. занимался литературно-педагогической деятельностью, работал также в качестве корреспондента в редакциях московских газет. Печататься начал с 1921 г. Первая книга «Сибирская родословная» вышла в Москве в 1937 г.

Родня. Стихи и поэмы, «Советский писатель», М. 1946, 84 с.

ЧЕКМАРЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

(1910—1933)

Родился в Москве. Окончил среднюю школу и в 1929 г. поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, позже перешел в Мясо-молочный институт в Москве. В институте был редактором студенческой газеты. После окончания института работал зоотехником мясовохова в Башкирии. Стихи С. Чекамарева были опубликованы посмертно в 1956 г. в журнале «Новый мир» (№ 1) и в газете «Комсомольская правда» (сентябрь 1956 г.).

ПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1903 г. в г. Козельске, Калужской губ., в семье служащего. В 1917 г. переехал с семьей в Москву, где окончил в 1922 г. Государственный институт журналистики, в 1928 г. — 1-й Московский государственный университет. Печататься начал с 1918 г. Состоял членом «Литературного центра конструктивистов». В годы первой пятилетки работал очеркистом на новостройках Магнитогорска, Северного Кавказа, Средней Азии. Во время Великой Отечественной войны служил офицером Северного флота, был военным корреспондентом и участвовал в боевых походах. Награжден орденом Красного Знамени. Первая книга стихов Н. Панова «Московская Америка» вышла в Москве в 1924 г. под псевдонимом «Д. Туманный».

Баренцево море. Поэма, Военмориздат, М. 1952, 120 с.; Избранное. Стихи, Гослитиздат, М. 1940, 108 с., Избранные стихи; «Советский писатель», М. 1956, 208 с.

ДРУЖИНИН ПАВЕЛ ДАВЫДОВИЧ

Родился в 1890 г. в с. Тезикове, Наровчатского уезда, Пензенской губ., в семье крестьянина. В 1901 г. окончил начальную земскую школу и в том же году начал работать на спичечной фабрике. В 1907 г. уехал на заработки в Москву. Работал дворником, рабочим на кожевенном заводе, на шелкомотальной фабрике. Во время гражданской войны, находясь в рядах Красной Армии, публиковал стихи в газетах Восточного фронта. После демобилизации вернулся в Москву, печатался в московских журналах и газетах. В настоящее время переводит произведения поэтов народов СССР. Первый сборник стихов «Песни самоучки» вышел в Ташкенте в 1920 г.

Золотой ковш. Стихи, Моск. т-во писателей, М. 1931, 144 с.; Избранные стихи, Обл. изд-во, Пенза, 1947, 126 с.; Большая земля. Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1956, 149 с.

МОЛЧАНОВ ИВАН ИПКАНОВИЧ

Родился в 1903 г. в д. Прислон, Шенкурского уезда, Архангельской губ., в семье крестьянина-бедняка. В 1915—1918 гг. был подпаском, укладчиком дров и сторожем. В 1919 г. ушел добровольцем в Красную Армию. В 1922—

1923 г. учился в г. Архангельске в пролеткульте и в Рабоче-крестьянском университете, в 1924—1927 гг.— в Москве в Государственном институте журналистики. С 1927 г. занимается литературным трудом. Был членом литературных групп «Октябрь» и «Молодая гвардия». В дни Великой Отечественной войны ушел на фронт добровольцем народного ополчения, с 1942 г. был военным корреспондентом фронтовых газет «Боевой товарищ», «Уничтожим врага», «Советский воин» и др. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1923 г. Первая книга стихов «Борьба и сердце» вышла в Москве в 1925 г.

Избранное, «Советский писатель», М. 1950, 155 с.; Золотой полдень. Стихи, «Советский писатель», М. 1954, 150 с.

ОБРАДОВИЧ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1892—1956)

Родился в Москве в семье ремесленника. Окончил три класса городского начального училища. С пятнадцати лет работал в типографии учеником, наладчиком, мастером-стереотипщиком. Учился в университете им. Шанявского. Во время первой мировой войны был в армии, участвовал в военных операциях на Карпатах, в Галиции. В 1917 г. стал председателем полкового комитета. После демобилизации некоторое время работал в типографии, затем конторщиком на железной дороге. В 1918 г. начал посещать литературную студию московского пролеткульта, в 1920 г. принял активное участие в организации литературной группы «Кузница». Заведовал литературным отделом газеты «Правда». Активно печатался в периодической печати. В последние годы своей жизни много работал над переводами поэтов народов СССР и иностранных поэтов. Первый сборник стихов «Взмах» вышел в Петрограде в 1921 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1935, 171 с.; Дороги. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 202 с.; Избранное. Стихи и поэмы, «Советский писатель», М. 1954, 232 с.

ПЕТРОВСКИЙ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(1892—1955)

Родился в с. Дроздовицы, Городнянского уезда, Черниговской губ., в семье священника. Учился в Черниговской духовной семинарии, но был исключен за сочувствие революционному движению. В 1911 г. окончил экстерном частную гимназию в Брянске. В 1912 г. поступил в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества. С 1916 по 1917 г. служил в царской армии. В 1917 г. переехал в Петроград и поступил токарем в Александровские паровозные мастерские. Был участником Октябрьских боев в Москве. В годы гражданской войны Петровский активно участвовал в партизанском движении на Украине. С 1921 г. перешел на творческую работу. Печататься начал с 1916 г. Первая книга стихов «Пустынная осень» вышла в 1920 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1935, 246 с.; В гостях у Лермонтова, Стихи, «Советский писатель», М. 1936, 296 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1956, 224 с.

САЯПОВ ВИССАРИОН МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1903 г. в Восточной Сибири, в семье политического ссыльного. С 1922 по 1925 г. учился в Ленинградском университете. В 1925—1926 гг. служил в Красной Армии. С 1927 г. занимается литературным трудом. В 1939—1940 гг. во время войны с белофиннами был военным корреспондентом газеты «На страже Родины». В годы Великой Отечественной войны работал в Политуправлении Ленинградского фронта и в частях Первого Украинского фронта, активно сотрудничая в фронтовых красноармейских газетах. Награжден орденами Отечественной Войны II степени, Красной Звезды и «Знак Почета». В 1949 г. удостоен Сталинской премии. Печататься начал с 1924 г. Первая книга стихов «Фартовые годы» вышла в 1926 г.

Стихотворения и поэмы, Гослитиздат, Л. 1939, 328 с.; Избранные стихи. 1925—1947, Гослитиздат, М.—Л. 1948, 316 с.; Избранные сочинения в 2-х томах, тт. I—II, Лениздат, 1955.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1895 г. в Царском Селе (ныне г. Пушкин) в семье учителя. Окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где сблизился с кружком акмеистов. В 1916 г. был призван в действующую армию. После Октябрьской революции добровольцем вступил в Красную Армию. В 1922 г. демобилизовался, вернулся в Петроград и принял активное участие в работе издательства «Всемирная литература». В настоящее время работает над переводами поэтов братских народов и над созданием оперных либретто. Первая книга стихов «Гимназические годы» вышла в Петербурге в 1914 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, Л. 1936, 167 с.; Родные дороги. Стихи. 1941—1946, «Советский писатель», М. 1947, 79 с.; Стихотворения. 1920—1955, Гослитиздат, М. 1956, 367 с.

ПРОКОФЬЕВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1900 г. в с. Кабона, Мгинского уезда, Петербургской губ., в семье крестьянина-рыбака. Окончил двухклассное училище, с 1914 по 1917 г. учился в Петербургской семинарии. В 1919 г. вступил в Красную Армию, участвовал в разгроме Юденича под Петроградом. Печататься начал с 1927 г. В 1930 г. после демобилизации из армии поступил на работу в Ленинградский радиоцентр, позже в Ленинградский государственный Народный дом. В 1939—1940 гг., во время войны с белофиннами, был в Заполярье корреспондентом армейской газеты «Героический поход». В дни Великой Отечественной войны А. Прокофьев работал в Политуправлении Ленинградского фронта. Награжден орденом Ленина и орденами Отечественной Войны II степени, Красной Звезды и «Знак Почета». В 1951 г. удостоен Сталинской премии. Первая книга стихов «Полдень» вышла в 1931 г.

Простор. Стихи, Гослитиздат, Л. 1945, 189 с.; Избранное. «Советский писатель», М. 1947, 300 с.; Заречье, «Советский писатель», Л. 1955, 168 с.

УШАКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1899 г. в г. Ростове Ярославской губ., в семье военно-служащего. Окончил гимназию, в 1924 г.— юридический факультет Киевского института народного хозяйства. Печататься начал с 1923 г. Известен как переводчик поэтов братских республик. Первый сборник стихов «Весна республики» вышел в 1927 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, М. 1936, 171 с.; Путешествие. Стихи, Гослитиздат, М. 1940, 76 с.; Северное сияние. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 84 с.; Свежий вечер. Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 128 с.

КИРСАНОВ СЕМЕН ИСААКОВИЧ

Родился в 1906 г. в Одессе в семье портного. Окончил филологический факультет Одесского института народного образования. В 1922 г. начал печататься в одесских периодических изданиях. В 1925 г. переехал в Москву. Сотрудничал в журнале «Леп». В 1927—1928 гг. принимал участие в поездках Маяковского по городам СССР. В годы первых пятилеток выезжал в шахты, на заводы, в совхозы. В годы Великой Отечественной войны поэт находился в рядах Советской Армии, работая фронтовым корреспондентом. Был одним из инициаторов создания «Окон ТАСС» и автором листовки «Заветное слово Фомы Смыслова». Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1951 г. присуждена Сталинская премия. Первый сборник стихов «Прицел» вышел в 1926 году в Москве.

Избранное. Стихотворения и поэмы, Гослитиздат, М. 1948, 344 с.; Сочинения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1954; Избранные стихотворения, «Советский писатель», М. 1956, 439 с.; Поэмы, Гослитиздат, 1956, 348 с.

АЛТАУЗЕН ДЖЕК МОИСЕВИЧ

(1906—1942)

Родился на Феодосьевском прииске в Сибири в семье ссыльного. Одинадцати лет ушел из семьи и жил в Чите, Харбине, Хабаровске, Владивостоке, Нагасаки, Шанхае. В 1919 г. вступил в шанхайскую подпольную организацию комсомола. В 1920 г. вернулся в Иркутск и стал работать на кожевенном заводе. С 1922 г. начал публиковать свои стихи в иркутских газетах. В 1923 г. переехал в Москву и поступил на Высшие литературно-художественные курсы, затем на факультет общественных наук 1-го Московского государственного университета. С 1925 г. сотрудничал во многих московских газетах и журналах. С первых дней Великой Отечественной войны ушел на фронт. Награжден орденом Красного Знамени. В 1942 г. погиб в бою под Харьковом. Первая книга Д. Алтаузена «Отпускник Артем», написанная совместно с А. Ясным и Б. Ковыньевым, вышла в 1925 г.

Комсомольские поэмы, Моск. т-во писателей, М. 1934, 267 с.; Ода молодости, «Молодая гвардия», М. 1935, 106 с.; Избранные стихи, «Художественная литература», М. 1936, 155 с.

КОЛЫЧЕВ ОСИП ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1904 г. в г. Одессе в семье служащего. Окончил гимназию и учился на литературном отделении Института народного образования в Одессе. С 1921 г. участвовал в одесском литературном кружке, организованном Э. Багрицким. Печататься начал с 1922 г. В 1924 г. переехал в Москву и стал сотрудничать в центральных газетах и журналах. С 1932 г. поэт в содружестве с композитором А. В. Александровым создает ряд песен для Краснознаменного ансамбля песни и пляски СССР. В период Великой Отечественной войны служил в гвардейском танковом корпусе в качестве специального корреспондента газеты «Сталинская гвардия». Работает в области перевода поэтов братских республик. Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Первый сборник «Книга стихов» вышел в 1930 г.

«У Черного моря», «Советский писатель», 1935, 100 с.; Стихи и поэмы, Гослитиздат, М. 1936, 96 с.; Шорс. Поэма, «Советский писатель», 1940, 88 с.; Наша земля. Стихи и песни, «Советский писатель», М. 1955, 167 с.; Олеко Дундич. Поэма, М. 1956, 104 с.

ГАТОВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

Родился в 1899 г. в г. Харькове в семье служащего. В 1917 г. окончил гимназию. Во время гражданской войны выступал в красноармейской печати, писал лозунги, листовки; работал лектором центрального красноармейского клуба Политуправления Юго-Западного фронта. В 1917 г. поступил на юридический факультет Харьковского университета; закончил его после значительного перерыва, в 1923 г. В 1926—1927 гг. находился в творческой командировке во Франции. С 1928 г. живет в Москве. Много занимался переводами французской революционной поэзии: Э. Потье, «Поэмы Парижских баррикад». А. Гатов переводит стихи поэтов братских республик и прогрессивных зарубежных поэтов. Первый сборник стихов «Барельефы из воска» вышел в Харькове в 1918 г.

Закон тяготения. Лирика, Гослитиздат, М. 1936, 134 с.; Стихи. 1934—1938, «Советский писатель», М. 1939, 88 с.; Высокий берег. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 124 с.

АДАЛИС АДЕЛЛИНА ЕФИМОВНА

(псевдоним А. Е. Ефрон)

Родилась в 1900 г. в Петербурге в семье служащего. Окончила гимназию. В 1920 г. переехала в Москву. В 1923 г. окончила Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова, в 1924—1925 гг. работала в редакции литературного отдела «Большой советской энциклопедии». С 1927 г. занимается творческой работой. Награждена орденом «Знак Почета». Печататься начала в 1918 г. Первый сборник стихов «Власть» вышел в 1934 г. в Москве.

Стихи и поэмы, «Советский писатель», М. 1948, 124 с.; Восточный океан, «Советский писатель», М. 1949, 92 с.

ДЕМЕНТЬЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
(1907—1935)

Родился в семье служащего. Учился на Высших литературно-художественных курсах и на литературном факультете 1-го Московского государственного университета. Печататься начал с 1924 г. В годы первой пятилетки поступил на курсы Центрального института труда, чтобы получить специальность слесаря. Много лет работал в Бобриках, на строительстве Сталиногорского химического комбината. Первая книга «Шоссе Энтузиастов. Стихи. 1924—1929» вышла в 1930 г.

Мать. Рассказ в стихах, «Советская литература», М. 1934, 16 с.; Избранные стихотворения, «Советский писатель», М. 1936, 109 с.

ШВЕДОВ ЯКОВ ЗАХАРОВИЧ

Родился в 1905 г. в д. Пенья, Корчевского уезда, Тверской губ., в семье рабочего. Учился в церковноприходской школе. В 1920 г. поступил слесарем на московский завод «Серп и молот», в 1924—1925 гг. работал продавцом в книжном магазине. В 1926—1929 гг. учился на рабфаке искусств имени А. В. Луначарского. С 1929 г. занимается литературным трудом. В дни Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии, работал корреспондентом армейской газеты «За победу». Известен как автор популярных песен. Награжден орденами Отечественной Войны I степени, Отечественной Войны II степени, Красной Звезды. Печататься начал с 1922 г. Первый сборник стихов «Шестеренные перезвоны» вышел в Москве в 1924 г.

Разлив. Стихи, «Московский рабочий», М. 1925, 115 с.; Березовые окрainsы. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1928, 109 с.

ИСАКОВСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1900 г. в д. Глотовке, Ельнинского уезда, Смоленской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую школу и пять классов гимназии. В 1917—1918 г. (в течение одного года) работал учителем сельской школы. В 1919—1921 гг. редактировал уездную газету в г. Ельне, а затем до 1931 г. работал в смоленской газете «Рабочий путь». Печататься начал в 1924 г. Первая книга стихов «Провода в соломе» вышла в 1927 г., в 1931 г. поэт переехал в Москву, где некоторое время редактировал журнал «Колхозник». На многие стихи М. Исаковского была написана музыка композиторами Захаровым, Блантером, Дунаевским и др., песни эти получили всенародную известность. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1943 и 1949 гг. удостоен Сталинских премий.

Избранное, Гослитиздат, М. 1950, 432 с.; Сочинения в 2-х томах, тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1951; Сочинения в 2-х томах, изд. 2-е, доп., тт. 1—2, Гослитиздат, М. 1956.

ГУСЕВ ВЕКТОР МИХАЙЛОВИЧ
(1909—1944)

Родился в Москве в семье служащего. В 1925 г. окончил среднюю школу, поступил в Драматическое училище при московском театре Революции. С 1926 г. учился на Высших государственных литературных курсах, в 1929—1931 гг.— на факультете литературы и искусства Московского государственного университета. Печататься начал в 1927 г. В годы первой пятилетки много путешествовал по Советскому Союзу с бригадами писателей и журналистов, бывал на новостройках, знакомился с жизнью среднеазиатских республик, работал в частях Красной Армии и Флота. Созданные им в этот период стихи и песни получили широкую известность. С 1935 г. работает в основном в области драматургии. В. М. Гусевым написаны пьесы в стихах «Слава» (1935), «Сын Рыбакова» (1939—1940), «Весна в Москве» (1940), а также киносценарии «Свинарка и пастух» (1940), «В шесть часов вечера после войны» (1942—1943). В 1939 г. в качестве политработника принимал участие в освободительном походе Советской Армии в Западную Украину. В дни Великой Отечественной войны был начальником литературного отдела Всесоюзного радиокомитета. Занимался переводами с языков братских народов СССР. Награжден орденом «Знак Почета». В 1942 и 1946 гг. удостоен Сталинских премий. Первый сборник стихов «Поход вещей» был опубликован в 1929 г.

Герои едут в колхоз. Стихи, М. «Молодая гвардия», 1931, 24 с.
Слава. Стихи, «Советский писатель», М. 1935, 123 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1952, 432 с.; Сочинения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1955.

СУРКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1899 г. в д. Середнево, Рыбинского уезда, Ярославской губ., в крестьянской семье. Окончил сельскую начальную школу. В 1912—1917 гг. работал в мебельном магазине, в столярных мастерских, в типографии и в Петроградском торговом порту. В 1918 г. ушел добровольцем на фронт. Находился в рядах Красной Армии до 1922 г., воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в боях против банд Антонова. В 1922—1924 гг. работал секретарем волсполкома, избачом и политпросветорганизатором в своей родной деревне. В 1924—1926 гг. был на комсомольской и партийной работе в г. Рыбинске, в 1926—1931 гг.— на редакторской работе в Ярославле, а затем в Москве. В 1934 г. окончил Институт красной профессуры. В 1934—1939 гг. преподавал в Редакционно-издательском институте и в Литературном институте им. А. М. Горького. Во время войны с белофиннами 1939—1940 гг. был сотрудником армейской газеты «Героический поход». В дни Великой Отечественной войны был военным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» и специальным корреспондентом газеты «Красная звезда». Член президиума Советского комитета защиты мира. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и орденом «Знак Почета». В 1946 и 1951 гг. удостоен Сталинских премий. Первый сборник стихов «Запев» вышел в Москве в 1930 г.

Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1947, 294 с.; Сочинения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1954; Избранное. Стихи. Поэмы. Песни, «Советский писатель», М. 1956, 380 с.

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
(псевдоним *В. И. Лебедева, 1898—1949*)

Родился в Москве в семье сапожника. В 1917 г. окончил гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского государственного университета. С 1918 по 1921 г., одновременно с занятиями в университете, работал в Бюро печати Политуправления Реввоенсовета Республики и в военном отделе РОСТА. Здесь поэт впервые проявил себя как оперативный газетный работник и автор боевых политических стихов. В 1922 г. стал одним из организаторов и первым сотрудником «Рабочей газеты», позднее — первого советского сатирического журнала «Крокодил», где работал двенадцать лет. В 1929—1932 гг. начинает писать для эстрады, а с 1934 г.— для звукового кино. Написал тексты песен к фильмам «Веселые ребята», «Цирк», «Дети капитана Гранта» и др. В дни Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте и принимал активное участие в работе фронтовых газет, создал много песен, получивших широкую популярность. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета». В 1941 г. присуждена Сталинская премия. Первый сборник «Книга песен» вышел в Москве в 1938 г.

Стихотворения и песни, «Советский писатель», Л. 1950, 444 с.;
Избранное, Гослитиздат, М. 1950, 436 с.; Песни, Гослитиздат, М.
1953, 144 с.

БЛАГОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1883 г. в с. Сорохте, Нерехтского уезда., Костромской губ., в семье крестьянина. В 1895 г. окончил сельскую школу, в 1897 г.— писцовское двухклассное училище. С четырнадцати лет начал работать на ткацких фабриках в селе Писцово, Костромской губ., и в Иваново-Вознесенске. С 1909 г. начал печатать стихи. В 1912 г. за активное участие в сборе средств в фонд газеты «Правда» был уволен с работы. В 1918—1920 гг. заведовал Народным домом и библиотекой в одной из деревень Вятской губернии. С 1921 г. вновь работает отбельщиком на ткацкой фабрике в г. Барнауле. В 1924 г. вернулся в Иваново. Работал на фабрике, сотрудничал в редакции ивановской областной газеты «Рабочий край», был редактором в Ивановском областном издательстве. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Первый сборник стихов «Песни рабочего» вышел в Москве в 1919 г.

Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1946, 101 с.; Избранное,
Облгиз, Иваново 1953, 279 с.; Год великий Пятый. Стихи, Кн. изд-во,
Иваново, 1955, 52 с.

ВАСИЛЬЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
(1910—1937)

Родился в Зайсане, Семипалатинской обл., в семье служащего. В 1925 г. окончил среднюю школу в г. Омске. В 1926 г. учился во Владивостоке на курсах иностранных языков, затем поступил матросом на торговое судно, с которым побывал в китайских и японских портах. Работал на золотых приисках

в артели старателей на р. Лене. С 1927 г. начал печататься в журнале «Сибирские огни». В 1928 г. переехал в Москву и учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Книга стихов «Соляной бунт» вышла в 1934 г.

ЗВЯГНИЦЕВА ВЕРА КЛАВДИЕВНА

Родилась в Москве в 1894 г. в семье земского врача. Окончила гимназию в г. Кузнецке, Саратовской губ. После окончания гимназии приехала в Москву и поступила на драматические курсы. В 1917—1922 гг. работала в театре. С 1922 г. занимается литературным трудом, отдавая много времени переводам поэтических произведений поэтов братских республик. Первый сборник стихов «На мосту» вышел в Москве в 1922 г.

Московский ветер, «Узел», М. 1926, 31 с.; По русским дорогам, «Советский писатель», М. 1946, 124 с.

БРАУН НИКОЛАЙ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Родился в 1902 г. в с. Парахино, Белевского уезда, Тульской губ., в семье учителя. Окончил среднюю школу в Орле и поступил на литературный факультет Педагогического института им. А. И. Герцена в г. Ленинграде, одновременно был санитаром «Скорой помощи», актером, работал в студенческих трудовых артелях. После окончания института, с 1924 по 1931 г., работал литературным сотрудником в редакциях различных ленинградских периодических изданий. С 1932 г. занимается литературной и литературно-педагогической деятельностью. В дни Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте и участвовал в обороне Таллина и Ленинграда. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1923 г. Первый сборник стихов «Мир и мастер» вышел в Ленинграде в 1926 г.

Долины Родины моей, Лениздат, 1947, 176 с.; Стихи, «Советский писатель», Л. 1955, 200 с.; Земля в цвету, Лениздат, Л. 1955, 319 с.

КОРНИЛОВ БОРИС ПЕТРОВИЧ

(1907—1939)

Родился в г. Семенове, Семеновского уезда, Нижегородской губ., в семье сельского учителя. Окончил среднюю школу. В 1926 г. переехал в Ленинград, вступил в члены литературной группы «Смена». В 1927—1928 гг. учился на курсах при Институте истории искусств в Ленинграде и одновременно печатался в ленинградских газетах и журналах. Первый сборник стихов «Молодость» вышел в Ленинграде в 1928 г.

Первая книга. Стихотворения. 1927—1931, «Молодая гвардия», Л.—М. 1931, 100 с.; Книга стихов, «Молодая гвардия», Л.—М. 1933, 131 с.; Стихи и поэмы, Гослитиздат, Л. 1933, 202 с.

РЕШЕТОВ АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ

Родился в 1909 г. в д. Осетки, Невельского уезда, Витебской губ., в семье крестьянина. Учился в невеличской средней школе. В 1925 г. переехал в Ленинград, окончил школу ФЗУ, работал на ленинградских табачных фабриках. Одновременно продолжал свое образование на специальном факультете Ленинградского отделения Союза советских писателей. В 1929—1934 гг. по путевке Ленинградского обкома партии работал на строительстве города Кировска (Хибиногорска). В 1939 г. поэт участвовал в походе Советской Армии на Печенгу (Петсамо). Во время Великой Отечественной войны Решетов как военный корреспондент участвовал в боях на Мурманском направлении и на Ленинградском фронте, печатая свои стихи в армейских газетах и газетах осажденного Ленинграда. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Первая книга стихов «Так мы живем» вышла в Москве в 1931 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, Л. 1940, 176 с.; Стихотворения, 1929—1949, «Молодая гвардия», Ленингр. отд., Л. 1950, 220 с.; Стихотворения, Поэмы, Гослитиздат, М. 1956, 314 с.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ

(1889—1938)

Родился в г. Ейске, Кубанской обл. в семье служащего. В начале 20-х годов переехал в Москву, десять лет работал в редакции журнала «Крокодил». Кроме того, с 1925 по 1933 г. А. Архангельский помещал свои юмористические стихи за подписью «Архип» в журналах «Лепоть», «Бегемот» и «Красный переш». Особенной известностью пользовались его литературные пародии. Ряд книг выпустил в творческом содружестве с художниками Кукрыниксами. Печататься начал с 1919 г. Первый сборник стихов «Черные облака» вышел в Чернигове в 1919 г.

Пародии, «Никитинские субботники», М. 1929, 97 с.; Избранное. Пародии. Эпиграммы. Сатира. Рис. Кукрыниксы, Гослитиздат, М. 1946, 220 с.

ПАВЕЛ БЕСПОЩАДНЫЙ

(псевдоним Павла Григорьевича Иванова)

Родился в 1895 г. в с. Всеславль, Рославльского уезда, Смоленской губ., в семье крестьянина. Окончил сельскую школу. В 1907 г. переехал в Донбасс, работал на шахтах выборщиком породы, коногоном, вагонщиком и т. д. В 1918 г. ушел добровольцем в Красную Армию. С 1921 по 1929 г. работал в клубе рудника «Парижская Коммуна». С 1929 по 1941 г. сотрудничал в газете «Кочегарка» в г. Горловке. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Первый сборник стихов «Каменная книга» вышел в Артемовске в 1930 г.

Наступлений. Стихи, «Литература и містцтво», Харьків — Київ, 1932, 78 с.; Степь Донецкая Стихи и песни, «Советский писатель», М. 1950, 132 с.; Горный пламень. Книга стихов. Сталинское обл. изд-во, 1953, 263 с.; Избранное, «Рад. письменник», Київ, 1955, 235 с.

РУДЕРМАН МИХАИЛ ИСААКОВИЧ

Родился в 1905 г. в Харькове, в семье ремесленника. После окончания средней школы с 1921 по 1925 г. учился на литературном отделении Харьковского института народного образования. В 1925 г. переехал в Москву и начал сотрудничать в различных центральных газетах и журналах. В дни Великой Отечественной войны печатал стихи и песни в фронтовой газете «В бой за Родину». Печататься начал с 1920 г. Первый сборник стихов «Эстафета» вышел в Москве в 1930 г.

Звездный пробег, «Советская литература», М. 1933, 102 с.; Песня о тачанке. Стихи. 1934—1936, «Советский писатель», М. 1937, 119 с.

ЭРЕНБУРГ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1891 г. в Киеве, учился в 1-й Московской гимназии. В 1908 г. за активную революционную работу был арестован, просидел девять месяцев в тюрьме, затем уехал в Париж, где в 1910 г. издал свою первую книгу «Стихи», написанную под влиянием поэзии символистов. Во время первой мировой войны работал военным корреспондентом на франко-германском фронте. В 1917 г. вернулся в Советский Союз, до 1921 г. работал в различных советских учреждениях: в Московском отделе социального обеспечения, в театральном управлении и т. д. В 1921 г. вновь уехал за границу, посетил ряд стран Европы, Азии и Америки. В 1936 г. был военным корреспондентом в Испании. Во время нападения фашистской Германии на Францию был в Париже в качестве корреспондента «Известий». Осенью 1940 г. вернулся в Москву. Во время Великой Отечественной войны работал в газетах «Правда» и «Красная звезда». Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1942 и 1948 гг. удостоен Сталинских премий. И. Эренбург — член Всемирного Совета мира и член президиума Советского комитета защиты мира.

Верность (Испания. Париж). Стихи, Гослитиздат, М. 1941, 77 с.; Дерево. Стихи. 1938—1945, «Советский писатель», М. 1946, 103 с.; Сочинения, т. 4; Повести, рассказы, стихотворения, Гослитиздат, М. 1953.

НЕЗЛОВИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(1891—1951)

Родился в с. Новом, Скопинского уезда, Рязанской губ., в семье служащего. Учился в сельской школе и в городском училище. Из пятого класса училища был исключен и арестован полицией за стихи, прочитанные публично при проводах политического ссыльного. С 1911 по 1917 г. работал в нотариальной конторе в г. Скопине, в 1917—1919 гг. — в Победенских угольных шахтах, где был избран секретарем Совета рабочих депутатов. В 1917 г. начал печататься в охотничьих и шахтерских журналах и газетах. В 1921—1930 гг. работал в различных учреждениях Свердловска и г. Скопина. В 1930 г. работал в редакции газеты «Рабочий клич» (Рязань). С 1931 г. занимался литературным трудом. Первая книга стихов «Мост» была издана в Москве в 1931 г.

Земляной вал. Московские стихи. 1932—1936, «Советский писатель», М. 1936, 122 с.; Оленья почта. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 114 с.; Наше солнце. Стихи, Детгиз М.—Л. 1950, 80 с.

ПРИШЕЛЕЦ АНТОН
(псевдоним Антона Ильича Ходанова)

Родился в 1893 г. в с. Безлесье, Балашовского уезда, Саратовской губ., в крестьянской семье. По окончании сельской школы работал землекопом, десятником, помощником садовода и т. д. Одновременно с работой учился, сдал экзамены за гимназический курс. Печататься начал с 1913 г. В первую мировую войну был рядовым на Юго-Западном фронте. Вернувшись в 1918 г. в Балашов, до 1922 г. работал в редакции местной газеты. В 1922 г. переехал в Москву, пять лет сотрудничал в редакции «Рабочей газеты». Первый сборник стихов поэта «Зорьные зовы» вышел в Балашове в 1920 г.

Поход. Стихи, «Советский писатель», М. 1942, 40 с.; Свидание. Стихи, «Советский писатель», М. 1945, 103 с.; Мой костер, «Советский писатель», М. 1955, 302 с.

КЕДРИН ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ
(1907—1945)

Родился в Донбассе на Богодуховском руднике. Окончил в 1924 г. два курса Днепропетровского техникума путей сообщения, работал в редакции днепропетровской комсомольской газеты «Грядущая смена». Начал печататься в 1924 г. В 1931 г. переехал в Москву, сотрудничал в многотиражной газете Мытишинского вагонного завода, позже: был литературным консультантом в издательстве «Молодая гвардия». В 1943 г. ушел добровольцем в Советскую Армию. Работал в фронтовой газете Северо-Западного фронта. Первый сборник стихов «Свидетели» вышел в 1940 г. в Гослитиздате.

Избранное, «Советский писатель», М. 1947, 272 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1953, 260 с.; Избранное, «Правда», М. 1956, 32 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1957, 479 с.

Биографические справки составлены и подготовлены к печати библиографом Е. А. Яновской и Н. В. Боровской, А. М. Жибковым, Л. Л. Лебедевой, В. П. Семеновой.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
---------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Песня о Буревестнике	9
Песня о Соколе	10
Девушка и Смерть. <i>Сказка</i>	14

АЛЕКСАНДР БЛОК

Двенадцать	23
Скифы	30
Возмездие (<i>Вторая глава</i>)	32
«Женщина, безумная горячка!..»	35

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Работа	36
Только русский	37
России	38
Нам проба	39
Октябрь 1917 года	40
«Я выросал в глухое время...»	40
Ленин	41

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Ода революции	42
Левый марш (<i>Матросам</i>)	43
Необычайное приключение, бывшее с Владимир- ром Маяковским летом на даче	44
Прозаседавшиеся	47
Про это (<i>Отрывок из поэмы</i>)	49
Владимир Ильич Ленин (<i>Отрывки из поэмы</i>)	52
Юбилейное	70
Атлантический океан	78
Блек энд уайт	81
Товарищу Нетте	84
Хорошо! Октябрьская поэма (<i>Из поэмы</i>)	87
Разговор с товарищем Лениным	97
Стихи о советском паспорте	99
Во весь голос. <i>Первое вступление в поэму.</i>	102

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ	
Мой стих	108
Молодняк	108
Проводы (<i>Красноармейская песня</i>)	109
Главная улица (<i>Поэма</i>)	111
Тяга	115
Снежинки	120
Никто не знал...	121
Великий подвиг (<i>Древнегреческая легенда</i>)	122
Еж	123
Я верю в свой народ	124
ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ	
Песня Коммуны	125
Сын коммунара	126
Красный матрос	127
Ночной набат	128
Женщинам Коммуны	129
Ильич в Петрограде (<i>Из воспоминаний</i>)	130
ПАВЕЛ АРСКИЙ	
Ночь	131
МИХАИЛ АРТАМОНОВ	
Братанье	132
Любовь	133
ИВАН ЕРОШИН	
Революция	134
Зимняя ночь	134
Три рисунка	135
АЛЕКСАНДР ПОМОРСКИЙ	
Июль	136
Дальневосточная	137
НИКИФОР ТИХОМИРОВ	
Братья	139
Шершавая ладонь	139
Сенокос	140
АЛЕКСЕЙ КРАЙСКИЙ	
Декреты	141
Грани грядущего	142
Холодный уголь раскален	143
ИЛЬЯ САДОФЬЕВ	
Заморина слободка	145
ИВАН ФИЛИПЧЕНКО	
Беднота	148
Из «Девятой симфонии» (<i>К IX годовщине Октября</i>)	150
НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ	
Красная площадь	151
Песня о соловьях	151
Весенние лужи	152
«Портретов Ленина не видно...»	153

Сад	153
Зайчик	154
Синие тетради	155
ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ	
«Душа, кричи громче...»	157
Мы	158
Я	158
«Верю я,— мы грядущее вынынчим...»	159
«Да, такие бывают напасти...»	160
ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ	
«Я подслушал эти песни близких радостных ве- ков...»	161
Железный мессия	161
Матросам	162
«Жрецам искусства»	163
МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ	
Железные цветы	165
Жнитво	165
НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ	
Радиобашня	167
ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ	
«Свобода приходит наягая...»	168
Ночь перед Советами (<i>Из поэмы</i>)	168
«Эй, молодчики-купчики...»	174
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН	
«О Русь, взмахни крылами...»	175
«Разбуди меня завтра рано...»	176
«Я по первому снегу бреду...»	177
«Не жалею, не зову, не плачу...»	177
«Все живое особой метой...»	178
Письмо к матери	179
«Мы теперь уходим понемногу...»	180
«Отговорила роща золотая...»	181
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	181
«Улеглась моя былая рана.»	182
«Я спросил сегодня у менялы...»	183
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»	184
«В Хороссане есть такие двери...»	184
Русь советская	185
Собаке Качалова	187
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	188
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	189
«Цветы мне говорят — прощай...»	190
Анна Снегина (<i>Из поэмы</i>)	190
ПЕТР ОРЕШИН	
Дулейка	202
Журавлиная	203
Родник	204
СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ	
«Сегодня день морозно-синий...»	206
«Когда ручки обронят с горки вздохя...»	206

ИВАН ДОРОНИН	
Весенняя любовь	203
Девушка-кузнец	209
ПАВЕЛ РАДИМОВ	
Север	212
Перед весной	212
Вечер в полях	213
ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ	
Товарищ	214
«Юных глаз счастливое сиянье...»	215
Лицо земли	215
ВАСИЛИЙ КАЗИН	
Рабочий май	217
Каменщик	217
Рубанок	218
Дядя или солнце?	219
Гармонист	220
«Я нет-нет — и потемнею бровью...»	220
«Привычка к спичке — искорка привычки...»	222
Байдарские ворота	222
Снимок	223
На могиле матери	224
Великий почин (<i>Глава из поэмы</i>).	224
СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ	
Поэт	229
Горюшко	230
ГРИГОРИЙ САННИКОВ	
В ту ночь	232
Прощание с керосиновой лампой	233
Привет воде	235
В Аравийской пустыне	236
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ	
Молодая гвардия	238
О шапке	239
Партбилет № 224332	240
Маленький фельетон о маленьком фельетоне	241
Повесть о невероятном происшествии, случившемся рядом с нами	243
НИКОЛАЙ АСЕЕВ	
Марш Буденного	256
Русская сказка	257
Дом	261
Мальчик	262
«Не за силу, не за качество...»	264
Синие гусары	265
Чернышевский	267
Площадь Маяковского (<i>Из повести в стихах «Маяковский начинается»</i>)	268
Созидателю	271
На страже мира	272
Еще за деньги люди держатся	272

ПЕТР НЕЗНАМОВ	
Где-то под Ачинском	274
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ	
«Праздничный, веселый, бесноватый...»	276
Сами (<i>Поэма</i>)	276
«Огонь, веревка, пуля и топор...»	279
«Мы разучились нищим подавать...»	280
Песня об отпускном солдате	280
Баллада о гвоздях	281
Баллада о синем пакете	282
Перекоп	284
Финский праздник	285
Цинандали	286
Площадь Бастилии	287
Советский флаг	288
«Женщина в дверях стояла...»	289
Палатка под Выборгом	290
Костер	291
Руки сборщицы чая	292
Рубашка	293
Пак Ден Ай	294
Инд	295
ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ	
Сказка	296
Тысяча девятьсот девятнадцатый	296
«Не странно ли, что мы забудем все...»	298
Беломорск (<i>Апрель</i>)	298
БОРИС ПАСТЕРНАК	
Морской мятеж (<i>Из поэмы «Девятьсот пятый год»</i>)	300
Лейтенант Шмидт (<i>Из поэмы</i>)	304
Памяти Рейснер	308
Любка	309
Баллада	309
«Любимая, молвы слащавой...»	310
«Вечерело. Повсюду ретиво...»	311
«О, знал бы я, что так бывает...»	312
На ранних поездах	313
Зазимки	314
Зарево	315
Весна	316
АННА АХМАТОВА	
«Сказал, что у меня соперниц нет...»	318
«Хорошо здесь: и шелест и хруст...»	318
«Здесь Пушкина изгнание началось...»	318
Воронеж	319
«Годовщину веселую празднуй...»	319
«Мне ни к чему одические рати...»	320
Маяковский в 1913 году	320
Первый дальнобойный в Ленинграде	321
Клятва	321
«Щели в саду вырыты...»	321
Мужество	322
«Многое еще, наверно, хочет...»	322
Отрывки из поэмы. «А вокруг старый город Питер...»	323

С самолета	324
«И, как всегда бывает в дни разрыва...»	325
«А вы, друзья последнего призыва!..»	325
Памяти друга	325
В пионерлагере	326
Песня мира	326
Говорят дети (В июньские дни)	327
Приморский парк Победы.	328
МАРИНА ЦВЕТАЕВА	
Барабан	329
Взяли...	330
Один офицер	330
«О, слезы на глазах!..»	332
ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ	
Сарынь на кичку (<i>Из поэмы «Степан Разин»</i>)	333
Песня о Каме	334
Камаринские мужики (<i>Из поэмы «Иван Болотников»</i>).	335
МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ	
Наводнение в Ленинграде	337
Морошка	338
Найденыш	340
ВЕРА ИНБЕР	
Пять ночей и дней	342
Сыну, которого нет (<i>Колыбельная песня</i>)	342
Москва в Норвегии	344
Мы едем в Багдади, на родину Маяковского (<i>Глава из поэмы «Путевой дневник»</i>)	346
Товарищ виноград	348
Год (<i>Глава из поэмы «Пулковский меридиан»</i>)	350
Персик	354
Разлив	356
КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ	
Муха-цокотуха	359
Мойдодыр	362
АЛЕКСАНДР ЖАРОВ	
Гармонь (<i>Поэма</i>)	367
Заветный камень	377
МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ	
Страна Советов	379
Романтическая ночь	380
Елена Клейн	383
Партизан Грач и его адъютант	383
Баллада о дезертире Осоке Кудель и командире Тернике	384
Судья Горба	386
Песня о Щорсе	388
Песня чапаевца	388
Партизан Железняк	389
Дорога на Запорожье	390

ИОСИФ УТКИН

Письмо	393
Повесть о рыжем Мотэле... (<i>Глава первая</i>)	394
Баллада о мечях и хлебе	398
Курган	399
Гитара	400
Комсомольская песня	402
Тройка	403
Родина	404
Ты пишешь письмо мне...	404
Сестра	405

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

Двое	406
Рабфакровке	406
Гренада	408
«Я в жизни ни разу не был в таверне...».	410
Старушка	411
Перед боем	411
В разведке	413
Пирушка	414
Песня	417
Итальянец	417
Возвращение	418
Артист	420

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Санкюлот	422
Работа	424
Сын (<i>Из поэмы</i>)	426
Это фронт	423
Гоголь	430
В переулке за Арбатом (<i>Из поэмы</i>)	434

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Пушторг (<i>Из романа в стихах</i>)	442
Белый песец	446
Песня Бабека (<i>Из трагедии «Орла на плече носящий»</i>)	447
Я это видел!	448
Тамань	451
Севастополь	452
Пейзаж	456
О Родине	457
России	458

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Птицелов	460
Арбуз	461
Дума про Опанаса	463
Весна	474
Так будет	476
Смерть пионерки	477

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

Песня о ветре	483
Большевикам пустыни и весны	485

Басмач	488
Медведь	490
Курсантская венгерка	491
Снегурочка	493
Баллада о пустыне	493
Свадьбы	496
В сельской школе	498
Звезда	501

САМУИЛ МАРШАК

Из «Лирической тетради»

«О том, как хороша природа...»	502
Встреча в пути	502
Словарь	503
«Все то, чего коснется человек...»	503
«Текла, извивалась, блестела...»	504
Абхазские розы	504
По дороге в Москву	505
«Как поработала зима!..»	505
«Сколько раз пытался я ускорить...»	506
«И поступь и голос у времени тише...»	506
«Цветная осень — вечер года...»	506
Летняя ночь на севере	507
«Не знает вечность ни родства, ни племени...»	508

Из поэзии для детей

Почта	508
Вот какой рассеянный	512
Быль-небылица (<i>Разговор в подьезде</i>)	514
Урок родного языка	522

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

Ли Ян упряма	523
------------------------	-----

БОРИС КОВЫНЕВ

Импровизация	530
Рыбаки	530
Девушка в белом	532

МИХАИЛ СКУРАТОВ

Краснобай	534
---------------------	-----

СЕРГЕЙ ЧЕКМАРЕВ

Обновленная земля	536
В пути	538

НИКОЛАЙ ПАНОВ

Рождение стиха	540
Князь Хабибулла	542

ПАВЕЛ ДРУЖИНИН

Про луну	545
Зима	546
Детство	547

ИВАН МОЛЧАНОВ

Станция Няндомы	550
Песнь о солдате	552

СЕРГЕЙ ОБРАДОВИЧ	
Завод	554
О молодости	555
Новоселье	557
Березка	558
Присказка	558
ДМИТРИЙ ПЕТРОВСКИЙ	
Расстрел лейтенанта Шмидта	561
Сосна	563
Русская песня	564
ВИССАРИОН САЯНОВ	
Современники	566
Русская речь	567
Шлем	567
Наталья Горбатова	569
«Только с севера коршун сердитый...»	572
Золотая Олёкма	573
Биография	575
Любовь	576
Хозяева	578
Сказ	580
Тебе	581
Трубачи Первой Конной	582
ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	
Памятник Суворову	583
Карельская береза	584
«Я в этой книге жил когда-то...»	585
Звезда	585
АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ	
Развернись, гармоника...	587
Матрос в Октябре	587
Парни	588
Товарищ	590
Разговор по душам	590
«Когда, блестя клинками в лаве...»	591
Невеста	592
Клятва	593
Полет лебедей (<i>Из поэмы «Россия»</i>)	594
Закат	596
Новоселье	596
На солнечном плесе	597
Юность	597
НИКОЛАЙ УШАКОВ	
Вино	606
Фруктовая весна предместий	606
Московская транжирочка	607
Леди Макбет	610
Накануне	612
«Мой отец (пример грядущим сменам)...»	613
Волшебница	613
СЕМЕН КИРСАНОВ	
«Скоро в снег побегут струйки...»	615
Над нами	615

Работа в саду	616
Поиск	616
Станция «Маяковская»	618
Чувство нового	619
Золушка (<i>Из поэмы</i>)	622
Твоя поэма (<i>Отрывок</i>)	626
Вершина (<i>Эпиллог поэмы</i>)	629
ДЖЕК АЛТАУЗЕН	
Баллада о четырех братьях	633
Первое поколение (<i>Из поэмы</i>)	635
ОСИП КОЛЫЧЕВ	
Шарлотта Гершуненко	642
Стихи о мостике	643
Песня о Ворошилове	644
О Китае	645
Гамма	645
АЛЕКСАНДР ГАТОВ	
На Селнгере	647
Встреча	648
АДЕЛИНА АДАЛИС	
Диалектика сыну	650
Мы город выстроим в степи	652
Полуночный разговор	655
НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ	
Оркестр	661
Мать	662
ЯКОВ ШВЕДОВ	
Орленок	667
Паутинка	668
Застава Ильича	668
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ	
Мастера земли	670
Поэма ухода (<i>Хуторская Россия</i>)	671
У Мавзолея Ленина	674
Прощание	675
Провожанье	676
Зимний вечер	677
Катюша	677
И кто его знает...	678
Вишня	679
В прифронтовом лесу	679
Огонек	681
Ой, туманы мои...	681
Где ж вы, где ж вы, очи карие?	682
Лучше нету того цвету	683
Враги сожгли родную хату...	683
Русской женщине	684
Услышь меня, хорошая...	686
Снова замерло все до рассвета...	686
Летят перелетные птицы...	687
Дума о Ленине	688

ВИКТОР ГУСЕВ

Звезда моего деда	690
Герои едут в колхоз	692
Слава	694
Были два друга (<i>Песня из пьесы «Слава»</i>)	697
Песня о Москве	698
Мать и сын	699
Василий Павлович	700

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Герой	703
О нежности	704
Командир Исаев	704
Шестой	707
Конармейская песня	708
«Время, что ли, у нас такое?..»	709
«Он не стонал. Он только хмурил брови...»	710
«Осторожно пощупал — кисет не промок...»	710
Песня смелых	710
«Бьется в тесной печурке огонь...»	711
Слово будущему	712
Песня о слепом баянисте	713
«Видно, выписал писарь мне дальний билет...»	718
Песня о солдатской матери	719
«Чтоб разбудить все силы человечьи...»	720
Шапка по кругу!	721

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Папочка и мышка	723
Марш веселых ребят	724
Веселый ветер	725
Песенка о капитане	727
Песня о Волге	727
Сад мой любимый	729
Мы в море уходим	730
Чайка	731
Священная война	732
Родственничек	733
На лодке	733
Мы родину славим трудом	734

АЛЕКСАНДР БЛАГОВ

Песня старого ткача	736
Ивановский ситец	737

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

Конь	738
Киргизия	739
Строителю Евгении Стэнман	740
Песня	741
Иртыш	742
Демьяну Бедному	743

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

К портрету матери	745
«Повиликой молодость повяла...»	746

НИКОЛАЙ БРАУН	
Песня о Лебяжьей канавке	747
Сине море	748
Адмиралтейская игла	749
Шиповник	750
Баранчики	750
БОРИС КОРНИЛОВ	
Качка на Каспийском море	753
Соловьяха	755
Как от меда у медведя зубы начали болеть	757
Пять шагов вперед (<i>Из поэмы «Триполье»</i>) . .	761
АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ	
Ястреб	764
Походная быль	765
Лесной ручей	767
Воспоминание	768
Горе	769
«Мне в грустный час подумалось о том...» . .	770
АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ	
Братенники (<i>Пародия на А. Прокофьева</i>) . . .	772
Сморкание (<i>Пародия на П. Радимова</i>)	772
Лирический сон (<i>Пародия на М. Светлова</i>). .	773
ПАВЕЛ БЕСПОЩАДНЫЙ	
Россыпи	775
Каменная книга	775
Коногон	776
МИХАИЛ РУДЕРМАН	
Лезгинка	778
Песня о тачанке	779
Махорочка	780
Пушкин и Мицкевич	781
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	
Мадрид	783
«Разведка боем» — два коротких слова...» . .	783
Кино	784
Январь 1939	785
«Самоубийцею в ущелье...»	785
«Сочится зной сквозь крохотные ставни..» . .	786
Надежда	786
Друзьям	787
«Была трава как раб распластана...»	787
НИКОЛАЙ НЕЗЛОБИН	
Маот	788
АНТОН ПРИШЕЛЕЦ	
Руки	790
Памятка	791
Ты в бою	791

Чужое счастье	792
Дорога	793
Ау!	794

ДМИТРИЙ КЕДРИН

Кукла	795
Поединок	797
Кровь	799
Зодчие	799
Красота	803
Краткие биографические справки	805

АНТОЛОГИЯ
СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Редактор *Л. Белов*
Художественный редактор *Ю. Боярский*
Технический редактор *Л. Сутина*
Корректор *А. Шлейфер*

Сдано в набор 4/IV 1957 г.
Подписано к печати 16/VII 1957 г. А04173.
Бумага 60×92¹/₁₆ — 53,5 печ. л. 45,92 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Заказ 413. Цена 25 руб.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

